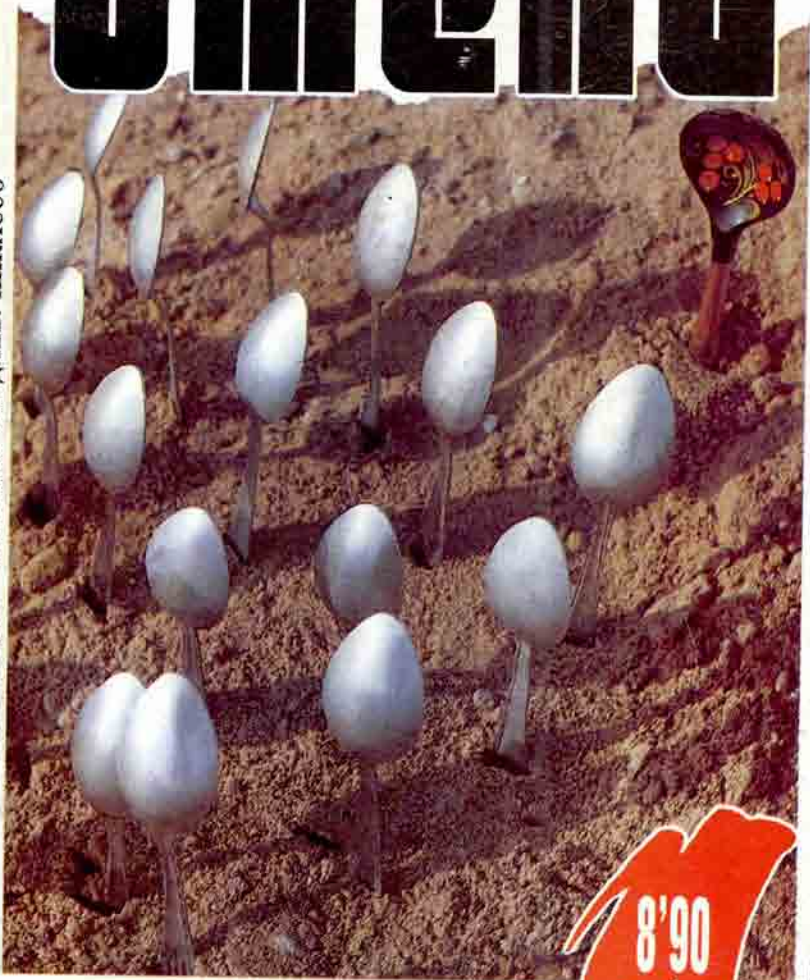

ISSN 0131-6056

СМОНА

НИКОЛАИ БЕРДЯВ. ШКАССО
ЛЕОПОВ. ДОГГУНЦИ

АГАТА КРИСТИ. ЛЮБОВНЫЙ ДЕТЕКТИВ

8'90

МИХАИЛ ОСОРГИН. ТЕМ ЖЕ МОРЕМ...

Фото Романа Озерского и Виктора Яковсона

(Читайте стр.4)

8'90 СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНИШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ЮРИЙ РАГОЗИН
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САОШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА
АМАЛИИ АДЮШИНОЙ
Технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 18.06.90.
Подписано к печати 23.07.90.
А 00351. Формат 84 × 108 $\frac{1}{2}$.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 700 005 экз. (из общего тиража
3 300 000 экз.)

Заказ № 2486. Цена 70 коп.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок

212-11-27 — отдел писем.

Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Рукописи объемом
более 1 авторского листа (24 ма-
шинописные страницы) редакци-
ей не рассматриваются.

В (1510) АВГУСТ

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1990.

ПРОЗА

148

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ. КОРРУПЦИЯ

Роман

12

АГАТА КРИСТИ. ЛЮБОВНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассказ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. РЯДОВОЙ ДЕПУТАТСКОГО КОРПУСА

32

ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ, ВЛАДИСЛАВ ТАМАРОВ. ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

66

СЕРГЕЙ РОМЕЙКОВ. В ДОЛГ... ПОД ЗАЛОГ

76

ВИКТОР АНТОНОВ. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ НА ЗАВТРА

267

МИХАИЛ ОСОРГИН. ТЕМ ЖЕ МОРЕМ...

МОРАЛЬ И ПРАВО

54

ПАВЕЛ ПЭНЗЖКО. КРИТИКУЕШЬ? В ПСИХУШКУ!

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

26

АНДРЕЙ МИСИН: «Я ХОТЕЛ НЕ ПЕТЬ, НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ...»

44

ТАМАРА ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО. СТОГОЛОСЫЙ ОРКЕСТР

86

АЛЕКСАНДР МЕНЬ. СЫН, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

123

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ. ПИКАССО

131

ВЛАДИМИР ВЕЙДЛЕ. ПИКАССИАНА

250

ВАЛЕНТИН СОРОКИН. ГОНИМАЯ ДУША

29,53,65

ВАШИ ПИСЬМА

282

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

На нашей
обложке:
фотоэтиюд
ВИКТОРА
БРЕЛЯ

9-90

3

■ **Эд МакБейн.** «Способ убийства» (из серии «87-й полицейский участок»)

■ **Эд МакБейн** — литературный псевдоним американского писателя Ивена Хантера (под настоящим именем он известен как автор романов «Бумажный дракон», «Джунгли из грифельной доски» — последняя книга была экранизирована и получила большой общественный резонанс).

Широкую популярность принесла МакБейну серия повестей о работе 87-го полицейского участка, где напряженный детективный сюжет сочетается с подчеркнуто документальными описаниями будничной работы и жизни детективов, забавных, трагических и часто абсурдных происшествий, характерных для жизни любого большого города.

С начала 50-х годов до настоящего времени МакБейн выпустил более 30 книг серии. Он считается непревзойденным мастером триллера, «практически преобразовавшим жанр полицейского романа».

АНОНС:

РЯД

ДВОЙ ДЕПУТАТСКОГО КОРПУСА

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ,
специальный корреспондент
«Смены»

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

45-тысячный Стрежевой живет не хуже и не лучше среднего российского города. Что это означает — не хочется повторяться: талоны, скудные магазины, длинные очереди на жилье... Город был крупным поставщиком нефтедолларов (сейчас запасы поистощились, стрежевчане добывают нефть уже на территории соседней Тюменской области), но ничего от тех долларов не имел...

На двери бывшего орготдела в стрежевском горкоме партий новая табличка: «Народный депутат СССР Н. П. Белоус». За это Белоусу попало от избирателей — зачем согласился принять кабинет в горкоме? Николай Петрович только руками разводит:

— Нужно помещение для приема? Нужно. Просить в исполкоме? У них и без меня тесно.

Ну да, это ж наша давняя традиция: по неписаной «табели о рангах» лучшее здание в городе — партийному комитету. Похуже, потеснее — исполнительному. Так что ничего страшного не произойдет, считает Белоус, если горком поделится жилплощадью с Советской властью. И никакой моральной зависимости от аппарата Николай Петрович не испытывает...

Мы только что вернулись из электроцеха управления буровых работ. Там я впервые увидел «телевизионную» часть деятельности депутата и, откровенно говоря, не позавидовал...

— Вы, депутаты, не работаете с избирателями!

— У вас нет статуса — значит, нет власти!

— Если нам продукты завозят вполнину от потребности, то мы и нефть будем давать вполнину!

И так далее... Здесь невозможны ссылки на регламент; здесь не отговоришься: «Вопрос не по повестке дня». Повестка одна — что наболело? Отмолчаться не дадут — отвечай и за правительство, и за весь Съезд народных депутатов.

Белоус двадцать лет проработал сварщиком на нефтепромыслах Стрежевого. Его и раньше в городе знали, а уж после избрания депутатом... Но никаких скидок на то, что «свой», не аппаратчик. Это раньше рабочих выбирали в парламент для профформы и процента, а многого от них не ждали и не требовали. Нынче требуют — немедленно и кардинально изменить нашу жизнь!

А жизнь в Стрежевом и впрямь не сахар.

Председатель горисполкома Тадеуш Шебельгут приводил мне такие цифры:

— Все годы мы продавали нефть по 13—31 рублю за тонну. Получили от государства 4,5 миллиарда рублей. Из них затратили на создание основных фондов примерно 3,6 миллиарда, 100 миллионов ушло на содержание бюджетных организаций и на зарплату — около 1,7 миллиарда. Теперь сложим цифры, и получится, что мы еще и остались должны государству почти миллиард!

— А сколько оно получило от томской нефти на мировом рынке?

— Во много раз больше. Но сколько именно, мне узнать не удалось...

И вот теперь рабочие требуют ответа — у Белоуса! — что имел в виду академик Абалкин, утверждая, будто мы живем так, как мы работаем. Он знает, в каких условиях и как работают нефтя-

ники Севера? Самое-то страшное, что у нас в основном живет плохо и хороший работник...

Как часто бывает в России, излили душу, выплеснули недовольство — и мирно разошлись по рабочим местам. Возвращаемся и мы в горком, а там уже ждут Белоуса. Из наблюдателя неожиданно превращаюсь в участника событий: незнакомая женщина, случайно услышав о присутствии журналиста из Москвы, просит посмотреть ее заявление в высокие инстанции.

История, увы, обычная — увольнение, безуспешные попытки добиться справедливости. Осторожно советую сократить текст, оставить самую суть, убрать наиболее резкие выражения:

— Они, знаете, будут только раздражать чиновника, к которому попадет ваше заявление. Зачем дразнить гусей?

— Но я пишу правду! — Голос женщины срывается, на глазах показываются слезы. Николай Петрович приходит мне на помощь, уводит посетительницу к своему столу.

Ожидая, пока он освободится, листаю свежую депутатскую почту. Сверху в папке — письмо из райцентра Каргасок.

«Просим вас оказать нам, старикам-пенсионерам и инвалидам в возрасте 80 и 87 лет, помощь. С сентября по сие время живем без воды, таим снег зимой. Ну, а которые держутся на своих ногах, то ходят в колодцы, это километр, а ближе взять негде. Было написано коллективное заявление председателю поссовета Гришаеву, он пробурил колонку, вставил трубы, и на этом его работа закончилась. Нет мотора, не подведен ток, чтобы качать воду. Мы были вынуждены написать еще заявление, его помощнику, так как он был в командировке. Помощник нам ответила — так что ничего я не знаю. Мной задан был ей вопрос, к кому еще надо обра-

титься с жалобой, мне ответили — бесполезно. Просим, сделайте милость нам, чтобы вода была или пускай возют».

У меня нет слов комментировать это письмо...

Спрашиваю у Юрия Казанцева, помощника Белоуса:

— И много у вас жалоб?

— Сейчас на контроле — больше трехсот.

— Я сегодня в электроцехе слышу: плохо работает депутат с избирателями.

— Происходит тихое замалчивание работы депутатов. Ездили по району секретарь ЦК, секретарь обкома — их поездки во всех газетах освещались. Едет рабочий-депутат — никакой информации...

У депутата-рабочего много трудностей, которых не знает депутат-руководитель. Начиная с мелочей. Взять хоть телефон — один номер с вахтером. Зайдите к любому секретарю или инструктору горкома — у него на столе три-четыре аппарата. Причем это не роскошь,

а необходимость: ведь в городе три вида связи — «нефтянка», «минсвязь», «стройсвязь»... По районам, на встречи с избирателями, Белоус ездит отчасти за свой счет. Проезд у него бесплатный.

А суточных, квартирных не имеет. Конечно, мог бы их получать. Но об этом надо хлопотать! А Николай Петрович не из тех людей...

Даже половину средств, которые полагаются ему на канцелярские расходы, телефонные переговоры, Белоус перечисляет в Детский фонд — сто рублей ежемесячно.

Интересная деталь: Казанцев, выходец из пресловутого аппарата, агитировал перед выборами за кандидата-рабочего — соперника первого лица области.

— В 1976 году меня из райкома комсомола взяли в обком партии инструктором. Через три года переехал в Стрежевой, секретарем парткома нефтегазодобывающего управления. И тут стал одной из шестеренок аппарата горкома. Но

в «аппаратчика», смею думать, не превратился. Попытался сопротивляться сложившимся правилам. Так, протестовал против снабжения продуктами с заднего крыльца. Тогдашний «первый» тут же одернул меня. А когда выступил против коллективных пьянок — вообще «выпал из обоймы». Работал помбуром, буровиком... вырос до начальника районной инженерно-технологической службы. Все шло хорошо, пока не стал агитировать за Белоуса. «Скаптался» до техника.

Нас прерывают. Надо сказать, у Белоуса нет приемных дней и часов. Двери открыты — заходи. Нет депутата — выслушает Казанцев или любой из членов общественного клуба «За демократию». Клуб вырос из инициативной группы избирателей, поддерживавших Белоуса...

Моложавая женщина садится за стол напротив меня.

— Вы к Николаю Петровичу?

— Я и вам хотела бы рассказать. Ведь вы из Москвы? Я уже не верю ни в депутатов, ни в то, будто что-то изменится. Все как в черном сне, как не живу...

Бывший оператор нефтебазы Альбина Кобевко четыре года была фактически безработной. Три увольнения, восемь (!) судебных процессов. Суд восстанавливал на работе — администрация тут же подбирала новую статью для работницы, осмелившейся сообщить в прокуратуру о странных порядках на нефтебазе.

28 марта 1989 года Кобевко вместе с оператором Галией Алимовой объявила голодовку.

— Альбина Антоновна, где вы проводили голодовку?

— Здесь, в горкоме.

— А Алимова тут при чем?

— Она отказалась писать против меня ложные показания. Ее тоже стали травить. Выгнали из очереди на квартиру.

— Вас не просили уйти?

— Нет. Только на пятый день

убрали кресла. Но наутро, после прихода журналистов, принесли обратно. Сказали: ремонтировали. На одиннадцатый день «Скорая» увезла в больницу.

— Кому вы жаловались?

— В Комитет советских женщин писали. Они переслали жалобу в горком... где мы сидели и голодали.

— А своему депутату горсовета?

— Я никого из них не знаю... Когда мы здесь сидели, шла сессия. Многие депутаты проходили мимо. Одни глаза отворачивали, другие, наоборот, с любопытством нас разглядывали.

— И никто не подошел?

— Никто. Но после голодовки в очередной раз восстановили. Парткомиссия горкома объявила начальнику нефтебазы выговор.

— Чего вы теперь добиваетесь?

— Хочу привлечь его за клевету, преследование за критику. Три месяца назад подала в горсуд, и никакого ответа. А начальник пошел на повышение, в Томск...

— Чтобы персональное дело начальника нефтебазы Видулина было рассмотрено на бюро горкома,— добавляет Казанцев,— потребовалось обращение к первому секретарю членов общественного комитета по выборам. А результат?.. Мы занимаемся делом Альбины Антоновны давно, в нем накопилось уже более ста документов.

Как и письмо стариков, эта почти стенографическая запись нашего разговора вряд ли требует комментариев. Но у меня копяты вопросы... 300 жалоб на контроле — не многовато ли для одного человека с помощником? Почему водоразборной колонкой должен заниматься депутат союзного масштаба? Где, наконец, были депутаты рай-, гор-, облсовета? Их сотни!

Примерно полгода после выборов Белоус пытался совмещать два поста — сварщика и депутата.

Потом понял — не получится. Тем более, пригласили работать в Комитете Верховного Совета по вопросам гласности, правам и обращениям граждан. Так и перешел на «вахтовый метод» — неделя в комитете, неделя в своем округе...

В десятом часу вечера наконец остаемся одни.

— Николай Петрович, где тяжелее — сварщиком или здесь?

— Здесь тяжелее раза в два. Иногда кажется: я взялся за непосильный груз.

— Судя по количеству жалоб, вы не отказываете никому?

— В этом, видимо, моя беда. Жена говорит: у тебя все хорошие, одна я плохая.

— С чем к вам обычно приходят?

— Каждый второй — по поводу жилья. У нас в городе семитысячная очередь.

— А увольнение с работы, как сегодня?

— Теперь поменьше. Все-таки мои поездки по районам какую-то пользу принесли. Но, конечно, остались и такие жалобы, которые мне придется разбирать. Секретарь обкома, наверное, поручил бы это своему аппарату...

— А вы? Просто рассылаете жалобы по инстанциям?

— Вот-вот! Я сегодня едва успеваю работать не столько как депутат, сколько как делопроизводитель. Люди приносят мне жалобы, чтобы я дал им ход своим депутатством. У нас ведь как принято: если пришло письмо на депутатском бланке — оно имеет вес, с ним надо работать более внимательно. Но это же должно быть нормой в отношении любого гражданина СССР! А если у него нет бланка, мандата? Тогда он никто.

Меня, например, без депутатского мандата в гостиницу «Москва» не пустят. Я когда поселился там в первый раз, прошел трой-

ной контроль проверяющих, то подумал: черт возьми, достаточно мне перестать быть депутатом, как мои гражданские права и свободы исключаются.

— И ничего нельзя изменить? Я не только про гостиницу, конечно...

— По крайней мере надо говорить об этом. Только тогда что-то может измениться. Я не так давно поднял вопрос в своей местной газете: почему, когда приезжает в Стрежевой первый секретарь обкома, его чуть ли не почетный караул встречает, милиция на каждом перекрестке? Где партийная этика? Неужели сам секретарь не видел, как некрасиво такое угодничество? Видел и одним словом мог все это отменить. Но ведь подобное считалось в порядке вещей. Тем не менее достаточно было одного выступления в газете...

— Николай Петрович, на выборах вы «перебежали дорогу» тогдашнему первому секретарю обкома. Как потом складывались отношения с ним и вообще с аппаратом? Были трения?

— С моей стороны — никаких... А без аппарата мне пока невозможно, если хочу нормально работать.

— Значит, вы зависите от аппарата?

— Конечно. Я пробовал без него — не выходит. Например, когда приехал с первого съезда, решил встретиться с коллективами предприятий, отчитаться. Срывались встречи. Причем по мелким техническим причинам: кто-то кому-то не позвонил, не предупредил людей. Я убедился — надо сотрудничать с аппаратом исполкома, горкома... в каких-то новых формах...

— Все ругают аппаратчиков. А у них власти больше. Так кого же для пользы дела избирать депутатом?

— Я понял подтекст вопроса...

Но, думаю, у первого секретаря обкома и без депутатского мандата огромные возможности решать местные проблемы. А вот пробиться к нему, думаю, потруднее, чем в эту комнату. Понимаешь, в чем главная моя сложность... В обществе сложилась такая обстановка, что только партийному руководству под силу открывать двери любых министерств и ведомств. Аппарат всеми силами стремится сохранить эту обстановку, чтобы доказать свою исключительность, незаменимость. И заодно доказать неэффективность, некомпетентность «рядовых» депутатов. Согласен, в чем-то мы менее компетентны, и это наша беда. Но зато мы ближе к людям, доступней. К какому секретарю человек может прийти в любой день и час, без предварительной записи? Ну а если мы не сможем помочь нуждающемуся — никто не отнимает у обкома такой возможности.

— За год вы приняли, наверное, несколько сот человек. Многим ли удалось помочь?

— Хорошо, если каждому четвертому... Потому что очень много сложных дел, связанных, например, с прокуратурой. Да, я морально на стороне обиженного, но не имею права давить на прокуратуру.

Избиратели думали: вот стану я депутатом и всех, кто нарушал права человека, возьму за загривок. Начну раскручивать все прошлые темные дела. Но и сегодняшних дел оказалось столько!..

— Слышал, избиратели упрекают вас: не выступали ни на первом, ни на втором съездах...

— Да, мне прямо говорили: «Почему отмалчиваешься? Почему Сибирь не защищаешь? Почему для города ничего не делаешь?» Ну, во-первых, едва я увидел, как некоторые депутаты рвутся к микрофону с одной целью — попасть в объектив телекамеры... желание выступить пропало. Во-вторых,

я считаю, что отдельные выступления ничего не дадут. Невозможно решать проблемы одного избирательного округа на всесоюзном съезде. Вот теперь, когда оформилась Сибирская группа депутатов, — это сила, с которой правительство должно будет считаться. И мы займемся не отдельными бедами каждого города, поселка — их бесчисленное множество! А разработаем общую концепцию развития Сибири, предложим варианты общих решений.

Что касается нужд Стрежевого... Сейчас выбиваю медицинскую технику для городской больницы. Вот официальное письмо: «В связи с обращением в Минздрав народного депутата...» Но меня не очень радует эта бумага. Почему нельзя обеспечить больницы без участия депутатов? И если для Стрежевого что-то вырву — значит, другого обделю? Разве нормально то, чем я занимаюсь? А если завтра избиратели из ПарABELI спросят: «Ты почему только о Стрежевом думаешь? Ну-ка, доставай нам материал для Дома культуры!» Этот Дом у них лет пятнадцать строится. А послезавтра придут требования из Колпашева, Кедрового... Нет, я не работы боюсь. А боюсь, что депутаты превратятся в толкачей-снабженцев. Разве это дело? Мы все равно не успеем быть прорабами на каждом отстающем участке...

Белоус не поглядывает на часы, но я спохватываюсь — время к двенадцати. Пора, как говорится, и честь знать.

Наутро застаю в депутатской комнате одного Казанцева: Николай Петрович вылетел в Новосибирск на собрание Сибирской группы депутатов. Что думает помощник о деятельности «шефа»?

— А я уже говорил вчера, — отвечает Казанцев, — о некоторых трудностях, с которыми сталкивается депутат-рабочий. Петровичу, наверное, вдвойне труднее, ведь

он давно стал «неудобным» человеком. Много лет был рабочим корреспондентом. Не все еще забыли его статью в «Известиях», называлась «Ржа расточительства». Вынес он тогда весь сор из избы, точнее, с нефтепромыслов. Кому понравится, когда твою область так славят? А год, заметьте, шел восемьдесят первый...

Вечно влезал не в свои дела, а его, полагаю, не для этого избирали членом горкома? Например, начинал заниматься жалобой человека, который благодаря чим-то стараниям уже приобрел в городе плохую репутацию. Так было с Ивановой, обвиненной в воровстве, хищениях. Когда Белоуса выдвигали в депутаты, ему и это поставили в вину: «Вроде бы неплохой коммунист, а занимается Ивановой... Знаете, нехорошо как-то». А он поверил ей, обращался во все инстанции, съездил в Москву во время отпуска. И доказал, что Иванову оболгали! Спрашивается: всем ли нужен такой «правдоискатель»?

А теперь еще и совершенно несправедливые нападки со стороны избирателей. Причем они подчас очень умело организуются. В одном райцентре народ стал было выражать недовольство руководству: леспромхоз пришел в упадок, школы заваливаются, снабжение ухудшается. И руководство моментально свалило всю вину на Белоуса: вот вы его выбрали, а он для вас ничего не делает. Николай Петрович, узнав, тут же вылетел туда. Принимал людей часов по пятнадцать ежедневно.

Но действительно, много ли в его власти? В Каргаске пришел к нему 78-летний старик. На его веку бог знает сколько председателей исполкома сменилось, все сразу въезжали в хорошие квартиры, а старик так и живет в развалюхе. Конечно, Белоус болезненно переживает, но нет у него в карма-

не ордеров на жилье. Нет и возможностей сразу изменить всю эту несправедливую систему, которая породила такую массу обездоленных, обиженных.

В другом районе накричал на прокурора: там хотели выселить многодетную мать из самовольно занятой квартиры. Между прочим, обещанной ей профкомом. Женщине грозил суд, а прокурор Белоусу: «Меняйте законы!» Пришлось извиниться за крик, и только. И таких случаев много...

...В первый день первого съезда все они были равны. Рабочий и директор, чабан и генерал, инженер и академик обладали равноценными мандатами, полномочиями, голосами.

Разъехались, поделенные на два сорта: члены Верховного Совета и нечлены. Это не мои измышления — такой разговор возник уже на втором съезде. Не думаю, что «нечленов» одолевали лишь амбиции. Как говорил мне депутат из города Губкина Юрий Романов, даже законопроекты им вовремя не присылали, лишив возможности участвовать в законотворчестве. Сложно складывались отношения с местными властями: исполкомы под разными предлогами отказывались помогать депутатам.

На местах произошло новое деление депутатов по «сортам» — по социальному, должностному положению. У одних — аппарат заместителей, инструкторов; фонды, лимиты, финансы, прямая связь с влиятельными лицами... Другие делят телефон с вахтером... Белоус три месяца добивался, чтобы его единственному освобожденному помощнику начали выдавать весьма скромную для Севера законную зарплату. А вот добиться, чтобы оплачивали Казанцеву командировки, не может. Нет такого положения!.. Одни живут в крупных университетских центрах, где к их услугам — опытные юристы, экономисты, политологи. Другие месяцами замкнуты в оторванных от Большой земли рабочих городах...

Белоус не совсем типичная в этом смысле фигура: часто бывает в Москве, работает в комитете Верховного Совета, то есть по крайней мере постоянно общается с другими депутатами, в курсе всех дел, близок к «верхам». Но и он, возвращаясь в Стрежевой, остается фактически один на один с лавиной дел, больших и мелких, с человеческой болью и надеждами. И он не вправе никому сказать: отстаньте со своей колонкой, я законодатель, а не «доставала»! Колонка-то эта треклятая так и не работает...

АГАТА КРИСТИ

любимый детектив

12

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС

Маленький мистер Саттерфвейт задумчиво посмотрел на сидящего напротив хозяина. Этим двух мужчин связывали, как ни странно, дружеские отношения. Полковник был сугубо деревенским джентльменом, единственной страстью которого являлся спорт. Те несколько недель, которые ему в силу необходимости приходилось проводить в Лондоне, не доставляли ему особого удовольствия. Мистер Саттерфвейт, напротив, только в городе чувствовал себя как рыба в воде, прекрасно разбираясь во французской кухне и женских туалетах.

Казалось, что он и полковник Мелроуз не должны иметь ничего общего; они были друзьями скорее оттого, что когда-то дружили их отцы.

Было половина восьмого. В уютном кабинете Мелроуз с энтузиазмом опытного охотника рассказывал о событиях прошедшей зимы. Мистер Саттерфвейт слушал его с неизменной вежливостью.

Резкий телефонный звонок прервал повествование Мелроуза. Он подошел к столу и поднял телефонную трубку.

— Полковник Мелроуз у телефона. Что случилось?

Некоторое время он слушал, затем лаконично произнес:

— Хорошо, Кертис. Я выезжаю немедленно. — Опустил трубку и повернулся к гостю: — Сэра Джеймса Двайтона нашли убитым в его кабинете.

— Что?! — Мистер Саттерфвейт был удивлен и потрясен.

— Я должен немедленно ехать в Олдервейт. Хотите поехать со мной?

Мистер Саттерфвейт вспомнил, что полковник был главным констеблем графства.

13

— Если я не помешаю...

— Вовсе нет. Это звонил инспектор Кертис. Хороший, честный парень, но недалекий. Я буду рад, если вы поедете со мной. У меня такое впечатление, что это дело окажется малоприятным.

— Убийца арестован?

— Нет, — коротко ответил Мелроуз. В категорическом «нет» опытное ухо Саттерфвейта уловило странную нотку, и он стал перебирать в памяти все, что знал о Двайтонах.

Напыщенный старик, этот покойный сэр Джеймс, с грубыми манерами, из тех, кто легко обзаводится врагами. У него репутация человека, который любит пускать в ход кулаки.

Потом он стал вспоминать леди Двайтон: молодая, золотисторыжие тициановские волосы, стройная. Вспомнил и слухи, намеки, обрывки сплетен...

Пять минут спустя мистер Саттерфвейт сидел в машине рядом с полковником. Они проехали почти полторы мили, когда Мелроуз наконец заговорил: «Вы их, полагаю, знаете?»

— Двайтонов? Конечно, я знаю о них все. (Был ли на свете человек, о котором мистер Саттерфвейт не знал всего?) Я встречался с ним один раз, с ней — гораздо чаще.

— Приятная женщина, — сказал полковник.

— Красивая! — убежденно отчеканил Саттерфвейт.

— Вы так думаете?

— Ярко выраженный тип итальянского Возрождения. Она участвовала в театральных представлениях — помните благотворительные утренники прошлой весной? — и произвела на меня сильное впечатление. Ее легко представить во дворце дожа или в роли Лукреции Борджиа.

Полковник дернул машину в сторону, и мистер Саттерфвейт неожиданно замолк. Что побудило его упомянуть имя Лукреции Борджиа? В данных обстоятельствах...

— Двайтон не отравлен? — неожиданно спросил он.

— Нет, не отравлен, — мрачно проговорил Мелроуз. — Если хотите знать, ему проломили голову.

— Тупым предметом, — пробормотал мистер Саттерфвейт, глубокомысленно кивнув головой.

— Его стукнули по голове бронзовой статуэткой. Послушайте, Саттерфвейт, знаете ли вы что-нибудь о человеке по имени Пол Деланга?

— Да, красивый молодой человек. Он вам не нравится?

— Нет.

— Я думал, наоборот: он очень хороший наездник.

— Он ездит, как иностранец, демонстрирующий лошадей. Со всякими там обезьяньими трюками.

Мистер Саттерфвейт подавил улыбку. Приятно сознавая себя чуть ли не космополитом, он порицал нетерпимость британского отношения к жизни.

— Разве Пол пребывает в этих местах?

— Он гостил в Олдервейте у Двайтонов. Ходят слухи, что сэр Двайтон вышвырнул его оттуда неделю назад.

— Почему?

— Полагаю, застал его со своей женой. Какого дьявола...

Их сильно занесло, потом последовали толчок и скрежет.

— В Англии перекрестки всегда опасны, но все же этому парню следовало бы дать сигнал. Ведь по главной магистрали ехали мы, — проговорил Мелроуз и выпрыгнул из машины. Из другой также показалась чья-то фигура и присоединилась к полковнику. До Саттерфвейта донеслись обрывки разговора.

— Полностью моя вина, — говорил незнакомец. — Я плохо знаю эту местность, а тут не оказалось ни одного дорожного знака, указывающего выезд на главную магистраль.

Мистер Саттерфвейт, сильно возбужденный, выскочил из машины и энергично ухватил незнакомца за руку.

— Это вы! Мне показалось, что я узнал голос. Какое совпадение! Какое удивительное совпадение!

— О! — произнес полковник.

— Мистер Харли Квин. Мелроуз, я уверен, что не раз говорил вам о мистере Квине.

Полковник Мелроуз, казалось, о таком и не слышал, но вежливо принял участие в этой суете, пока мистер Саттерфвейт весело щебетал: «Мы не виделись с вами... дайте вспомнить...»

— Мы не можем бросить вас здесь на дороге, — продолжал мистер Саттерфвейт. — Вы должны поехать с нами. В машине хватит места для троих. Не так ли, Мелроуз?

— О, вполне.— В голосе полковника промелькнуло легкое сомнение.— Только как быть с тем делом, которое нам предстоит, как вы считаете, Саттерфвейт?

Мистер Саттерфвейт замер. Его прямо распирало от возбуждения.

— Нет! — воскликнул он.— Нет, как я сразу не догадался! Это не могло быть простым совпадением. Когда дело касается вас, мистер Квин, случайностей не бывает. Неспроста мы встретились на этом перекрестке.

Полковник Мелроуз смотрел на друга с изумлением. Мистер Саттерфвейт взял его под руку.

— Вы помните, я рассказывал о нашем знакомом Дерекe Капеле? Никто не мог догадаться о причинах его самоубийства. А ведь именно мистер Квин разрешил эту проблему и другие тоже. Он просто чудо!

— Мой дорогой Саттерфвейт, вы заставляете меня краснеть. Насколько я помню, все эти открытия были совершены вами, а не мною,— проговорил, улыбаясь, мистер Квин.

— Нам нельзя больше терять время. Едем.— Полковник Мелроуз неловко прокашлялся и водрузился на водительское сиденье. Машина оказалась достаточно просторной, так что тесниться особенно не пришлось.

— Так вы интересуетесь преступлениями, мистер Квин? — спросил полковник, стараясь изо всех сил быть радушным.

— Не совсем преступлениями.

— Чем же тогда?

Мистер Квин улыбнулся:

— Давайте спросим мистера Саттерфвейта. Он проницательный человек.

— Я думаю,— медленно произнес мистер Саттерфвейт,— может быть, я и ошибаюсь, но, кажется, мистер Квин интересуется влюбленными.

— Бог мой! — произнес пораженный полковник и замолк.

Они свернули к воротам усадьбы, и машина остановилась у дорожки, ведущей к главному входу; со ступенек крыльца к ним навстречу спешил полицейский констебль.

— Добрый вечер, сэр. Инспектор Кертис в кабинете.

— Хорошо.

Мелроуз поднялся по ступеням, за ним последовали его спутники.

— Добрый вечер, Майлз,— полковник кивнул пожилому дворецкому, стоявшему в середине обширного холла,— это очень прискорбное событие.

— Очень,— дрожащим голосом проговорил Майлз.— Не могу поверить, сэр, чтобы кто-то мог убить хозяина!

— Да, да,— проговорил Мелроуз, обрывая разговор,— мы с вами еще побеседуем.

Он прошел в кабинет, служивший и библиотекой. Здесь его почтительно приветствовал инспектор Кертис, на вид типичный служака.

— Страшное дело, сэр. Я ничего не трогал. На орудии преступления отпечатков пальцев не обнаружено. Тот, кто совершил его, знал свое дело. Человека ударили сзади, сверху вниз,

страшный удар, который раскроил череп. Зрелище было не из приятных. Орудие преступления лежало на полу — бронзовая фигурка около двух футов высотой, ее основание было влажно и забрызгано кровью.

Мистер Саттерфвейт с любопытством склонился над ней.

— Венера, — произнес он. — Итак, ему нанесли удар статуэткой Венеры.

Этот факт придал его размышлениям некоторую романтическую нотку.

— Окна, — продолжал инспектор, — были закрыты на запоры с внутренней стороны.

Он многозначительно замолк.

— Хотите сказать, что преступление совершил кто-то из обитателей дома? — неохотно проговорил полковник. — Ну что ж, посмотрим.

Убитый был одет в костюм для гольфа, спортивная сумка с ключками была небрежно брошена на большую кожаную кушетку.

— Только что с площадки для гольфа, — объяснил инспектор. — Это было в 17.15. Лакей принес ему чай прямо сюда. Позднее он позвонил, чтобы камердинер принес ему домашние туфли. Насколько можно судить, камердинер был последним, кто видел его живым.

Мелроуз кивнул и обратил внимание на письменный стол. Множество безделушек и других предметов было перевернуто и разбито. В первую очередь бросались в глаза большие, украшенные эмалью часы, лежавшие на боку в самом центре стола.

Инспектор прокашлялся.

— Это можно назвать удачей, сэр. Как видите, они остановились, что указывает на время преступления. Чрезвычайно кстати.

Полковник не отрывал взгляда от часов.

— Вы сказали, это очень кстати, даже слишком кстати, что мне совсем не нравится, инспектор.

Он оглянулся на остальных. Его взгляд, казалось, спрашивал, что думает об этом мистер Квин.

— Очень уж аккуратно получается, — пробормотал Мелроуз. — Вы понимаете, что я хочу сказать? Так не бывает.

— Вы хотите сказать, что часы не могли так упасть?

Полковник осторожно поставил часы на подставку и обрушил на стол сильный удар. Часы закачались, но устояли. Мелроуз повторил все сначала, и часы медленно, как бы с неохотой, упали циферблатом вверх.

— Когда было обнаружено преступление? — резко спросил Мелроуз.

— Как раз около семи, сэр.

— Кто его обнаружил?

— Дворецкий.

— Позовите его сюда. Я хочу с ним встретиться. А где, кстати говоря, леди Двайтон?

— Она легла, сэр. Горничная говорит, что она в ужасном состоянии и не может никого видеть.

Инспектор отправился на поиски дворецкого. Мистер Квин задумчиво смотрел в камин, мистер Саттерфвейт последовал его примеру. Вдруг он наклонился и подобрал маленький осколок выпуклого стекла, застрявший в каминной решетке.

— Вы хотели меня видеть, сэр?

Это был голос дворецкого, все еще неуверенный и дрожащий. Мистер Саттерфвейт положил осколок в жилетный карман и обернулся.

— Садитесь, — мягко проговорил полковник, — вы дрожите. Я понимаю, каким это было ударом для вас.

— Да, сэр.

— Я не задержу вас долго. Ваш хозяин, полагаю, пришел в пять?

— Он распорядился, чтобы чай ему принесли прямо сюда. Когда я пришел забрать поднос, он попросил, чтобы я прислал ему Дженнингса — это камердинер, сэр.

— В котором часу?

— Минут десять седьмого, сэр. Я передал Дженнингсу. Когда я пришел сюда в семь часов, чтобы закрыть окна и задернуть портьеры, только тогда я увидел...

Мелроуз прервал его:

— Да, да, не будем возвращаться к этому. Вы не трогали тело и ни к чему не прикасались, не так ли?

— Нет, конечно, сэр! Я сразу позвонил в полицию.

— А потом?

— Я сказал Джанет, горничной хозяйки, чтобы она сообщила ее сиятельству.

— Вы не видели хозяйку в этот вечер?

— В общем-то так, сэр. Ее сиятельство с момента трагедии из своих комнат не выходила.

— А до этого вы ее видели? — Вопрос прозвучал резко и требовательно.

— Я... я видел ее мельком, сэр, когда она спускалась по лестнице.

— Она входила сюда?

Мистер Саттерфвейт затаил дыхание.

— Я... я думаю, да.

— Во сколько это было?

— Около половины седьмого, сэр.

Мелроуз набрал в легкие побольше воздуха и произнес:

— Достаточно, благодарю вас. Будьте добры, пошлите ко мне Дженнингса.

В Дженнингсе была какая-то непроницаемость и скрытность. Мистер Саттерфвейт подумал, что такой человек вполне мог убить своего хозяина, если бы был уверен, что не будет разоблачен. Он с интересом слушал, как Дженнингс отвечал на вопросы полковника. То, что он говорил, звучало вполне убедительно: он принес хозяину мягкие домашние тапочки и забрал спортивные туфли.

— Что вы делали после этого, Дженнингс?

— Вернулся в камердинерскую, сэр.

— В котором часу это было?

— Где-то после четверти седьмого, сэр.

— А где вы были в половине седьмого, Дженнингс?

— В камердинерской, сэр.

Полковник Мелроуз кивком головы отпустил камердинера, глядя вопросительно на Кертиса.

— Все верно, сэр. Я проверял. Он действительно находился в камердинерской с шести двадцати до семи часов.

— Это ставит его вне подозрений,— заметил с сожалением Мелроуз.— Кроме того, отсутствует мотив.

Послышался стук в дверь.

— Войдите,— сказал полковник.

Показалось испуганное личико горничной.

— Извините, леди узнала, что полковник Мелроуз здесь, и хотела бы его видеть.

— Конечно,— сказал Мелроуз,— я немедленно иду. Вы покажете куда?

Но чья-то рука отодвинула девушку в сторону, и в дверях показалась сама леди Двайтон, похожая на пришлицу из другого мира.

Она была одета в облегающее одеяние из синей парчи слегка приглушенных тонов в стиле средневековья. Ее тициановские волосы, разделенные посередине пробором, спускались на уши и тяжелым узлом лежали на изгибе шеи. Руки были обнажены. Одна из них оперлась о дверной косяк, другая беспомощно висела вдоль тела, в ней она сжимала книгу. Мистер Саттерфвейт подумал, что она похожа на Мадонну, сошедшую с одного из полотен раннего средневековья.

— Я пришла, чтобы сказать вам... сказать вам...

Голос у нее был глубокий и звучный. Мистер Саттерфвейт так был захвачен драматизмом этой сцены, что совсем забыл о происходящем.

Мелроуз провел леди Двайтон через холл в маленькую переднюю, стены которой были обиты выцветшим шелком. Квин и Саттерфвейт последовали за ними. Леди Двайтон опустилась на низкую кушетку, откинула голову на красновато-коричневую диванную подушку и закрыла глаза. Все трое смотрели на нее. Неожиданно она открыла глаза, выпрямилась и очень спокойно произнесла:

— Я убила его. Именно это я и пришла сказать. Его убила я!

Последовала минута напряженной тишины.

— Леди Двайтон,— проговорил наконец Мелроуз,— у вас сильный шок, это от перенапряжения. Я не уверен, что вы полностью сознаете, о чем говорите.

— Я прекрасно сознаю, о чем говорю. Именно я застрелила его.

Двое из тех, кто находился в комнате, громко вздохнули, остальные хранили молчание. Лаура Двайтон наклонилась вперед.

— Как вы не понимаете? Я спустилась вниз и застрелила его.

Книга, которую она держала в руке, упала на пол. В ней был нож для разрезания бумаги в форме кинжала с отделанной

драгоценными камнями рукоятью. Мистер Саттерфвейт автоматически поднял его и положил на стол. В голове промелькнула мысль: «Опасная игрушка. Такой можно убить человека».

— Так что же, — в голосе леди Двайтон прозвучало напряжение, — что вы собираетесь делать дальше? Арестовать меня? Увезти отсюда?

Полковник Мелроуз с трудом проговорил:

— Все, что вы сказали, леди Двайтон, очень серьезно. Я должен просить вас вернуться в вашу комнату, пока я... не сделаю распоряжений...

Она кивнула и поднялась. Теперь леди Двайтон была очень собрана, мрачна и холодна.

Неожиданно раздался голос мистера Квина:

— Что вы сделали с револьвером, леди Двайтон?

На ее лице промелькнула мгновенная неуверенность.

— Я... я уронила его здесь, на пол. Нет, кажется, я выкинула его в окно. О! Я не могу вспомнить. Какое все это имеет значение? Я не отдавала себе отчета в том, что делала. Ведь это не имеет значения, правда?

— Не имеет, — ответил мистер Квин. — Думаю, что не имеет.

Леди Двайтон взглянула на него с тревожным замешательством, потом гордо вскинула голову и вышла из комнаты. Мистер Саттерфвейт поспешил за ней. Внизу у лестницы стояла перепуганная горничная, и мистер Саттерфвейт обратился к ней наставительно:

— Позаботьтесь о своей хозяйке.

— О да, сэр. Сэр, скажите, пожалуйста, ведь они не подозревают его, правда?

— Подозревают кого?

— Дженнингса, сэр. Поверьте, он не обидит и мухи!

— Дженнингса? Нет, конечно, нет. Идите и позаботьтесь о своей хозяйке.

Девушка быстро взбежала по лестнице, а мистер Саттерфвейт вернулся в комнату.

Полковник Мелроуз обратился к нему:

— Да, в этом деле не все так просто, как кажется. Это напоминает глупости, которые продельвают некоторые экзальтированные героини в романах.

Мистер Квин кивнул Саттерфвейту:

— Вы от этой драмы получаете истинное наслаждение, не так ли? Ведь вы из тех людей, которые ценят хорошую игру.

Мистер Саттерфвейт пристально посмотрел на него.

В воцарившейся тишине до их ушей донесся какой-то звук.

— Похоже на выстрел, — прокомментировал полковник. — Пожалуй, это кто-то из сторожей. Эти звуки она, вероятно, и слышала. Может, даже спускалась вниз и решила...

— Мистер Делангуа, сэр. — В дверях с извиняющимся видом стоял дворецкий.

— В чем дело?

— Пришел мистер Делангуа и хочет поговорить с вами, если позволите.

— Просите его,— мрачно произнес полковник, откинувшись на спинку стула.

Минуту спустя Поль Делангуа уже стоял в дверях. Мягкая грация движений, смуглое красивое лицо, слишком близко посаженные глаза.

— Добрый вечер, джентльмены,— произнес Делангуа, сопровождая приветствие несколько театральным поклоном.

— Не знаю, в чем заключается ваше дело,— сухо сказал полковник Мелроуз,— но вряд ли оно имеет отношение к тому, чем мы сейчас занимаемся...

Делангуа прервал его со смехом:

— Как раз наоборот, самое непосредственное отношение.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я пришел сюда, чтобы признаться в убийстве сэра Джеймса Двайтона.

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

— Вполне.

Глаза молодого человека обратились к столу.

— Почему я признаюсь? Назовите это раскаянием... чем хотите. Я заколол его, насмерть, в этом можете быть совершенно уверены.— Он кивнул в направлении стола.— Я вижу, вы нашли оружие. Очень удобный инструмент. К несчастью, леди Двайтон оставила его в книге, а я им воспользовался.

— Одну минуту,— сказал полковник Мелроуз.— Вы признаете, что зарезали сэра Джеймса вот этим?— Он приподнял кинжал.

— Совершенно верно. Я пробрался через окно. Он сидел ко мне спиной. Это было совсем нетрудно сделать. Ушел я тем же путем.

— Через окно?

— Разумеется.

— И когда это случилось?

Делангуа заколебался.

— Дайте подумать. Я разговаривал с кем-то из сторожей где-то в четверть седьмого. Я слышал, как пробили церковные часы. Следовательно, произошло все в половине седьмого.

На губах полковника появилась мрачная улыбка.

— Вы совершенно правы, молодой человек,— проговорил он.— Именно в половине седьмого. И, должен заметить, это совершенно особенное убийство.

— Почему?

— Слишком много людей признаются в нем.

Делангуа затаил дыхание.

— Кто еще в нем признался, сэр?— Он безуспешно старался, чтобы голос его прозвучал ровно.

— Леди Двайтон.

Делангуа откинул голову и рассмеялся деланным смехом.

— Леди Двайтон подвержена истерии,— небрежно произнес он.— На вашем месте я не стал бы придавать значения тому, что она говорит.

— Думаю, что так и поступлю,— ответил Мелроуз.— Но в этом убийстве есть еще одна особенность.

— Какая?

— Леди Двайтон призналась, что застрелила сэра Джеймса, а вы — что закололи его. К счастью для вас обоих, он не был заколот или застрелен. Ему размозжили голову.

— Бог мой! — воскликнул Делангуа. — Женщина не могла сделать этого!..

Он замолчал и прикусил губу. Мелроуз кивнул с едва заметной улыбкой.

— Часто читал о таком, но никогда не встречался в жизни.

— О чем вы?

— О паре молодых идиотов, каждый из которых берет вину на себя лишь потому, что думает, будто преступление совершил другой. Теперь придется начинать сначала.

— Камердинер! — воскликнул мистер Саттерфвейт. — Эта девушка только что... я просто не обратил внимания... Она боялась, что мы подозреваем Дженнингса. У него должен быть мотив, о котором нам неизвестно, но известно горничной.

Полковник Мелроуз нахмурился, потом позвонил: «Спросите у леди Двайтон, достаточно ли хорошо она себя чувствует, чтобы спуститься вниз еще раз?»

Все молча ждали прихода леди. При виде Делангуа она вздрогнула и оперлась обо что-то рукой, чтоб не упасть. Мелроуз поспешил ей на помощь.

— Все в порядке, леди Двайтон, не пугайтесь.

— Я не понимаю, что делает здесь мистер Делангуа.

— Лаура, Лаура, зачем вы это сделали? — Делангуа подошел к леди Двайтон.

— Сделала что?

— Я знаю. Это из-за меня. Вы думали, что я... Вы ангел!

Полковник Мелроуз прокашлялся. Он был из тех, кто с недоброжеланием относится к проявлению эмоций.

— Если позволите мне сказать, леди Двайтон, вам обоим повезло. Делангуа появился как раз затем, чтобы, в свою очередь, «признаться» в убийстве. Но не волнуйтесь, все в порядке — он его не совершал. Однако нам надо знать правду. Достаточно всей этой чепухи. Дворецкий сказал, что вы входили в кабинет в половине седьмого, так?

Лаура взглянула на Делангуа, он кивнул в ответ.

— Правду, Лаура. Вот что нам сейчас нужно.

— Я скажу, — вздохнула леди Двайтон и опустилась в кресло, которое торопливо пододвинул мистер Саттерфвейт. — Я действительно спускалась вниз. Открыла дверь кабинета и увидела... — Она замолкла и судорожно сглотнула.

— Да, вы увидели...

— Муж лежал на письменном столе. Я увидела его голову, кровь... О боже! — Она закрыла лицо руками.

— Извините меня, леди Двайтон. Вы подумали, что мистер Делангуа застрелил его?

Она кивнула.

— Простите меня, Поль, — умоляюще произнесла Лаура, — но ведь вы сказали... сказали...

— Что пристрелю его, как собаку, — мрачно проговорил Де-

лангуа.— Я помню. Это было в тот день, когда я узнал, что он дурно обращается с вами.

— Должен ли я понять,— твердо проговорил полковник,— что вы снова поднялись наверх... э-э... ничего никому не сказав? Вы не трогали тело, не подходили к письменному столу?

— Нет, нет. Я сразу выскочила из комнаты.

— Так, так. И во сколько это было? Не помните?

— Когда я вернулась в спальню, было половина седьмого.

— Следовательно, в шесть двадцать пять сэр Джеймс был уже мертв? Выходит, эти часы уловка? Мы так и подозревали. Нет ничего проще передвинуть стрелки часов на любое нужное время, оставив их в таком положении. Этот факт, пожалуй, сужает круг до дворецкого и камердинера, но я не верю, что это был дворецкий. Скажите, леди Двайтон, Дженнингс имел зуб против вашего мужа?

— Не то чтобы зуб,— Лаура подняла голову,— но только сегодня Джеймс сказал мне, что уволил Дженнингса. Он обнаружил, что тот занимается мелким воровством.

— А! Вот оно! Дженнингс потерял бы работу и не получил рекомендаций. Для него это очень серьезно.

— Вы что-то сказали про часы,— проговорила Лаура Двайтон.— Есть возможность узнать точное время — у Джеймса наверняка были золотые часы, он обычно брал их с собой на гольф.

— Это мысль,— медленно проговорил полковник.— Но боюсь... Кертис!

Инспектор понимающе кивнул и вышел из комнаты. Минуту спустя он вернулся, держа на вытянутой ладони небольшие часы в форме мяча для гольфа — их покушают любители гольфа и носят на цепочке в кармашке для мячей.

— Вот они, сэр, но сомневаюсь, что это что-нибудь даст. Часы хорошо защищены.

Полковник взял часы и прижал к уху.

— Тем не менее, они встали.

Он нажал пальцем, и крышка часов открылась. Внутри стекло было разбито.

— А! — взволнованно воскликнул полковник.

Стрелки показывали ровно четверть седьмого.

— Отличный портвейн, полковник Мелроуз,— сказал мистер Квин.

Было половина девятого, только что закончился ужин в доме полковника. Мистер Саттерфвейт был просто в восторге.

— Я оказался прав, вы не можете отрицать, мистер Квин. Вы встретились нам, чтобы спасти двух неразумных молодых людей, которые так безрассудно сунули головы в ловушку.

— Разве? — возразил мистер Квин.— Я ничего не сделал.

— Просто не возникло необходимости,— согласился мистер Саттерфвейт.— Но она могла возникнуть. Это было просто потрясающе. Никогда не забуду момента, когда леди Двайтон произнесла: «Я убила его!» Даже на сцене я не видел ничего более драматичного.

— Склонен согласиться с вами,— сказал мистер Квин.

— Никогда бы не поверил, что такое может случиться в жизни,— провозгласил полковник уже в двадцатый раз за вечер.

— Вот как? — спросил мистер Квин.

Полковник уставился на него.

— Черт побери, но ведь сегодня вечером это произошло!

— И обратите внимание,— вмешался мистер Саттерфвейт, откидываясь назад и потягивая портвейн,— леди Двайтон была великолепна, но она совершила одну ошибку. Ей не надо было так поспешно приходить к заключению, что ее муж был застрелен. Да и Делангуа совершил глупость, решив, что его закололи кинжалом, только потому, что он лежал у нас на столе. Ведь то, что леди Двайтон принесла нож, было простым совпадением.

— Вот как?

— Представьте, если бы они просто признались, что убили сэра Джеймса, без всяких подробностей, чем бы это могло кончиться? — продолжал мистер Саттерфвейт.

— Им могли поверить,— со странной улыбкой произнес мистер Квин.

— Их поступки словно заимствованы из романа,— сказал полковник.

— Осмелюсь предположить, что именно оттуда они позаимствовали эту идею,— заметил мистер Квин.

— Возможно,— согласился Саттерфвейт.— То, что когда-то прочитал, иногда странным образом снова приходит в голову.— Он искоса взглянул на мистера Квина.— Конечно же, часы с самого начала выглядели подозрительно. Никогда не следует забывать, что стрелки часов легко подвести вперед или вернуть назад.

— Стрелки перевели вперед, мы это знаем,— проговорил мистер Саттерфвейт.

— Вот как? — удивился мистер Квин.

— Не хотите ли вы сказать, что перевели назад часы для гольфа? Бессмысленно и невозможно.

— Вовсе не невозможно,— промурлыкал мистер Квин.

— Но кому это выгодно?

— Я полагаю, только тому, у кого на это время было алиби.

— Боже мой! — воскликнул полковник.— Ведь Делангуа сказал, что именно в это время разговаривал со сторожем.

— Специально сказал,— заметил мистер Саттерфвейт.

Они переглянулись. События завертелись, приобретая новое значение.

— Но в таком случае,— начал Мелроуз,— в таком случае...

Мистер Саттерфвейт закончил за него:

— Все совершенно наоборот. Это заговор, но заговор против камердинера. Но такого не может быть! Ведь они хотели взять вину на себя!

— Да,— сказал мистер Квин.— Вы ведь подозревали их? — Голос его звучал спокойно и даже чуть мечтательно.— А для того, чтобы им поверили, следовало придумать нечто правдоподобное.

Полковник и мистер Саттерфвейт смотрели на Квина с беспомощным видом.

— Это было бы уж слишком умно,— медленно начал мистер

Саттерфвейт.— Просто дьявольски умно. Да, вот что еще пришло мне в голову. Ведь дворецкий сказал, что вошел в семь часов закрыть окна — значит, он думал, что окна должны быть открыты.

— Именно этим путем Делангуа и попал в дом,— сказал мистер Квин.— Он убил сэра Джеймса одним ударом, и они оба проделали все, что им было нужно...

Он взглянул на мистера Саттерфвейта, словно приглашая его восстановить сцену. Тот неуверенно начал:

— Они разбили часы и положили циферблатом вверх. Да, они перевели стрелки часов для гольфа, предварительно разбив стекло. Потом Делангуа выбрался из окна наружу, а леди Двайтон заперла окна. Но есть одна вещь, которую я не понимаю. Зачем вообще эта затея с часами для гольфа? Почему бы просто не отвести назад стрелки настольных часов?

— Настольные часы — слишком очевидная уловка, слишком прозрачный намек,— сказал мистер Квин.

— Но о часах для гольфа не так-то просто догадаться. Мы ведь узнали о них по чистой случайности.

— Ну нет,— возразил мистер Квин.— Вспомните! Это было предположение леди Двайтон. И при этом единственным человеком, который вряд ли забыл бы о часах для гольфа, был сам камердинер. Ведь камердинер лучше, чем кто-либо другой, знает, что носит в карманах его хозяин. Если он перевел стрелки настольных часов, то не забыл бы и о часах для гольфа. Эти двое не совсем представляют себе природу человека. Они не похожи на мистера Саттерфвейта.

— Я полностью ошибался,— покачал головой мистер Саттерфвейт.— Я думал, что вы приехали спасти их.

— Я и спас,— ответил мистер Квин.— Но не тех двоих, совсем других. Может, вы обратили внимание на горничную леди? Конечно, она не одета в синюю парчу и не играла драматической роли в этом спектакле. Но она действительно хорошая девушка и, думаю, любит этого Дженнингса. Так что вы сможете спасти его от виселицы.

— У нас нет ни единого доказательства,— мрачно произнес полковник Медроуз.

Мистер Квин улыбнулся:

— Есть, у мистера Саттерфвейта.

— У меня? — Мистер Саттерфвейт был изумлен.

— У вас есть доказательство, что эти часы разбились не в кармане сэра Джеймса. Их невозможно разбить, не открыв крышки. Кто-то вынул часы, открыл, перевел стрелки, разбил стекло, потом закрыл и положил обратно. Они так и не заметили, что не хватает крошечного осколка.

— О! — воскликнул мистер Саттерфвейт. Его рука сама потянулась к жилетному карману. Он вынул осколок чуть изогнутого стекла.

Это был его триумф.

— Этим,— многозначительно произнес мистер Саттерфвейт,— я спасу жизнь человека.

**Перевод с английского
ЛЮБОВИ КРАШЕНИННИКОВОЙ.**

«Я хотел не петь. Не получилось...»

— Андрей, тебе 36 лет. Почему молчал так долго? Когда появилось желание выйти на сцену?

— Я живу спокойной, размеренной жизнью. И если куда-то спешу, обычно это оборачивается неудачей. Я давно писал, работал в разных направлениях, искал себя... Свой первый магнитофонный альбом «Пятый угол» записал только в 1987 году, и тринадцатой по счету на нем была песня «Чужой». Впервые выступив с этой песней в программе «50×50», я не думал, что она так понравится слушателям.

— Твой сценический облик вызывает много споров.

— Все очень просто. Однажды, когда у меня кончились деньги, я вышел на сцену босиком. Мне просто нечего было надеть. Все вокруг говорили: «Старик, это имидж!..» Но какой же имидж, когда занозы в пятки загоняешь!

В год Белой лошади я появил-

ся на сцене в черном костюме, строгом, скромном. А в нем уже не взбрыкнешь лишний раз ни рукой, ни ногой. Зрителям сразу становится понятно, что выходит нормальный человек и не будет «крутого давать»...

— В твоей музыке явственны мотивы русского Севера, а в «Одиночестве-сестрице» и «Кому ты нужен?» — прибалтийские.

— Мои предки — выходцы из Карелии. Поэтому все, что я делаю, очень северное. Гены есть гены, и из них не выкинуть голые квинты или музыкальные лады, допустим, вепсов. Я их однажды на музыкальном фестивале услышал и поразился: то, что они делают, похоже на ход моих мыслей.

А недавно мои приятели-латыши сказали мне, что у них в языке есть слово «мисинь», переводится оно как «сплав» и абсолютно точно отражает то, чем я занимаюсь в жизни.

И естественно, что моя первая настоящая работа была написана на стихи латышского поэта Иманта Зиедониса. Как только я прочел стихи, музыка сама возникла во мне. Так появилась песня «Чужой». Я вдруг понял: великолепно читать стихи и перекладывать их на язык музыки. До этого все, что писалось, было просто **текстами**. Поэтому и не шло.

— Андрей, ты по образованию музыковед. Как музыкальный теоретик, сформулируй, пожалуйста, в каком стиле ты работаешь?

— Поскольку биоритмы мои совпадают с биоритмами таких композиторов, как Мусоргский и Бородин, а все эмоции и ритмика сегодняшние, получается тот самый «сплав». Как сказала мой педагог по гармонии: «Если Бородин был просто эпическим, а Мусоргский — просто трагическим, то вы, Андрей, как-то странно объединяете в себе трагизм и эпос».

— Меня удивило твое признание в передаче «От и до», где ты довольно сухо отозвался о творчестве Штокгаузена. Почему-то казалось, что он, Лучано Берлиоз и Пьер Булез должны быть тебе близки — космизмом своей музыки.

— Я воспринимаю их творчество. Но не все. Из трех концертов Пьера Булеза, например, которые недавно звучали в Москве, мне понравились песни на стихи Малларме, понравился Чарльз Айвс и ранний Шёнберг, его «Классическая симфония». Скорее всего по духу своему я романтик. И даже в авангардной музыке ищу мягкий косм. Он должен греть.

Люблю диссонансные звучания, но когда меня заставляют слушать чужие, я их не принимаю, потому что не мои. Мне дано понять их умом, но не сердцем.

— Наверное, потому что ты композитор.

— И по сути своей эгоист: кроме слов «Андрей Мисин», не помню ничего. Но я и не должен помнить! Специфика труда такова. Быстро забываю даты рождений, имена. Это моя «болезнь». Очень часто люди обижаются, что я не помню, как кого зовут. Люблю быть один. И в жизни у меня мало контактов вживую.

— «Виноват, что я не в стае...» Как понимаю, пребывать под знаменами какой-либо фирмы или кооператива не для тебя?

— Нет. Я сам себе голова. Поэтому так свободен духом.

**Вопросы задавала
ВЕРА ЗВЕЗДОВА.**

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г Без замполита пожар не потушишь...

Г Мать и мачеха

Г Прочитал «репортаж с пристрастием» Сергея Литвинова «Горим...» (№ 22, 1989 г.) и не выдержал. Уже полтора года, как я ушел из пожарной охраны, и все это время хотелось рассказать, что это за бессмыслица под названием «профилактика пожаров». Заняты этой самой профилактикой инспектор и младший инспектор, а над ними — надстройка, которая только и делает, что контролирует. Как? Казалось бы, приезжай на объект сам, посмотри. Но... Разве майоры и подполковники станут пачкать шинели из сукна улучшенного качества? Придется ведь ходить по маслоподвалам, кабельным тоннелям (именно там наиболее пожароопасные участки)...

Вот и нашли выход пожарные чиновники — контроль по бумагам: справки, сводки, диаграммы, ответы на бесконечные строжайшие телефонограммы... В бытность заместителем начальника по профилактике мне приходилось возить «наверх» годовой отчет. Это четыре распущих портфеля никому не нужных бумаг, «липы».

Допустим, где-то в Никополе сгорел строительный вагончик. Реакция незамедлительная: «В срок до... проверить соблюдение

противопожарных мероприятий в строительных вагончиках и доложить». Люди, кто добросовестней, выбиваются из сил, но не успевают. А чаще просто машут на все рукой и гонят «наверх» отчеты: дескать, все сделано...

Уйму служебного времени занимают суточные дежурства по так называемому «усиленному варианту»: по праздникам, приездам партийных лидеров и так далее. Недавно встретил бывшего сослуживца. Тот рассказал, что даже на 1000-летие крещения Руси ввели «усиленный вариант» — десять суток! За подобные «усиления» набегают отгулы. Не использовать их глупо, а использовать — совсем не будет времени заниматься основным делом: профилактикой пожаров.

...Не знаю, зачем политработники в армии, но в пожарной охране они уж точно ни к чему. В армии молодежь, ее еще можно воспитывать. Но можно ли перевоспитать 40-летнего отца взрослых детей из пожарного караула? Довелось присутствовать однажды при таком «воспитании», когда замполит отряда (майор) «песочил» сержанта: почему, дескать, не доложил, что сослуживец приехал

на работу на собственном автомобиле (это почему-то запрещено)? Вот и презирают замполитов в лучшем случае, а в худшем — боятся и ненавидят.

А есть еще комиссии Госпожнадзора, которые ежегодно проверяют службу в частях и объектах. Работал я в такой комиссии. Откомандировали проверять завод в г. Желтые Воды. Завод я проверил за три дня, составил предписание. Остальные пять человек во главе с подполковником проверяли пожарную часть завода. Все они несколько дней фактически ничего не делали. Проверяющий по политработе каждый день начинал со слов: «Так, сажусь писать справку...» Какую такую справку о политработе можно писать? Шикарная гостиница, командировочные... По вечерам нас угощали спиртом с завода... Я уезжал, а остальных проверяльщиков ждали Кривой Рог, затем Николаев...

Однажды, еще служа, я позволил себе высказаться на собраниях в духе этого письма. После этого меня уволили по состоянию здоровья (благо приболел). Спасибо еще, что «ушли» меня подобру. Знакомые изумлялись: как тебе удалось уйти из МВД даже без выговора по партийной линии?

...Удивляюсь: за последнее время критике подверглись почти все сферы нашей жизни, даже КГБ. Только пожарные в тени. Огромная армия чиновников спряталась за спинами парней, погибших в Чернобыле, и по-прежнему ведет сытую, благополучную жизнь.

БАЛА В. П.,
бывший капитан,
сейчас рабочий,
Днепродзержинск

В августе позапрошлого года я познакомилась с моим будущим мужем, и через некоторое время мы стали жить вместе: я, Юра и моя восьмилетняя дочь. Юра ранее был женат. Его сын 1983 года рождения жил с матерью. Юра часто говорил, что скучает по сыну и жалеет, что при расторжении брака суд был на стороне жены. Тогда я посоветовала ему позвонить бывшей жене и попросить сына на месяц погостить у нас, считая, что мать на больший срок ребенка не отпустит. Юра очень обрадовался моему предложению и поехал за сыном. Мы со свекровью встречали их на вокзале, и то, что я увидела, трудно описать. Со слов мужа я знала, что мальчик очень худенький, маленький, но то, что он привез, трудно назвать ребенком: я без слез смотреть не могла.

Мальчику пять с половиной лет, а весил он 11,5 кг. Рост — 104 см. Но это еще не все: ребенок не говорил связными предложениями, произносил только отдельные слова, не мог сам держать ложку, не мог самостоятельно одеваться, раздеваться. Он перенес рахит, на голове была какая-то болячка, у него были сколиоз, почное недержание, но самое страшное — нервно-психическое отставание. И это ребенок, который приехал не из интерната или концлагеря, а от родной матери, которая работает в детской поликлинике.

Юра работал в три смены, я — в одну, работала и бабушка. Пришлось нашему папе работать только во вторую и третью смены, а я с работы бегом бежала домой. Без нас с Максимом неотлучно находилась или моя бабушка или моя дочь.

Я сразу же обратилась к участковому педиатру.

Прошел месяц, Максим стал самостоятельно кушать и понемногу одеваться. Надо было его отвозить назад, к матери, но я не дала. Тогда Юра написал бывшей жене письмо с просьбой оставить ему сына, но ответа не получил.

Прошел еще месяц, и я поняла, что ребенок психически здоров, но замучен до такой степени, что невольно думаешь: да что же это за женщина, что она сделала со своим сыном?! Юра написал ей еще одно письмо с той же просьбой — и снова нет ответа. Еще через месяц он вызвал ее на переговоры, она пришла, но на просьбу отдать сына стала увильчивать.

Юра снова написал письмо с прежней просьбой и получил сумбурный ответ, полный упреков и обвинений; потом были еще переговоры, и речь уже шла не только об определении места жительства ребенка, но и об алиментах, которые получала она якобы на его содержание, хотя он и жил у нас.

Они договорились, что уж раз мы начали его лечить, то пусть он у нас живет до сентября следующего года, а алименты, что ж, она будет возвращать нам. Правда, вернула она деньги всего четыре раза.

Мы обратились в суд с просьбой об отмене алиментов, так как ребенок живет с нами, а нам сказали: обратитесь в суд по месту ее жительства за копией решения суда о взыскании с Ефремова Ю. П. алиментов. И начались мятарства — то какой-то датый нет, то ответ не дошел. Так почему деньги, которые взимаются с отца на воспитание сына, идут женщине, которая

фактически изуродовала ему жизнь?

А ведь насколько было бы проще, если в таком вот случае показали бы ребенка врачу, который, зафиксировав его состояние и установив, что условия, в которых ребенок проживал раньше, вредны для его здоровья, выдал бы свидетельство. Наш педиатр удостоверил бы, что семья, в которой ребенок будет жить, подходит для нормального его развития, и на основании двух справок судебный исполнитель дал бы распоряжение о прекращении вычета алиментов на содержание фактически не ребенка, а его матери, которая отдала ребенка и не отказывается от него только потому, что боится осуждения людей. А как с такой матерью живет ребенок, никому не интересно.

В нашем же деле получается так: «будешь платить деньги, пусть сын поживет у тебя, не захочешь платить — отберу».

Если бы вы видели, какой у нас сейчас сын: умный, ласковый, помощник! Что же получается: после всего, что я для него сделала, отдаст? Чтобы родная мать его дальше уродовала? У меня сердце кровью обливается, когда я только подумаю о разлуке с моим мальчиком. Теперь это мой сын, и я его не отдам.

Дорогая редакция, помощи не прошу, потому что знаю, перед машиной бумаго-справко-производства бессильны даже вы, но покоя не дает мысль: почему же бесчеловечны наши законы, которые создаются-то для того, чтобы сделать нашу жизнь человечней?

ЛЮДМИЛА ЕФРЕМОВА,
Ростов-на-Дону

ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

32

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТИВ

**СНИМКИ ЭТИ
СДЕЛАНЫ
ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ
КАМЕРОЙ
«СМЕНА».
УХОДЯ
НА БОЕВОЕ,
СЕРЖАНТ ВДВ
ТАМАРОВ
КЛАЛ ЕЕ
В ВЕЩМЕШОК
РЯДОМ
С БОЕПРИПАСАМИ...**

Он позвонил домой сразу же из аэропорта: «Я вернулся...»

Он вернулся — из «загранки», из Афганистана, с войны. Оттуда он привез контузию, медаль «За отвагу» и сотни фотонегативов. Царапины на некоторых — как рубцы: фотокамера тоже воевала.

Первый свой снимок Владислав Тамаров сделал в 11 лет. Это сейчас, после персональных выставок в Союзе и США, у него «Никон»

с полным набором оптики. А тогда...

— Пятнадцатирублевая «Смена-8М», после — «Зенит». Конечно, от аппаратуры многое зависит, но не все... Я вынимал из вещмешка банки НЗ, чтобы взять с собой камеру. О выставках, альбомах там не думал. Я хотел одного: сохранить лица ребят, их взгляды, движения — сам воздух «Афгана».

Из памяти многое сотрется, что-

Узкая тень в знойном Афгане.

И — началось!

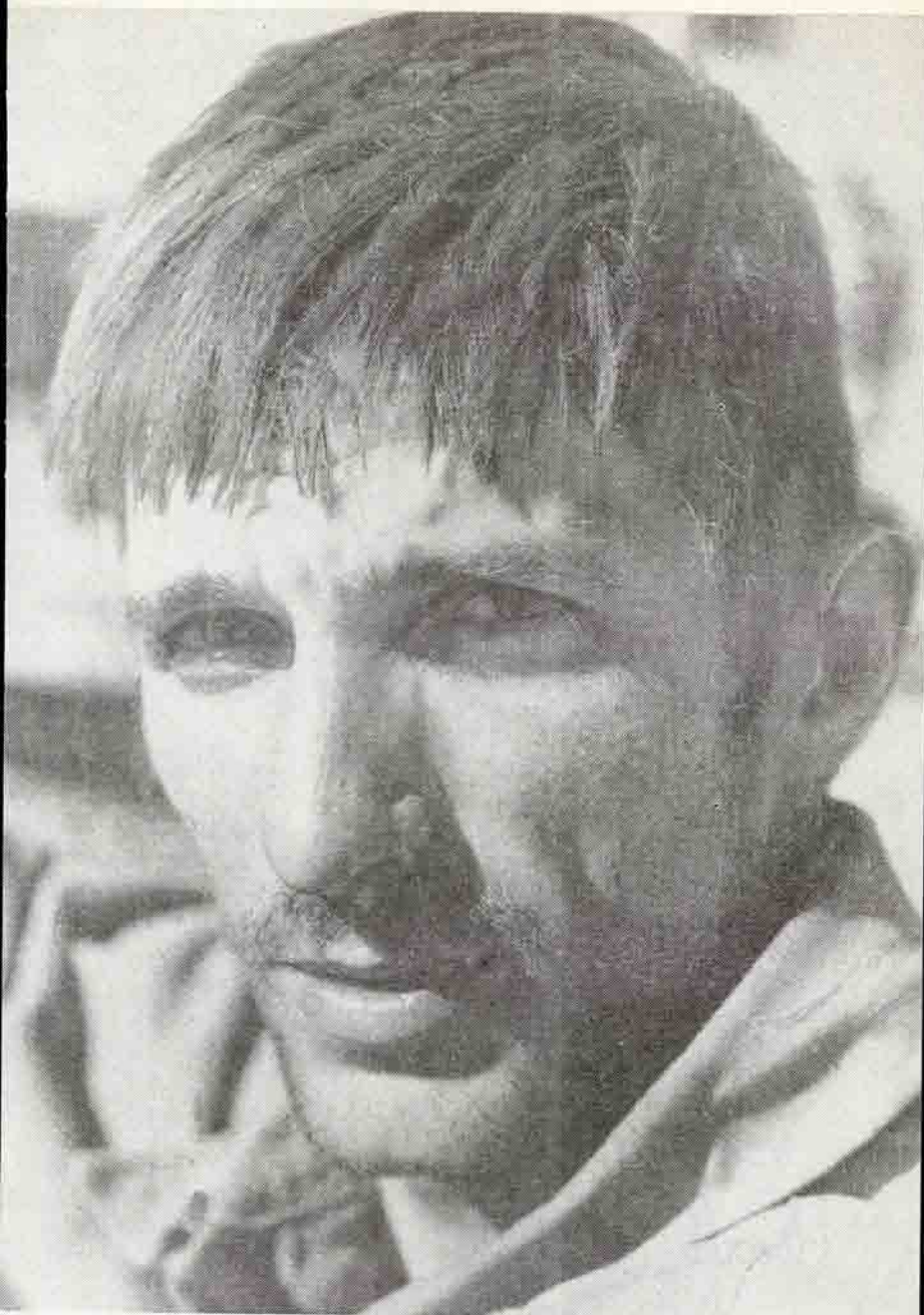

Где они — дом, мама, любимая...

...Бравы ребяташки?

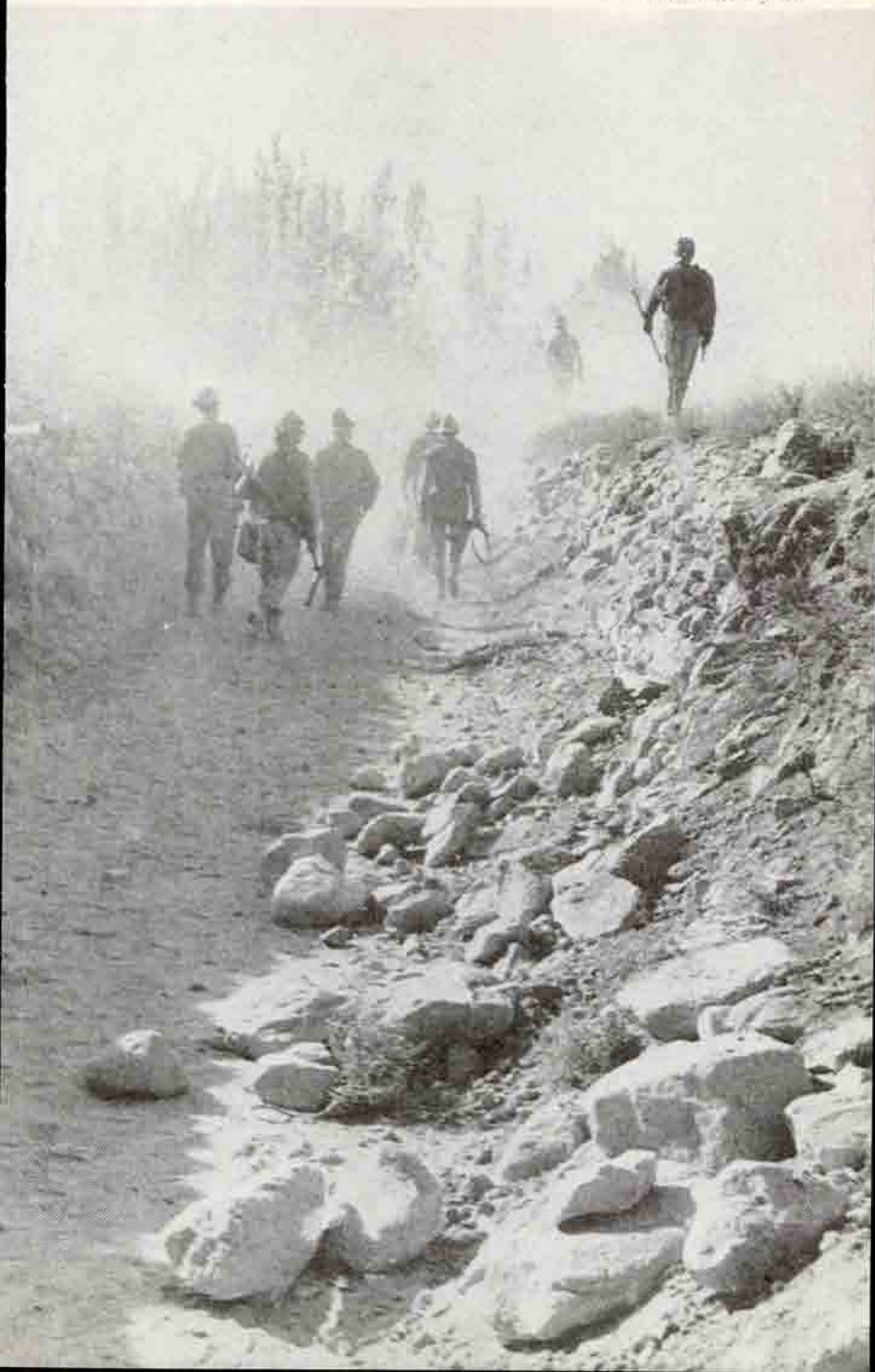

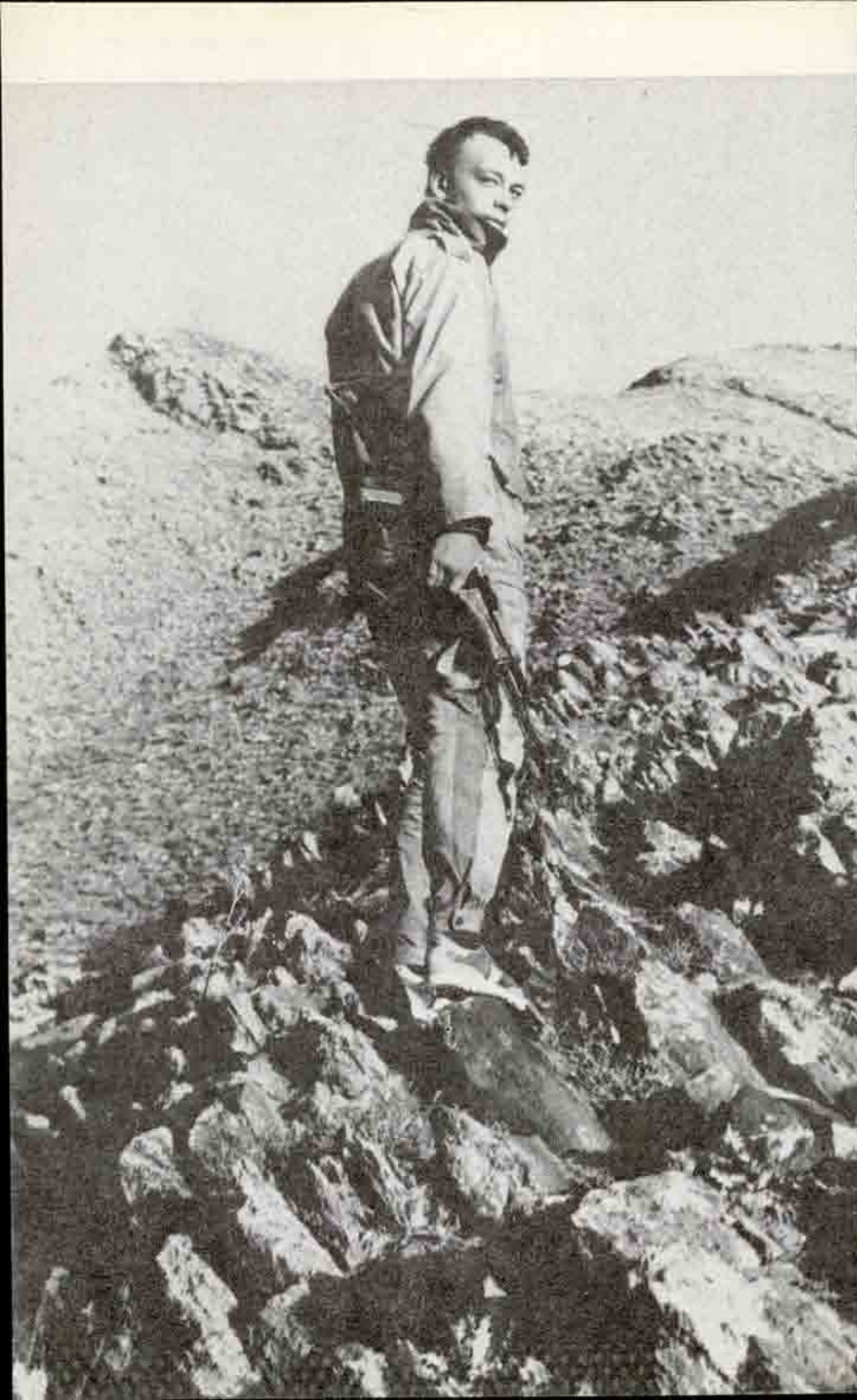
Не для семейного альбома.

Через пять минут он был убит.

Обычным маршрутом.

то важное со временем уйдет из души. Фотография сработает как бикфордов шнур, как детонатор: глянешь — и сразу же полыхнет прошлым — болью, надеждой, мужеством...

Остановленное мгновение не всегда прекрасно. Но в данном случае — всегда правдиво. Это та правда, которую мы зовем «окопной». Правда без глянца. И поэтому судить об «афганских» фотоработах В. Тамарова надо по иному счету — тут важны не законы светописи, а сопричастность к происходящему.

...В Афганистане бывший студент Ленинградского пединститута командовал отделением саперов. Мы знаем: сапер ошибается лишь раз. За двадцать афганских месяцев сержант Тамаров не ошибся ни разу. Ни как сапер, ни как

фотограф. Он работал честно, профессионально, на совесть.

Я спросил Влада:

— Страшно было?

— Когда живешь рядом со смертью, ты о ней уже не думаешь. Ты просто стараешься с ней пореже встречаться...

Помолчав, добавил:

— Страшно умереть, когда до дома-то оставалось совсем немного...

Впрочем, я мог и не спрашивать. Все это есть в его снимках.

Он вернулся... Но порой, ловя его взгляд, я ощущал, что он еще там — в дозоре, в рейде, на боевом...

Боже, какое же долгое возвращение...

В. ГУРИНОВИЧ

С надеждой вернуться...
автор снимков Владислав Тамаров

ТАМАРА ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

СТОГОЛОСЫЙ ОРКЕСТР

Мы наблюдаем удивительную аномалию: на фоне общего падения интереса к музыке классической органной концерты — будь то в столице или на дальней периферии Советского Союза — проходят с аншлагами. И кажется почти фантастической эта картина всеобщей любви к «королю всех инструментов» (слова Моцарта) в стране, не имеющей многовековых традиций органной культуры.

Как объяснить эту столь страстную любовь?

Любовь ли это к органному Баху, великому и несчастному кантору лейпцигской школы св. Фомы, умершему в совершенном безвестии и воскресшему, точно Христос (но не на третий день, а через столетие!), чтобы остаться бессмертным? Любовь ли к дивной хоральной музыке, которую гениальный Себастьян Бах возвел в идеал искусства?

О, да, конечно, орган стал подлинным наследником хорала, а хорал — лучшее из сокровищ музыкальных форм, доставшихся нам от старинного церковного искусства, впитавшего все богатства народно-европейской духовной поэзии. Кто же не ищет в наше суетное, стрессовое время настроений глубокой сосредоточенности, погруженности во внутренний мир, утраченной способности к возвышенному мышлению и чувствованию, коими дышит музыка органного хорала? Не случайно же академик Б. Асафьев, анализируя движение музыкальных форм в истории, столь блестяще доказывал победу хорала, оказавшегося впереди по «пламенности и стиливой выкованности мелоса», по «властной, обобществляющей силе воздействия» своего языка. Но дело не только в этом.

Что-то в самой природе и архитектурной красоте стоголосого инструмента-оркестра сближало фа-

ворита западной культуры с монументальными идеями русского искусства, с исконно русской песенной и хоровой культурой, с высоким строем музыки вообще. Это «что-то» может быть названо глобальной этической идеей, обращенной ко всему человечеству, — то, что всегда гипнотизировало русские умы и составляло предмет их глубоких философских и художественных исканий. Вот тут и выясняется, что орган давно был нужен России. Но так уж сложилась история, что, попав в Россию из западных стран еще в средние века, этот феноменальный инструмент мог стать лишь предметом светских и домашних увлечений. Ибо Русская православная церковь полностью отказалась от участия в богослужении каких бы то ни было музыкальных инструментов. Орган не стал спутником самых высоких профессиональных форм русской духовной музыки. И эта картина оставалась неизменной вплоть до конца XIX века.

Тем уникальней и значительней видится подвижничество экспериментаторство русских аристократов на ниве домашнего органостроения. Автор единственной в своем роде новеллы «Себастьян Бах», выдающийся литератор, философ и ученый, князь Владимир Федорович Одоевский сконструировал оригинальный орган, назвав его «Себастьяноном» (в честь великого лейпцигского кантора). На нем импровизировал Глинка... Около восьми лет трудился над изобретением и постройкой своего «оркестриона» известный журналист, востоковед и музыкальный критик Осип Иванович Сенковский. Это огромное сооружение, сочетавшее сложную клавиатуру, струны, смычки, педали и духовой аппарат, занимало в доме Сенковского два этажа. Будем помнить

этих предвестников будущего органного «ренессанса» в России.

Однако вернемся в век XX и зададимся вопросом: не стал ли столь дорог нам орган благодаря близости его к «космизму» как новому мироощущению человечества вообще и капитальной идее русской современной философии и науки в частности?..

Сегодня трудно себе представить, что каких-то 30 лет назад лишь в трех-четыре города России изредка звучали неухоженные концертные органы. Несведущая публика мало интересовалась органным искусством. А в официальных кругах в отношении к органу веяло откровенным пренебрежением и даже подозрительностью — как же, «анахронизм» буржуазных религиозных культов! Дискредитирующие бациллы проникали даже в профессиональную среду. На студентов консерваторий, решавшихся избрать специальностью «бесперспективный» орган, смотрели, как на неудачников.

Когда же произошел перелом в отношении к органу? Ответ однозначен: в годы хрущевской «оттепели», когда вдруг возродилось широкое движение к старине во всех звеньях культуры. Тогда впервые открыто заговорили о храмах, русских иконах, живописи Андрея Рублева. Именно в эти годы, а точнее, в 1957 году, состоялась первая поездка в Чехословакию и ГДР делегации советских органных специалистов для знакомства с состоянием современной органной техники. И вскоре при Министерстве культуры СССР приступил к работе Совет по органостроению. Была выработана модель связей с производителями органов в Европе (с чешской фирмой «Ригер-Клосс» и немецкими фирмами «Александр Шук», «В. Зауэр», «И. Ойле»), и принято

мудрое решение: проекты органостроения в СССР экономически подключить к планам СЭВ. Был найден мощный рычаг для поворота к органной цивилизации. И она возникла на глазах одного поколения — случай, небывалый в истории музыки!

Завучали новыми органными голосами концертные залы десятков городов. Ожили помещения заброшенных соборов и церквей с их великолепной акустикой. Открылись органные классы в консерваториях всех республик и крупных музыкальных центров. И сегодня, если взглянуть на географическую карту новой «органной державы», дух захватывает! «Лучи» простираются от Ужгорода и Львова до Иркутска и Красноярска, от Калининграда и Клайпеды до Сочи и Душанбе. Целый хор вод органных городов засветился на Украине, в Поволжье, на Урале, в Средней Азии, Сибири, не говоря уж о таких музыкально-цивилизированных краях, как Прибалтика и Закавказье. Нынче 58 городов Советского Союза располагают семьюдесятью органными концертными залами, где концертируют свыше 100 органистов.

— Вложенные государством деньги дали отдачу, — рассказывает известный советский органист, крупный деятель органостроения и органной экспертизы Гарри Гродберг. — После войны у государства не было средств даже для приобретения роялей. В Большом зале Московской консерватории еще стояли инструменты «Бехштейна», подаренные Риббентропом Молотову. Слово «валюта» запрещено было даже произносить!.. Помню, с каким трудом добился я письма за подписью тогдашнего замечательного директора филармонии Белоцерковского и отнес его в Министерство культуры. И в конце концов коле-

со закрутилось. В 1959 году был получен первый орган и установлен в Зале Чайковского. Это была первая ласточка... Поддержку нам оказали представители Министерства культуры и внешней торговли, коллеги-органостроители ГДР и Чехословакии. Наши мастера получили возможность стажироваться на европейских органных фабриках.

Разумеется, круг зарубежных фирм, обеспечивающих планы нашего органостроения, мог быть и шире, не пребывая страна в столь долгой изоляции от мировых культурных процессов. Тем не менее ряд столичных и периферийных городов получил хорошие органы, позволяющие поднять художественный уровень органного исполнительства. Сохраняют свой престиж ленинградские старинные органы фирмы «Валькер», перенесенные еще в 20-е годы из клиники Отто и одной из петербургских церквей в залы филармонии и капеллы имени Глинки и отлично реставрированные в наше время чешскими мастерами. Такого же уровня органы получили Фрунзе, Саратов, Челябинск, Уфа, Тбилиси. Совсем недавно открылись отреставрированные соборы и залы камерной и органной музыки в украинских городах Харькове, Сумах, Днепропетровске, Ворошиловграде. А в 1989 году, в год тридцатилетия нашего сотрудничества с фирмой «Ригер-Клосс», чешские мастера завершили установку большого органа (около 5 тысяч труб, 65 регистров, четыре клавиатуры) в концертном зале речного вокзала Волгограда. Он не уступает по своим художественным качествам другим большим чешским органам, которые звучат сегодня в Минске, Таллинне, Алма-Ате, Москве. Нашим профессионалам-органистам импонирует теплая

«славянская» душа чешских органов, тем более что творческие бригады фирмы «Ригер-Клосс» конструируют инструменты весьма нестандартные и самые разнообразные по техническим и художественным характеристикам.

Между прочим, московский перенец фирмы «Ригер-Клосс» в Зале Чайковского, настоящий гигант и чудо современного органостроения (он имеет 9 тысяч труб, 81 регистр, четыре клавиатуры и свыше двухсот элементов управления на пультах кафедры), счастливо пережил реставрации 70-х годов. И нужно прямо сказать: стабильность концертного функционирования этого прекрасного инструмента буквально спасла Москву от органного «голода» в те печальные времена, когда замолкал Большой зал. Но об этом — немного позже...

Итак, живет и с каждым днем дышит все более глубоко наша «органная держава».

Проводятся скромные, местного, а иногда и союзного значения фестивали органной и камерной музыки — то в Минске, то в Харькове, то в Пицунде, то в Сочи. Вот уже и курортная Ялта услышала голос своего органа. На очереди — Кисловодск, Куйбышев, Архангельск.

Пусть не удалось нам за все эти годы построить великий орган, равный по значению, скажем, органу Домского собора в Риге, установленному фирмой «Валькер» еще в 80-е годы прошлого столетия, или органу французской фирмы «А. Кавайе-Колль», звучащему в Большом зале Московской консерватории с 1901 года. Но нам удалось, бесспорно, преодолеть запущенность и отсталость нашу в органном деле и открыть в годы «застоя» одну из самых светлых страниц советской музыкальной культуры.

Быть может, читатель задумается: какие «доперестроечные» обороты речи, какие немодные комплиментарные мотивы! Сколько в них праздничной фанфарности и тайного умиления! Неужто советская органная школа готова расправить крылья для полета и праздновать свой приход в цивилизацию? Ан нет... Праздник-то, оказывается, пока не получается. И это при всем сиянии огней карты «органной державы», которая, если внимательно присмотреться, есть лишь обманчивый декоративный фон спектакля с плохой драматургией и режиссурой.

Именно так: декорации без яркой актерской игры и захватывающего, гармонического во всех компонентах действия. Множество случайных, низкой музыкальной культуры людей в спектакле, который называется «Органый бум в России». Не поспели кадры за органным ренессансом! И потому из 100—120 функционирующих в Советском Союзе органистов-концертантов едва ли наберется десятка два, имеющих серьезную профессиональную репутацию (о художественной и говорить нечего). И потому, между прочим, ни один советский органист не удостоился до сих пор звания лауреата международного конкурса. А прошедший сравнительно недавно в Москве Первый Всероссийский конкурс органистов лишь подтвердил безрадостную картину профессиональной недостаточности наших молодых органистов. С бесхитростной откровенностью писал об этом журнал «Музыкальная жизнь»: «...почти у всех исполнителей было немало огрехов». Впрочем, в Москве не нашлось серьезных критических сил для более глубокого и профессионального анализа результатов конкурса.

Как ни горько, нужно мужественно признать: не удалось нам создать самостоятельной, достойной нашей культуры органной школы. По сути дела, не существует в современном музыкальном мире такого феномена — «советская органная школа». Это подтвердят в любом из западных центров органной культуры, где проходят многочисленные симпозиумы, конгрессы, международные конкурсы и где наши органисты имеют, как правило, «бледный вид». При высочайшем авторитете на мировой арене фортепианной, скрипичной, виолончельной и других советских исполнительских школ органная, увы, лишь наращивала скептические оценки. И вряд ли здесь можно еще оправдываться ссылками на молодость. Луч надежды все же пробивается к нам иногда сквозь тучи европейского непризнания. И вот сравнительно недавно, на международных конкурсах органистов в Шпайере (ФРГ) и Будапеште имени Листа (Венгрия), были удостоены дипломов выпускники Московской консерватории Алексей Шмитов и Эдуард Оганесян. Однако поездка трех наших органистов на баховский конкурс в Лейпциг в 1988 году вновь осталась без результата.

В чем же причины слабости? Их много. Но первая — катастрофически низкий уровень преподавания органа в консерваториях, монополия схоластической педагогики, перекрывающей кислород талантам. Да, у нас не хватает необходимой нотной литературы, нет книг по методике, теории и истории органного искусства, некому читать курс органостроения, нет школы органных мастеров и т. д. Но главное — нет условий и возможностей глубоко овладеть профессией, наращивать мастерство, развивать артистизм. Контакты

с представителями зарубежных органных школ долгие годы были ограничены.

Обидно, что причина ограниченности этих контактов порой не в запретительной политике властей, но... в косности и самолюбивой корыстности самих органистов. Так, например, профессор Л. Ройзман, долгие годы узурпировавший педагогическую власть в Московской консерватории, возражал против поездок советских органистов на международные конкурсы. Он говорил, что наше участие в этих конкурсах непродуктивно, ибо у «них» (то есть на Западе) стиль органного исполнения «церковный», а у нас — «концертный». Таким образом, было провалено наше участие в целом ряде интересных конкурсов органистов. И складывалось впечатление: консерватория не заинтересована в выдвижении молодых талантливых органистов для артистической деятельности (возможно ли такое представить?), а для педагогической работы ей почему-то более всего импонировали «средняки», не обладающие ярким музыкальным дарованием. Впрочем, такая тенденция прослеживается в Московской консерватории не только в классах органа.

И вот к каким выводам приходишь невольно. Советская органная культура, несмотря на бурное строительство новых инструментов, новых органных залов, долгие годы пребывала в какой-то загадочно-вакуумной атмосфере двойной изоляции. С одной стороны, изоляция внешняя — от мирового органного процесса; с другой — изоляция как бы внутренняя, отделяющая ее от остальной музыкальной культуры страны в целом. Ситуация парадоксальнейшая! Публика, огромные массы слушателей влюблены в орган. А музыканты-профессионалы сохраняют

мину снобизма и скептицизма в отношении органной культуры! Об этом говорили, в частности, участники первого всесоюзного съезда органистов, проходившего в Киеве в конце 1987 года. «Орган и органное музицирование стоят в нашей стране в определенном смысле особняком, — говорил органист Сергей Диденко. — Подробности нашей специфики неизвестны не только широкой публике, но и другим музыкантам».

Что уж говорить об отношении к органистам командно-бюрократических институтов, которым сегодня советское общество объявляет тотальную войну! Здесь были и есть акции прямо варварские, бесконечно унижающие достоинство наших лучших музыкантов.

Представьте себе, например, такой эпизод. Однажды органист Гарри Гродберг открывает журнал «Ле курьер музикаль де Франс» и читает свою фамилию в перечне состава жюри конкурса «Grand Prix de Chartres» 1973. Что должен был он испытать, если не только там не был, но даже не знал о существовании приглашения в ареопаг судей этого Международного конкурса органистов?

Или взять, скажем, работу Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия». Она и в качественном и в количественном аспектах дает органистам и их поклонникам множество поводов для разочарования. Панорама создаваемой ею «усеченной» картины органного искусства в нашей стране имеет мало общего с реальностью. Недавно я поинтересовалась в редакциях фирмы «Мелодия», сколько сделано записей органной музыки за последние пять лет. Оказалось, если довериться картотеке, — всего 39! Но и эта смехотворно мизерная цифра, оказывается, на две трети относится к за-

писям (их 26), сделанным фирмами Прибалтики, которые активно создают серии на старинных, «реанимированных» органах, уцелевших в костелах и церквях малых городов под названием «Исторические органы Латвии», «Органы Эстонии». Сама по себе эта культурная акция по спасению и увековечению звучания исторических органов чрезвычайно отраднa. И это просто замечательно, что органист Рольф Уусвяли записал уже 27-ю пластинку эстонской серии. Но это достижение республики. А что же центр?

В московской фирме звукозаписи работа с органистами ведется вяло, без какого-либо продуманного плана и логических связей с музыкальной реальностью. Не случайно многие исполнители уже переключаются сегодня на зарубежные варианты записей. Так, например, известный органист-композитор, автор симфонии «Андрей Рублев» и звучавшего уже в Англии «Концерто гроссо» (для четырех труб, литавров и органа) — Олег Янченко недавно записал свои первые компакт-диски в ФРГ и Италии.

Слов нет, в последние годы демократических перемен многое меняется и в жизни органистов — ширятся их международные контакты. Тот же энергичный Олег Янченко, обретший репутацию интересного органного импровизатора (не столь уж частый дар даже среди композиторов), был приглашен недавно в Великобританию для участия в представительном Международном конгрессе органистов (свыше 1000 делегатов!), который собирается в Кембридже раз в десять лет. Там же, в Великобритании, нынешней осенью состоятся 12 сольных концертов молодого московского органиста Александра Фисейского, который представит вниманию публики об-

ширный репертуар из произведений классической и русско-советской органной музыки. Александр Фисейский выдвинулся в последние годы как интересный интерпретатор и первый исполнитель именно произведений советских композиторов разных поколений. Недавно в Вене на радиотелевизионном фестивале органистов звучала в его исполнении музыка Шнитке, Губайдулиной, Шостаковича. Именно им открыты имена дотоле неизвестных молодых композиторов Владимира Рябова, Михаила Ермолаева, Эдгара Арро, Олега Ниренбурга. Недавно вышел диск с записью новой «Органной симфонии» азербайджанца Арифа Мирзоева в интерпретации Александра Фисейского, она уже звучала в Киеве, Москве, Ленинграде, Минске и Будапеште.

Но что особенно важно: приходит, хотя и с запозданием, к сожалению, признание наших достижений в интерпретации музыки бессмертного Себастьяна Баха. В 1988 году был посвящен в члены баховского общества в Лейпциге 59-летний Гарри Гродберг, чьи записи произведений Баха и старинной музыки были куплены в США и ФРГ, — первый случай в нашей органной биографии. А в 1989 году Гродберг был единственным органистом, ставшим участником традиционного Баховского фестиваля в Западном Берлине.

Но и к нам едут многие зарубежные мастера. И не только концертровать. Вот уже в Пицунде и в Риге провел для молодежи первые семинары мастерства органист из ФРГ Лео Кремер.

Так что же, лед все-таки тронулся?

Скажем так: лед тронется окончательно при благоприятной погоде. А устойчивую погоду могут сделать государство и самостоя-

тельные музыкально-общественные институты лишь сообща, в корне меняя отношение к органу, проникаясь ощущением его роли в защите подлинных музыкальных ценностей, сохранении нравственных основ общества. Векское слово должно здесь принадлежать и композиторам. Будем откровенны: нет у нас пока композиторов — мастеров музыки органной, нет настоящего советского органного репертуара. Но, слава богу, есть повод для надежд, потому что наблюдается явное оживление интереса к органу в композиторской среде. Пишут для органа известные композиторы — Родион Щедрин (недавно поразивший своим грандиозным органным «Музыкальным приношением» Баху), Сергей Слонимский, Борис Тищенко, Софья Губайдулина, Маргер Заринь, представители более молодого поколения — Кирилл Волков, Татьяна Сергеева, Михаил Ермолаев и другие. Однако наблюдается тенденция — использовать орган преимущественно как ансамблевый инструмент. На этом фоне заметно выделяются два произведения для органа соло крупной формы, созданные Микаэлом Таривердиевым: Концерт для органа «Кассандра» и органная симфония «Чернобыль», посвященная Гарри Гродбергу и исполненная им впервые 1 января 1988 года в Москве, а затем, также с огромным успехом, в Западном Берлине, Ленинграде, Челябинске, Сочи. Отмеченные большим трагедийным пафосом, оба произведения содержат в себе драгоценные элементы современного музыкального «космизма», столь сближающие звучание органа с мироощущением и психологией людей конца XX века.

...Вскрикнул простуженным голосом огромный орган-красавец Большого зала Московской кон-

серватории. Он молчал из-за нерадивости своих консерваторских «хозяев» почти два года. К счастью, пришел конец молчанию. Под напором музыкальной общественности вновь открылся после «косметического» ремонта Большой зал консерватории, и органые сезоны вступили в свои права. Правда, ремонт в зале сменился разрушительным ремонтом всей улицы Герцена, которому не видно конца даже в год Международного конкурса имени Чайковского. Настроение публики и музыкантов портится еще до входа в Храм Искусств. Но это, как говорится, уже особый разговор. А мы спешим на концерт московского органиста Сергея Дижур...

Но что это с органом? Изощренный слух не может не уловить его трудного, «недостаточного» дыхания. А ведь совсем недавно, в 70-е годы, одна из французских фирм (оказавшаяся впоследствии несостоятельной) осуществляла его капитальный ремонт — третий по счету на нашей памяти. Была ли это некомпетентность заказчиков или заграничные мастера обошлись неосторожно с драгоценными особенностями этого чудесного романтического инструмента, меняя слишком много труб, — только все эти ремонты и модернизации оказались не вполне достойными благородной сущности инструмента: орган во многом утратил свое оригинальное лицо. Где божественные краски единственной в своем роде палитры, где серебристый тембр «микстур»? Где блеск и свет могучего тупти, столь необходимого в финалах баховских капитальных композиций? Видно, серьезный ущерб был нанесен и качеству механизма органа знаменитой французской фирмы «Кавайе-Колль», единственного в нашей стране.

Вот они, проблемы «органной

державы». Не умеем следить за «здоровьем» даже главного органа страны, составляющего наше национальное богатство. Не умеем цивилизованно эксплуатировать инструменты.

Условия обслуживания больших органов и проведения органических концертов в Москве сложны, как нигде. Ведь органы функционируют в залах, перегруженных другими филармоническими концертами. В Москве нет специального зала или Дома органной музыки, как во многих других городах. И потому борьба за дом-костел на Малой Грузинской улице, где проектировался по первоначальному замыслу Центр органного искусства в столице, приобретает нынче некие фатальные черты. Дело в том, что есть уже соответствующее постановление Мосгорисполкома и даже есть решение по этому поводу Совета Министров СССР, но нет... ничего другого. Кто знает, когда красивые решения начнут воплощаться в жизнь? Тем более что жизнь все более усложняется, и обрусевшие польские католики из общины «Польский дом» уже просят вернуть им костел.

Так кто же всерьез займется органной культурой? Силы расплелены между организациями «старыми» и новыми: здесь и Министерство культуры СССР с его «бывшим» органом советом (который каким-то образом все же функционирует); здесь и Всесоюзное (и Московское) музыкальное общество, где действует «творческая комиссия органистов», а также ее наиболее активная московская «фракция»; здесь и недавно учрежденный Советским фондом культуры «Центр органного искусства»; обретший свою юридическую и финансовую самостоятельность; здесь, наконец, Московская консерватория — главная

«кузница» органичных кадров, владеец Большого и Малого залов с их уникальными инструментами.

Молодое поколение органистов стремится самоутвердиться, им хочется самим решать все вопросы органной культуры. Это естественно. Здесь максимализм — в природе вещей. Ведь не случайно же молодых не удовлетворили те возможности, которые могло предоставить им Музыкальное общество, — организация тоже молодая и еще не окрепшая. Отсюда и возникла борьба за «Центр органного искусства», где органисты планируют развернуть экспертно-консультативную деятельность по установке новых органов и спасению старых, нуждающихся в особой, индивидуальной реставрации, планируют со временем организовать самостоятельную концертно-гастрольную работу и даже выпустить специальный «Бюллетень для органистов». У «Центра орган-

ного искусства» пока нет своего дома (или костела!). Но страсти кипят. Молодые рвутся в бой с надеждой его выиграть.

Но вот беда: «бросаясь в бой», они не думают о возможных и даже необходимых союзниках. Не ищут опоры в опыте и мастерстве старших. Напротив, этот опыт, мастерство и подвижность старшего поколения органистов часто отвергаются. Справедливости ради нужно сказать, что и старшие — будь то музыканты из «кабинетов», консерваторских классов или артистических — не спешат порой протянуть молодым руку помощи.

...Когда слышишь голос могущественного органа, идущий из глубин веков, голос инструмента, запечатлевшего космический взлет человеческого духа, думаешь только о чуде Жизни, Красоты и Любви, которых никто из нас не имеет права предать.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Как теперь нам перестраивать социализм? Объявить свободное предпринимательство и легализовать частную собственность? Без этого никуда, но, Боже мой, что за этим последует! Монополия в производстве достигнет 100 процентов, а конкурировать не с кем; как только конечный продукт становится собственностью трудящихся, групповой монополистический эгоизм захлестнет страну. Цены начнут расти как на дрожжах, инфляция будет выражаться трехзначным числом. А наш народ, как всегда, к этому не готов. Начнутся забастовки, народные волнения, бунты, короче — конец всему. Где же выход? Что же предпринять? Как это ни унижительно, но правительству надо будет просить помощи у Запада. Но не такой, как всегда просим: дайте нам что-нибудь, что вам не нужно, а мы тут распределим. Нет. Помощь должна быть двусторонней и обоюдовыгодной. С нашей стороны немедленно открыть все границы, сделать свободными въезд и выезд для всех, снять все ограничения на ввоз иностранного капитала и на образование совместных предприятий и одновременно с этим вводить свободное пред-

принимательство и открывать свободный рынок. Что же это даст? Почувствовав реальные гарантии своему капиталу, «империалисты» быстро смогут насытить наш рынок товаром. Это на первое время снимет социальную напряженность в обществе. Дальше в дело должны включиться пресса, радио и телевидение, пропагандируя новый образ жизни: лучше работаешь — лучше живешь. Для страховки же уровня жизни пенсионеров, студентов и других неимущих создать Налоговое управление, которое следило бы за работой предприятий и взимало бы с них все, что положено.

В. РЕШЕТНЕВ,
31 год, прораб,
Тюменская область

КРИТИКУЕШЬ?

ВІСКИХУШКУ!

ПАВЕЛ ПІНЗЖО
ФОТО ІГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Утверждают, что с психбольницами у нас теперь полный порядок. Используются они только по самому прямому назначению. Никто в них понапрасну не томится, а кого раньше томили, тот полностью и навсегда реабилитирован.

Хочется верить, но вот письмо из Целинограда от строителя Кукушкина А. А.: «В январе 1977 г. я поставлен на учет в Целиноградской облпсихбольнице. В больнице не был, врачей не видел, поставлен в глубокой тайне. Узнал об этом лишь в феврале 1980 г. А в январе 1983 г. посадили меня в тюрьму «за клевету» на облпрокуратуру и психбольницу. К этому времени у меня было 24 лживые отписки из облпрокуратуры. По какой же причине меня поставили на учет и затем арестовали?»

Причина... как ни странно, традиционная. Кукушкину надоели «туфта» в отчетности, махинации с прибылью и с себестоимостью монтажных работ. Приписки, которыми зарабатывалось переходящее Красное знамя коллективу, награды — начальству. И тогда Кукушкин наслал на родную тринадцатую мехколону треста «Целинэлектросетьстрой» областное контрольно-ревизионное управление.

Ревизия выявила приписки на сотни тысяч, однако вместо лавров борца за сохранность социалистической собственности Кукушкин стяжал репутацию психически ненормального человека и был насильственно изолирован от всего остального здорового общества, а в дальнейшем был поставлен на учет в областной психбольнице.

«Между тем в медицинской карте, — пишет далее административно признанный больным, — ведущейся на меня в поликлинике № 1 с 1963 года, нет записей, что я когда-либо обращался к участ-

ковому врачу с жалобами на боли в голове, что меня лечил невропатолог, что мне проводились консультации или комиссии по этому поводу... Я одиннадцать раз обращался к министру здравоохранения СССР с заявлениями, жалобами, просьбами, в которых просил провести служебное расследование обстоятельств постановки меня на учет в психбольницу и снять с него меня. В ответах Минздрава СССР и КазССР (куда была переслана часть моих обращений) мои доводы игнорировались, и мне предлагалось **доказать**, что я психически здоров. Согласитесь, это вообще что-то неусветное...»

Не хочется верить, что все было в точности так, как описывает автор письма. Но рассказанное им едва ли не во всех обстоятельствах повторяет случаи из практики украинских психиатров, с которыми мне пришлось столкнуться в славном городе Кременчуге. Там тоже чисто производственный конфликт с руководством совершенно неожиданно оборачивался для человека «клиническими» последствиями в городской психбольнице. Самое печальное, последствиями затяжными, которые и по сей день отравляют людям жизнь.

Понятно, что людям, привыкшим за десятилетия совершенно определенным образом выполнять свои «гуманные» функции, сегодня перестраиваться непросто. Но почему же последствия этого должны ложиться тяжким бременем на плечи ни в чем не повинных людей?

Блаженные и юродивые издавна чтились на Руси. Но отношение к ним было двойственное. За слабость и за «не от мира сего» их кормили, пригревали. Большим грехом считалось обидеть «убогого». Но рядом с этими людьми,

чье назначение на земле, казалось, только тем и исчерпывалось, чтобы не дать в народе заскорознать милосердию, были легендарные Иваны-дураки, взыскующие правду как перед толпой, так и перед царями. В сказках, в пушкинском «Борисе Годунове», в горьковском «На дне» они вырастают в исполнинские фигуры, подобно храму Василия Блаженного на Красной площади.

Но время шло, и мы разучились смотреть в глаза двум вещам: человеческому несчастью и правде. Вернее, нас отучили. От убогих мы якобы избавились, загнав их в сумасшедшие дома. От правдолюбцев отгородились вроде бы тем же средством. Но ни счастливее, ни умнее не стали. И даже кое-что из прежнего растеряли. Теперь, когда снова разрешили подавать милостыню, это стало заметно даже на улицах. Совсем молоденькие подают больше и охотнее, чем люди среднего возраста и пожилые, которые с детства пели: «Я другой такой страны не знаю» и учили: «Человек — это звучит гордо». Хотя, казалось бы, все должно быть наоборот.

Какой-то психиатр сказал, что если подойти к автобусной остановке и снять там у всех энцефалограмму, то в девяти случаях из десяти она зафиксирует патологию. Надо полагать, что в очереди к прилавку соотношение будет десять к десяти. Цифры куда упрямее фактов: из всего народонаселения планеты, состоящего на активном учете у психиатров, каждый 7—8-й — наш соотечественник. Похоже, что в этой области в отличие от показателя уровня жизни нам обеспечено прочное лидирующее положение. Но, может, там врачи плохие, не справляются? Возьмем другие цифры: на сто тысяч человек в Великобритании и США приходится от 9 до 12

самоубийц, а у нас — от 19 до 30! Так что проблема тут не только в клинической, но и в социальной сфере. Впрочем, специфика нашей жизни такова, что обе они теснейшим образом переплетаются. В свое время это блестяще доказали доктора из Института имени Сербского под идейным руководством «светила» отечественной психиатрии академика А. Снежневского. Ему принадлежит честь открытия болезни «вяло текущая шизофрения», которая в чем-то даже страшнее СПИДа, так как может быть обнаружена практически в любом из нас, вздумавшем выказать недовольство жизнью или начальником.

Что особенно ценно, для диагностики этого заболевания не требуется никаких хитрых приборов и методик. Даже диплома вуза не надо. Потому что согласно статье 9 «Положения об условиях и порядке оказания психиатрической помощи» предусматривается освидетельствование по такому «резинному» поводу, как «нарушение правил социалистического общежития». Еще не стерлось в памяти, как взбудоражило страну сообщение в печати и по телевидению, что свердловчанина Сергея Кузнецова на суде собирались подвергнуть психиатрической экспертизе за «оскорбление» сотрудника МВД. В это же самое время на Полтавщине мне случилось быть свидетелем куда более интересного казуса из практики правосудия: судья потребовал психиатрической экспертизы рабочего Полтавского ГОКа Сергея Смирнова за то, что тот отказался от адвоката, заваливавшего его дело.

...Дело-то было не простое. На Смирнова подал в суд его же собственный директор комбината, так как посчитал его главным виновником своего провала на выборах в Верховный Совет СССР. Разуме-

ется, иску директор придал ныне самую удобную форму «защиты чести и достоинства». Но, поскольку обвинение, несмотря ни на какие ухищрения, рассыпалось, пришлось прибегнуть к психиатрии точно так же, как в блаженной памяти недавние времена прибегали к «царице доказательств» — признанию обвиняемого. Та же «мания правдоискательства», которой якобы страдает Смирнов, — чем не симптом вяло текущей шизофрении со всеми стремительно вытекающими для ответчика последствиями? Ведь, кроме известного «Положения об условиях и порядке оказания психиатрической помощи», принятого нами спешным порядком ради реабилитации в глазах международной общественности, до сих пор действует соответствующая инструкция Минздрава, которая фактически не ограничивает полномочия врачей-психиатров применять принудительные изоляцию и лечение под внутриведомственным контролем. «Более того (цитирую прошлогодний номер журнала «Коммунист»), в обход статьи 16 Положения инструкция о неотложной госпитализации дает право производить таковую и врачам, не являющимся специалистами в области психиатрии (!), в тех районах, где такого специалиста нет (Смирнова судили на Козельщине — большое село. — П. П.). Ясно, что в подобных случаях гарантии обоснованности принудительной доставки (обычно в сопровождении сотрудника милиции) в психиатрическую больницу вообще отсутствуют».

Если бы в случае со Смирновым общественность не возмущалась (страсти еще не успели остыть после выборов), если бы не вызвали из Москвы (!) адвоката, имевшего большой опыт участия в такого рода («политических», как он вы-

разился) процессах, бог знает, чем бы для него кончилась эта самая экспертиза. Вряд ли его судьба сложилась бы лучше, чем у работницы Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО) Марины Приставки, которую за критику начальства с деятельной помощью местного комитета ослабили шизофреничкой и посадили в психушку. Но до города на Неве далеко, а вот город на Днестре Кременчуг находится в непосредственной близости к Полтавскому ГОУ, и здесь тоже накоплено немало ценного опыта оказания психиатрической помощи гражданам, в которой они остро нуждаются... по мнению своих руководителей. Вот некоторые примеры...

Очнувшись, Любовь Савична Андрейко подумала, что напрасно ее привезли в больницу. Муж в отъезде, дети дома голодные... Но в ответ ей: «Переодеваться и в палату». Тут только Любовь Савичну осенило, что больничка-то непростая. Психоневрологический диспансер называется. И доставили сюда бедную женщину прямо с расширенного профбюро, где обсуждался вопрос об ее увольнении.

Ночь проплакала, утром — обследование. Проверка на алкоголь, куча вопросов (вроде: что общего у слона с мухой, на который ответила — хобот), тогда как мучает один-единственный: как там дети? Наконец отпустили, снабдив в дорогу больничным листом. Не сразу постигла Андрейко всей гуманности этого акта. Только некоторое время спустя, когда к ней наведалься медсестра осведомиться о самочувствии. «Вы у нас на учете», — разъяснила она все еще ничего не понимающей женщине.

...Вот так для Любви Савичны

закончилось то бурное расширенное профбюро ГПТУ-7, постановившее уволить ее за трехдневный прогул. Ничего такого на самом деле не было. Бумажки оформили задним числом единственно для того, чтобы избавиться от Андрейко. Ей оказалось не по силам наблюдать на кухне училища, как детей обедают все кому не лень — от директора до сантехника, как во время неожиданных проверок в унитазы выбрасывают «неприходованные» для дома сметану и масло. В конце концов со стороны Любови Савичны последовал довольно громкий и продолжительный бунт, результатом которого явился поспешный уход из столовой заведующей и калькулятора. Событие ввергло в глубокую задумчивость администрацию и профком: как быть с зарвавшейся «кухаркой»? В самом деле, сумок домой не таскает, работу ломит за двоих. Решили состряпать «прогул», но «сумасбродка» олять не покорилась, стала требовать разбирательства, свидетелей, «качать» права. Образовавшаяся неразбериха неизвестно еще чем бы кончилась, не грохнись Андрейко от избытка эмоций в обморок. И тут кого-то осенило вызвать не простую «Скорую», а из психушки. Ведь другой такой случай отделаться от «правоисследовательницы-перестройщицы» судьба вряд ли подарит. Теперь все дело с Любовью Савичной переводится в совершенно иную плоскость. Ставится вопрос, может ли работать с детьми человек с неустойчивой психикой. Ответ однозначный...

Предвижу простодушные возражения, дескать, не то нынче время, чтобы за критику начальства сразу в диспансер и потом с клеймом на всю жизнь. Действительно, время вроде бы другое. Но люди-то те же, учреждения прежние, да

и обстоятельства, по правде говоря, мало чем изменились.

Еще пример. Не захотела больше мириться с порядками, царящими в Кременчугском троллейбусном управлении, экономист Н. Хилимендик. Приписки, блат, дутые показатели, отвратительное обслуживание пассажиров, незаработанные премии, деление коллектива на избалованных начальством и постылых... Но руководство совместно с парткомом-профкомом и верной «общественностью» быстренько заткнули Неле Ивановне рот. Другая бы смирилась, а она нет, писать письмо в Полтавский облкоммухоз. Там нехотя откликнулись, но злоупотребления обнаружили столь вопиющие, что пришлось-таки реагировать: «По недостаткам и нарушениям, о которых сообщает Хилимендик и которые выявлены в результате проверки, издан приказ-постановление, где намечены конкретные мероприятия по улучшению деятельности предприятия»...

Одним из таких мероприятий явился учрежденный по пятницам единый политдень, на котором начальник управления Л. Левитан носил Нелю Ивановну на чем свет стоит, обзывал «шизофреничкой» и обещал избавить от нее коллектив к следующему политдню. Осыпав бедную женщину строгачами, которые она едва успевала опротестовывать, начальник призвал профорга и велел санкционировать увольнение Н. Хилимендик. Распоряжение было выполнено немедленно.

Автомобильный райнарсуд (председательствующая Л. Гошко) не только восстановил правоисследовательницу на работе, но и взыскал в ее пользу с предприятия 210 «карбованцев». Однако закусившего удила начальника законом не проймешь. Не будет эта «шизофреничка» работать экономистом, ве-

щает Левитан, и коллектив безмолвно внемлет, как некогда народ внимал его однофамильцу. А почему бы, напрашивается вопрос, снова не подать в суд на Леонида Яковлевича, на этот раз за оскорбление личности?

Не стоит, потому что начальник над всеми троллейбусными личностями может сослаться на такую вот вполне официальную бумагу: «Кременчугский ПНД в ответ на многочисленные (каково, а?!) письма предприятия, где работает Хилимендик Н. И., сообщает: 11.07.87 г. проведена ВКК в составе зав. поликлинического отделения Ванюшиной Л. А. и врача Краписко Н. А., которые без указания диагноза и без всякого заключения, а в порядке оказания социальной помощи (!) дали рекомендации: «По состоянию здоровья рекомендуется работа, исключающая обширные контакты, не требующая большой инициативы. Показан труд преимущественно конкретного характера... Главный психиатр облздрава В. И. Литвиненко».

Так Литвиненко отвечал инстанциям. А для Хилимендик он составляет несколько дней текст (просим извинить за обилие цитат, но с психиатрами иначе нельзя — свихнешься): «После консультации в 1988 г. в Харьковском НИИ неврологии и психиатрии, где диагноз психического заболевания подтвержден, но, учитывая благоприятное течение заболевания, рекомендовано снятие с динамического диспансерного наблюдения, что было выполнено Кременчугским ПНД. Следует отметить, что госпитализация в облпсихбольницу, установление психиатрического диагноза, постановка на учет в ПНД (1972 г.) не могут быть связаны с вашим трудовым конфликтом, который начался в феврале 1987 г., т. е. через

16 лет после начала заболевания. Существо остальных поднимаемых вопросов в вашем письме (трудо-вой конфликт, оскорбления) не входит в компетенцию органов здравоохранения».

Вот ведь гуманисты. Сначала в порядке «социальной помощи» рекомендуют экономиста с двадцатипятилетним стажем перевести «на метлу» (это в ответ на «многочисленные письма предприятия», что само по себе не входит ни в какие правовые или моральные рамки), а потом: наша психиатрическая хата с краю, мы-де ни при чем. И какая милая неопределенность: с одной стороны, «благоприятное течение заболевания», с другой — диагноз — «остаточная шизофрения со стойким улучшением». Рекомендовано снять с учета. Снята с учета в августе 1988 года. Главный врач Кременчугского ПНД В. Н. Колесник». Тот самый, который послушно откликнулся на «многочисленные письма».

И еще одна деликатная сторона вопроса: У Андрейко и Хилимендик — семья, дети. А поскольку не только главврач Колесник своим примером доказывает, сколь условно это понятие — медицинская тайна, постольку, надо думать, это наложит определенный отпечаток на их взаимоотношения со сверстниками. Наши милые «крошки», которых школа, кинематограф и литература воспитывают горячими патриотами-тимуровцами, к сентиментальности, к бережному отношению к окружающим мало склонны. И несчастье в семье товарища. у них не вызовет избыточного сочувствия. Зато при случае им с радостью пользуются, когда хотят причинить боль.

Вот и пойми логику сумасшедшего дома: если шизофрения, то почему снимают с учета? А если человек здоров, зачем писать

«остаточная»? Голова кругом. Пришлось обратиться за помощью (слава богу, пока не медицинской) к главврачу Кременчугского ПНД.

...Троллейбусом добираться далеко, да и ходят они отвратительно. Пришлось ловить такси, что тоже оказалось проблемой с затратным решением, поэтому с радостью бросился к остановившемуся частнику. Услышав адрес, благообразный владелец машины посмотрел на меня с нескрываемым интересом. Узнав, что во владения Валерия Николаевича Колесника меня влечет пока еще не клиническая, а совсем другая нужда, он торжественно объявил, что везет меня в диспансер не кто-нибудь, а «эпилептик и реактивный психопат».

...Дело было так. После долгих лет семейного благополучия Николай Евдокимович Старчик внезапно почувствовал себя нехорошо. Появились приступы головной боли, противный привкус, сознание начал терять. Любящая супруга долго уговаривала его обратиться за помощью к медицине, пока наконец чуть не силой вынудила его пойти в психбольницу. Николая Евдокимовича тут же положили в стационар, и начались новые странности. Без всяких лекарств головные боли и мерзкий вкус прошли, зато пришли беспокойные вести: супруга сгребла в охапку все совместно нажитое и ушла доживать свой век к другому. Доверчивому Николаю Евдокимовичу потом четыре года кряду пришлось доказывать свою вменяемость и кое-какие имущественные права. Первое удалось, второе пока еще нет.

— У нас чудес не смотрите, — пообещал на прощание Старчик. — Подумаешь, «реактивный эпилептик» за рулем. Зайдите на автозавод, там на шлифовальном станке работает психиатр-параноик.

Увы, к этому чуду я опоздал. С весны прошлого года В. Шаблий снова облачился в белый халат и стал принимать пациентов в 4-й горбольнице. Однако диагноз за ним остался. Поставил его бывший начальник Василия Константиновича, уже известный нам главврач Кременчугского психдиспансера В. Колесник. А причиной тому послужила самая банальная ссора. Будучи председателем квалификационной комиссии, Василий Константинович Шаблий отказался подписывать фиктивное заключение о болезни женщины, которая не только никогда не состояла на учете, но еще с поразительным самообладанием и логикой доказывала ему, что справка ей нужна обязательно, так как без нее не получить квартиры. На этой почве и произошло объяснение с Валерием Николаевичем Колесником, в результате чего главврачу пришлось удовлетворить настойчивую женщину личной подписью. С того момента взаимоотношения «начальник — подчиненный» дали трещину...

Однако Шаблий отнесся к этому легкомысленно. Вернее, его интересовало совсем другое: тайны подсознательного, патология, проблемы контактов с настоящими (отнюдь не мнимыми) больными. Но понемногу все более чувствуя перемену отношения к себе, невольно стал относиться внимательнее к жизни родного лечебного учреждения. И обнаружил, к своему удивлению, немало патологического. То за больничными листами приходят и даже приезжают издалека какие-то дядьки непрошибаемого здоровья, которые в регистратуре не значатся. То вдруг обнаруживается, что пять сотен ампул остродефицитного церебролизина (на «черном рынке» — червонец штука) как корова языком слизала. И все с ве-

дома и благословения главврача. Василий Константинович решил объясниться с Валерием Николаевичем, результатом чего явилось его заявление «по собственному» с такой вот мотивировкой: он-де не может со спокойной совестью гипнотизировать своих пациентов, так как в обстановке диспансера не уверен за их карманы. На это Валерий Николаевич наложил устную резолюцию: «Скручу в козий рог»...

Шаблюю отвели кабинет без окон, с колченогой мебелью, регистратура перестала записывать к нему на прием, а потом разразился грандиозный скандал по поводу его ухода с работы за три минуты до конца дежурства. И хотя на каждую из минут у Шаблюю нашлось по свидетелю, утверждавшему, что он ушел вовремя, их заявления оставили без внимания. Дальше закрутился механизм, поразительно напоминающий расправу с его земляком, рабочим Полтавского ГОКа Смирновым. Общественные организации грудью встали за главврача, а Шаблюю назначили товарищеский суд. Поражает сходство в поведении этих двух «отщепенцев». Вместо чистосердечного раскаяния одна и та же бравада.

— Я, — глумливо заявляет Василий Константинович, — признаю суд профессиональной чести, суд совести и даже товарищеский. Но далеко не всех товарищей, сплотившихся вокруг главврача Колесника, соглашусь признать своими. Категорически отказываю в товариществе бывшему парторгу Погорелову, сначала уволенному за гомосексуализм, а потом снова принятому на должность психиатра. И профорг Бахметьев, укравший печатную плату из ЭВМ, мне не товарищ...

В ответ на это администрация, партком и профком пришли к единому мнению, что подобным

образом на товарищеском суде может вести себя только параноик. С этим ярлыком (благо своя рука — владыка) Шаблюю и уволили.

...Академик, член Президентского совета С. С. Шаталин как-то посоветовал, что мы захотели за короткое время «из страны полного беззакония стать самой законной страной и с неподдельным энтузиазмом принимаем то, чего не понимаем». Действительно, трудно понять, откуда в страдающем тяжким безумием обществе могут взяться «здоровые» сумасшедшие дома. Если с «черным рынком» медикаментов может потягаться только аптека 4-го управления, если обращение к психиатру автоматически накладывает клеймо на биографию, но люди заранее согласны на него ради дополнительного шанса на квартиру, если начальнику не дано другой возможности доказать свою правоту, кроме как официально и безнаказанно объявить тебя идиотом, — бессмысленно обвинять в чем-то психиатра. Даже если он главврач, он все равно вместе с подчиненной ему больницей, с ее морально здоровым коллективом крутится какой-нибудь шестеренкой среди таких же шестеренок и приводных ремней механизма, приводимого в движение ПРИНЦИПАМИ. А принципы — вещь капризная. Либо им соответствуешь, либо нет. Либо ими поступаешься, либо не можешь.

Поскольку доказывать свое соответствие Василию Константиновичу пришлось мучительно долго, а все лечебные учреждения города дружно закрыли перед ним свои двери, он сменил белый халат на синий и переквалифицировался в шлифовщика механического цеха № 1 Кременчугского автомобильного завода имени 50-летия Советской Украины.

Там народ попроще, «козий рог» у администрации непопулярен, поэтому Шаблюю дали вполне приличную характеристику: «Сменные задания постоянно выполняет, продукцию изготавливает хорошо качества. Поручения мастера выполняет беспрекословно. Спокоен, уравновешен, пользуется авторитетом у товарищей по работе».

В активе Шаблюя были и записи в диспансерной тетради, которые оставляли благодарные пациенты за «доброе отношение», «чуткое сердце» и всякое такое прочее. Все это рассматривалось Автозаводским районным судом Кременчуга, но на защиту авторитета главврача Колесника поднялся горком партии. Судью П. Гошко несколько раз вызывали в это высокое учреждение (пройдет год, и кременчужане выйдут на улицу с требованием отставки бюро горкома в полном составе), поэтому справедливость в отношении Шаблюя могла восторжествовать в лучшем случае в весьма усеченном виде. На прежнем месте работы его не восстановили, зато признали неправомочной дисквалификацию. И пока я был в Кременчуге, он трудился в 4-й городской больнице и даже успел новую характеристику получить, что, дескать, «добросовестно выполняет свою работу, имеет благодарности от больных, активно участвует в общественной жизни».

Из опыта общения с жителями Полтавщины можно сделать характерный вывод — любой нелояльный по отношению к администрации работник независимо от своих человеческих и профессиональных качеств автоматически становится изгоем общества, которое использует против него все механизмы административной защиты. Но многое для меня оставалось смутным в психологии этого явления, и я обратился к спе-

циалисту, главврачу Кременчугского ПНД В. Колеснику. И не ошибся.

Валерий Николаевич оказался замечательным собеседником. Такого доброжелательства, открытости и мягкости не только в Кременчуге, а и в Полтаве поискать. Он не снисходит до пустых препирательств вроде «было — не было, а докажи!». Он полагает, что при нынешнем состоянии нашего общества все это не имеет значения. Просто нельзя верить человеку, раскрыть ему душу, чтобы он тут же в нее не наплевал, не напакостил. Взять того же Шаблюю со всеми его фокусами, гипнозами, целыми диссертациями на каждого больного. Меня, дескать, подсознательное интересует. Спрашивается, зачем участковому психиатру подсознательное?

Форменное несчастье с этими доморощенными фрейдами, которые не могут понять простейшего. Именно: женщине нужна квартира, и она ее все равно получит. Какая разница, стоит она на учете или нет. Да возьмите любой трудовой коллектив, когда там начинают делить жилплощадь — буквально кого хочешь клади на месяц в стационар. Психическое состояние людей говорит само за себя.

Или вот пример с Андрейко. Не каждому дано перейти из рабочей среды в общепит или торговлю без психического потрясения. К сожалению, и столкновение с системой здравоохранения у многих нестойких натур вызывает шоковое состояние. Скорее всего так и произошло с Нелей Хилимендик, когда ее двадцатилетней девочкой привезли к нему прямо из туберкулезного диспансера. Конечно, обстановка лечебного учреждения, грубость персонала — это, прямо скажем, мало напоминает условия, окружавшие больных героинь романов Ремарка. То-

гда поставили диагноз — суицидальная мания — и с рук долой. А теперь, спустя семнадцать лет, походи определи, что там на самом деле было. Но, с другой стороны, вроде бы все хорошо у женщины сложилось: вышла замуж, дети подрастают, так ведь нет, все такая же «комсомолка-активистка», все за правду борется какую-то, только ей одной известную...

С клинической точки зрения подобное активное неприятие действительности означает не что иное, как «психопатоподобное расстройство».

Валерий Николаевич замечает, что в последнее время число людей, подверженных этому недугу, как-то подозрительно быстро возрастает. Причем если раньше от него страдали главным образом люди умственного труда, то теперь чуть не все поголовно. И даже не каждый врач-психиатр может перд ним устоять.

Имеет ли к нему какое-то отношение история с ампулами церебролизина? Да, здесь чисто его, главврача, упущение. Он выписывал их остро нуждающимся людям без необходимых формальностей. За это и получил выговор. Впредь будет аккуратнее...

— Не хотите ли посмотреть мое хозяйство? — внезапно осведомился Колесник и гостеприимно распахнул не замеченную ранее дверь во внутренний коридор. — Знаете, четверть века я протрудился в этих стенах и решительно не могу понять, почему у некоторых они вызывают такие нездоровые, панические, прямо скажем, чувства. Вот недавно ремонт сделали...

— Спасибо, в другой раз как-нибудь!

— Как знаете, — разочарованно протянул Валерий Николаевич, — а людям у нас нравится. Некоторые сами просятся «полежать».

Но я вспомнил, как в приемной главврача шептались, что у них повесился амбулаторный больной — преподаватель военного училища, — и поспешил откланяться.

На Кременчугском вокзале было все, как обычно: поезда идут мимо полупустые, но билетов в кассе нет. Они добываются иными путями.

И в вагоне ничего нового: серое, влажное белье, полотенце со следами чьего-то лица. А может, и не лица... В туалетах разруха. Титан бурлит, но чая не будет. Тут бы возмутиться, потребовать на предмет объяснений начальника поезда. Ан нет, потому что как живой встал перед глазами Валерий Николаевич Колесник и ласково так посмотрел:

— С клинической точки зрения подобное активное неприятие действительности означает не что иное, как психопатоподобное расстройство.

И пальчиком сделал. Дескать, не шали. И я забился на свою верхнюю полку под сырую простыню и затих до самой Москвы.

Однако этим я вовсе не хочу сказать, что в столице жизнь не такая безумная, как в Кременчуге. Еще прошлой весной наш главный психиатр В. Тихоненко выпросил себе в городской психоневрологический диспансер милицейский пост. Не стало житья от больных, требующих снять их с учета. Вот тоже люди: в паспортном столе стоят на учете — ничего. В военкомате — стараются даже не вспоминать об этом. Бесконечные дотошные анкеты заполняют — рука не дрогнет, хотя у многих есть от чего. А тут психуют как взаправдашние.

С чего бы?

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

■ Решил поделиться идеями, которые мне кажутся интересными, неординарными.

Практически во всех городах на центральных площадях установлены доски почета с портретами передовиков, названиями предприятий-победителей и так далее. Нужны ли эти помпезные сооружения «наглядной агитации»?

Предлагаю все эти городские, поселковые, районные доски почета реконструировать.

...В любой семье рождение ребенка — праздник. Это событие в какой-то степени — радость и праздник также для соседей, для друзей, знакомых. А для жителей той улицы, квартала, района, поселка, города, села, где появился еще один новорожденный маленький гражданин страны? Особенно это относится к сравнительно небольшим населенным пунктам, где многие знают друг друга. Давайте на главной площади, там, где стояли «доски», вывесим разноцветные флаги. Например, если в левых флажках висят два флага, а в правом — один, значит, за истекшие сутки в городке или поселке родились два мальчика и одна девочка. Под флагами имена и фамилии новорожденных.

Предлагаю также возродить забытый, но некогда традиционный на Руси (и не только на

Руси) красивый обычай помолвок.

Помолвка, скажем, за полгода или за год до официальной регистрации в загсе позволит будущим молодоженам лучше понять и узнать друг друга, ближе познакомиться с членами семей и родственниками, с которыми придется встречаться, общаться, жить. Уверен, что резко уменьшится количество скоропалительных браков и количество разводов.

За эти полгода-год «испытательного срока» молодые пары переживут не только праздники, но и жесткие будни нашей действительности; они должны получить знания по психологии семейной жизни, пройти специальную сексуальную подготовку с тестированием, получить практические навыки и знания по семейно-финансовому «хозрасчету» и другие, такие необходимые для совместной семейной жизни навыки. Словом, возрождая этот обычай, можно наполнить его современным содержанием.

На первый взгляд мои предложения могут показаться не очень важными, но не торопитесь усмехаться, подумайте — ведь они помогут нам стать добрее и человечнее.

**А. МИХНО,
Железноводск**

ПРИЕМ
ВЕЩЕЙ НА ХРАНЕНИЕ
ПРОИЗВОДИТСЯ
ВНЕ ОЧЕРЕДИ

СЕРГЕЙ РОМЕЙКОВ
Фото ЕВГЕНИЯ СТЕЦКО

В догору...

ing Bannor

Поговорим о ломбарде. «Кредитном учреждении, ссужающем деньги под залог движимого имущества». С легкой руки ломбардских ростовщиков ломбарды вошли в жизнь общества в XV веке. Шло время, менялись нравы, границы государств и политические системы; претерпевали изменения и ломбарды. Но исчезать они, похоже, не собираются. Во всяком случае, у нас...

Ранним утром плутаю по таганским улочкам. Людской ручеек, в который я не замедлил влиться, вскоре привел меня на Воронцовскую улицу, 4, и поставил в хвост такой давно и хорошо знакомой очереди.

Ждем открытия ломбарда.

Появляются жучки-перекупщики — острый глаз и верная рука практически безошибочно определяют вес изделия, его стоимость. Перекупщики дают столько же, сколько и государство — около 50 рублей за грамм золота 583-й пробы. (Позже, уже совсем рассвело, я заговорил с одним. Представился он Михаилом. На вопрос, а не бывает ли проколов, Миша, хорошо одетый мужчина лет 35-ти, ответил: «Не часто, но бывают. Влетаем иногда. На зуб ведь здесь пробовать не станешь. Есть мастера...» Выходит, и на старуху бывает проруха. И на жучках кто-то очень рискованно греет руки!)

Таганский ломбард не самый старый из восьми ныне действующих в Москве. Но и он с «дореволюционным стажем». В этом 6-этажном, петербургском, я бы сказал, доме меняют движимость на дензнаки с 1908 года... И если общий зал своим внешним видом еще вытягивает где-то на середину века, то уж склады — не что

иное, как на удивление хорошо сохранившиеся памятники старины...

Кто приходит в ломбард?

Пожилые наши сограждане, так и не научившиеся за долгую трудовую жизнь, положенную на построение «светлого завтра», сводить концы с концами. Ломбард поддерживает их на плаву, помогает им.

Вторая группа, по моим наблюдениям, от первой отличается лишь тем, что ее представителям еще долго участвовать в строительстве, начатом старшим поколением. Это обыкновенные советские люди, коих битком в автобусах, троллейбусах и на сборных концертах в спорткомплексе «Олимпийский».

А в третью группу я бы объединил: безнадежных алкоголиков, что идут сюда, главным образом, «общения» ради; весьма респектабельных граждан — работников торговли с внезапно вскрывшейся недостаточей; состоятельных, но нерачительных домохозяек, запутавшихся в долгах (на пальцах и в ушах некоторых из них поигрывали отнюдь не поделочные камни и не горный хрусталь!). Сюда же зачислю молоденьких, неопытных еще жен не ставших пока на ноги сменных мастеров и начинающих инженеров...

В ломбард несут не только драгметаллы. Здесь можно заложить меха, ковры, верхнюю одежду и обувь, мелкий трикотаж — у кого что есть.

Людей сюда приводит беда. Неуверенность в завтрашнем дне. Неумение и невозможность прожить, минуя эту подворотню.

Нашим советским ломбардам почему-то не повезло с репутацией. Да вы вспомните сами: вслух при посторонних о них стараются не упоминать, к людям, пользую-

щимся их услугами, отношение какое-то жалостливо-пренебрежительно... А почему, собственно? Чем ломбарды хуже прачечных или, скажем, бюро проката?! И здесь, и там — платные услуги населению... В чем же причина?

Думаю, корни ее искать нужно в социально-экономическом неравенстве, поразившем всерьез и надолго (знать бы, на сколько?) наше общество. Десятилетиями скрываемая от простых людей нестабильность, несбалансированность и едва ли не повсеместная неразумность хозяйствования тоже способствовали несправедливому расслоению общества, усиливали массовую нервозность, вызывали желание «жить своим домом» да поглядывать не без злорадства на соседа: как он там — колбасится? выкрутится? по миру пойдет? Серость и бескультурье, полунищета, уготованные народу его правителями, трансформировали в числе прочего и ломбарды: из бытовых учреждений, призванных помогать людям жить, они превратились в нечто постыдное, тщательно скрываемое.

Звяк! — падает колечко на чуткую чашу электронных весов.

Дзинь-дзинь! — на соседней замирают на мгновение сережки... Лишь на мгновение, потому что тут же из рук товароведа изделие падает к контролеру; секунды на выписывание квитанции, и она передает все вместе кладовщику. Следующий! Хорошо отлаженный конвейер работает на опережение.

«Да у них там, в ломбарде, два золотое! Вы что, не понимаете?!» Эта реплика — едва ли не всеобщее мнение обывателя о работниках ломбардов. Признаюсь, что и я сам если и не совсем так думал, то склонялся все-таки в ту же сторону. Ведь до непонятности странно: работать с **такими** окла-

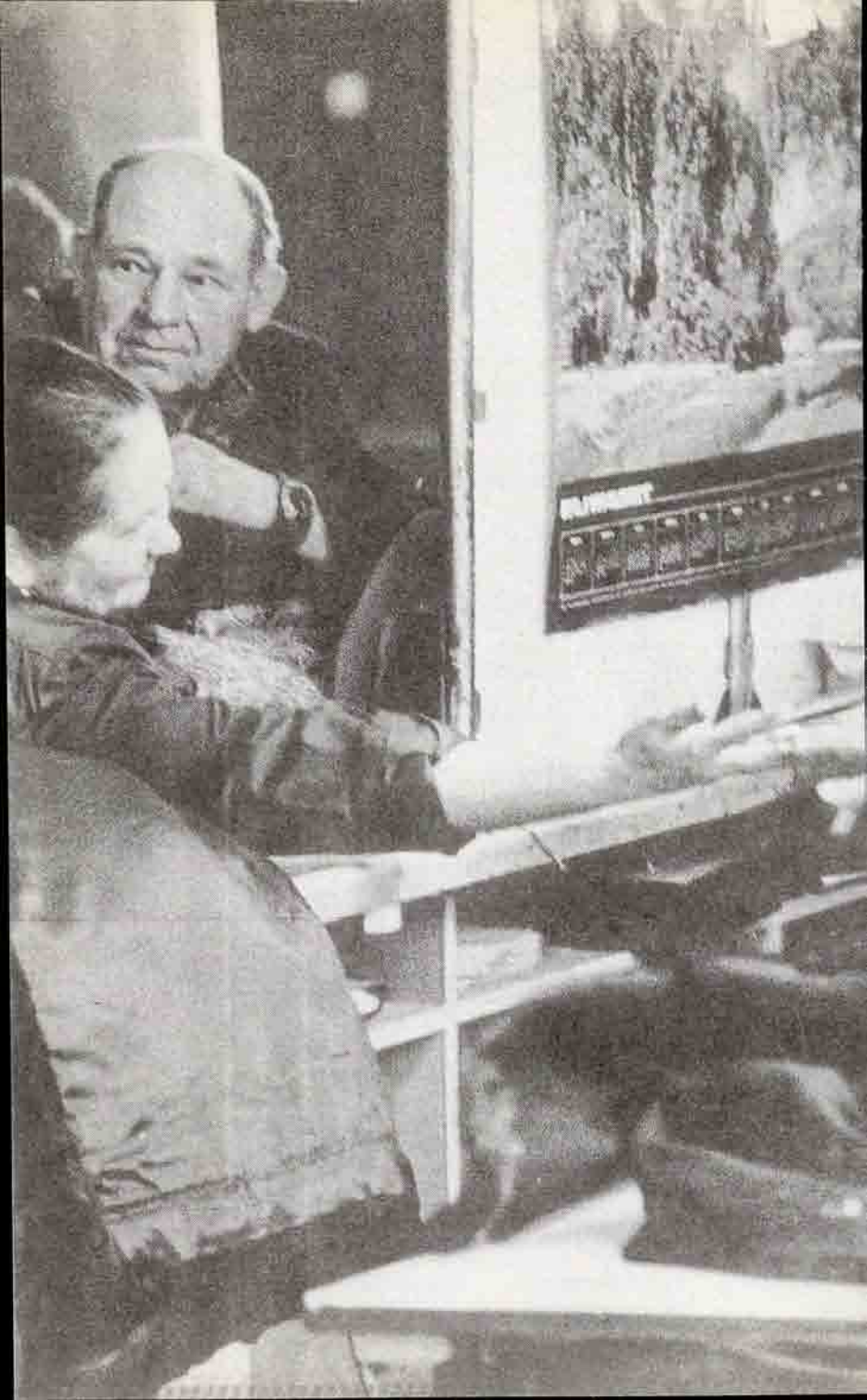
дами и ничего не иметь помимо? Оклад заведующей — 150 рублей. Контролера — 85. Кладовщика — 90. Товароведа — 110 рублей в месяц. Плюс прогрессивка, если есть план. Будем откровенны: на таких окладах сегодня можно себе представить разве что официантов, слесарей станции техобслуживания, зубных врачей... В этот же ряд так и подмывает поставить служащих ломбарда, но... В зубные врачи не пробиться, в официанты и рихтовщики кузовов дорога тоже не розами устлана... А в ломбарде?

— Люди нужны, — вздыхает Тамара Борисовна Морозова, заведующая таганским ломбардом. — Но брать со стороны боязно. С каждым вновь приходющим обязательно говорю. И первый мой вопрос: где вы работали прежде? Не скрываю: к бывшим работникам торговли отношусь с предубеждением. Из торговли ведь просто так не уходят, а у нас тут... По штату нам положено 66 человек, но укомплектованы мы меньше чем на 70 процентов.

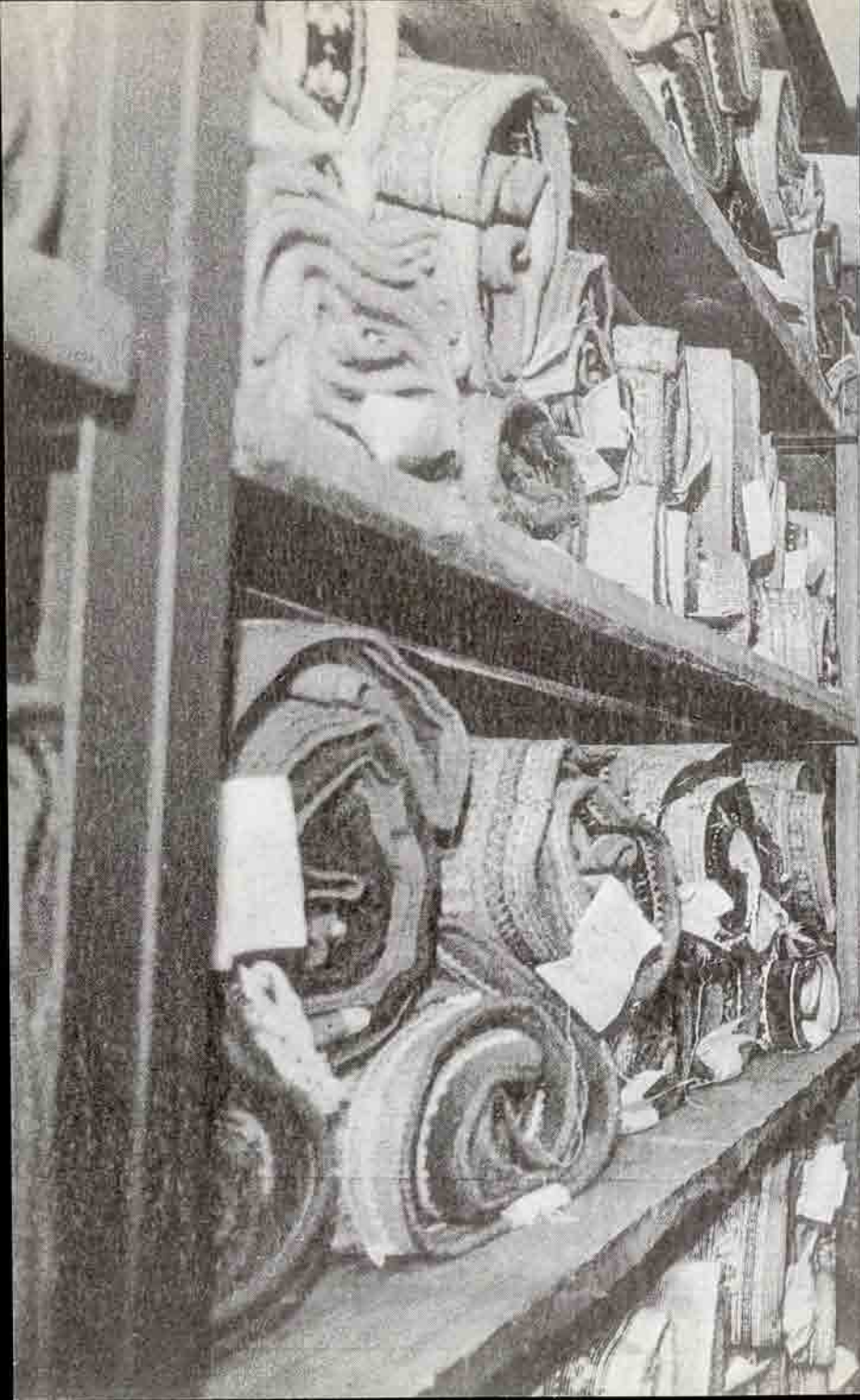
Тамара Борисовна работает здесь уже 23 года. Здесь же работала и ее мама, а жили неподалеку. Провалила Тамара вступительные экзамены в институт, и мама призвала ее к труду. Плехановский закончила вечерней. Прошла все ступени служебной лестницы, девчонкой начинала с контролера.

— 23 года назад контролер получал 65 рублей в месяц. Сейчас — 85. Видите, какой прогресс? — улыбается грустно...

С допотопной тележкой, груженной коврами, совершает пенсионерка Лидия Степановна Плюхина челночные рейсы — «узелковая» — лифт — выдача. И обратно груженная: прием — лифт — «узелковая». А в день — до 1200 единиц залогов. Примерно 700 единиц — выкупа. Так что не за-

мерзает труженица в бегах, не зябнет от безделья, сердечная!

...По крутой, винтовой, чугуновой, образца 1908 года лестнице поднимаемся в небольшую комнату. Раз замок, два замок — входим. Стеллажи, стеллажи, стеллажи... А на них сотни, тысячи пакетиков с заложенным золотом. Особняком на отдельной полке — серебряные портсигары. Да какие! Возьмешь — приятно оттягивает руку чернеющая тяжесть. С гравюрами и чеканкой, с затейливо-вычурными вензелями и — строгого, делового вида. А дальше — оклады, и кубок серебряный, и еще какая-то неведомая мне посуда...

И тут узнаю: не востребовавшие, не выкупленные в срок изделия — будь то ширпотребовское кольцо «чалма» или, скажем, старинный, 56-й, «николаевской» пробы перстень — все это после комиссии отправляется, как лом, в переплавку. То же самое происходит и с серебром.

— Это кошунство, — говорит Борис Барский, и. о. заместителя директора объединения «Мосгорломбард», — переплавлять, укрепив предварительно камень, произведение искусства на ширпотребовскую безделушку. Не головотяпство ли это?

А в самом деле считал ли кто-нибудь в Минбыте РСФСР или Минфине СССР, во что обходится государству такое, с позволения сказать, «хозяйствование»?

Все очень просто. Например, серебряная чаша, которой я восторгался в таганском ломбарде, оценена в 1200 рублей. (Ссуда за нее выплачена по максимуму — 200 рублей. Больше нельзя.) Допустим, чашу эту, не дай Бог, не выкупят в срок. Что дальше? Кусайте локти, антиквары и другие «хранители древностей»: тончай-

шей работы серебро, золоченная изнутри чаша отправится на базу «Ювелирторга», а оттуда путь ее — напрямик в переплавку. Что на этом «поимеет» государство? 0,7 процента с выданной ссуды плюс 0,4 процента с оценочной суммы за каждый месяц хранения. Гроши жалкие...

Казалось бы, очевидная вещь, пустяк, понятный любому, — аукционы, распродажи через антикварные магазины — вот верные пути зарабатывания денег и — главное! — сохранения в нашей культуре неповторимых произведений искусства.

Барский подтверждает мои мысли:

— На одном из первых аукционов, проведенных с участием «Мосгорломбарда», ковер ручной работы, оцененный в 500 рублей, «ушел» за 12 тысяч! Чувствуете? Уникальные вещи не должны падать под один и тот же общий

циркуляр с ширпотребом; хранить столько-то, затем — уценка и т. д. Есть вещи, которые, поверьте, имеют право ждать, когда придет **ИХ** покупатель, ценитель, знаток...

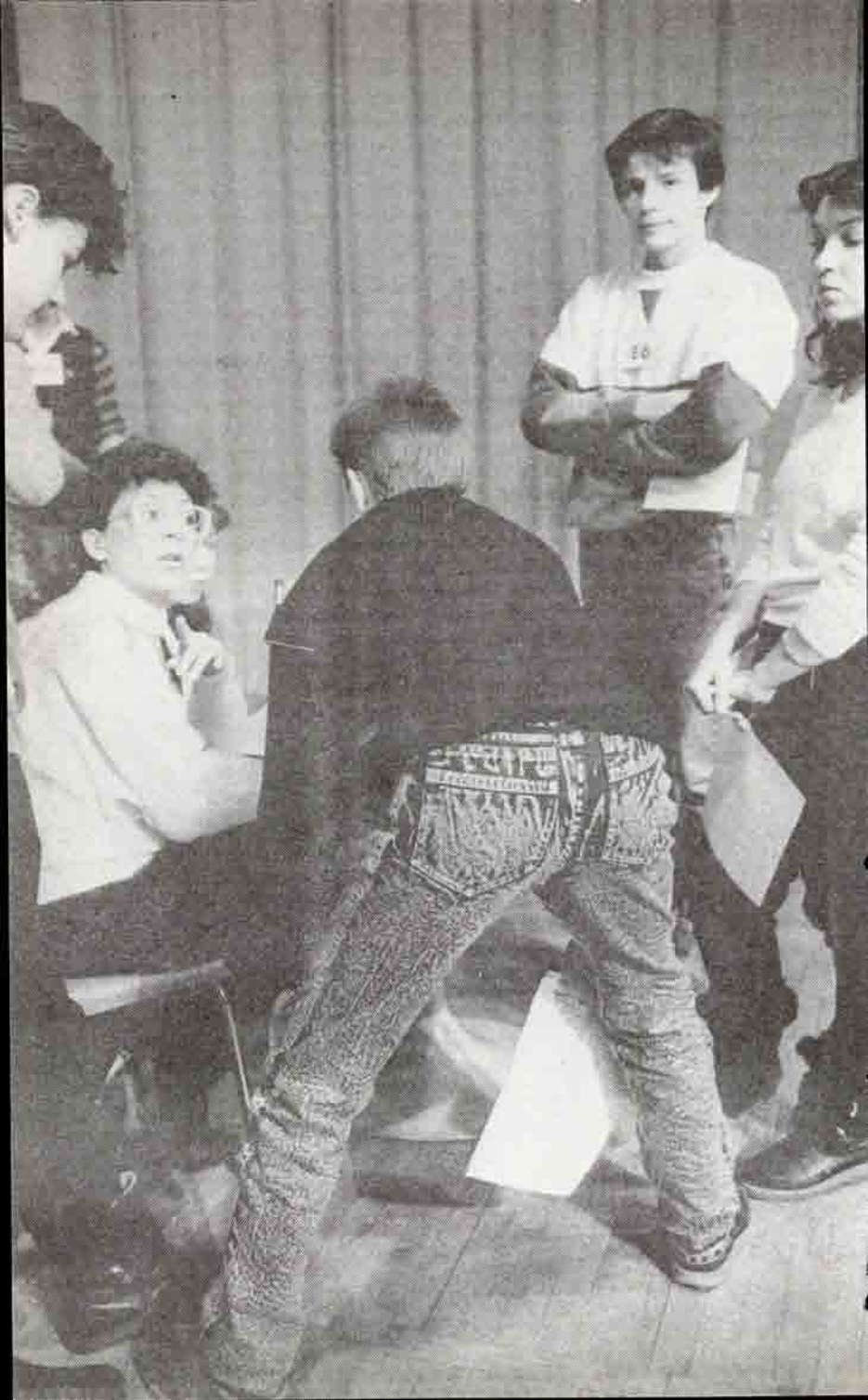
Оставим высокий штиль, опустимся на грешную землю. Из драгметаллов, принятых от населения ломбардами Москвы в прошлом году, лишь 7 процентов признано «ломом». Это значит, что 93 процента колец, сережек и других украшений могли бы после элементарной чистки, полировки, шлифовки разместиться на царственном бархате пустых прилавков в ювелирных магазинах. Могли бы...

Проценты с клиента взимаются за... хранение вещей в ломбарде. Ну кто, скажите, несет закладывать обручальное кольцо потому, что его негде хранить? Я ни одного такого не встретил. В ломбард приходят, когда позарез нужны деньги. На свадьбу ли, похоро-

ны — но срочно. И государство идет навстречу. Нужны деньги — пожалуйста! А бабушкины сережки пусть у нас полежат, так оно надежней — такие вот доверительные взаимоотношения... А чтоб без залога дать — ни-ни. Чтобы дифференцированно процент брать с клиента, по доходу (так, кстати, было до революции) — дудки!

Большинство из тех, с кем пришлось говорить, не задумывались о том, почему «потолочная» ссуда — 200 рублей, а не, к примеру, 500? Им мало дела до финансовых взаимоотношений между ломбардом, Минфином, Гохраном, Минбытом... Им нужны деньги, чтобы свести концы с концами. Чтобы худо-бедно, но существовать...

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ на завтра

ВИКТОР АНТОНОВ,

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Где взять по-настоящему деловых людей, способных в обозримом будущем вывести нашу экономику из кризиса? Может, они есть среди этих вот ста тридцати мальчишек и девчонок, собравшихся в московском Дворце молодежи на общегородской конкурс «Начинающий менеджер»?..

Идет напряженное состязание умов — деловая игра. И все же это похоже на праздник: звучат то танго, то румба; черная кошка хозяйски прогуливается меж столиками. Музыка запланирована, кошка — вне программы...

Разгорается дискуссия на экологическую тему:

— Сколько же, по-вашему, нужно времени, чтобы выправить положение?

— Думаю, не меньше трех лет...

— Три года, считаю, срок нерешительный, учитывая нынешнее бедственное положение. И оно все ухудшается, а за три года сколько еще воды утечет, сколько нефти?

— Данные мониторинга во всем мире: мы еще не достигли пика экологического кризиса, у нас еще все впереди...

— Вот в Магнитогорске, к примеру, жуткое количество вредных выбросов на душу населения. И как тут быть? Мы же не можем

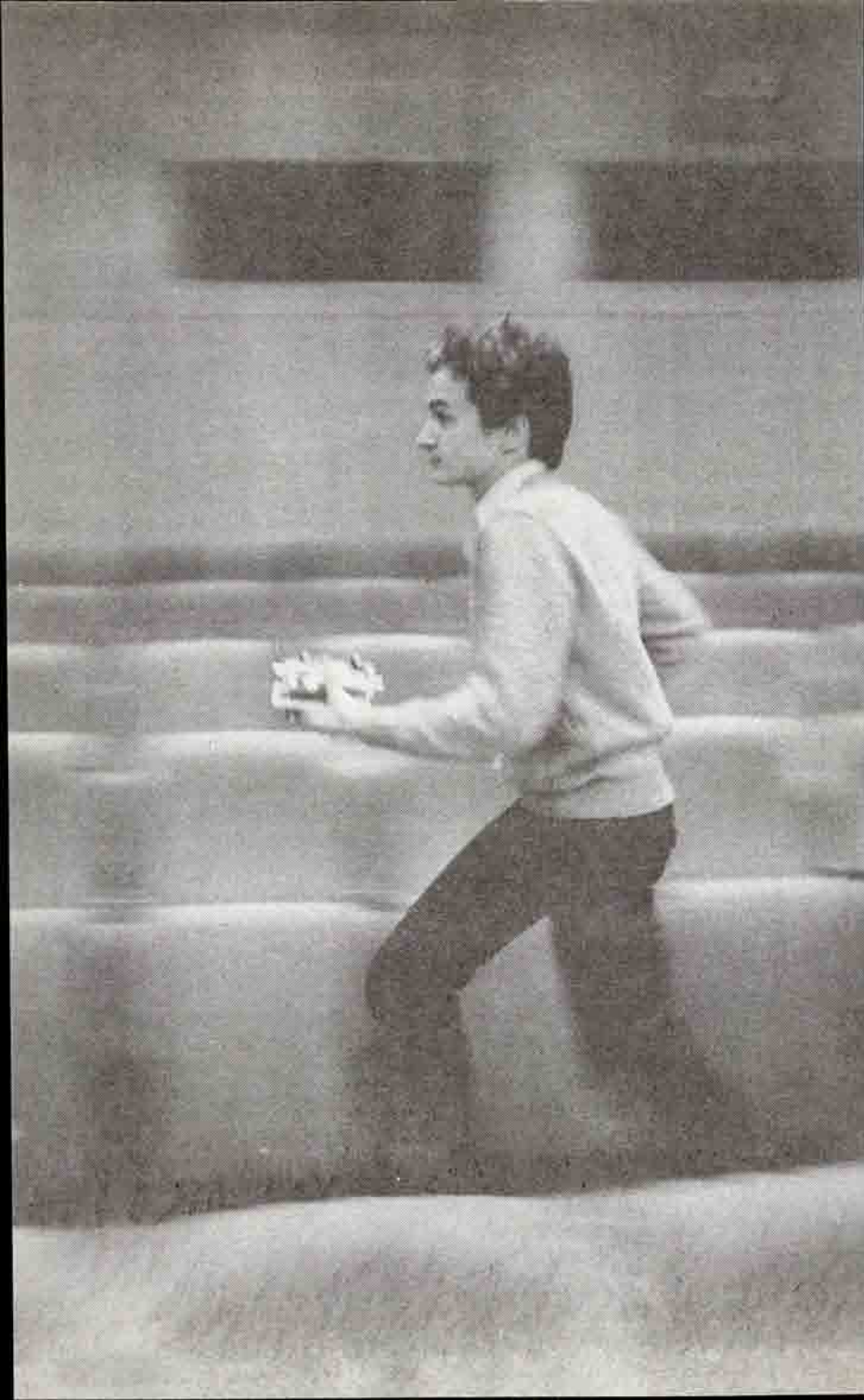
перенести месторождение руды на другое место, в сторону от города?

— Ну, во-первых, это миф — Магнитка давно уже работает на привозном сырье, а во-вторых, пора уже отказываться от дедовских методов и переходить на экологически чистые технологии...

Заняты тут и хозяйственными проблемами, и политическими прогнозами (в частности, что нам принесет введение президентства). Да какие же это дети?! Все наши государственные вопросы ребром поставлены...

— Мы хотим выявить наиболее способных ребят в области управления, — говорит руководитель одной из коммерческих школ менеджеров Георгий Юрьевич Гоцгори. — С победителями будем заниматься дополнительно...

Официально первая школа менеджеров появилась у нас в 1985 году в Таллинне. (Многие веяния

приходят к нам оттуда. Не оттого ли, что Петр I как раз там решил прорубить окно в Европу? И так удачно прорубил, что сколько после ни зашторивали, ни затыкали ту отдушину, а все зря: какой-нибудь сквознячок да просачивался сквозь щелку...)

Но, похоже, даже чутких ко всяким новациям эстонцев сначала смутила предложенная инженером Владимиром Тарасовым система автоматизированной аттестации специалистов. Непривычно смелой казалась сама идея провести тестирование руководителей производства и вынести беспристрастный, машинный «аттестат»; кто есть кто. Но Владимир Константинович уже шел дальше, разрабатывая методику деловых игр, еще на шаг ближе к заветной своей мечте «взрастить красных менеджеров». Методика не повторяла западных образцов, хотя и велосипеда вроде не изобретала: мировые достижения в менеджменте находили в ней свое место.

Ею и пользуются сегодня многие наши центры подготовки деловых людей, каковых — и людей, и центров — становится все больше. В частности, и две московские коммерческие школы.

— Нынешние подростки, — говорит Гоицгори, — через двадцать — тридцать лет, возможно, станут управленцами высшего звена. И сколько в это дело, в учебу их, вложим сейчас, столько и получим завтра.

Только что латвийский клуб менеджеров дал объявление в газетах о первом наборе в свою школу. Приглашают — учиться не хочу. А две учительницы из Таллиннского Дома детского творчества всерьез решили организовать менеджерскую «продленку» для первоклашек с полной культурной программой: языки, музыка, живопись и прочее, как в лицее. Ибо

только уровень культуры, взращенной с младых ногтей, а вовсе не призывы, считают они, может служить гарантией против национальных конфликтов.

...А игры во Дворце молодежи продолжают. Игра «Организатор». Сперва — подготовка: выбирается модель предприятия каждой командой, избирается директор, назначаются заместители, оговариваются условия между производителями продукции и ее потребителями, условия банковского кредита, заключаются договоры. Все как в жизни. Даже отношение к прессе.

— Я категорически против присутствия посторонних, — заявил мне директор Паша Опарин, астенный юноша, повязанный шарфом по-бедуински. — У нас секретное совещание, может, мы планируем важную сделку с одной иностранной фирмой, а вы конкурент или подсланы вражеской разведкой, тогда как?

Что ж, логика у начинающего менеджера железная...

И все же краем уха слышу:

— Так, значит, эти нам дают восемьдесят за каждый маленький автомобиль... Узнайте, сколько предложат другие, и будем выбирать... А сколько машин мы успеваем собрать за отведенное время? Шесть маленьких и четыре больших? Подсчитайте, кого мы можем обеспечить, под них и берем кредит. Больше заказов не набирать...

— А мы трое — посреднический кооператив, — сообщает Саня Рыков. — Да, мы все подсчитали: согласны отдавать 50 процентов прибыли, нам все равно выгодно. — И ни тени сомнения в голосе.

Забегая вперед, скажу: кооператив распался сразу же, компаньоны сами искали, куда

пристроиться. Когда предприятия работают с полной выкладкой, да еще в тесном соседстве, в посредниках вроде как и нужды нет. Эх, Шурик, плакали ваши расчеты...

— Видели, как люди носились, — оправдывался несостоявшийся бизнесмен, — а то бы все нам пришлось...

Да уж, что видел, то видел. Когда два встречных потока — директора, замы по производству и иже с ними — несутся возбу-

жденные, сметая все на пути, из одного крыла в другое и встречаются в проходе Малого зала — это, доложу вам, зрелище.

Телевизионщиков сразу предупредили, чтоб отодвигали подальше аппаратуру.

Минутная готовность, 30 секунд... 20... 10... Время пошло! Понеслись, не перемешиваясь, встречные потоки: туда — детали, обратно — машины, а в дверях — госприемка: не отваливаются ли

колеса у собранных автомобилей.

— Не забудь с них «бабки» получить.— бросает на бегу директор своему главбуху.— Возьмешь и нас догоняй...

Скажете, в жизни директора не носятся сломя голову? Да, но только потому, что есть телефоны и авральные сроки не так спрессован, да и поставщики от потребителей — за тысячи верст. А в остальном все то же, и, право, не позавидуешь иному директору.

Стоп! Время остановлено! Какой-то директор не принял последние детали, не выдал кому-то последние полторы сотни. В одной команде целуются — заработали три тысячи. Другой не хватило буквально полшага до победы... Игра эта напоминает реальную жизнь. Но, увы, и повседневная реальность чем-то похожа на игру: КЗоТ; гарантированная оплата по труду, бесплатное обслуживание, а на самом деле — игрушечная

ИЩУ
РАБОТУ

зарплата, прожиточный минимум, на который не проживешь, и перманентные подорожания...

На практике — объявления типа «требуются», а тут вот разговариваю с человеком, ищущим работу. И, похоже, пока безуспешно.

Ярослав Клац, девятиклассник 250-й московской школы:

— Своей команды у меня нет, а в других все роли оказались расписаны. Я даже вот поучаствовал в сборке автомобилей, а после обо мне как-то забыли. Бывает. Кто не успел, тот опоздал.

— И как же долго собираешься исполнять роль безработного? Неужели так никому и не будешь нужен?

— Если у кого будут срывать планы поставок, тогда, возможно, потребуются лишние руки.

— Может, ты сам недостаточно активно предлагал себя?

— Скорее всего так...

А часто ли в жизни мы сознаем-

ся в собственной пассивности? Ведь все чаще на обстоятельства киваем: нет, мол, подходящей команды. Ярославу что, над ним не каплет. Учится в девятом и заодно — пару раз в неделю — посещает Международную школу менеджеров при Плехановском институте. Сюда пришел на разведку: как тут у них?

— Ну и что, есть разница?

— Конечно, мы пока теорией больше занимаемся, Карнеги читаем, деловые игры у нас после будут. А здесь оба дня — игра. Повеселей, конечно...

Веселей?

Но ведь не сработал же и тут наш, всячески декларируемый принцип всеобщей занятости, хотя все было, как в жизни. Так, может, он и не нужен? И куда важнее известная библейская мудрость: хлеб в поте лица своего. Или, переводя на нашеньский: «Хочешь жить — умей вертеться».

А кто не успел — тот вне игры.

протоиерей
АЛЕКСАНДР МЕНЬ

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕС- КИЙ

Глава пятая
БЛАГАЯ ВЕСТЬ

86

ПОРА ПРОЧЕСТЬ

Учение Христово есть благая, или радостная, весть. Так его называл Он сам: *Бесора* по-арамейски, по-гречески *Евангелие*.

Он принес миру не новые философские доктрины, не проекты общественных реформ и не познание тайн потустороннего. Он в корне изменил самое отношение людей к Богу, открывая им тот Его лик, который прежде лишь смутно угадывался. Благая Весть Иисуса говорит о высшем призвании человека и о радости, которую дарует ему единение с Творцом.

Неисчерпаемое богатство Евангелия в кратких чертах обрисовать нелегко, поэтому мы остановимся лишь на главном.

Продолжение. Начало в №№ 6,7.

ГЮСТАВ ДОРЕ. Блудный сын в объятиях своего отца.

Ветхий Завет чаще всего говорил об отношении между Богом и народом. Евангелие же выдвигает на первое место отношение между Богом и душой.

Проповедь Иисуса обращена не к «массам», не к безликому муравейнику, а к личности. В толпе духовный уровень людей снижается, они оказываются во власти стадных инстинктов. Поэтому Христос придает такое значение отдельным судьбам. В любом человеке заключен целый мир, бесконечно ценный в очах Божиих.

Если Иисус и пользовался словом «стадо», то в Его устах оно звучало совсем иначе, нежели в наши дни. Для Его слушателей оно ассоциировалось с предметом любви и постоянной заботы: на овец смотрели почти как на членов семьи. «Добрый пастырь, — говорил Иисус, — каждую овцу зовет по имени» и готов «положить за нее жизнь».

Когда книжники удивлялись, почему Учитель общается с людьми сомнительной репутации, Он отвечал им притчей:

«Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не покидает девяносто девяти в пустыне и не идет за пропавшей, доколе не найдет ее? И найдя, он берет ее на плечи, радуясь; и, придя к себе в дом, созывает друзей и соседей, и говорит им: «Порадуйтесь со мною, потому что я нашел овцу мою пропавшую». Говорю вам, что так на небесах радость будет больше об одном грешнике кающемся, чем о девяносто девяти праведниках, которые не нуждаются в покаянии. Или какая женщина, имеющая десять драхм, если потеряет одну драхму — не зажигает светильника, и не метет дома, и не ищет усердно, доколе не найдет? И найдя, она созывает подруг и соседок и говорит: «Порадуйтесь со мной, потому что я нашла драхму, которую потеряла». Так, говорю вам, бывает радость перед ангелами Божиими об **одном грешнике** кающемся»¹.

Говоря о Сущем, Иисус подразумевал «Бога Авраама, Исаака и Иакова», то есть Бога, открывшегося в религиозном сознании Ветхого Завета; и, подобно библейским пророкам, Евангелие Христово учит не столько о Боге «в самом Себе», сколько о Боге, обращенном к миру и человеку.

Изо всех имен, которыми Творец называется в Писании, Иисус предпочитал слово **Отец**. В Его молитвах оно звучало как **Авва**, или **Абба**. Так по-арамейски обращались дети к своим отцам.

Выбор этот глубоко знаменателен.

«Отцом» в мировых религиях верховное Начало именовали нередко. Но обычно Его представляли в виде деспотичного и властного повелителя. Такой взгляд, несущий на себе печать страха людей перед бытием и перед земными владыями, сказан даже на ветхозаветном мышлении. Когда иудей произносил слово «Отец», оно, как правило, ассоциировалось у него с понятием о суровом Господине и Покровителе всего народа.

Только Иисус говорит об Отце, Которого может обрести каж-

дая человеческая душа, если захочет этого. Евангелие приносит людям дар **богосыновства**. На тех, кто примет его, исполнятся обетования Христа. Они узнают, что с Создателем Вселенной можно говорить один на один, как с «Аввой», как с любящим Отцом, Который ждет ответной любви.

Любовь Божия не навязывает себя, она оберегает человеческую **свободу**. Господь подобен хозяину дома, который зовет всех к себе на пир и для которого гости — великая радость. Еще яснее выразил Христос эту мысль в притче о своевольном сыне.

Молодой человек потребовал от отца причитающуюся ему долю наследства и уехал в чужую страну. Расставаясь с ним, отец не произнес ни одного слова упрека. Он не хотел вынужденной любви и поэтому не удерживал сына. Когда же юноша промотал все, что имел, и вернулся назад нищим, надеясь стать хотя бы последним слугой в доме, отец не только принял его, но и устроил пир в честь возвращения блудного сына.

Это вызвало зависть и досаду старшего брата.

— Вот я столько лет служу тебе, — сказал он, — и никогда заповеди твоей не преступал, и мне ты никогда не дал козленка, чтобы повеселиться мне с друзьями моими. А когда пришел сын твой этот, проевший твое имущество с блудницами, ты заколол для него откормленного теленка.

— Дитя мое, — возразил отец, — ты всегда со мною, и все мое — твое, но надо было возвеселиться и возрадоваться тому, что брат твой этот мертв был и ожил, пропадал и нашелся².

Вдали от Бога нет подлинной жизни; уходя от Него, человек пожинает горькие плоды греха, но Господь всегда готов принять кающегося — таков смысл рассказа. Небесную волю в нем символизирует не требовательный господин, грозный царь или строгий судья, но человек, уважающий свободу другого, отец, который любит и прощает. Этот образ наиболее точно соответствует откровению Христа о Боге. Как отец терпеливо ожидал сына, сидя у порога, так и Господь ищет свободной любви человека.

Однажды женщины привели к Иисусу детей, чтобы Он благословил их. Ученики, боясь утомить Его, не позволили им войти в дом. Но Учитель сказал: «Пустите детей, не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное». А когда ученики спросили Христа, кто больший в Царстве Божиим, Он подозвал ребенка, поставил среди них и, обняв его, сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не станете как дети, не войдете в Царство Небесное»³. Открытость и доверчивость детской души есть образ **доверия** человека к своему Божественному Отцу*. Вот почему Иисус любил детское слово «Авва».

«Послал, — говорит ап. Павел, — Бог Духа Сына Своего в сердца наши, Духа, взывающего: Авва, Отче! Так что ты уже не раб, но сын»⁴. Тот, кто познал счастье богосыновства, откры-

* Само еврейское слово **эмуна** (вера) означает не уверенность в какой-то отвлеченной истине, а доверие к Богу, верность Ему. От этого же корня слово аминь, верно.

вает мир как бы заново. Он вырвался из мертвенных тисков случайности. Господь близок к нему и знает каждый его шаг, «все волосы на голове его сочтены»...

Доверие должно быть беспредельным; оно исключает «служение двум господам». Если человек поглощен погоней за суетным, то он отдает свое сердце во власть идола Маммоны (как по-арамейски именовалось богатство). «Какая польза,— говорил Иисус,— человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»⁵

Вручив себя Отцу, душа одолевает **заботу** — не ту повседневную заботу, которая необходима, а тягостную, навязчивую, помрачающую разум озабоченность.

Если Отец печется даже о малых птицах, если одарил дивной красотой цветы, то неужели Он забудет о детях Своих? Ведь они для Него дороже всех творений.

*Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?»
или: «что нам пить?» или: «во что одеться?»,
ибо всего этого ищут язычники;
знает Отец ваш небесный,
что вы нуждаетесь во всем этом»⁶.*

Жизнь вблизи Отца изгоняет страх и неуверенность. Молясь, дети Божии открывают Ему свои мысли, надежды и скорби. «Просите, и дано будет вам, ищите, и найдете, стучите, и отворят вам»⁷.

Если, как говорится в притче Христовой, даже бессердечный судья не смог отказать бедной вдове, которая неотступно просила его, то откажет ли любящий Отец тем, кто обращается к Нему с мольбой? В молитве важна уверенность, что человек будет услышан.

*«Есть ли между вами такой человек,
у которого сын его попросит хлеба,
а он подаст ему камень?
Или рыбы попросит,
а он подаст ему змею?
Итак, если вы, будучи злы,
умеете давать дары благие детям вашим,
тем более Отец ваш, Который на небесах,
даст благо просящим у Него»⁸.*

Язычники полагали, что сами боги нуждаются в приношениях. Ветхому Завету эта мысль была глубоко чужда. Вся природа и так принадлежит Творцу. Самый драгоценный дар Ему — сердце человека. Обряды имеют смысл лишь тогда, когда выражают любовь к Создателю. Поэтому и Иисус не отвергал обычая приносить жертвы на алтаре. Он даже указывал, что делать этого нельзя, не примирившись с братом. Однако примечательно: евангелисты нигде не говорят, что Христос Сам участвовал в жертвоприношениях. Храм для Него был прежде всего «домом молитвы».

Но ни храмовое действие, ни даже совместная молитва не

могут заменить общения с Богом наедине, сокровенной беседы с Отцом.

Богу не нужна «дань» формального поклонения, не нужна «респектабельная» религиозность, подчиняющаяся обычаю. Иисус предупреждает:

*«Когда молитесь, не будьте, как лицемеры,
которые любят молиться в синагогах
и стоя на углах улиц,
чтобы показать себя людям...
Ты же, когда молишься,
войди во внутренний покой твой;
и, затворив дверь твою,
помолись Отцу твоему,
Который втайне;
и Отец твой, видящий втайне,
воздаст тебе.
Молясь же, не разглаговльствуйте, как язычники;
ибо они думают,
что в многословии своем будут услышаны.
Итак, не уподобляйтесь им,
ибо знает Отец ваш,
в чем вы имеете нужду»⁹.*

Если мы и просим чего-либо у Бога, то лишь потому, что исповедуем перед Ним все, что лежит на сердце.

Молиться Иисус учит простыми словами, с любовью и доверием:

ОТЧЕ НАШ, КОТОРЫЙ НА НЕБЕСАХ! Мы дети Твоя, и у Тебя наша отчизна.

ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ. Пусть пребудет в нас благоговение к Твоей священной тайне.

ДА ПРИДЕТ ЦАРСТВО ТВОЕ, ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ И НА ЗЕМЛЕ, КАК НА НЕБЕ. Мы ждем, чтобы Ты воцарился во всем Своем Творении, чтобы исполнился Твой замысел и Ты один стал нашим Царем и Господом.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЙ НАМ СЕГОДНЯ. Поддержи нашу жизнь сейчас, ибо мы верим, что о завтрашнем дне Ты позаботишься.

И ПРОСТИ НАМ ДОЛГИ НАШИ, КАК И МЫ ПРОСТИЛИ ДОЛЖНИКАМ НАШИМ. Сыновний долг, который мы так плохо платим Тебе, есть ответная любовь. Научи нас любить и прощать друг друга, как Ты любишь и прощаешь нас.

И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ, НО ИЗБАВЬ НАС ОТ ЛУКАВОГО. Огради нас от зла, идущего извне и от нас самих.

ИБО ТВОЕ ЕСТЬ ЦАРСТВО И СИЛА И СЛАВА ВОВЕКИ. АМИНЬ¹⁰.

Заметим, что на первое место в этой молитве ставятся не человеческие желания а воля Господа. Обращаясь к Нему, люди не должны искать только своего. Сын готов всегда и во всем полагаться на Отца.

Слова «да придет Царство Твое» указывают, что во всей полноте оно еще не наступило. Христос прямо говорит, что

в «веке сем» на земле господствуют демонические силы. Сатана доныне остается «князем мира сего».

Христос не объяснял, откуда явилось зло, и, следовательно, считал достаточным то, что открыто в Ветхом Завете. Человек призван не столько размышлять о зле, сколько бороться с ним. В Евангелии проблема зла — практическая проблема, жизненная задача, поставленная перед теми, кто ищет согласия с Божиим замыслом.

ЗАПОВЕДЬ ЛЮБВИ

Зло, с которым человек соприкасается теснее всего, живет в нем самом: воля к господству, к подавлению и насилию — с одной стороны, и слепая мятежность, ищущая самоутверждения и безграничного простора инстинктам, — с другой. Эти демоны дремлют на дне души, готовые в любой миг вырваться наружу. Их питает ощущение своего «я» как единственного центра, имеющего ценность. Растворение «я» в стихии общества, казалось бы, ограничивает бунт индивидуума, но при этом — нивелирует, стирает личность. Выход из тупика был дан в библейской заповеди: «Возлюби ближнего, как самого себя». Она призывает к борьбе против звериных эгоцентрических начал, за признание ценности другого «я», к борьбе, которая должна создать высшего человека, «новое творение». Только любовь способна победить Сатану.

Пусть в окружающем человека мире и в нем самом многое восстает против заповеди о любви; силу для ее исполнения люди найдут у Того, Кто сам есть Любовь, Кто открылся в Евангелии Иисуса как милосердный Отец.

Подлинная вера неотделима от человечности. Люди, которые забывают об этом, похожи на строителей, соорудивших дом без фундамента, прямо на песке. Такое здание обречено рухнуть при первой же буре.

Как основу нравственности Иисус сохранил предписание Декалога. «Если хочешь войти в жизнь, соблюдай заповеди», — говорил Он богатому юноше. Кроме того, Он одобрил принцип Гиллеля: «Не делай другому того, что не любо тебе самому», однако придал этому изречению оттенок большей активности и действенности. «Во всем, как хотите, чтобы люди поступали с вами, так с ними поступайте и вы»¹¹.

Евангелие далеко от негативного морализма с его формальной схемой «добродетели», которая сводится к одним запретам. Блаженный Августин писал: «Люби Бога, и тогда поступай, как хочешь», то есть отношение к людям должно органично вытекать из веры. Познавший Отца не может не любить и Его творение. Более того, Иисус прямо говорит: «То, что вы сделали одному из братьев Моих меньших, — то сделали Мне». Он будет судить не по «убеждениям» людей, а по их делам. Тот, кто служит ближнему, служит Богу, пусть даже он этого не осознает.

А как должны поступать ученики Христовы, если сталкиваются с проступками других людей?

Многие иудейские учителя высказывались против греха осуждения. Иисус всецело одобряет это.

Ожидая прощения от Господа, нужно учиться прощать самому. Хорошо ли поступит тот человек, который, получив от царя прощение большого долга, сам окажется безжалостным кредитором и бросит своего товарища в долговую тюрьму?

При виде слабостей ближнего мы должны не выносить ему приговор, а сострадать, памятуя о собственной греховности. «Не судите, — предостерегает Иисус, — чтобы и вы не были судимы, ибо каким судом судите и какою мерою мерите, так и отмерено будет вам. Что ты смотришь на соринку в глазу брата твоего, а бревна в твоём глазу не замечаешь?»¹²

Фарисеи привыкли смотреть свысока на «невежд в Законе». Слово «ам-хаарец», деревенщина, было у них синонимом нечестивца. С таким человеком они не желали иметь ничего общего. Вместе с ним нельзя было молиться, сесть за стол и — даже накормить его в случае нужды. «Невежда не боится греха, ам-хаарец не может быть праведным», — говорили ученые¹³. Иисус в этом отношении был полной их противоположностью. Он скорее предпочитал иметь дело с простыми людьми. Более того, все отверженные, все парии общества находили в Нем друга и заступника. Мытари, которых не признавали за людей, и уличные женщины нередко оказывались в числе тех, кто окружал Его. Это шокировало добропорядочных книжников, кичившихся своей праведностью. Слыша их нарекания, Иисус говорил: «Не здоровым нужен врач, а больным. Пойдите и научитесь, что значит: «милосердия хочу, а не жертвы». Я пришел призвать не праведных, но грешных»¹⁴.

Искреннее раскаяние Христос ставил выше успокоенности тех, кто считал себя угодным Богу. Однажды Он рассказал о двух людях, молившихся в храме. Один — благочестивый фарисей — благодарил Бога за то, что он «не таков, как прочие люди», часто постится, жертвует на храм и непохож на «этого мытаря». А мытарь стоял вдаль, не смея поднять глаз, бил себя в грудь и сокрушенно повторял: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!» «Говорю вам, — заключил Иисус притчу, — этот пришел в дом свой оправданным, а не тот. Ибо всякий, возносящий себя, смирен будет, а смиряющий себя, вознесен будет»¹⁵.

Впрочем, раскаяние не должно ограничиваться только словами. Недаром Иоанн Креститель говорил о «плодах покаяния». И снова Иисус приводит пример из повседневной жизни. «У человека было двое детей, и он, подойдя к первому, сказал: «Дитя мое, иди сегодня работай в винограднике». Он же ответил: «Иду, господин» — и не пошел. И, подойдя ко второму, он сказал то же. И тот ответил: «Не хочу», а после раскаялся и пошел. Кто из двух исполнил волю отца?»¹⁶.

Когда Иисус посетил дом Матфея, где собрались его товарищи, мытари, это вызвало взрыв негодования. На Учителя посыпались упреки. Как может Он делить трапезу с подобными личностями? Однако Иисус еще раз напомнил, что всякая душа заслуживает заботы и сострадания. Забывающие об этом похо-

жи на старшего брата из притчи о блудном сыне, который не радовался возвращению скитальца.

Приближая к Себе грешников, Христос хотел пробудить в них раскаяние и жажду новой жизни. Нередко Его доброта и доверие совершали подлинные чудеса.

Как-то раз Учитель проходил через Иерихон. У ворот города Его встречало множество народа. Каждому хотелось, чтобы Иисус остановился в его доме. Один из иерихонцев, по имени Закхей, «начальник мытарей», пытался протиснуться через толпу, надеясь хотя бы одним глазом взглянуть на Учителя, но маленький рост мешал ему. Тогда, забыв о приличиях, он забежал вперед и взобрался на дерево, мимо которого должен был пройти Господь.

Иисус действительно приблизился к этому месту и, подняв глаза, заметил человечка, сидевшего на смоковнице. «Закхей, — неожиданно сказал Иисус, — спустись скорее! Сегодня Мне надо быть у тебя».

Не помня себя от радости, мытарь побежал домой встречать Господа, а окружающие стали роптать: «Он остановился у такого грешного человека!»

Но шаг Учителя возымел действие.

— Господи, — сказал Закхей, встречая Его, — половину того, что имею, я даю нищим, а если что у кого несправедливо вынул, возмещу вчетверо.

— Ныне пришло спасение дому сему, — ответил Христос, — потому что и он сын Авраамов. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее¹⁷.

В Капернауме некий фарисей Симон пригласил Иисуса к себе. Во время обеда в комнату вошла женщина, известная в округе своим распутным образом жизни. В руках ее был алебастровый сосуд с драгоценным благовонием; став молча подле Учителя, она заплакала, потом припала к Его ногам, орошая их мирром и вытирая распущенными волосами. Слышала ли она слова Иисуса о прощении грешников? Хотела ли отблагодарить Его за милосердие к падшим? Но сцена эта неприятно поразила хозяйку. «Если бы Он был пророк, — брезгливо подумал фарисей, — то знал бы, какого сорта женщина прикасается к Нему». Между тем Иисус проник в его мысли.

— Симон, Я имею нечто сказать тебе.

— Скажи, Учитель.

— У некоего заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Так как им нечем было заплатить, он простил обоим. Кто же из них больше возлюбил его?

— Полагаю, что тот, кому он больше простил.

— Ты правильно рассудил, — ответил Иисус и пояснил, для чего привел эту притчу. Он указал на разницу между Симоном, который считал себя безупречным и для которого беседа с Иисусом была лишь поводом поспорить, и женщиной, сознающей свое падение. Она потянулась к Тому, Кто может простить ее и спасти от прежней жизни.

Когда же Христос прямо обратился к блуднице со словами:

«Прощены твои грехи» — все присутствующие возмутились еще больше. Странный Пророк задал им новую загадку. Разве может отпускать грехи кто-нибудь, кроме Бога? Откуда у этого Назарянина право говорить с такой властью?

Но они пришли бы в еще большее негодование, если бы услышали, как толкует Иисус священные заповеди Закона.

СТАРОЕ И НОВОЕ

Многие поколения иудейских богословов пытались точно определить число заповедей, содержащихся в Торе, а некоторые из них полагали, что есть заповеди, которые выражают самую основу веры. Поэтому один из книжников решил узнать мнение Иисуса и тем самым получить ясное представление о взглядах галилейского Наставника.

— Учитель,— спросил он,— какая заповедь первая из всех?

— Первая есть,— ответил Христос,— «Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Бог единый, и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумом твоим, и всею крепостью твоею». И вот вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Нет другой заповеди, большей этих. На этих двух заповедях держатся Закон и Пророки*.

— Прекрасно, Учитель,— вынужден был согласиться книжник.— Истинно Ты сказал, что Он один и нет другого, кроме Него; и любить Его всем сердцем, и всем разумением, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, больше всех всесожжений и жертв¹⁸.

Отвечая книжнику, Христос определил Свое отношение к древнему Моисееву Закону, и из Его слов становится понятным, почему Он хотел сохранить его. Когда речь заходила о Писании, Иисус говорил прямо:

Не подумайте, что Я пришел упразднить Закон или Пророков; Я пришел не упразднить, но исполнить.

Ибо истинно говорю вам:

пока не пройдут небо и земля,

ни одна йота или ни одна черта не пройдет в Законе,

пока все не сбудется...

Если ваша праведность не будет

больше праведности книжников и фарисеев,

не войдете в Царство Небесное¹⁹.

Таким образом, Христос учил о Ветхом Завете как о божественном Откровении и признавал необходимость живого церковного предания, которое раскрывало бы ее смысл. Именно поэтому Он говорил народу о фарисеях: «Все, что они скажут вам, исполняйте». Но если книжники часто прибавляли к Закону сотни новых правил, то Иисус возвращал Ветхий Завет к его истокам, к Десяти Заповедям Синая, к подлинному Моисееву наследию, сохраненному пророками. Притом Он относился бережно и к внешним предписаниям, не желая соблазнять «малых сих» и порывать с Традицией. «Никто,— замечал Иисус,— испив

* «Закон и Пророки» — синоним всего собрания книг Ветхого Завета.

старого (вина), не захочет молодого, ибо говорит: старое лучше»²⁰. Тем не менее, толкуя Тору, Он переносил центр тяжести из сферы церемоний в область духовно-нравственную. Более того, Он углублял и дополнял этические требования Закона.

Если Закон воспрещал убийство, то Иисус призывает изгонять из сердца ненависть — корень преступления. Если Закон осуждал нарушение верности брака, то Иисус говорит об опасности порочных чувств. Если Закон требовал соблюдения клятвы, то Иисус вообще считает ее излишней:

*Да будет же слово ваше
«да — да», «нет — нет»,
а что сверх этого — от лукавого»²¹.*

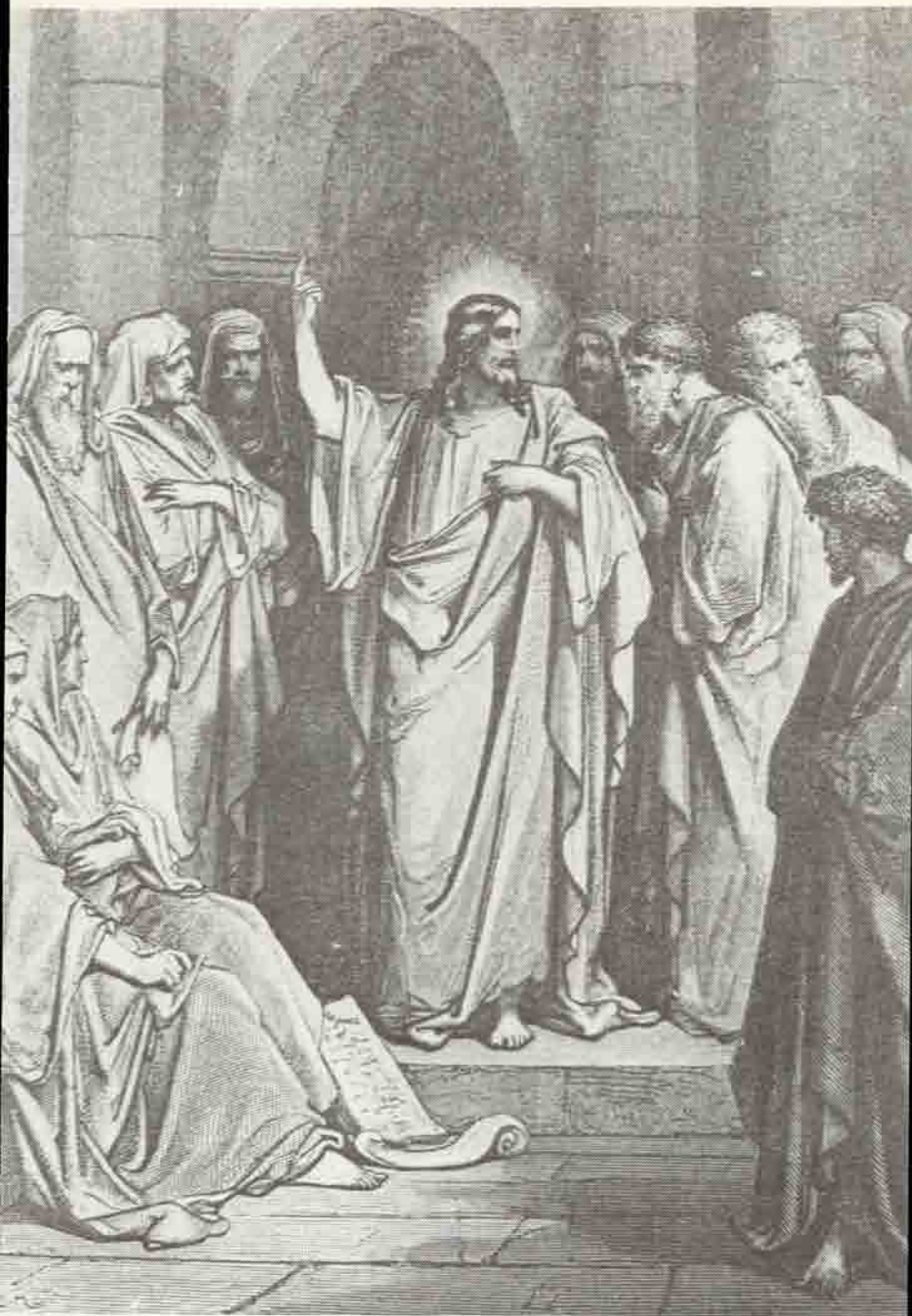
В языческих кодексах кара часто была более тяжкой, чем само преступление. Ветхий Завет положил в основу закон справедливости: «Око за око — зуб за зуб». Иисус отделяет уголовное право от высшей этики прощения, где действуют иные принципы. Людям свойственно ненавидеть врагов, но дети Божии должны побеждать зло добром. Им следует бороться с мстительными чувствами. Мало того, они должны желать добра своим обидчикам. Это нравственный подвиг, проявление подлинной силы духа, уподобление Самому Творцу.

*Любите врагов ваших
и молитесь за гонящих вас,
чтобы стать вам сынами Отца вашего,
Который на небесах,
потому что солнце Свое Он возводит
над злыми и добрыми
и изливает дождь на праведных и неправедных.
Ибо, если возлюбите любящих вас, какая вам награда?
Не то же ли самое делают и мытари?
И если приветствуете только братьев ваших,
что особенного делаете?
Не то же ли самое делают и язычники?
**Итак, будьте совершенны,
как совершенен Отец ваш Небесный»²².***

Вот — захватывающая дух высота, куда Христос призывает человека...

Закон считал «ближним» только соплеменника и единоверца. Но Христос не ограничивает это понятие столь узкими пределами. Когда один книжник спросил Его: «Кто мой ближний?», вместо ответа Он рассказал об иудее, который попал однажды в руки грабителей. Ослабев от ран, лежал он у дороги и с горечью видел, как священник и храмовый служитель равнодушно прошли мимо него. Меньше всего он ожидал сочувствия от самарянина, ехавшего вслед за ними. Мог ли этот иноплеменник и еретик оказаться лучше жреца и левита? Однако тот остановился и, не спрашивая ни о чем, помог пострадавшему: перевязал его раны, довез на своем муле до гостиницы и заплатил за него вперед.

— Кто из этих троих, — спросил Иисус книжника, — думается тебе, оказался ближним попавшему в руки разбойников?

— Сотворивший ему милость,— не мог не признать тот.

— Иди и ты поступай так же.

Христос заставил его самого прийти к мысли: что «братом» и «ближним» может быть любой человек²³.

Он постепенно приучал своих последователей и к новому, непривычному для них взгляду на язычников. Так, Он не скрыл Своей радости, узнав об эллинах, которые искали с Ним беседы, а накануне Своих страданий Христос скажет, что Его Евангелие должно быть «проповедано во свидетельство всем народам».

Когда римлянин, офицер капернаумского гарнизона, прося Иисуса исцелить его слугу, сказал, что для этого достаточно лишь одного Его слова, Христос заметил: «Я и в Израиле не нашел такой веры», а потом добавил: «Говорю вам, что многие придут с Востока и Запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, сыны же Царства низвергнуты будут во тьму внешнюю»²⁴. Эти слова звучали как вызов тем, кто считал только правоверных израильтян достойными любви Божией.

Неприятие «чужаков», в какие бы одежды оно ни рядилось, есть инстинкт, который преодолевается людьми с величайшим трудом. Евангелие же недвусмысленно призывает бороться с национальной исключительностью и тем самым продолжает проповедь Амоса, Исайи и Иоанна Крестителя.

Выдвигая на первое место духовную сущность Закона, Христос вернул первоначальный смысл и предписанию о **субботе**.

Человек наших дней не всегда может оценить значение этой заповеди. Привыкнув к установленным дням отдыха, мы забываем, чем была для древних суббота. Она не позволяла повседневным заботам захлестнуть душу, предоставляя время для молитвы и размышления; она давала перерыв в труде всем: и свободным, и рабам, и даже домашним животным.

Однако была здесь и обратная сторона. Многие набожные люди, храня святость «седьмого дня», стали придавать ему преувеличенное значение.

Во время Маккавейской войны группа повстанцев предпочла умереть, «не бросив камня», чем сражаться в субботу, и была поголовно истреблена. Тогда вдохновитель борьбы за веру священник Маттафия решил действовать иначе. «Будем биться в субботу»,— сказал он. И среди фарисеев не раз звучали голоса протеста против утробования законов о покое. «Суббота вручена вам, а не вы — субботе»,— говорил один из них²⁵. И все же уставные запреты продолжали расти, затемняя цель благословенного Божьего дара. Педанты буквально парализовали жизнь в субботу. Особенно усердствовали ессеи. Они считали, например, что, если человек или животное упали в яму в субботу, вытаскивать их можно только на другой день.

Христос видел в подобных взглядах искажение духа Моисеевой заповеди. «Суббота создана **для человека**, а не человек для субботы»,— говорил Он.

Однажды в субботу ученики Иисусовы, проголодавшись, стали

срывать колосья, перетирать их и есть зерна. Фарисеи сочли это разновидностью молотьбы и спросили: «Почему ученики Твои нарушают субботу»? Тогда Учитель напомнил им, что и Давид, когда остался со своей дружиной без пищи, взял жертвенные хлебы, а ведь их полагалось есть только священникам. Царь поступил правильно, потому что человеческая нужда важнее обрядовых запретов.

Несколько раз Иисус совершал исцеления в субботу и тем вызвал протесты законников. Они стали пристально следить за Ним, чтобы публично бросить Ему упрек в неуважении к Закону. Напрасно Он ссылался на то, что и некоторые важные обряды в субботу не отменяются, напрасно объяснял им, что помощь людям всегда есть дело Божие. Он спрашивал фарисеев: «Разве кто из вас, у кого сын или вол упадет в колодезь, не вытащит его в день субботний?»²⁶. Они не могли найти убедительных возражений, однако стояли на своем.

Иногда Иисус намеренно вызывал богословов на спор. В синагогу пришел человек с парализованной рукой, надеясь получить исцеление от Учителя. Был праздничный день, и ревнители благочестия ждали: как поступит Назарянин? Он же велел больному выйти на середину и задал присутствовавшим вопрос: «Что дозволяется делать в субботу — добро или зло? Спасти жизнь или погубить?» «Они, — пишет евангелист Марк, — молчали. И, обведя их гневным взором, скорбя об огрубении сердец их, говорит человеку: «Протяни руку твою!» И он протянул, и восстановилась рука его. И, выйдя, фарисеи тотчас же вместе с иродианами вынесли против Него решение, чтобы погубить Его»²⁷.

Наибольшее негодование вызывали слова Иисуса: «Сын Человеческий — господин и субботы». Из них следовало, что Ему принадлежит власть судить о Законе.

Может показаться, будто Иисус, поступая так, посягал на церковную традицию и исключал для правоверных всякую возможность принять Его учение. На самом же деле основы этой традиции **не были нарушены** Христом. В Ветхом Завете признавался авторитет не только буквы, но и **личного Откровения**. Все пророки учили именно в силу такого исключительного дара и посланничества. Наступление эры книжников не означало, что прекратилось действие Духа Божия. Поэтому-то в Талмуде такое огромное значение придавалось мнениям отдельных учителей. Нередко их высказывания ставились наравне с Торой и **даже выше ее**. Согласно Тосефте*, допускалось, чтобы раввин «отменял» часть постановлений Закона.

Следовательно, проповедь Христа не шла вразрез с принципами ветхозаветного учительства даже тогда, когда Он прямо настаивал на **отказе** от некоторых правил Торы. В частности, это касалось ритуальных ограничений в пище. Эти законы были введены в древности для отделения ветхозаветной Церкви от иноверцев. Но с каждым поколением они осложнялись, став под конец трудно выполнимой системой табу.

* Древний сборник раввинских толкований.

Хотя деление пищи на «чистую» и «нечистую» исходило из Библии, Иисус со всей решительностью объявил его устаревшим. «Нечистыми» могут быть только мысли, побуждения и поступки людей.

*Слушайте и разумеите:
не то, что входит в уста человека,
оскверняет человека,
а то, что исходит из уст...
Ибо из сердца исходят злые мысли,
убийства, прелюбодеяния,
блудодеяния, кражи, лжесвидетельства и хулы.
Это оскверняет человека*²⁸.

Столь ясно выраженная мысль оказалась непосильной даже для людей, ближе всех стоявших к Иисусу. Много лет спустя Петр все еще испытывал страх перед нарушением законов о «нечистой пище».

Так же мало значения Иисус придавал ритуальному мытью рук, которое считалось обязательным у набожных иудеев. Что касается постов, то Он хотел, чтобы люди не ставили их себе в заслугу. В древнейшие времена пост был знаком скорби, но в евангельскую эпоху его рассматривали как признак особого благочестия.

Ученикам Крестителя казалось странным, что Иисус не заставлял Своих последователей соблюдать посты, как это делал их наставник. «Могут ли сыны чертога брачного поститься, когда с ними жених?» — возражал им Иисус. Ведь аскеза есть **средство**, а не цель; цель — это близость к Богу. Те же, кто находится рядом с Сыном Человеческим, достигли ее, и поэтому пост им не нужен. Впрочем, Он не порицал аскезы и Сам постился, когда жил в пустыне. Знал Он, что и для учеников Его наступят трудные дни, когда пост станет им необходим.

100 Так в толковании Ветхого Завета проступали контуры Нового. В свете Евангелия бледнели и теряли значение многие старые правила и обряды. Они отживали свой век, хотя законники всеми силами противились этому, отождествляя Истину с религиозно-национальным строем одного народа. «Никто,— говорил Иисус,— не ставит заплату из новой ткани на ветхой одежде. Пришитый кусок ее разорвет, и дыра будет хуже. И не наливают вино молодое в мехи ветхие, иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но наливают вино молодое в мехи новые, и сохраняется то и другое»²⁹.

Старое не отбрасывается полностью, но рядом с ним возводится **иное здание**, которому прежнее служит лишь эскизом, предверием. Иисус не лишает религию формы, но всегда указывает на первенство любви, веры, внутреннего духовного устройства.

Был еще один пункт, в котором Евангелие противопоставлялось Ветхому Завету. Закон признавал за мужем право оставлять жену по любому, порой самому ничтожному поводу. Это было отражением патриархального права, царившего на Востоке. Хотя в Библии высоко ставились любовь и женская честь, а мать окружалась почитанием, положение женщины, согласно Закону, немногим отличалось от принятого в других странах.

Муж именовался «баал», господин; жена была почти его собственностью, наряду со слугами и домашним имуществом. Этим объясняется параграф Закона, облегчающий мужу расторжение брака.

Книжники, догадываясь, что Иисус смотрит на развод иначе, вовлекли Его в дискуссию. Ответ Учителя касался бы не только Закона, но и политики, поскольку задевал самого тетрарха. Ведь Антипа оставил свою жену, чтобы жениться на Иродиаде. Иоанн Креститель пострадал именно за то, что осудил поступок правителя.

Иисус в категорической форме отверг мысль, будто Моисеев Закон одобряет развод. По Его словам, Моисей в данном случае сделал уступку «жестокосердию» людей*.

Иисус начертал перед Своими слушателями идеал брака. Брак установлен Творцом и, вопреки ходячему мнению, не является лишь служебным средством для рождения детей. Когда «двое становятся одной плотью»**, это есть чудо, божественный дар, которым обладают только люди. «Что Бог сочел, того человек да не разлучает». Супружеское единство может быть разрушено лишь неверностью.

Этот принцип даже ученикам показался невыполнимым. В таком случае вообще лучше не жениться, решили они. «Не все вмещают слово это, но кому дано», — ответил Иисус. Как и Моисей, Он видел несовершенство и слабость человека, однако не намерен был ради этого снижать идеал. Допускал Он и безбрачие, которое рассматривал как особое призвание. В то же время многие из Его апостолов, в частности Петр и Филипп, были женаты. Первые христиане именовали семью «домашней Церковью». Сам Христос отказался от брака не для того, чтобы унижить его, а прежде всего потому, что целиком принадлежал Отцу и Своему посланничеству. Его любовь обнимала каждого человека.

Новое отношение к женщине Христос утвердил еще в самом начале Своего служения.

Идя в Галилею из Иерусалима, Он проходил через земли самарян. Знойным полднем, утомившись после пути, Иисус сел отдохнуть у старого колодца, из которого местные жители с незапамятных времен брали воду. Ученики, оставив Его, отправились раздобыть пищи.

В их отсутствие к источнику подошла самарянка с кувшином. Она очень удивилась, когда Странник попросил у нее напиться. Ведь иудеи, подобно нынешним старообрядцам, считали недопустимым пользоваться одним сосудом с иноверными. В ответ Незнакомец сказал, что Сам может дать ей «живой воды», напившись которой она не будет больше испытывать жажды.

Простодушная женщина поняла эти слова буквально.

* Это очень важное свидетельство, идущее против народного убеждения, будто вся Тора получена Моисеем непосредственно с Неба.

** Слово «плоть» в Библии обычно обозначает всего человека.

— Господин,— сказала она,— дай мне этой воды, чтобы мне не жаждать и не приходить сюда черпать.

— Иди, позови мужа твоего и приходи сюда.

— У меня нет мужа.

— Хорошо ты сказала: «у меня нет мужа», ибо было у тебя пять мужей и тот, который у тебя теперь, тебе не муж. Это ты правду сказала.

Самарянка поняла, что Собеседнику открыта печальная повесть ее жизни. Ей тут же пришлось в голову задать Ему вопрос о старой распри между самарянами и иудеями.

— Господин, вижу, что Ты пророк. Отцы наши на этой горе поклонялись Богу, а вы говорите, что в Иерусалиме то место, где должно поклоняться*.

— Верь Мне, женщина, что приходит час, когда не на этой горе и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы поклоняетесь тому, чего не знаете, мы поклоняемся тому, что знаем; ибо спасение от иудеев. Но приходит час, и теперь есть, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо и Отец ищет, чтобы такими были поклоняющиеся Ему. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

— Знаю, что Мессия грядет,— ответила она.— Когда придет Он, то возвестит нам все.

— Это Я, говорящий с тобою,— сказал Иисус...

В этот момент к колодцу подошли ученики. Их поразило, что Учитель беседует с самарянкой. Она же, взволнованная, поспешила в город, чтобы рассказать о встрече соплеменникам.

— Равви, поешь! — предложили ученики.

— У Меня есть пища, которую вы не знаете.

Они переглянулись. Кто мог накормить Его в этом негостеприимном месте? Но еще больше удивились они, узнав, что не им, а этой простой женщине, к тому же блуднице и еретичке, Он впервые прямо сказал о Себе как о Мессии и посвятил ее в сущность вечной религии духа...

Для Сократа женщина была лишь тупым назойливым существом, а Будда не разрешал своим последователям даже смотреть на женщин. В дохристианском мире женщины чаще всего оставались молчаливыми рабынями, жизнь которых была ограничена изнурительным трудом и домашними заботами. Не случайно в одной из иудейских молитв были слова: «Благодарю Тебя, Боже, что Ты не создал меня женщиной...»

Христос возвращает женщине отнятое у нее человеческое достоинство и право иметь духовные запросы. Отныне ее место не только у семейного очага. Поэтому среди ближайших приверженцев Иисуса мы видим немало учениц, преимущественно галилеянок. Евангелия сохранили имена некоторых из них: это Мирьям из Магдалы, или Мария Магдалина, которую Господь

* Самаряне считали законным местом богослужения не Иерусалим, а гору Гаризим, где в IV в. построили храм. В 130 г. до н.э. он был разрушен Хасмонейми.

исцелил от «семи бесов»; мать Иоанна и Иакова — Саломея; сестра Девы Марии — Мария Клеопова; Сусанна; Иоанна — жена Хузы, домоправителя Антипы. Самые состоятельные из них оказывали поддержку маленькой общине.

Однако Иисус не хотел, чтобы их роль ограничивалась этим.

При посещении Иерусалима Он сблизился с семьей некоего Элеазара, или Лазаря, который жил близ города в поселке Вифания с сестрами Марфой и Марией. Учитель любил их дом, под кровом которого нередко находил отдых. Однажды, когда Он пришел к ним, Марфа начала хлопотать об угощении, а Мария села у ног Учителя, чтобы слушать Его слова. Видя это, старшая сестра обратилась к Нему:

— Господин, тебе дела нет, что сестра оставила меня одну служить? Скажи ей, чтобы она мне помогла.

— Марфа, Марфа, — ответил Иисус, — ты заботишься и беспокоишься о многом, а одно только нужно. Мария же благовую долю избрала, которая не отнимется от нее³⁰.

Поучительно, что даже противники Иисуса, хотя и видели Его в окружении женщин, не осмеливались клеветать на Него. Это одна из поразительных черт евангельской истории. «Тот, Кто однажды покорит ветер и море, — пишет Франсуа Мориак, — обладал властью воцарять великий покой в сердцах... Он усмирял начинающиеся сердечные бури, ибо иначе в Нем поклонялись бы не Сыну Божию, а человеку среди людей»³¹.

Впоследствии, когда настал час испытания, первые женщины-христианки не покинули Господа, как прочие ученики. Они были на Голгофе в момент Его смерти, проводили Учителя до места погребения, и им первым была открыта пасхальная тайна...

Евангелие разрушило преграды, издавна разделявшие людей. Тем, кто соблюдал обряды Закона и кто не знал их, иудеям и чужеземцам, мужчинам и женщинам — каждому оно открывало дорогу в Царство Христово, где становилась второстепенной принадлежность к нации, сословию, полу, возрасту. Созерцая это чудо, апостол Павел восклицал: «Здесь нет эллина и иудея, нет обрезания и необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всех — Христос!»³².

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ И ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ

Уверенность в том, что существует иная жизнь, которая продолжается и после распада тела, была свойственна людям с глубокой древности. Такие мыслители, как Платон и Посидоний, впервые дали этому взгляду философское обоснование. Они утверждали, что наш земной путь есть лишь предлудия вечности. Платон даже называл умение готовиться к смерти главной добродетелью мудреца.

Ветхозаветная религия в этом смысле представляла собой исключение. Очень долго она не находила ответа на вопрос о посмертной участи человека. В результате иудеи вынуждены были заимствовать понятие о загробном мире у других народов.

Халдеям и гомеровским грекам он рисовался в виде подземной области, где тени умерших влачат полусонное существование. По этому образцу в Ветхом Завете было создано представление о *Шеоле*, Пренподней. Настоящее же «продолжение жизни» видели главным образом в потомках.

До тех пор, пока личность еще не отделяла себя от целого, от племени, человек мог мириться с идеей родового бессмертия. Но с углублением индивидуального сознания она стала вызывать протест. Вопль Иова — потрясающее свидетельство о религиозном кризисе, через который пришлось пройти Израилю. Праведники страдают, а злые торжествуют. Где же искать правду Божию? Только в потустороннем? Но этого соблазна Ветхий Завет избегал. Отказаться от веры в справедливость и благость Сущего было тоже немислимо. Значит, благая воля Творца должна быть неисповедимым образом явлена здесь, на земле...

Таково было состояние умов в Израиле, когда около IV века до н. э. он в первый раз услышал благовестие о вечной жизни. Но не «бессмертие души» открылось ему, а грядущее возрождение, **воскресение** целокупного человека, когда и дух, и плоть, и все творение Божие смогут стать причастными вечности.

Иудейские богословы освоились со столь новым для них представлением не сразу. Автор Экклезиаста и Иисус, сын Сирахов, так и не смогли принять его. Только во II веке до н. э. оно превратилось в догмат иудаизма, составную часть его церковного предания. Впрочем, саддукеи решительно отказались переосмыслить взгляд на посмертие и сохранили прежнее понятие о *Шеоле*.

Иисус Христос полностью подтвердил веру в воскресение из мертвых. Однако, постоянно указывая на реальность «будущего века» и на победу Бога над тлением, Он не проповедовал спиритуализма, для которого земная жизнь — призрак.

Евангелие учит не только о потустороннем, а и о том, как нам должно жить сегодня.

Бессмертие, воскресение, Царство Божие неотделимы от того, что совершается **в этом мире**. Если человек станет пренебрегать своим земным служением, это будет изменой его призванию. С другой стороны, тех, кто все силы отдает только материальному, ждет неминуемая катастрофа.

Жизнь коротка. В любой момент от нас могут потребовать отчета. Чтобы напомнить об этом, Иисус рассказал притчу о богаче, который помышлял лишь о том, чтобы в его житницах было больше зерна. Однажды, в урожайный год, он задумал построить себе новые амбары, но именно тогда пробил его смертный час, и все хлопоты пошли прахом. «Таков,— заключает Иисус,— собирающий сокровища себе, а не в Бога богатеющий»³³.

Алчность, погоня за земными благами делает человека ущербным; забывая о нетленных сокровищах духа, он обворовывает себя. Нет ничего страшнее этой слепоты.

*Горе вам, богатые... Горе вам, пресыщенные ныне!..
Горе вам, смеющиеся ныне!*

*Ибо восплачете и возрыдаете...
Не собирайте себе сокровищ на земле,
где моль и тля разрушают
и где воры подкапывают и крадут,
но собирайте себе сокровища на небе,
где ни моль, ни тля не разрушают
и где воры не подкапывают и не крадут;
ибо, где сокровища твои, там будет и сердце твое³⁴.*

Христос призывал к внутренней независимости от тленных вещей. «Истина делает вас свободными», — говорил Он³⁵.

Некогда, во времена пророков, вокруг них группировались люди, которые презирали стяжательство и называли себя «*духовными бедняками*». Они не были нищими в обычном смысле слова, но праведниками, желавшими освобождения от цепей суетности.

Таковыми же, по словам Христа, должны быть и Его ученики. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Они «нищие», ибо сознают, что нуждаются в благодатных дарах Духа и полны надежды получить эти дары.

Однажды к Иисусу подошел юноша из знатной семьи и, низко поклонившись, сказал:

— Учитель благой, что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

— Что ты Меня называешь благой? — сказал Иисус. — Никто не благой, кроме одного Бога*. Ты знаешь заповеди: «Не убей, не прелюбодействуй, не обманывай, почитай отца и мать».

— Учитель, все это я сохранил от юности моей. Чего еще недостает мне?

Иисус пристально посмотрел на молодого человека, который сразу Ему полюбился, и сказал:

— Одного тебе недостает. Если хочешь быть совершенным, иди, все, что имеешь, продай и отдай нищим, и будешь иметь сокровища на небе; и приходи, и *следуй за Мной*.

Юноша оказался очень богатым, и оставить привычный образ жизни было для него слишком большой жертвой. Призыв застал его врасплох.

Стараясь пробудить его совесть, Иисус добавил:

— Как можешь ты говорить, что исполнил Закон и Пророков? Ведь в Законе сказано: «люби ближнего, как самого себя», — а вот множество твоих братьев, детей Авраамовых, одеваются в жалкие лохмотья и умирают с голода, а твой дом ломится от богатства, откуда ничего не исходит для них³⁶.

Но юноша так и ушел, погруженный в печальные мысли.

— Дети, — сказал после этого Иисус ученикам, — как трудно будет имеющим богатство войти в Царство Божие. Легче вер-

* Христос отклонил титул «благой», сдерживая чрезмерную почтительность юноши, поскольку в его глазах Он был лишь человеком.

блюду пройти через игольное отверстие, чем богатому в Царство Божие.

Эти слова встревожили их. Ведь и сами они рассчитывали на привилегии и награды при дворе Мессии. Непосредственный Петр выразил общее беспокойство. В отличие от молодого богача, они бросили все и пошли за Иисусом. На что же теперь можно им надеяться?

Иисус ответил многозначительной и загадочной фразой: всякий, кто оставил ради Него и Евангелия мать, отца, детей, дом, в будущем обретет во сто раз больше «домов, матерей и братьев»...

Христос потребовал от богатого юноши «раздать все», потому что намеревался сделать его своим апостолом. Другим же людям: фарисею Никодиму, начальнику синагоги Иаиру, Иосифу Аримафейскому, Иоанне, жене Хузы, Он не предлагал жить в бедности. Следовательно, она вовсе не являлась обязательным условием спасения. Тем не менее Иисус часто говорил об опасности стяжания. Он видел зло не в самом имуществе, а в порабощении сердца.

То, чем человек владеет, он должен употреблять для помощи другим. «Блаженнее давать, нежели брать», — говорил Иисус³⁷. Служение ближним здесь, на земле, есть долг Его ученика. Этим еще раз подчеркивается посюсторонний характер евангельской этики. Люди будут судимы по своим делам. Господь прежде всего спросит их не «како веруеши», а как они поступали с братьями: накормили ли голодных, посетили ли больных и попавших в беду? Социальный вопрос для Христа — вопрос нравственный. Вот почему апостолы и Отцы Церкви так горячо протестовали против угнетения неимущих. Вот почему в истории христианских народов измена Евангелию, отход от его заветов под предлогом надежд на загробную жизнь получили впоследствии неизбежное возмездие, а принципы свободы, справедливости и братства оказались начертанными на враждебных Церкви знаменах...

Не следует, однако, думать, будто Христос предлагал какую-то конкретную программу переустройства общества. Он дал людям свободу **самим** создавать такие проекты, исходя из этики Его учения. Поэтому, когда два брата попросили Иисуса быть арбитром при разделе наследства, Он возразил: «Кто поставил меня судить или делить вас?»³⁸. Верящие Ему и без прямых указаний смогут найти путь. «Ищите прежде Царства Божия и правды его, и все остальное приложится вам». По той же причине Христос не касался и политических проблем эпохи, а говорил о том, что актуально во все времена.

ЦАРСТВО БОЖИЕ

Что же такое Царство Божие, весть о котором занимает столь важное место в проповеди Иисуса?

Сторонники вульгарного мессианизма связывали это понятие с внешним торжеством Израиля и фантастическим благоденствием на земле: солнце умножит свой свет, реки — живитель-

ную воду, плоды будут необыкновенной величины. Пророки же верили, что воцарение Бога изгонит всяческое зло и преобразит Вселенную. В апокалиптической литературе последних веков до нашей эры переплетались оба воззрения. А то, что начало Царству положит приход Мессии, было общим чаянием почти всех иудеев.

Иисус говорит о Царстве Небесном как о Своем Царстве. Всем державам мира, всем видам человеческого Града Он противопоставляет владычество Господне. Царство Божие «не от мира сего», оно выше всего преходящего; сокрушая власть Сатаны, оно несет на землю законы Неба.

Эту духовную реальность нельзя ставить в один ряд с каким-либо земным счастьем. Земное счастье хрупко: немного нужно, чтобы развеять его, как сон; но и оно укрепляется и приобретает новый смысл в лучах евангельской радости, которая учит бесстрашию, вселяет уверенность и надежду.

Даже люди, которые, казалось бы, сломлены обстоятельствами жизни или своими грехами, преодолев искусы силой веры, обретут блаженство в обетованной земле Царства Божия. Ее наследуют миротворцы и сострадательные, чистые сердцем и гонимые за правду. Там утешатся плачущие, обогатятся «нищие духом», насытятся алчущие Правды³⁹.

Таким образом, блага вест Христова есть вест о спасении, о приобщении мира к божественной жизни как высшей его цели.

Когда фарисеи, много размышлявшие о «конце времен», спросили Иисуса о явлении Царства, Он ответил им: **«Не приходит Царство Божие приметным образом, и не скажут: «вот оно здесь» или «там».. Ибо вот Царство Божие внутри вас»**⁴⁰. Оно незримо уже присутствует среди людей, если в их душах **воцаряется Господь**. Оно приносит вступающим в него не забвение, а светлое, радостное чувство близости небесного Отца.

Со временем же настанет день, когда Слава Царства будет явлена, как молния, которая «исходит от востока и светит до запада». Говоря об этом, Иисус прибегал порой к образному языку апокалиптических книг, а некоторые Его слова были поняты учениками в том смысле, что день Славы совсем близок.

Однако гораздо чаще Иисус недвусмысленно учил о **долгом, постепенном** приближении Царства и сравнивал его с процессом созревания.

*Таково Царство Божие:
оно подобно человеку,
который бросит семя в землю,
и спит, и встает ночью и днем,
А семя всходит и тянется вверх,
он сам не знает как;
земля сама собой дает плод:
сперва зелень, потом колос,
потом полное зерно в колосе.
Когда же созреет плод,
он тотчас посылает серп,
потому что настала жатва...
Подобно Царство Небесное*

зерну горчичному,
которое взял человек
и посеял на поле своем.
Хотя оно и меньше всех семян,
но, когда вырастет, оно больше овощей
и становится деревом,
так что птицы небесные прилетают
и вьют гнезда в ветвях его.
Подобно Царство Небесное закваске,
которую взяла женщина и положила в три меры муки,
доколе не вскисло все⁴¹.

В свете этих притч можно думать, что и сегодня история христианства переживает скорее всего только начало. Для осуществления замыслов Божиих две тысячи лет не более чем миг. Процесс роста происходит медленно. Закваска действует не сразу.

Небесный дар не дается праздным. Поэтому Иисус требует неустанной борьбы. «Царство Божие,— говорит Он,— усилием берется»⁴². Все значительное редко достигается без жертвы, без отказа, без труда, а ради Царства никакой подвиг нельзя считать чрезмерным. Человек должен искать, действовать, выбирать.

Входите узкими вратами,
ибо широки врата и просторен путь,
ведущий в погибель,
и многие идут им.
Ибо узки врата и тесен путь,
ведущий в жизнь,
и немногие находят его⁴³.

Предание сохранило и другие слова Христовы, указывающие на неизбежность выбора:

Кто близ Меня, тот близ огня,
кто далек от Меня — далек от Царства⁴⁴.

Единение с Отцом превосходит все ценности и идеалы, все священные и благородные цели человечества.

Обретая его, мы обретаем все.

Если соблазнит тебя рука твоя,—
отруби ее;
лучше тебе без руки войти в жизнь,
чем с двумя руками пойти в геенну,
в огонь неугасимый⁴⁵.

Подобно Царство Небесное
зарытому в поле сокровищу,
которое человек, найдя, скрыл,
и от радости идет и продает все, что имеет,
и покупает поле то.

Еще подобно Царство Небесное купцу,
ищущему хорошую жемчужину.

Найдя одну многоценную жемчужину,
он пошел и продал все, что имел, и купил ее⁴⁶.

«Не хорошо человеку быть одному»,— учит Библия. Люди

созданы как существа, нуждающиеся друг в друге. И само дело Божие они должны осуществлять совместно. Древнее обетование было обращено к ветхозаветной Церкви, то есть к Общине верных. Она была избрана, чтобы стать «народом святым и царством священников», братством людей, посвятивших себя Богу. Когда же народ Завета оказывался недостойным этого призвания, пророки возлагали надежду на тех, кто устоял, кого они называли «Шеаром», *Остатком*. Но Иисус уже говорит не просто об Остатке, а созидает как бы новый народ Божий.

Некоторые богословы высказывали мнение, будто у Христа не было намерения основывать Церковь и что оно было приписано Ему лишь позднее. Но в Евангелиях многое говорит против этой точки зрения.

Можно ли считать случайным, что Иисус избрал именно двенадцать апостолов? Несомненно, Он видел в них своего рода родоначальников Общины Нового Завета, подобно тому как древний Израиль вел происхождение от двенадцати патриархов. Христос говорит о престолах, на которых воссядут двенадцать Его учеников «судить», то есть, возглавлять, Израиль⁴⁷. Знаменательно, что после измены Иуды апостолы сочли необходимым выбрать на его место другого, чтобы сохранить число двенадцать. Кроме них Иисусом было выбрано семьдесят апостолов, и это тоже знаменательно. По традиции считалось, что все народы земли произошли от семидесяти предков.

Само слово «Церковь» Иисус употреблял редко, вероятно потому, что в те дни оно определено связывалось с ветхозаветной Общиной. Церковь же Христова полагала основание для *новой* духовной общности, хотя и построенной на почве Ветхого Завета. Иисус дает ей собственные законы, отличные от законов, принятых в земных царствах («Между вами же да не будет так...»). Он ободряет ее: «Не бойся, малое стадо, ибо благоволил Отец ваш дать вам Царство»⁴⁸.

Из малых ручьев Церковь должна превратиться в широкую реку. «Вы соль земли,— говорит Христос,— вы свет мира. Не может укрыться город, расположенный на верху горы»⁴⁹.

Поэтому первое дело Церкви Христовой — благовестие. Но в этом ее ожидают немалые трудности. Порабощенность суетой, искушения, легкомыслие, леность души будут противодействовать возрастанию Царства. Однако всегда найдутся люди, «алчущие и жаждущие правды». Благовестников должны радовать даже те, кто отнесется к ним без вражды. Им следует избегать замкнутости и сектантской гордыни.

Однажды Иоанн Зеведеев сказал Иисусу:

— Учитель! Мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и препятствовали ему, потому что он *не следовал за нами*.

— Не препятствуйте ему,— ответил Господь,— не может человек сотворить чудо именем Моим и вскоре сказать на Меня злое, ибо, кто не против нас, тот за нас⁵⁰.

Многие люди, даже стоящие вне Общины, не потеряны для Царства. «Тот, кто далек от вас сегодня, будет завтра близок»⁵¹.

По-разному встречали и Сына Человеческого, а ведь «ученик

не больше Учителя». Разве не были столь многие глухи к Его призыву? Но это не остановило Его. Пусть «званные» в Царство Божие отказались прийти, Он терпеливо продолжал отыскивать тех, кто пойдет за Ним.

Однажды, когда Иисус посетил некоего фарисея, кто-то из гостей, слушая Его слова, воскликнул: «Блажен тот, кто вкусит хлеба в Царстве Божием!» Тогда Иисус рассказал притчу: «Сделал человек большой ужин и позвал многих. И послал раба своего в час ужина сказать приглашенным: «приходите, уже готово». И начали все, как один, извиняться. Первый сказал ему: «я купил землю, и мне нужно пойти посмотреть ее. Прошу тебя, извини меня». И другой сказал: «я купил пять пар волов и иду испытать их. Прошу тебя, извини меня». И третий сказал: «я женился и потому не могу прийти». И приия, раб сообщил это господину своему. Тогда, разгневавшись, сказал хозяин дома рабу своему: «выйди поскорее на улицы и переулки города и введи сюда нищих, и увечных, и слепых, и хромых». И сказал раб: «Господин, сделано то, что ты приказал, и еще есть место». И сказал господин рабу: «выйди на дороги и к околицам, заставь людей войти, чтобы наполнился мой дом. Ибо говорю, что никто из мужей тех приглашенных не вкусит моего ужина».⁵²

Памятуя о том, что далеко не все люди готовы откликнуться на призыв, ученики Христовы должны следовать своему Учителю, который поступал подобно крестьянину, бросающему зерна во вспаханную землю.

Вот вышел сеятель сеять.

И, когда сеял, некоторые зерна упали при дороге, и прилетели птицы и поклевали их.

Другие же упали на камень,

где у них не было земли,

и тотчас взошли, ибо земля у них была неглубока.

Когда же солнце взошло, они были опалены им

и, не имея корня, засохли.

Другие же упали в терние,

и поднялось терние, и заглушило их.

Другие же упали на землю добрую и дали плод:

какое — сто,

какое — шестьдесят,

какое — тридцать»⁵³.

На евангельской ниве может вырасти и бурьян. Но это не должно смущать истинных учеников Христовых. Им нужно лишь хранить трезвость и бдительность.

Остерегайтесь лжепророков,

которые приходят к вам, в одежде овечьей,

а внутри — волки хищные.

По плодам их узнаете их.

Разве собирают с терния виноград

или с репейника смоквы?..

Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!»

войдет в Царство Небесное,

но исполняющий волю Отца Моего,

Который на небесах»⁵⁴.

Сорняки проникнут в Церковь незаметно, и подчас их будет трудно отличить от настоящей пшеницы Божией. «Подобно Царство небесное человеку, посеявшему доброе семя в поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницей плевелы, и ушел. А когда взойшла зелень и дала плод, тогда явились и плевелы. И придя, рабы домохозяина сказали ему: «Господин, не доброе ли семя посеял ты на своем поле? Откуда же в нем плевелы?» Он сказал им: «Враг-человек это сделал». Рабы же ему говорят: «Так хочешь, мы пойдем выберем их?» Он говорит: «Нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не вырвали с корнем вместе с ними и пшеницу, дайте им всем расти до жатвы, и во время жатвы я скажу жнецам, выберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу соберите в житницу мою»⁵⁵.

Только суд Божий произведет окончательный отсев и отделит доброе от злого. Суд же, как и Царство, уже начался. По слову Евангелия, он «состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет»⁵⁶. В результате возникает цепь кризисов и катастроф, вызванных столкновением правды Божией и человеческого зла. Последний Суд станет огненным очищением мира, когда руда истории будет переплавлена для Царства. Это новое рождение, трудное, как и всякие роды, принесет плод — обновленную тварь...

*Подобно Царство Небесное большой сети,
закинутой в море и собравшей рыб всякого рода.*

*Когда она наполнилась, ее выгнали на берег
и, сев, собрали хорошее в сосуды,
а плохое выбросили вон.*

Так будет и в конце века:

*выйдут ангелы и отделят злых от праведных
и бросят их в печь огненную;*

там будет плач и скрежет зубов»⁵⁷.

Эти притчи подводят нас к теме, которая издавна составляла мучительный вопрос для христианской мысли. Что имел в виду Иисус, говоря о «муке вечной»?

Тот факт, что образы «огня», «Геенны», «червя» взяты Им из иудейской апокалиптики, мало что поясняет⁵⁸. Однако Христос не прибегнул бы к ним, если бы за ними не крылась определенная реальность. Слова об «изгнании во тьму» не подразумевают, конечно, — пространства или «места», где пылает физический огонь. Этот символ, передающий атмосферу отверженности, содержит лишь намек на состояние вне Бога, вне света и истинного бытия.

Но главное: может ли Бог любви, возвещенный Христом, бесконечно карать за грехи временной жизни? Неужели могущество зла столь велико, что оно будет существовать всегда, даже тогда, когда «во всем» воцарится Господь? Впрочем, ведь наши нынешние понятия о времени едва ли применимы к вечности. Не обещает ли Слово Божие, что «времени уже не будет»?

Человеку пока не дано проникнуть в эту тайну. Но весь Новый Завет свидетельствует против той мысли, будто Геенна — некая непреходящая реальность, противоположная Царству. Она есть

«смерть вторая», небытие, уход в ничто. «Жизнь» в эсхатологическом смысле слова есть только «жизнь вечная», Царство Божие.

Толкователи уже давно заметили, что притчу Христову о разделении на «овец и козлищ», на добрых и злых нельзя понимать буквально, ибо грань между светом и тьмой чаще всего проходит через сердце **одного и того же** человека. Однако, чем больше в нем света, тем полнее сохранится его личность, после того как огонь Суда выжжет все нечистое⁵⁹.

Величие человека как образа и подобия Творца в том, что он может стать участником созидания Царства. Когда победа над злом будет полной, тогда осуществится то, о чем грезили, чего жаждали и что приближали миллионы разумных существ. Все самое прекрасное, созданное ими, войдет в вечное Царство. Наступит эра сынов Божиих, которую лишь в отдаленных подобиях описывала Библия.

Однако уже и теперь, в этом несовершенном, полном ужаса и страданий «веке», сила и слава Грядущего могут быть обретенны. Иисус говорил, что Его ученики увидят Царство еще в этой жизни. Оно пришло на Землю в лице Сына Человеческого, в Его благовестии, в Его торжестве над смертью и явлении Духа.

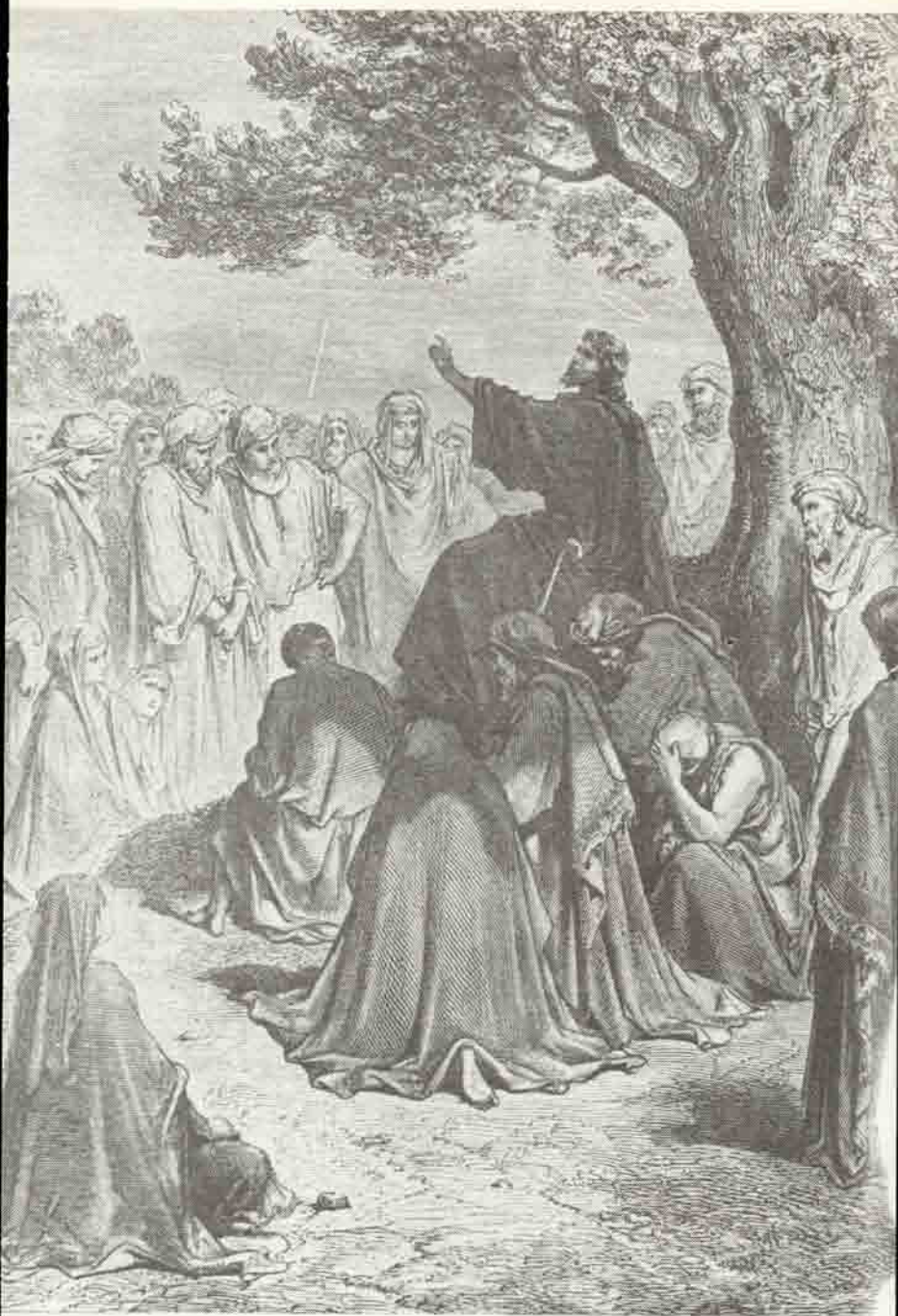
Призывный свет Царства горит вдали, но в то же время отблески его рядом с нами: в простых вещах и событиях жизни, в радости и скорби, в самоотверженности и одолении соблазнов. Предчувствие его — в звездах и цветах, в весенней природе и золоте осени, в кипении прибое и ливнях, в радуге красок и музыке, в смелой мечте и творчестве, в борьбе и познании, в любви и молитве...

«А Я ГОВОРЮ ВАМ...»

Возможно ли, посильно ли для людей то, к чему зовет Евангелие? Ведь человек, даже полюбив идеал, часто не находит в себе сил подняться до него. Другое могучее притяжение владеет им, пригибая к земле; и человек служит Маммоне, носит на шее камень заботы, проводит отпущенные ему драгоценные дни, погрязая в мелочах. Ему более внятен голос того, кто искушал Иисуса в пустыне: он готов жить «хлебом единым», он требует чудес, он опьянен насильем. К Богу человек приходит с сердцем, полным корысти и себялюбия, и странно звучат над нашим мятущимся и заблудшим миром слова: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен...»

Кто же может проложить путь к Царству? Кто подведет к нему человека?

В Ветхом Завете люди верили, что только Всемогущий творит невозможное. Когда Он пребывает среди Своего народа, Он очищает его, даруя ему духовные силы. Раввины называли это мистическое Присутствие *Шехиной*, незримым излиянием Божественного, приходящего в мир. «Если двое или трое собрались для изучения Закона,— говорили мудрецы,— Шехина обитает среди них»⁶⁰. Это была тайна, у порога которой останавливались величайшие мудрецы Израиля. Вель близость Божия неперено-

ГЮСТАВ ДОРЕ. Иисус говорит с народом.

сима для человека. Только побеждающая все преграды любовь Сущего может соединять несоединимое.

Но вот люди слышат слово Иисуса Назарянина: «Где двое или трое собраны во имя Мое, Я там среди них...»⁶¹

Кто же Он, ставящий Себя на место Шехины Господней? Он называет себя Сыном Человеческим, как нередко называли простых смертных, но при этом Сам Учитель ясно свидетельствует, что на Нем исполнились обетования пророков:

Блаженны очи, видящие то, что вы видите.

Ибо говорю вам:

многие пророки и цари

хотели увидеть то, что вы видите,

и не видели,

и услышать то, что вы слышали,

и не слышали»⁶².

Значит — Мессия? Долгожданный утешитель Израилев? Однако может ли даже Мессия отпускать грехи, как делает Иисус? Может ли Он быть «выше Храма»? Почему называет Он Себя «господином субботы» и отменяет то, что заветали отцы и сам Моисей?

Все видели, что Иисус проповедует «как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи». В Капернауме с первых же дней жители города «изумлялись учению Его, ибо слово Его было со властью». Но откуда, спрашивали они, эта власть, превышающая авторитет признанных богословов и хранителей церковного предания? Как понимать Его слова «А Я говорю вам...»? Каким правом отменяет Он постановления Торы и противопоставляет Себя ей?

Трудно заподозрить, будто мудрым, кротким, полным смирения и любви Учителем владеет пустое самообольщение. Что же в таком случае значит притязание быть «возлюбленным Сыном Отца»? Конечно, и всех верных Он называет «сынами», однако недвусмысленно дает почувствовать, что Его сыновство — *иное*. Иисус никогда не говорит «Отец наш». Он — единственный Сын и Господь Царства, нет человека, который стал бы с Ним наравне. Власть Его исключительна.

Все Мне предано Отцом Моим,

И никто не знает Сына, кроме Отца,

И Отца не знает никто, кроме Сына,

И кому хочет Сын открыть.

Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные,

и Я дам вам покой.

Возьмите иго Мое на себя

и научитесь от Меня,

ибо Я кроток и смирен сердцем,

и найдете покой душам вашим,

ибо иго Мое благо и бремя Мое легко»⁶³.

Иисус не только Пастырь, но Он — дверь, врата, через которые входят овцы «малого стада», Посредник, или, как говорили в старину, Ходатай, связующий Небо и землю. «Никто, — говорит Он, — не приходит к Отцу, как через Меня»⁶⁴

Многие иудеи верили, что, кроме Мессии-Царя, явятся Мессия-Первосвященник и Мессия-Пророк. Иисус же соединяет

в Себе всех трех: Он — и Провидец, и Служитель, и Царь, Он — Помазанник, владеющий всей полнотой власти.

Но почему тогда Он действует столь осторожно, почему скрывает от народа Свой сан, запрещая называть Себя Мессией?

Ученики переходили от недоумений к тревоге и от уверенности к сомнениям. Но любовь, глубокая человеческая привязанность и доверие к Учителю оказались сильнее всего. И они продолжали терпеливо ждать дальнейших событий...

Примечания

¹ Лк 15, 1—10.

² Лк 15, 11—32. Читая эту притчу должен учитывать, что слушатели Христа жили патриархальным укладом, при котором желание сына уйти из дома отца рассматривалось как грех против 4-й заповеди.

³ Мф 18, 1—4; 19, 13—15; Мк 9, 33—37; Лк 9, 46—48.

⁴ Галат 4, 6—7; ср. Рим 8, 15. Из этих слов явствует, что богосыновство есть нечто приобретаемое. Показательно, что в иудейской религиозной литературе слово «Авва» в обращении к Богу не употребляется. См. I. Guillet. *The Consciousness of Jesus*. New York, 1972, p. 206.

⁵ Мф 16, 26; Мк 8, 36.

⁶ Мф 6, 31—32.

⁷ Мф 7, 7; Лк 11, 9.

⁸ Мф 7, 9; Лк 11, 11.

⁹ Мф 6, 5—6.

¹⁰ Мф 6, 9—13; Лк 11, 2—4. Эта молитва была широко распространена среди христиан задолго до появления евангельского текста. Вариации, которые отличают ее у Мф и Лк (в синодальном переводе они сглажены), закрепились, вероятно, уже тогда. Вопрос о том, какая форма более ранняя, остается открытым, хотя многие экзегеты отдают предпочтение Лк. Молитва имеет ряд параллелей и в иудейских текстах.

¹¹ Мф 7, 12.

¹² Мф 7, 1—3; Мк 4, 24; Лк 6, 37—38; 41—42.

¹³ Авот, 11, 6.

¹⁴ Мф 9, 12—13.

¹⁵ Лк 18, 9—14.

¹⁶ Мф 21, 28—31.

¹⁷ Лк 19, 1—10. Из слов Закхея можно заключить, что и прежде, прислушиваясь к укорам совести, он занимался благотворительностью. Его обещание относится к злоупотреблениям, связанным с его профессией сборщика налогов.

¹⁸ Мф 22, 35—40; Мк 12, 28—33; Лк 10, 25—28.

¹⁹ Мф 5, 17 сл., ср. Лк 16, 17.

²⁰ Лк 5, 39. О нежелании Иисуса Христа соблазнять людей резким отвержением традиций свидетельствуют Его слова у Мф 17, 27.

²¹ Мф 5, 21—37. Следует отметить, что новой, в точном смысле слова, Христос назвал только заповедь о самоотверженной любви (Ин 13, 34). Те же комментаторы, которые считают, что вне Евангелия речь шла лишь о поступках человека, а не о его внутренних побуждениях, игнорируют данные источников. Даже такой краткий кодекс, как Декалог, говорит о сердечном грехе (зависти). В Талмуде сказано: «Страсть вначале — как бы чужой, после — гость, и наконец хозяин дома» (Сукка, 52). Отметим также, что евангельский взгляд на клятву совпадает с ессеями; см. И. Флавий. *Война*, 11, 8, 6.

²² Мф 5, 44—48. Слова Христа о непротивлении злу иногда истолковывались (напр., Л. Толстым) в смысле полной пассивности. Между тем мы видим, что Сам Христос такой пассивности не проявлял. Он изгнал бичом торгующих в храме; Он протестовал, когда слуга первосвященника ударил Его по лицу; Он говорил о великой любви тех, кто «положит свою жизнь» за ближних (Ин 15, 13). Поэтому Его слова о несении оскорбления следует понимать как призыв побеждать зло

добром; ср. Рим 12—21. В этом пункте Евангалие согласно с учением лучших из законников: «Подражайте свойствам Божиим; как Он милосерд, будьте и вы милосердны» (Сота, 14): «плати добром за зло» (Шемот Рабба, 22).

²³ Лк 10, 25—37.

²⁴ Ин 12, 20; Мф 8, 5—13; Лк 7, 1—10.

²⁵ Иоанн. 85а, 1; Мак 2, 32—41.

²⁶ Лк 13, 15; 14, 5; Мф 12, 11.

²⁷ Мк 3, 1—6.

²⁸ Мф 15, 10—11, 19—20; ср. Рим 14, 14.

²⁹ Мф 9, 16—17; Мк 2, 21—22.

³⁰ Лк 10, 38—42. Этот эпизод, между прочим, показывает, что и синоптики знают о посещении Иисусом Иудеи до Страстной недели, хотя прямо об этом говорит лишь Иоанн. См. приложение 1, с. 285.

³¹ F. Mauriac. *La vie de Jésus*, p. 41.

³² Кол 3, 11.

³³ Лк 12, 16—21.

³⁴ Лк 6, 24 сл.; Мф 6, 19—21.

³⁵ Ин 8, 32. На вопрос, является ли Евангалие аскетическим мироотрицающим учением или оно приемлет мир, однозначного ответа дать нельзя. «Христианское приятие мира,— говорит еп. Кассиан,— вытекает из представления о Боге как Творце и Промыслителе (ср. Деян 16, 15—17; 17, 24—28). Ап. Павел учил, что Бог познается через созерцание творения (Рим 1, 20). Аскетической практике еретиков дуалистического толка он противопоставлял положение: «всякое творение Божие благо» (1 Тим 4, 4), потому и благо, что Божие. Без этой предпосылки о благе созданного Богом мира перестает быть понятным¹ и земное служение Христово, и Его учение, запечатленное в Евангелии. Если мир есть зло, какой смысл имели бы Его чудеса: насыщение голодных, исцеление болящих? Христос любил мир... Но приятие мира в христианстве оставляет место и для его отвержения. Если я отрекаюсь от мира для всецелого служения Богу, это значит, что я высшей ценности приношу в жертву низшую. Речь идет не об осуждении мира, а о иерархии ценностей. Низшая ценность, которой я предпочитаю высшую, не перестает быть ценностью. Аскетический опыт Церкви получает свой истинный смысл только при условии положительной оценки мира». Еп. Кассиан. Царство Кесаря перед судом Нового Завета. Париж, 1949, с. 6, 8.

³⁶ Мф 19, 16—22; Мк 10, 17—31; Лк 18, 18—30. Последняя фраза Иисуса отсутствует в канонических евангелиях. Она взята из древнего Евангелия от назареев. Иеремияс относит ее к разряду достоверных аграф; см. J. Jeremias. *Les paroles inconnues de Jésus*. Paris, 1970, p. 47—50.

³⁷ Деян 20, 35.

³⁸ Лк 12, 14.

³⁹ Мф 5, 3—12. Как было уже сказано выше, идея «духовной нищеты» восходит к Ветхому Завету, где слова анавим и эбионим (бедняки) были часто синонимами праведников, возложивших все упование на Бога. Само выражение «нищие духом» впервые встречается в кумранских текстах (Свиток Войны, 14, 7). См. F. Gelin. *Les rauvresde Yahvé*. Paris, 1953, p. 92—97.

⁴⁰ Ἐν ὑμῖν τοῖς ἡμέτεροις ἡμεῖς ὄντες. Лк. 17, 20—21. Другой перевод — «среди вас». В учении пророков о Царстве Божием есть также два аспекта. С одной стороны, оно ожидается в грядущем (Соф 3, 15; Мих 4, 1—4; Ис 2, 1—4), а с другой — оно пребывает от века (Ис 6, 5; Иез 8, 19).

⁴¹ Мк 4, 26—32; Мф 13, 31—33; Лк 13, 18—21.

⁴² Мф 11, 12.

⁴³ Мф 7, 13—14; Лк 13, 23—24.

⁴⁴ Евангелие от Фомы, 86.

⁴⁵ Мф 5, 30; Мк 9, 43—47.

⁴⁶ Мф 13, 44—46.

⁴⁷ Мф 19, 28; Лк 22, 30; ср. Иак 1, 1. По-видимому, 24 старца, сидящие у престола Божия (Откр. 4, 4), в Апокалипсисе Иоанна обозначают родоначальников ветхозаветной и новозаветной Церкви. Ср. Откр 21,

14, где сказано о «двенадцати апостолах Агнца». В Послании Варнавы об апостолах говорится: «их двенадцать во свидетельство колен Израилевых, которых тоже двенадцать» (8).

⁴⁸ Лк 12, 32.

⁴⁹ Мф 5, 13 сл.

⁵⁰ Мк 9, 40; Лк 9, 50.

⁵¹ Текст из оксиринхского папируса см. J. Jeremias. *Op. cit.*, p. 95; Мк 9, 38—40; Лк 9, 49—50.

⁵² Лк 14, 15—24.

⁵³ Мф 13, 3—9; Мк 4, 1—20; Лк 8, 4—15.

⁵⁴ Мф 7, 15 сл.; Лк 6, 43—46.

⁵⁵ Мф 13, 24—30.

⁵⁶ Ин 3, 19.

⁵⁷ Мф 13, 47—50.

⁵⁸ Геенна, или Генном,— овраг у стен Иерусалима, где некогда приносились языческие жертвы. Впоследствии это место превратили в свалку, где постоянно поддерживался огонь. Геенна стала символом нечистоты, истребляемой Богом. I Енох 27, 2, 3; Вознесение Моисея, 10, 10.

⁵⁹ Трудность понимания слов Христовых о «муке вечной» связана с тем, что слово «вечность» (олам) в еврейском языке имеет несколько значений. Мнение ряда богословов, согласно которому в грядущем даже зло будет преображено и спасено, вызывало законные возражения (см. прот. С. Булгаков. *Невеста Агнца*. Париж, 1945, с. 493 сл). Из Писания можно заключить, что зло с наступлением полноты Царства уничтожается, переходит в небытие, которое в Апокалипсисе названо «второй» и последней смертью (20, 14). Ее нельзя считать разновидностью существования, ибо истинная «жизнь» пребывает лишь в Боге.

⁶⁰ Авот, III, 2.

⁶¹ Мф 18, 20.

⁶² Мф 13, 17; Лк 10, 24.

⁶³ Мф 11, 27—30. В данном контексте слово «иго» может обозначать духовный труд и подвиг. Но в то же время следует отметить, что в еврейском языке это слово нередко соответствовало понятию «учение», «провозвестие».

⁶⁴ Ин 10, 9; 14, 6.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

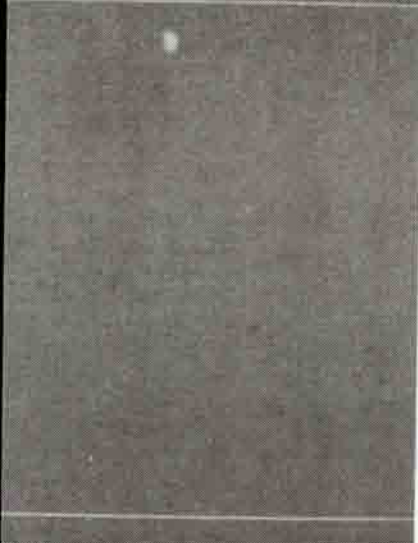

НЕИЗБЕЖНОСТЬ СТРАННОГО МИРА

Речь пойдет о самом, быть может, знаменитом художнике XX столетия. Ни один из его современников не привлекал к себе такого интереса, не вызывал столь острых споров, какими отмечена деятельность Пабло Пикассо, — о нем написаны груды книг и горы статей. Трудно сказать, произошло ли это потому, что именно Пикассо стоял у истоков

кубизма, совершившего «коперниковский переворот в живописи» и явившегося «началом совершенно нового искусства», или же по той причине, что сам этот мастер не помещается ни в рамки кубизма, ни во все последующие течения, которым отдал дань или способствовал их появлению. Так или иначе, но среди Монбланов написанного о Пикассо на разных языках и в разные годы несправедливо затерялись несколько страничек, опубликованных в 1914 году ничтожным тиражом в России и принадлежащих перу только теперь познающему открываемого у нас выдающегося мыслителя Николая Александровича Бердяева (1874—1948). Следует, однако, заметить, что в качестве искусствоведа (впрочем, в данном случае такое определение весьма узко и условно) Бердяев представляется, похоже, впервые, а между тем малень-

кая, но необыкновенно емкая статья приобретает сегодня особый интерес, ибо в раннем, начальном, Пикассо Бердяев прозрел не только будущее самого художника, но как бы и весь последующий ход мирового искусства нашего века. Но есть у этой работы и другие особенности, побудившие нас познакомиться с нею современных читателей. Можно думать, что для большинства из них она явится неожиданностью.

Риснем даже предположить, что будь это написано современным автором, не всякий редактор решился бы напечатать столь непривычный по форме и содержанию разговор о живописи — Бердяев пишет не «о», а «по поводу» Пикассо, ломая тем самым устоявшиеся традиции. В самом деле, знакомясь с художником по книгам, статьям современных искусствоведов и критиков, мы привыкли читать о «колорите», «композиции», «красках», то есть о том, что составляет инструментарий живописца. Для Бердяева это — само собой, и здесь он полностью доверяет чутью и глазу зрителя. Но существует в искусстве нечто более значительное, лежащее не на поверхности холста, а тающееся в глубинах самого человека — художника и зрителя, — чего ни тот, ни другой не видит без открытий исследователя-философа.

Бердяев исследует феномен Пикассо как стихию человеческого бытия в стремительно меняющемся мире. Причем он как бы нарочито обнажает сам метод познания художника: с поверхности видимого он погружается в глубины невидимого, достигая дна, что, в сущности, повторяет процесс творчества самого Пикассо. Этот непривычный и, надо сказать, жесткий метод познания в конечном счете достигает эффекта рентгеновского сним-

Пикассо в 15 лет.

ка. Читатель, привыкший к лирической описательности, к аргументации эмоциональной, и признающий за критиком право учителя, выставящего оценки ученику, будет озадачен хотя бы уже потому, что не сможет понять, правится ли автору Пикассо, любит ли он его живопись. У Бердяева другие задачи: он снимает с Пикассо покров, тем самым открывая зрителю сущность художника и место его творчества в системе мира, показывая, а еще точнее — доказывая неизбежность Пикассо. С той же неизбежностью следует отсюда и не высказанный Бердяевым вывод: Пикассо можно любить или не любить, но игнорировать его нельзя.

И, наконец, следует сказать вот о чем.

Приняв непривычность формы такого разговора об искусстве и художнике, пусть не посетует читатель на некоторую трудность текста — она терминологическая; труд же заглянуть в словарь, поверьте, стоит того, чтобы в этом разобратся, — тогда он будет вознагражден, увидев в статье русского мыслителя красоту и ясность математической формулы, оснoв которой, сможет легче понимать кажущийся сложным язык современного изобразительного искусства. Поймет он и то, что «премудрости философии» нужны нам отнюдь не для прибавления к премудростям жизни, а, напротив, к их упрощению.

ПИКАССО

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

Когдаходишь в комнату Пикассо галереи С. И. Щукина, охватывает чувство жуткого ужаса, то, что ощущаешь, связано не только с живописью и судьбой искусства, но и с самой космической жизнью и ее судьбой. В предшествующей комнате галереи был чарующий Гоген. И кажется, что переживалась последняя радость этой природной жизни, красота все еще воплощенного, кристаллизованного мира, упоенность природной солнечностью. Гогену, сыну рафинированной и разлагающейся культуры, нужно было бежать на остров Таити, к экзотической природе, к экзотическим людям, чтобы найти в себе силу творить красоту воплощенной, кристаллизованной, солнечной природной жизни. После этого золотого сна просыпаешься в комна-

те Пикассо. Холодно, сумрачно, жутко. Пропала радость воплощенной, солнечной жизни. Зимний космический вечер сорвал покров за покровом, опали все цветы, все листья, содрана кожа вещей, спали все одеяния, вся плоть, явленная в образах нетленной красоты, распалась. Кажется, что никогда уже не наступит космическая весна, не будет листьев, зелени, прекрасных покровов, воплощенных синтетических форм. А если и будет весна, то совсем уже иная, небывалая, с листьями и цветами нездешними. Кажется, что после страшной зимы Пикассо мир не зацветет уже, как прежде, что в эту зиму падают не только все покровы, но и весь предметный, телесный мир расшатывается в своих основах. Совершается как бы таинственное распластование космоса.

Пикассо — гениальный выразитель разложения, распластования физического, телесного, воплощенного мира. С точки зрения истории живописи понятен *raison d'être*, возникновение кубизма во Франции. Пикассо предшествовал такой крупный художник, как Сезанн. Французская живопись уже долгое время, со времени импрессионистов, шла по пути размягчения, утери твердых форм, по пути исключительной красочности. Кубизм есть реакция против этого размягчения, искание геометричности предметного мира, скелета вещей. Это искания аналитические, а не синтетические. Все более и более невозможно становится синтетически-целостное художественное восприятие и творчество. Все аналитически разлагается и расчленяется. Таким аналитическим расчленением хочет художник добраться до скелета вещей, до твердых форм, скрытых за расчлененными покровами. Материальные покровы мира начали разлагаться и рассыпаться и стали искать твердых субстанций, скрытых за этим размягчением. В своем искании геометрических форм, скелета вещей Пикассо пришел к каменному веку. Но это — прозрачный каменный век. Тяжесть, скованность и твердость геометрических фигур Пикассо лишь кажущаяся. В действительности геометрические тела Пикассо, складные из кубиков скелеты телесного мира, распадутся от малейшего прикосновения. Последний пласт материального мира, открывшийся Пикассо-художнику после срывания всех покровов, — прозрачный, а не реальный. Прозрением художника не открывается субстанциональность материального мира, — этот мир оказывается не субстанциональным. Пикассо — беспощадный разоблачитель иллюзий воплощенной, материально-синтезированной красоты. За пленяющей и прельщающей женской красотой он видит ужас разложения, растления. Он, как ясновидящий, смотрит через все покровы, одежды, напластования, и там, в глубине материального мира, видит свои складные чудовища. Это демонические гримасы скованных духов природы. Еще дальше пойти вглубь, и не будет уже никакой материальности — там уже внутренний строй природы, иерархия духов. Кризис живописи с неизбежностью приведет к выходу из физической, материальной плоти в иной, высший план.

Живопись, как и все пластические искусства, была воплощением, материализацией, кристаллизацией. Высшие подъемы ста-

рой живописи давали кристаллизованную, оформленную плоть. Живопись была связана с крепостью воплощенного физического мира, с устойчивостью оформленной материи. Ныне живопись переживает небывалый еще кризис. Если глубже вникнуть в этот кризис, то его нельзя назвать иначе, как дематериализацией, развоплощением живописи. В живописи совершается что-то, казалось бы, противоположное самой природе пластических искусств. Все уже как будто изжито в сфере воплощенной, материально-кристаллизованной живописи. Искусство окончательно отрывается от античности. Начинается процесс проникновения живописи за грани материального плана бытия. В старой живописи было много духа, но духа воплощенного, выразимого в кристаллах материального мира. Ныне идет обратный процесс: не дух воплощается, материализуется, а сама материя дематериализуется, развоплощается, теряет свою твердость, крепость, оформленность. Живопись погружается в глубь материи и там, в самых последних пластах, не находит уже материальности. Если прибегнуть к теософической терминологии, то можно сказать, что живопись переходит от тел физических к телам эфирным и астральным. Уже у Врубеля началось жуткое распыление материального тела. У Пикассо колеблется граница физических тел. Те же симптомы есть и у футуристов, в их ускоренном темпе движения. Реклама и шарлатанство, искажающие искусство сегодняшнего дня, имеют глубокие причины в распылении всякой жизненной кристалльности. Уже у импрессионистов начался какой-то разлагающий процесс. И это не от погружения в духовность, а от погружения в материальность происходит. Ранняя итальянская живопись была полна глубокой духовности, но дух в ней воплощался. В современном искусстве дух как будто бы идет на убыль, а плоть дематериализуется. Это очень глубокое потрясение для пластических искусств, которое колеблет самое существо пластической формы. Дематериализация в живописи может производить впечатление окончательного краха искусства. Живопись также связана с кристаллами оформленной плоти, как поэзия с кристаллами оформленного слова. Разложение слова, его распыление должно производить впечатление гибели поэзии. А ведь поистине совершается такое же распыление кристаллов слова, как и кристаллов плоти. Не буду говорить о футуристической поэзии, которая до сих пор не дала ничего значительного. Но вот Андрей Белый, которого я считаю самым оригинальным, значительным, близким к гениальности явлением русской литературы, может быть назван кубистом в литературе. В его романе «Петербург» можно открыть тот же процесс распластования, расслоения космической жизни, что и в картине Пикассо. В его изумительных и кошмарных словосочетаниях расплываются кристаллы Слова. Он такой же жуткий, кошмарный художник, как и Пикассо. Это жуть от распыления, от гибели мира, точнее, не мира, а одного из воплощений мира, одного из планов мировой жизни.

И думается горькая и печальная дума о том, что не будет уже никогда прекрасных тел, чистых кристаллов, радостей воп-

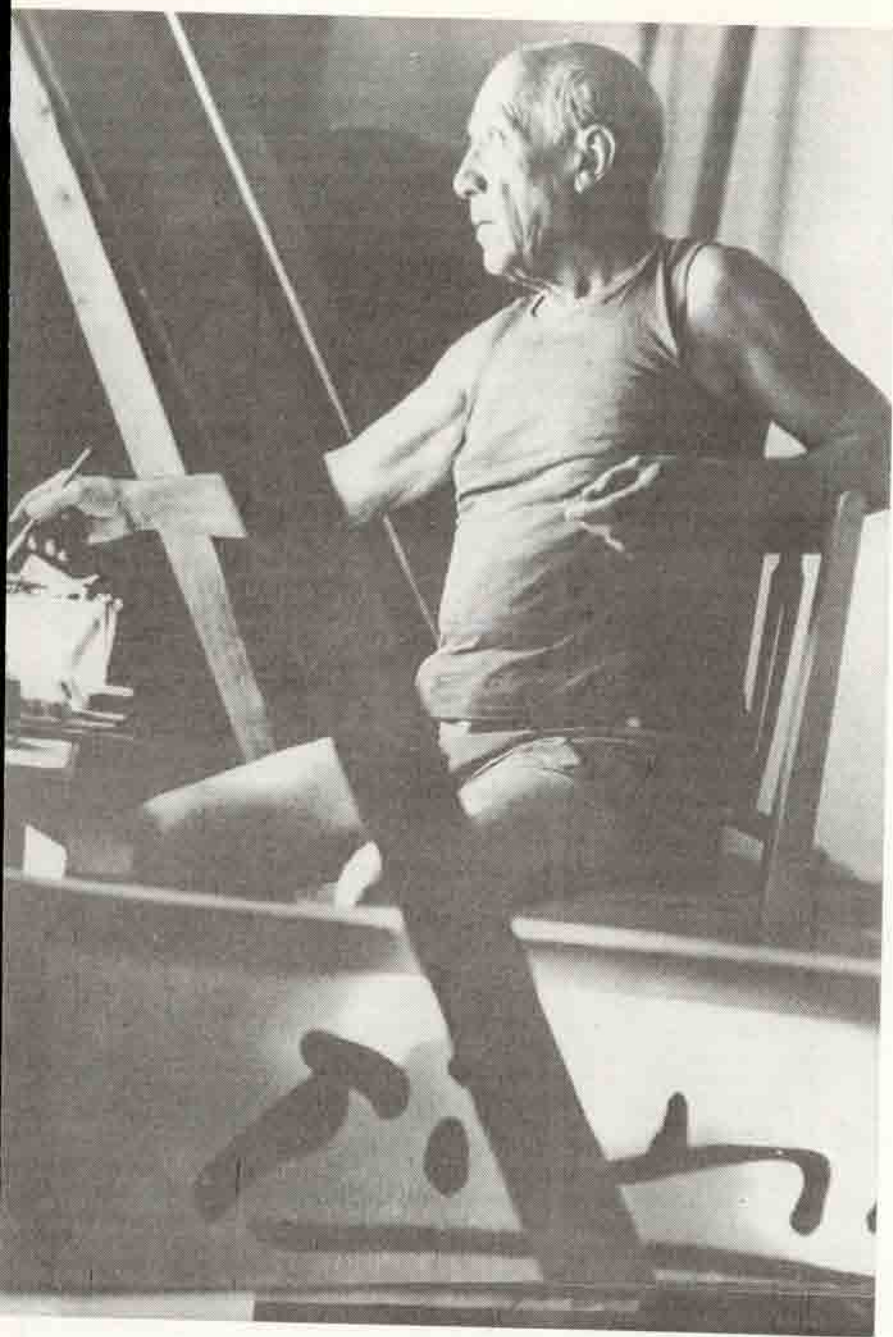
126

лощенной жизни, синтетически-целостных восприятий вещей, органической культуры. Все это, пассаизм* и пассаисты, обречено на щемящую печаль, на вздыхание о прошлом, на жуткий ужас от гибели воплощенной красоты мира. Архитектура уже погибла безвозвратно, и гибель ее очень знаменательна и показательна. С гибелью надежды на возрождение великой архитектуры гибнет надежда на новое воплощение красоты в органической, природно-телесной народной культуре. В архитектуре давно уже одержал победу самый низменный футуризм. Кажется, что в мире материальной воплощенности, телесности все уже надломлено бесповоротно, все уже *detraque*** . В этом плане бытия невозможна уже органическая, синтетически-целостная радость, упоенность красотой. Кажется, что в самой природе, в ее ритме и круговороте что-то бесповоротно надломилось и изменилось. Нет уже, и быть не может, такой прекрасной весны, такого солнечного лета, нет кристалличности, чистоты, ясности ни в весне, ни в лете. Времена года смешиваются. Не радуют уже так восходы и закаты солнца, как радовали прежде. Солнце уже не так светит. В самой природе, в явлениях метеорологических и геологических, совершается таинственный процесс аналитического расслоения и распластования. Это чувствуют ныне многие чуткие люди, обладающие мистической чувствительностью к жизни космической. О жизни человеческой, о человеческом бытие, о человеческой общности и говорить нечего. Тут все яснее видно, ошутимее. Наша жизнь есть сплошная декристаллизация, дематериализация, развоплощение. Успехи материальной техники только способствуют распылению исторических тел, устойчивой плоти родовой жизни. Все устои колеблются, и с ними колеблется не только бывшее зло и неправда жизни, но и бывшая красота и бывшая уют жизни. Материальный мир казался абсолютно устойчивым, твердо скристаллизованным. Но эта устойчивость оказалась относительной. Материальный мир не субстанционален — он лишь функционален. Изжиты уже те состояния духа, которые породили эту устойчивость и кристаллизованность воплощенного материального мира. Ныне дух человеческий вступает в иной возраст своего бытия, и симптомы распластования и распыления материального мира можно видеть всюду: и в колебаниях родовой жизни и всего бытия нашего, к народу прикрепленного, и в науке, которая снимает традиционные границы опыта и принуждена признать дематериализацию, и в философии, и в искусстве, и в оккультических течениях, и в религиозном кризисе. Разагаются старый синтез предметного, вещного мира, гибнут безвозвратно кристаллы старой красоты. Но достижений красоты, которая соответствовала бы другому возрасту человека и мира, еще нет. Пикассо — замечательный художник, глубоко волнующий, но в нем нет достижений красоты. Он весь переходный, весь — кризис.

Тяжело, печально, жутко жить в такое время человеку, ко-

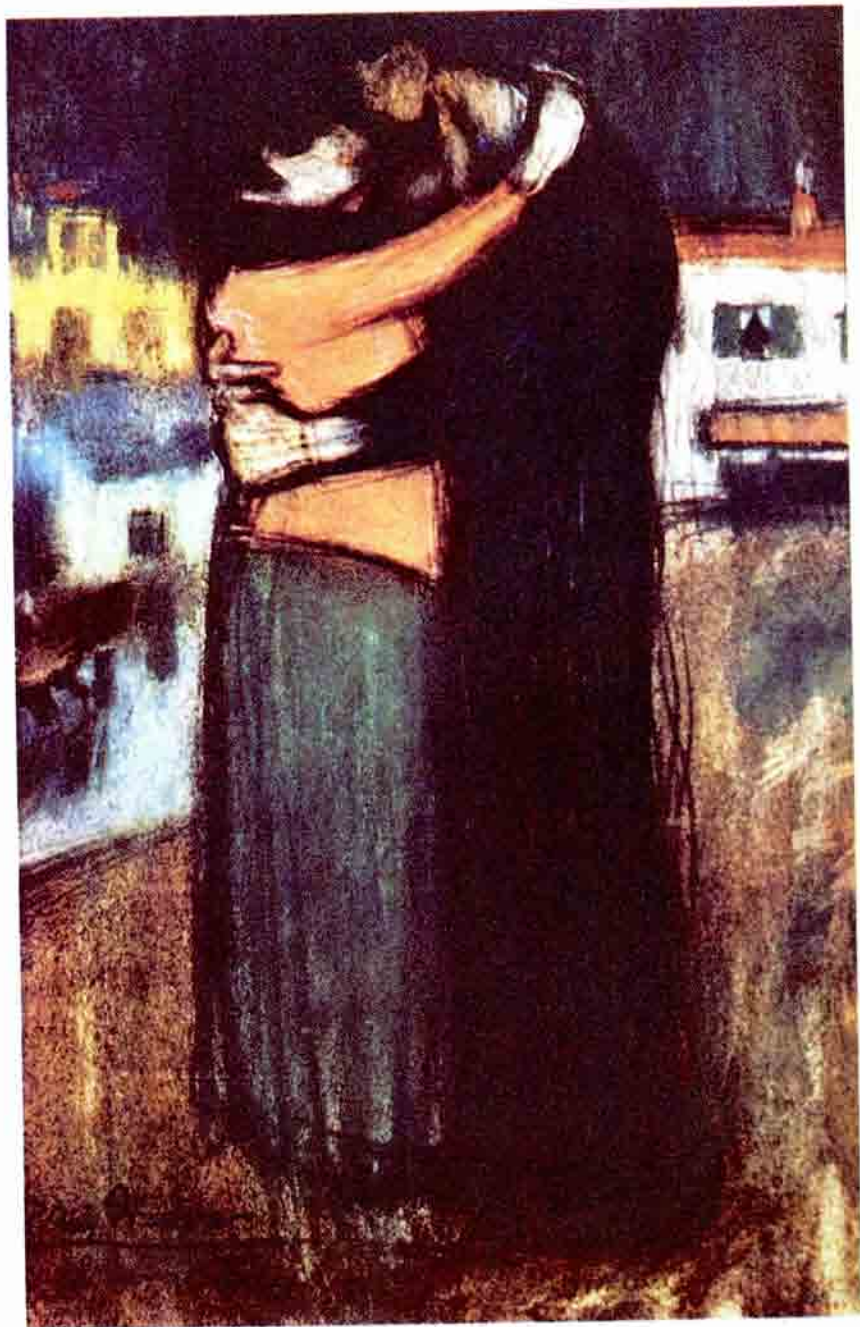
* Пассаизм — пристрастие к прошлому (франц.).

** *detraque* — развинченный, разлаженный (франц.).

торый исключительно любит солнце, ясность, Италию, латинский гений, воплощенность и кристалличность. Такой человек может пережить безмерную печаль бесповоротной гибели всего ценного в мире. И лишь в глубинах духа можно найти противоядие от этого ужаса и обрести новую радость. Вот в германской культуре менее чувствуется этот кризис, так как германская культура всегда была слишком исключительно духовна и не знала такой воплощенной красоты, такой кристаллизации в материи. Мир меняет свои покровы. Материальные покровы мира были лишь временной оболочкой. От космического ветра должны осыпаться старые листья и цветы. Ветхие одежды бытия гниют и спадают. Это — болезни́ возраста бытия. Но бытие неистребимо в своей сущности, нераспыляемо в своем ядре. В процессе космического распыления одежд и покровов бытия должен устоять человек, как образ и подобие бытия абсолютного, не может расплыться. Но он подвергается опасности от космических вихрей. Он не должен отдаваться воле ветра. В искусстве Пикассо уже нет человека. То, что он обнаруживает и раскрывает, совсем уже не человеческое; он отдает человека воле расплывающего ветра. Но чистый кристалл человеческого духа неистребим. Только современное искусство уже бессильно творить кристаллы. Ныне мы подходим не к кризису в живописи, каких было много, а к кризису живописи вообще. Это кризис культуры, осознание ее неудачи, невозможности перелить в культуру творческую энергию. Космическое распластование и распыление порождают кризис всякого искусства, колебание границ искусства. Пикассо — очень яркий симптом этого болезненного процесса. Но таких симптомов много. Перед картинами Пикассо я думал, что с миром происходит что-то неладное, и чувствовал скорбь и печаль гибели старой красоты мира, но и радость рождения нового. Это великая похвала силе Пикассо. Те же думы бывают у меня, когда я читаю оккультические книги, общаюсь с людьми, живущими в этой сфере явлений. Но верю, верю глубоко, что возможна новая красота в самой жизни и что гибель старой красоты лишь кажущаяся нам по нашей ограниченности, потому что всякая красота вечна и присуща глубочайшему ядру бытия. И расслабляющая печаль должна быть преодолена. Если можно сказать, как истину предпоследнюю, что красота Боттичелли и Леонардо погибнет безвозвратно вместе с гибелью материального плана бытия, на котором она была воплощена, то, как последнюю истину, должно сказать, что красота Боттичелли и Леонардо вошла в вечную жизнь, ибо она всегда пребывала за неустойчивым покровом космической жизни, которую мы именуем материальностью. Но новое творчество будет уже иным, оно не будет уже пресекается притяжением к тяжести этого мира. Пикассо — не новое творчество. Это — конец старого.

Влюбленные на улице. 1900 г.

Пауло — Арлекин с цветами. 1923 г.

Натюрморт со сквородой. 1945 г.

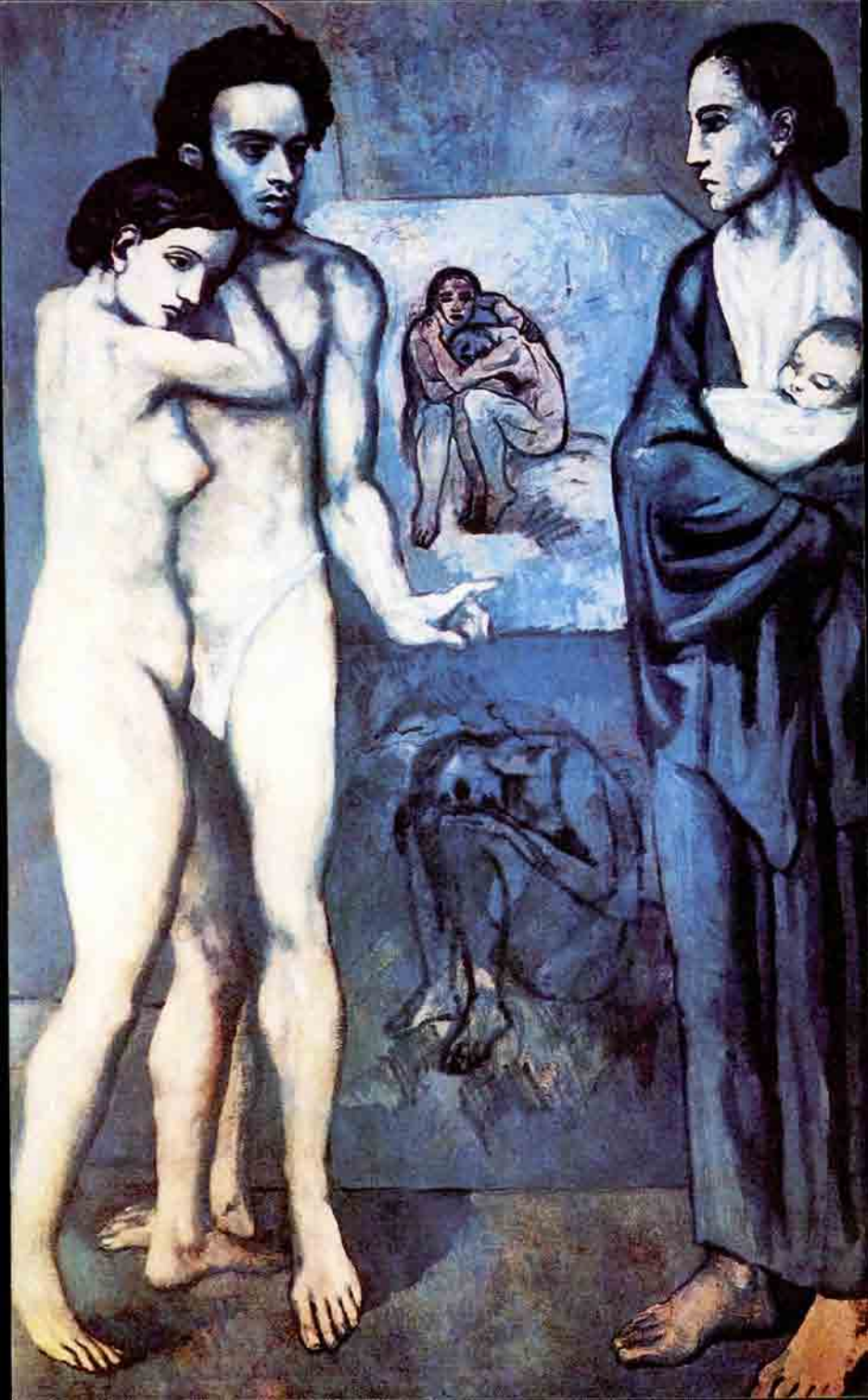
Портрет Джеймса Сабетса, испанского гранда. 1939 г.

Скрипка. 1912 г.

Обнаженное женское тело на красном стуле. 1932 г.

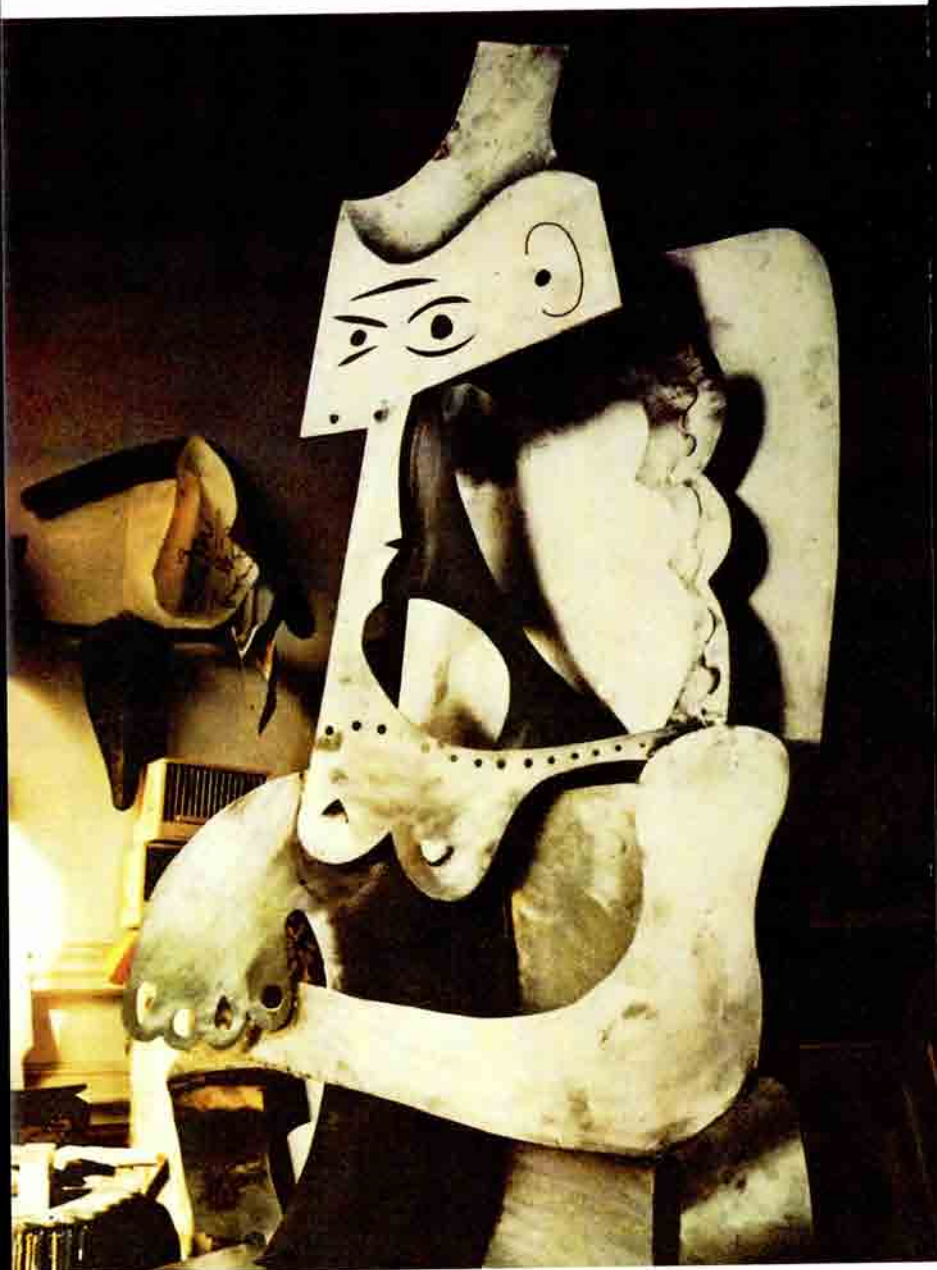

Кошка, поедающая птицу. 1939 г.

Спящие. 1965 г.

Женщина в шляпе. 1963 г.

ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ

С налета эту статью не прочтешь, и если вы не готовы к неторопливому, небеглому чтению — отложите. Но когда час придет, имейте все же в виду: это чтение даст каждому столько, сколько сможет он взять. Предлагаемое эссе (так будет вернее определить этот жанр) в равной мере адресовано тем, кто плохо знает Пикассо и недостаточно разбирается в хитросплетениях изобразительного искусства XX века, но одновременно и тем, кто знает этого художника хорошо и уже проник во многие таинства сложного языка живописи нынешнего столетия. Такой демократизм в отношении к читателю различного уровня составляет, без сомнения, достоинство «Пикассианы», впрочем, не единственное.

Содержание эссе значительно шире обозначенного в нем предмета разговора: тут не только Пикассо, тут и бешено скачущий наш век — безоглядно забывающий и ностальгически вспоминающий — показаны жестко, без экивоков, без привычного и невинного «с одной стороны, с другой стороны». Следуя библейскому завету «не сотвори себе кумира», автор тем самым призывает и читателя к трезвому, свободному от всяких пристрастий взгляду. Подобно Бердяеву, он тоже ломает привычные

формы разговора об искусстве художника. Главное здесь не оценка, зависящая от эстетических критериев пишущего, но позиция, основанная на том, что индивидуальное художественное явление, даже такое огромное, как Пикассо, рассматривается во всей многообразной системе развития искусства вообще. Еще более непривычен самый тон разговора.

Мы учены и, признаемся, приучены уже основательно, что критик говорит о художнике независимо от его ранга и заведомо критиком принимаемого: или свысока, или снисходительно, или восхищенно, с пietetом, подкрепленным общественным, так сказать, мнением. Вейдле же говорит как равный с равным, не раздавая ярлыков, но показывая художника во всех его ипостасях и подчеркнуто бесстрастно их анализируя. Он судит о нем, что называется, по гамбургскому счету: порой жестко, быть может, даже жестоко, но тут же недвусмысленно дает понять, что мы имеем дело не только с талантливым художником («он был сверхъестественно талантлив»), но и с серьезнейшим явлением искусства, которого, как (сообразно личным вкусам и пристрастиям) к нему ни относиться, обойти невозможно. Пикассо — гора на пути позна-

ния современного искусства, а чтобы гору эту миновать, идти придется или другой дорогой, или взять вершину, с которой видно больше и дальше, чем с других, менее высоких. Автор предлагает штурм. Но это трудный штурм. Труден же он, однако, опять-таки в силу тех же наших привычек, ставших дурной традицией.

Увы, привыкли мы уже изрядно к статьям об искусстве двух, что ли, родов: или примитивно-наивным, с лексикой вроде «яркой палитры, отражающей...», «жизнелюбия художника, запечатлевшего высокий подвиг», или же неудобочитаемым, выхолощенным наукообразностью, тоже одобренной социальным заказом, когда в каждой строке мелькают словосочетания вроде «соотношения этического и эстетического», «колорит убедительно отражает противоречия мира, где человек человеку...» и т. п. Ничего подобного не найдем мы в предлагаемом эссе, которое и тоном и формой призывает читателя приобщаться к серьезному, а не тривиальному разговору об искусстве, без оглядок на иерархию художника и, думается, дает отличный шанс к началу такого приобщения. И все же известные трудности в нем есть.

Если у Бердяева трудность, как было сказано, терминологическая, то эссе Вейдле являет другую, столь же, впрочем, одолжимую. Речь идет о непривычной, быть может, эрудированности, с какой оно написано. Но вряд ли стоит считать это препятствием, в конце концов энциклопедический словарь издается миллионными тиражами не для украшения стен...

Куда важнее заметить, что

оба автора — Н. Бердяев и В. Вейдле — сошлись и соседствуют на этих страницах отнюдь не случайно. Во-первых, оба пишут о Пикассо не потому, что любят или не любят этого мастера, а оттого, что понимают его в системе искусства, а шире — бытия. Оба — на примере Пикассо — исследуют проблему судеб нового искусства, идя в этом как бы с разных сторон навстречу друг другу, но Бердяев погружается с поверхности в глубину ее, а Вейдле с глубины поднимается к поверхности. Несмотря на многогранность и безусловную законченность статьи Бердяева и эссе Вейдле, они удивительным образом дополняют друг друга.

Прочтя Бердяева и приступая к эссе Вейдле, написанному, когда творческий путь Пикассо был уже завершён, мы невольно должны будем задать себе вопрос: оправдались ли прозрения Бердяева, предположившего на заре его деятельности, что такое искусство не может развиваться. Ретроспективный взгляд Вейдле на весь пройденный путь Пикассо это прозрение подтверждает, а тот минимум иллюстраций, который мы здесь предлагаем, убеждает в том, что творчество Пикассо — от начала и до конца — представляет собой движение по замкнутому кругу. Несмотря на всю огромность такого явления, как Пикассо, трагедия его — это трагедия искусства на тех путях, которыми он шел. Общий же вывод приходит сам собой: искусство Пикассо — это искусство века, но не более, чем века. Впрочем, возможно, иные выводы сделает сам читатель, познакомившись с предлагаемым здесь эссе.

Остается сказать лишь об его авторе, представляемом в нашей печати впервые.

В чужих оценках, там, где его хорошо знали и по достоинству оценили, Владимир Васильевич Вейдле (1895—1979) — «выдающийся русский европеец, философ культуры». Первый из этих «титолов» пожалуй что и позабыт у нас основательно со времен Герцена, о втором, тоже забытом, начинаем мы вспоминать с именем Бердяева. Не случайно судьбы двух авторов, сошедшихся на наших страницах, оказываются

удивительно сходными на путях социальных катаклизмов: Россия — изгнание — признание и кончина на чужбине. В последний год жизни, достигнув всемирного признания, Николай Александрович Бердяев с горечью писал: «Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, — это моя Родина». С той же горечью подписаться под такими словами мог бы и Владимир Васильевич Вейдле. Хочется думать, что наша публикация отчасти исправляет эту несправедливость.

ПИЖАССИАНА

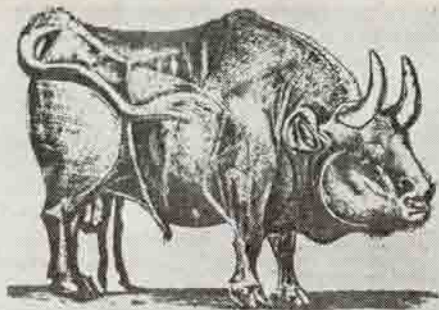
ВЛАДИМИР ВЕЙДЛЕ

Он славился острыми ответами на неуклюжие, неуместные, да и всякие вообще расспросы. Это в нем была испанская черта. Испанский народ пословицами богат как никакой другой, и пословицы эти нередко поражают своим словесным совершенством. Недаром Санчо Панса чуть ли не сплошь ими говорит или же с легкостью изрекает фразы, очень близкие к пословицам. Тот Санчо, который нынче умер, потому что на Дон Кихота, ни в двадцать, ни в девяносто лет, ни капельки не был похож, а если кто ничем не похож на Дон Кихота, он непременно родственник Санчо Пансы, хоть и волен воображать себя Кихотом (в этом гений Сервантеса — тот неслыханных размеров Санчо, который умер и после которого мир осиротел, тоже любил, если не поговорками, то проектами поговорок объясняться или отделяться от назойливых своих поклонников). (...)

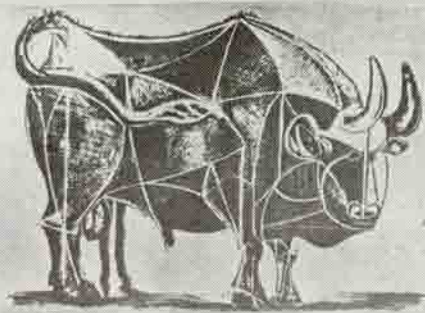
«Я не ищу, я нахожу». Давно он это сказал, и это стало известнейшим из его изречений. Приелось. Во всех некрологах повторялось. Но блеск его не фальшив, и оно само не ложно; только истина, высказанная в нем, прикрывает другие две невысказанные истины; одну — вовсе и неосознанную вероятно; другую — вполне противоположную, — которую, однажды по крайней мере, случилось ему и осознать и высказать с безупречной ясностью.

Быстрый ум был у него и быстрый дар. Он и в самом деле так быстро находил искомое, что как будто и не искал. Но ведь одно из двух: либо ты находишь то, что ищешь (или его замену, как Америку Колумб), либо ты, не ища, нашел целковый на панели,

Бык. 18 декабря 1945 г.

Бык. 22 декабря 1945 г.

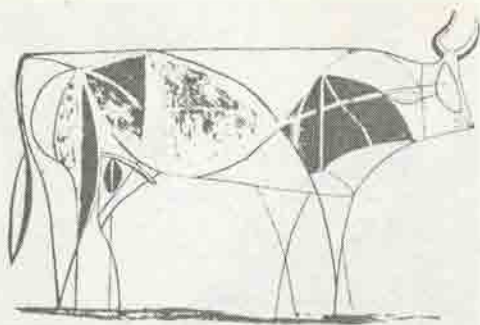
132

но тогда и твоей заслуги не может тут быть ровно никакой. Сказать такое о неустанном работнике этом — грех. Санчо был с ленцой, а его отдаленного потомка и в девятисто лет от работы оторвать никто не мог; в этом главная, помимо масштаба, между ними разница. Пабло только и делал, что искал и сразу же (большой частью) находил. Пожалеть можно — и нужно — лишь о том, что хоть и не всегда, не все (скажем) тридцать тысяч, а двадцать девять тысяч раз, довольствовался он *любой* находкой. Да и было в каждой что-то, чего другой не нашел бы, острое, свое. Есть, однако, полное основание думать, что творения свои он не все одинаково ценил; только различия этих оценок другим не любил показывать. Но было бы лучше, кажется мне, когда я о будущем его славы по-старинному беспокоюсь, если б он хоть изредка очень долго чего-нибудь искал, а найденным слишком быстро вовсе бы не удовлетворялся.

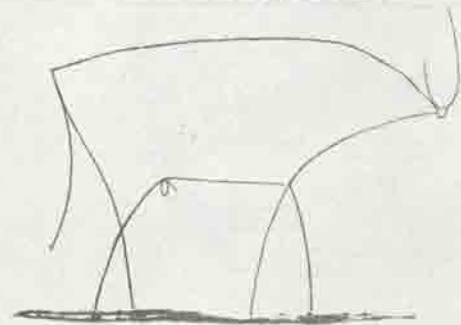
В более молодые лета случалось искать ему и дольше; в совсем зрелые перестал он вовсе на два года (1935—1937) как искать, так и находить; а восьмидесяти с лишним лет вырвалось-таки у него: «Никогда не перестаешь искать, потому что не находишь никогда». Записал это верный его эскерман* (Елена Пармелен), а после его смерти, одна из его жен, третья, кажется, от конца (я их всех называю женами, потому что он с каждой жил сравнительно подолгу), привела еще одно его изречение, на ту же, собственно, тему, не столь эффективное, как первое, не столь

* Эскерман И. П. (1792—1854) — долголетний секретарь Гете, автор знаменитой книги «Разговоры с Гете»; имя его стало нарицательным.

Бык. 2 января 1946 г.

Бык. 17 января 1946 г.

ему противоположное, как второе, но ведущее напрямик в настоящую глубину: «Постоянно чувствую я потребность разрушать то, что строю с таким трудом».

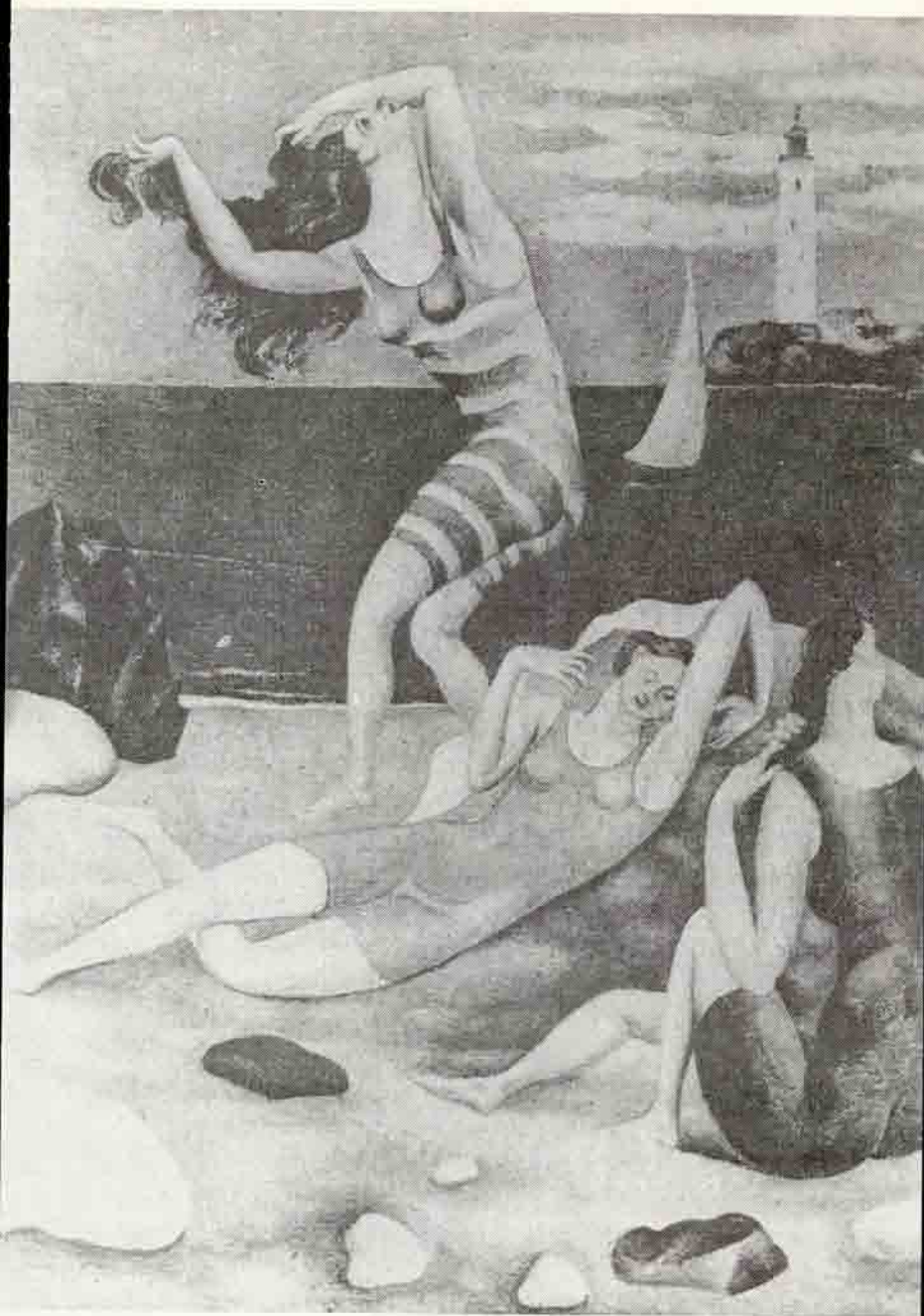
Это не так голо, как «не находишь никогда». Частица похвалы тут есть. Трудился он — это сомнению не подлежит — сил не щадя, всю жизнь. Но несметное количество его подаренных современникам или завещанных потомкам произведений и невероятная скорость изготовления большинства из них исключают мысль об изнурительной борьбе с препятствиями, стоящими на пути к осуществлению вынашиваемых долго замыслов. Да и без них, зачем было бы смывать сорок раз (как о том вовсе и не без вздоха, а со смехом рассказывал Мане) голову на портрете Евы Гонсалес, когда он собственным Евам волен был приделывать вкривь и вкось сорок различных голов? Но жажда разрушения была в нем действительно неутолима; тут его признание не принаряжено ничем. Разрушения — умственного, конечно, в идее, в идеале, — того, что было сделано другими (об этом речь впереди), но и того, что сам «построил», точно так же не материального (не слышно было о нем, как о Сезанне, чтоб он собственный свой холст в гневе прорывал ударом каблука) — а идеального, в замысле, который он именно поэтому тотчас и заменял другим. Хранил он все; выбрасывал, рвал, уничтожал очень, по видимому, немного. В жилом и многочисленных его необитаемых жилищах накопилось его творений по скромному подсчету пятнадцать тысяч, по другому — двадцать пять. А в частных собраниях и музеях всего мира?

Это я нарочно, чтобы читатель улыбнулся, о «подаренных»

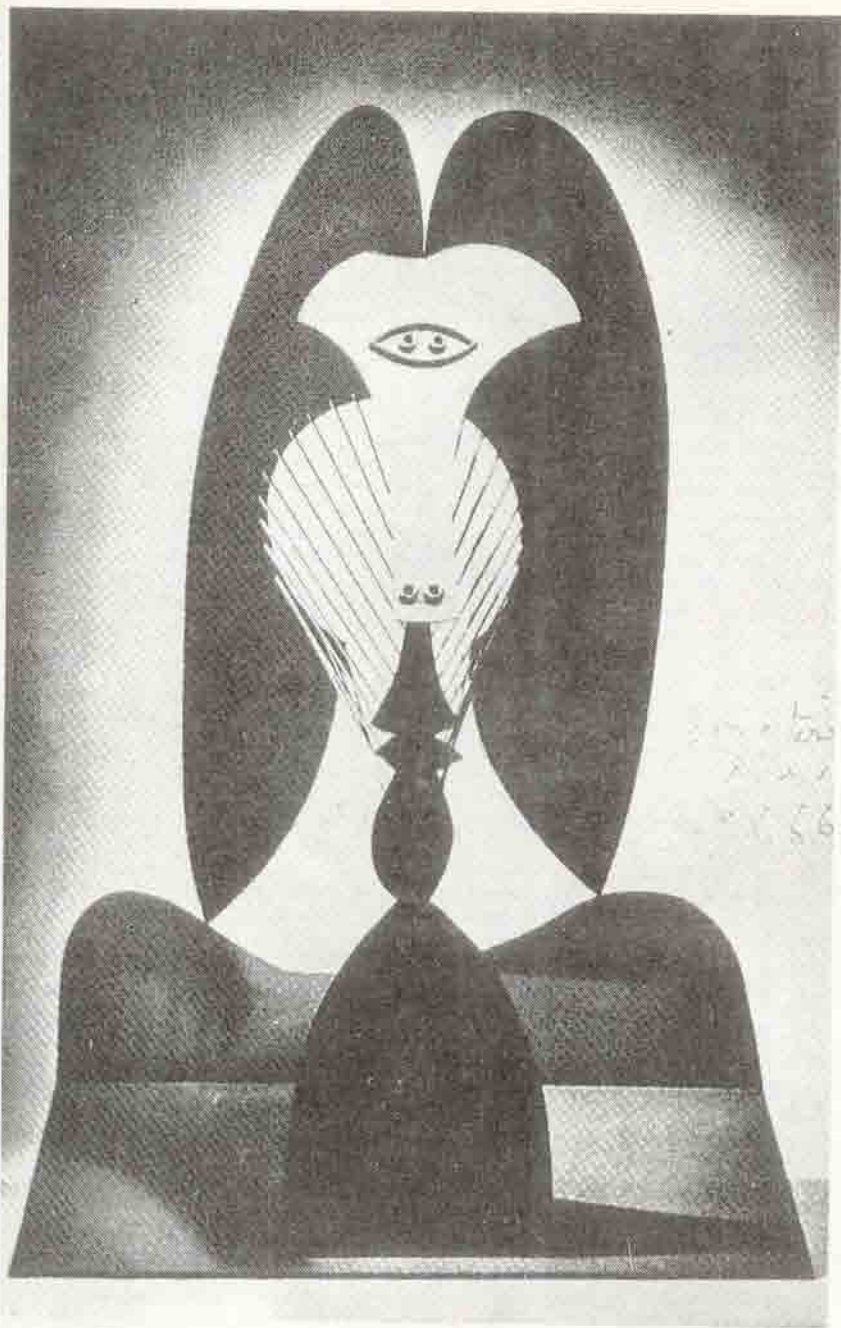
и «завещанных» написал. Конечно, дары этого рода остаются дарами, сколько бы ни было за них уплачено. Символически это выражается в том, быть может, что сколько брать за них он знал, но полученных денег не считал, чеков не на очень крупные суммы даже не предъявлял к оплате; говорят, накопилось их у него целый большой сундук. И завещания не оставил. С полсотни чужих картин, из многих ему принадлежавших, отобрал и устно повелел выдать Лувру, а насчет своих, друг на друге горами лежащих холстов, как и акварелей, рисунков, керамики, скульптур, не распорядился; те же чеки они, без подписи большей частью, хоть и его; и без цифры в верхнем углу. Чем их больше, тем цифра эта будет меньше.

Творить, творить... До последнего дня, до двух часов ночи в последний вечер своей жизни. Чем дольше жил, тем усерднее творил. Доподлинно известно, что с января 69-го до февраля 70-го написал 165 картин, маслом на холсте, больших и среднего размера, 55 рисунков нарисовал (прочего за этот год, керамики, например, не подсчитали). Ему и прежде случалось по семи полотен в сутки заканчивать. Заканчивать? Но ведь как раз об этом он эскерману (задолго до того увековеченному им на портрете 52-го года в зеленой кофте, лиловой юбке, с невероятно толстыми голыми ногами и невероятной кошной волос, доходящей до локтей) даже и с яростью твердил: нет никакого «конца», нет ничего законченного, все надо вновь начинать сначала, «точка, готово» — один обман; важно намерение, а не результат, не что ты сделал, а что хотел ты сделать. И само делание, следовало бы прибавить. Не творение, а творчество.

Купающиеся девушки. 1918 г.

Модель головы
(фрагмент)

«Создай шедевр! создай шедевр!» — молил его, много лет назад, чуть ли не со слезами, немножко наивный, хоть и философический друг его Эухенио д'Орс. Размышляли с тех пор все прочие его друзья (а также празднословы и льстецы), сорок лет размышляли, но других не нашли, кроме двух, из которых первый по времени — не шедевр, а манифест («Авиньонские девицы»), а второй («Герника») — плакат, по декоративности, вопреки ужасам своим, способный заменить шпалеру.

Творить, творить... Можно и бед натворить. Но забыл об этом наш век, влюбился до беспамятства в это слово. Мыловарам его подарил, куаферам разбазарил да кутюрьерам. Ублажается, украшается им, как дикарь сапожною щеткой, повешенной на шею, с фальшивым бриллиантом посредине. Но ведь этому неистребимого здоровья и огромных способностей человеку заправду даровала жизнь то, что в бедной нашей России так жалостно зовется «творческой командировкой», — на восемьдесят с лишним лет (оттого, что восьмью написал он уже картинку, красками, боя быков, бойко-пребойко написал). И стал он творить, чем дальше, тем больше, искать и находить, искать и мгновенно находить. Да и не все три глагола эти тут применены: искал, находил (быть может, порой и то самое, чего искал), творил: не отсутствовало в творениях этих творчество. Есть разные его виды; сейчас я к этому перейду; нетворческими творений его не считаю. Остановился он, было, в середине жизни, стихами от нечего делать занялся, да и прозой баловался тогда и позже... Но тут уж мы сами палец приложим к губам. А затем, точно с новою силой, и все больше, все быстрее — творил, творил; до одури под конец. Или ради одури?

138
Есть еще словечко; позднее его словечко: «Живопись — мой пасти́с». Называется так самый излюбленный на юге Франции горький алкогольный напиток. Он мог бы сказать «моя водка», «мой коньяк». Алкоголиком не был ничуть: пил вино, и в меру; здоровья и жизненных сил было у него и под конец, как всегда, хоть отбавляй. Но деланьем, творчеством своим он и впрямь, больше чем кто-либо, упивался сам. Упивался, почти в буквальном значении слова. Упоение это очень рано узнал, и предан был ему, его искал до последнего дня жизни. В каждом творении его было творчество, смешанное с разрушением. И не творениями он упивался, а самим этим двуединым актом — разрушения и творчества.

Какого рода творчества? Особого. В этом как раз и все дело.

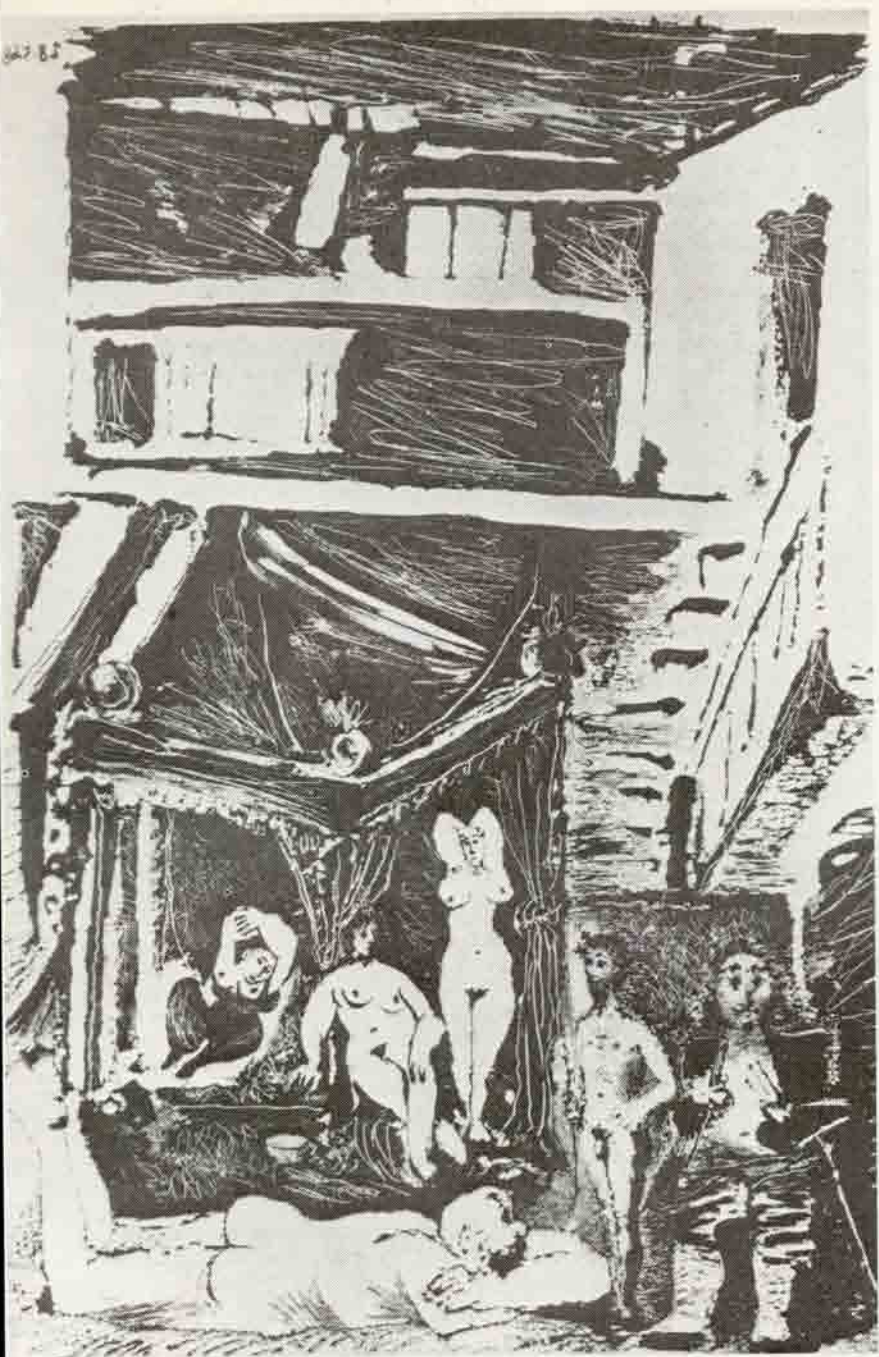
Все, что приводит к возникновению чего-то еще небывшего, зовется творчеством, если небывшее возникает по воле и согласно замыслу творящего. Если же возникает оно помимо воли или в связи с ней, но без всякого дальнейшего руководства этой волею, возникновение зовется или может зваться рождением, и творчеством его не называют. Мать рождает дитя, а не творит. И отец его не творит, а лишь порождает («Я тебя породил, я тебя и убью», — говорит Тарас, у Гоголя, своему сыну). Зато, воспитывая свое дитя, отец и мать, отнюдь не из ничего, но нечто творят: человека, личность, — при содействии самой этой малолетней личности. Соотечественники Пикассо, то есть предки их, приобщившиеся латыни, из глагола, означающего «творить», смастерили два, заменив во втором случае гласную «е»

гласной «и»: «креар» — значит «творить», а «криар» — «вскармливать», «воспитывать». Близость друг ко другу этих слов умна, если думать не о жизни, а об искусстве. В жизни возможно воспитать только живое. Если я создал, выдумал, изобрел, сотворил пушку, то дальнейшие усовершенствования пушки воспитанием не называются. Изменение первоначальных данных в замысле художника тоже так не называется, но скорей могло бы называться, оттого что эти данные художнику действительно даны; замысел его — не измышление, не чистая выдумка, по крайней мере в тех случаях, когда из замысла «рождается» (вполне законно будет здесь это слово применить) подлинное художественное произведение. Оно, конечно, той жизнью не живет, какой жив его автор или комар, севший на руку ему, но являет с живым существом, в своем внешнем и внутреннем устройстве, да и в том, как оно продолжает «жить» в веках, превозмогая перемены среды, весьма разительное сходство. Художество — во всех видах — не смесь, но бесконечно сложное согласование творчества с рождением или порождением. Художник, с одинаковым правом, творению своему и детищу может сказать «я тебя породил» и «я тебя сотворил». Изобретатель, в отличие от него, творит, и только. Оттого он столько бед и натворил. Но это я в память Хиросимы говорю, в отместку за отравление рек и морей, за полуподдельный хлеб, который ем. Сотворил он, конечно, и очень много благ или полезностей, по крайней мере; но создал и их, как и все, что он создал, одним измышлением; а художник одним измышлением ничего жизнеспособного создать не может, по той простой причине, что ничего живого или жизнеспособного одним измышлением создать нельзя. Можно создать подобие, но в котором образа не будет, — недаром, должно быть, оба эти слова применены в книге Бытия.

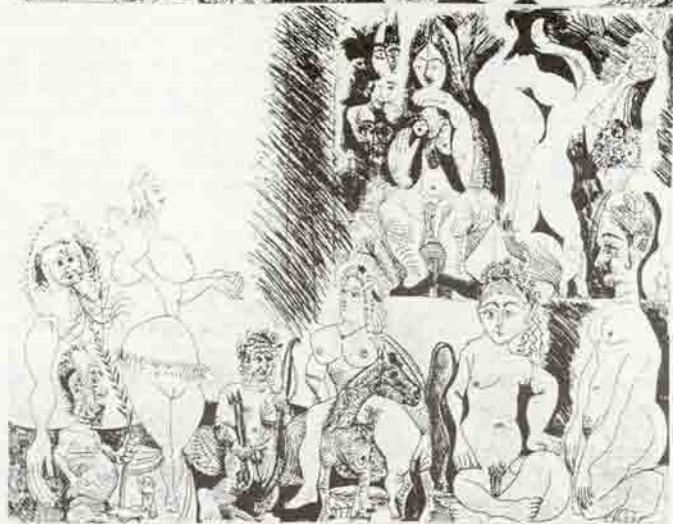
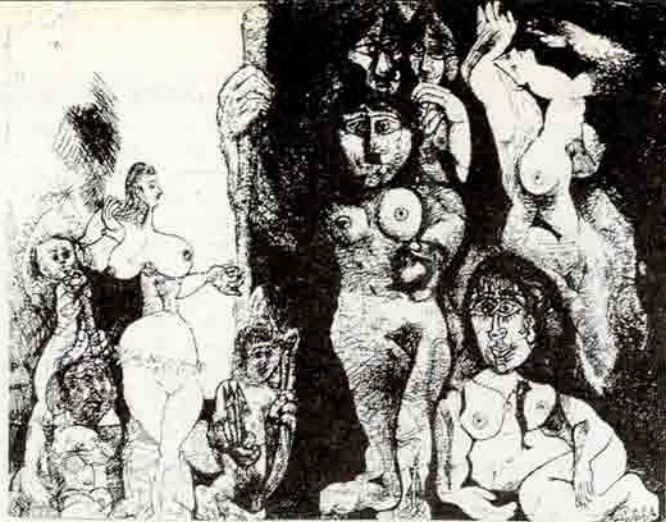
Художественные произведения, без того, чтобы художник знал об этом, подражают организмам; изобретения могут подражать и нередко подражают только функциям организмов; это «дьявольская» разница. Электронные машины, подражая функциям мозга, мыслят за нас; еще не измышляют пока ничего, но, быть может, научатся и этому. Будут измышлять, изобретать, творить другие машины, механизмы, всяческую хитродвижность, как у нас говорили в восемнадцатом столетии, но живого или жизнеобразного (если *весь* его смысл в это слово вложить) не породят. Их этому и не учат. Нельзя их этому научить. Живой порождает живое, а человек, художником становясь, еще и жизнеобразные и жизнеспособные творения порождает и творит. Он, однако, свободен; может от этого и отказаться, творца в себе возлежать, а родителя убить. Кажется, Леонардо первый к этому в зрелые годы устремился. За последнее время многие этого желали («последнему» можно тут приписать и очень широкий и очень сильный смысл), например; в поэзии Валери, — недаром он Леонардо так прославлял*. Но в области изобразительных искусств, накануне их отказа от изображения (это отнюдь не случайность) первым только-творцом, покончившим, как Альберих в «Нибелунгах», но с другим,

* Валери Поль (1871—1945) — французский поэт, эссеист, критик. Речь идет о работе П. Валери «Введение в систему Леонардо да Винчи».

647 B2

REPRODUCED BY THE
BRITISH LIBRARY

не телесным деторождением, кто же был или стал, как не он, наш герой, он. Он, один за всех, он, соблазвивший всех?

Для такого дела делатель понадобился незаурядный. Леонардо был гениально одарен и для порождающего творчества, хоть и предпочел ему изобретающее. Пикассо едва ли; но был с ним знаком, небездарен был и в нем. Да и гениями называют (не в искусстве) ведь и тех, кто ничего не породил, а лишь нечто хорошее, нужное или просто большое измыслил, изобрел, нашел или открыл (в последних двух случаях счастье пришло ему на помощь, но и счастье ставят ему в заслугу, если ценят его находку или открытие). Изобретательскую находчивость редкостных размеров отчего бы гениальной и не назвать? Даже и разрушительную? Что ж, и ее — когда она разрушенное построенным, сотворенным, хоть и без рожденья, заменяет.

Герострата гением не считают, но если б он не сжег храма Дианы Эфесской, а, разрушив его, построил из обломков сорок различных храмов, чем-то и похожих и непохожих друг на друга и на прежний храм, «мы», особенно нынешние «мы», наверняка назвали бы его гением. А ведь Пикассо, начиная с «Авиньонских дев», без малого семьдесят лет именно нечто подобное и делал. Сперва живописную традицию разрушал, обновлением которой вся несалонная французская живопись жила, от Делакруа и Коро до Сезанна, Матисса, даже Брака, сумевшего и сквозь кубизм ее протянуть и уберечь, разрушал, заменяя ее рядом бессвязных и ей и один другому противоречащих экспериментов. Затем стал кувыряться согласно почерпнутым из этой традиции темам (например, в нескончаемой серии «Художник и его модель»), издеваясь тем самым — о, весьма талантливо порой! — и над темами этими, и над традицией. Наконец, когда и это ему наскучило, обратился к творениям (рожденным творениям) больших мастеров и начал мысленно разрезать их на куски, чтобы куски эти, на тридцать или сорок ладов по собственному произволу изменив, вновь на тридцать или сорок ладов, с не меньшим произволом, их на новых холстах соединить, но так, чтобы некоторое (большей частью карикатурное) сходство с оригиналом все же не было утрачено. Сходство кусков и сходство склеенных кусков. Важно понять очевидное с первого взгляда, но чего комментаторы не хотят («стесняются») признать: это именно куски, а не органические части прежнего органического целого. И нового *органического* целого они тоже не образуют, хотя нередко и обладают некоторым декоративно-красочным единством. Единством системы, а не организма; не лепестка, а шахматной доски. Сложней, но дело тут не в сложности. Дело в том, что мы неумно, вслед за французами, англичанами, называем «организовать» то, что итальянцы гораздо умней называют «системаре». Ничто жизнеобразно-органическое измышлению, изобретению — как и систематизации — не поддается. А все творчество Пикассо с 1907 года есть именно изобретающее, не порождающее творчество. Это и сами творения его являют, и последовательность их; оттого ее развитием и нельзя назвать. Но прежде, чем попытаться то и другое вкратце пояснить, надо сделать существенную оговорку.

Быть может, подумал кто-нибудь, что я отрицаю талант или таланты Пикассо. Ничуть. Он был сверхъестественно талантлив. Вундеркиндом проявил себя недаром. Рисовал, как никому не

снилось; никому не снилось рисовать на столько разнообразнейших ладов. Это как если бы Дюрер рисовал и как Дюрер, и как Рембрандт, и как Тьеполо, и как Гойя, а порой и как лучший ученик уж не знаю кого — Менцеля? Нет, Бонни́. Всех восхищали линейные рисунки-портреты Дягилева, Стравинского, Сати, виртуозностью почти нахальной, как и сходством; восхищали и меня. (...)

Пикассо, порисовав, после трех или четырех, в этой «дягилевской» манере, он и ее покинул ради шестой, седьмой и считать не стоит скольких еще; не стоит потому, что и возвратиться он мог в любое время к любой, а если потребность ощущал или просьбу уважить желал, то к любой, на выбор, и возвращался. Выдумать и новую — касается это и мазка, и «палитры», и всей «кухни», как говорят в мастерских, и всего «стиля», как говорят, не понимая, что такое «стиль» — был способен в любой момент. Говаривал сам (эккерману), что пошиб, характер письма должен зависеть от предмета, меняться соответственно предмету (о предмете никогда не забывал; меньше всего, когда нещадно его кромсал). В некоторой мере этот зарок его справедлив, но рисунок Дюрера или Рембрандта всегда, при всей гибкости приспособления к предмету, остается рисунком Дюрера или Рембрандта, и еще Ван Гог, которого так хвалил эккерману Пикассо, от своего быстрого, нервного мазка отказаться не мог бы, даже при желании. «Не могу иначе» — одно; «все могу» — совсем другое. Первое тебя покинет, если ты слишком жадно погонишься за вторым.

Всемогущества смолоду он искал, и власти, им даруемой, точно так же. Еще недорослем, уезжая в Париж из Барселны, недаром над рисунком (утраченным ныне) и раз, и два, и три, и еще раз с азартом начертал *yo el rey, yo el rey, yo el rey!** Царем захотел стать и стал. Желать этого имел и право; хоть и не тем стал царем, кому поэт как поэту мог сказать: «ты царь — живи один»; этого он и не желал. Но раз он право имел, я этим свою оговорку расширяю. Да, и жизнеродного, жизнь дарующего дара, хоть и не его в себе любил, хоть ради выдумок им и помыкал, не был он попросту лишен. Дан он ему был как раз в тех областях, которые запретными почитали жрецы «чистой» живописи или «чистого» искусства, в те годы, когда он прислушивался к их речам: декорация, иллюстрация и улавливание портретного сходства. Боже мой, краснею, простите; как это я такое мог сказать! И еще — хоть четвертуйте меня — был он замечательный анималист (так питомцы Академий в широкополых шляпах и мешане, плохо берущие наш язык, называли людей, хорошо умевших писать животных). Многие я отдаю из огромного наследия Пикассо за его иллюстрации «Естественной истории» Бюффона. (...) Натюрморты второй половины двадцатых и начала тридцатых годов, да и начала пятидесятых необычайно декоративны, даже те, что малое дитя могут испугать великолепной бычьей головой. В стены бы их вдевать, в одну лишь из четырех, большие белые стены, и вся комната зазвучит гармонией громкой, боевой: музыки без тромбонов и бас-туб от такого композитора не жди. Именно на этих путях искусства, которых

* ты царь, ты царь, ты царь! (исп.)

не терпел хороший тон, в годы, когда об этих путях рассуждали, хоть уже и опрометчиво, но еще членораздельно, Пикассо живое и создавал. Но самую грубую ошибку совершают те, кто живого и его лучшего ищут в наиболее «ласкающих глаз»...)

Это у него как раз хуже всего, и это выдает, частичную, по крайней мере, неподлинность в нем того, из чего вырастает в художнике порождающее, а не изобретающее творчество. Двадцать лет назад, в Милане, на большой выставке Пикассо в бывшем королевском дворце, я увидел впервые портрет его матери, 1923 года, который с печальной очевидностью подтвердил для меня все то, о чем я догадывался и раньше. Этот портрет достоин кисти нашего из рук вон умелого, но слащавого и льстивого «светского портретиста» (еще и в эмиграции) Сорина. (...) Когда художник, порождающее творящий, пишет близких ему людей, он дает свое лучшее. Не буду тех же Рембрандта и Дюрера помянуть; помяну Уистлера, он ведь и выдумщиком был, но портрет его матери (в Лувре), хоть и «консервативней» большинства других его картин, подлинен и глубок и достоин большого мастера. И другого, меньшей славы, одиноких и неверных путей живописца помяну, Гюстава Моро; портрет матери — лучшее, что он написал, отказавшись от аллегорий и драгоценным камням подражающих красочных сгустков. А этот, не знаю, где он теперь, быть может, в Барселоне... Нет, он лучше Сорина, острее; но до чего же все-таки безличен в «корректности» своей, в своем академическом (вот именно, если не все применять этот ярлык) изяществе! И, конечно, тут не одно желание прийти к матери по вкусу. Тех же лет портреты Олечки Хохловой, первой его жены и малолетнего сына написаны хоть и не совсем в той же манере, но еще более «красиво»...)

144 Красота, как видит ее Пикассо, банальна; этого не скажешь ни об одном из великих мастеров. Красота, которую обожествляли греки и через две тысячи лет после них итальянцы, была не банальна, была природна; стала банальной в искусстве с тех пор, как оно утратило последний, еще связанный с итальянским (так всего проще его называть), а *через него* и с греческим, стиль. (...) Банальная красота вне искусства не банальна; она попросту, для живых существ, натуральна, то есть отвечает полноте жизни, здоровью, породистости всяческих пород. Оттого и обожествлявшие ее стили были «натуральны» (биоморфны), в отличие, например, от готики. Но уже за сто лет до рождения Пикассо стали исчезать последние остатки последней фазы последнего из этих стилей.

Из жизни банальная, то есть в ней нормальная красота, вместе с остатками этими, конечно, не исчезла, но в настоящем искусстве стала запретной, в отличие от настоящего массово-мещанского. «Деформация», о которой говорится у Бодлера (как и все «странности» или даже изыны, которых от самой красоты требовал он и его век), отчасти это имеет в виду, отчасти же те индивидуальные варианты, которые каждый подлинный мастер всегда вносил даже и в самые нормальные нормы своего времени (и у Сарто не те же они, что у Рафаэля). Применять, однако, это понятие деформации в сотый раз к Пикассо, значит лишь вновь себе выдать свидетельство о недомыслии. Его деформация нарочитая, волевая; а ведь Сарто не стремился ни от «натуры» отличиться, ни от Рафаэля; и еще Мане, еще Сезанн исказить

«натуру» ни малейшего намерения не проявили, ее искали; а от всех не-Мане, не-Сезаннов отличались, вовсе к отличию и не стремись. За Пикассо и я в этом последнем пункте не поручусь, но важен не он: важно, что красоту, совпадающую с биологической нормой, он видел банально и как раз поэтому, в своем искусстве, совершенно сознательно и с крайней резкостью ее ломал. В тех же случаях, когда ломать не хотел, банальность у него и получалась.

Тут неорганичность его творений и коренится, как и отсутствие органического развития в его творчестве. Оговорки мои кончились; возвращаюсь к стержню моих замечаний, чтобы их быстро привести к концу.

«Двенадцати лет я рисовал, как Рафаэль». Еще одно пикассовое изречение, быть может, и не раз изреченное, но с благоговением повторенное другими голосами, во всяком случае, много раз. Если Пикассо его и в самом деле впервые изрек на выставке детских рисунков, объясняя, почему своих детских рисунков он бы туда послать не мог, то и не было тут, пожалуй, никакого бахвальства: он хотел сказать, что и в двенадцать лет рисовал как взрослый («как Рафаэль», потому что учитель рисования, его отец, или учителя его отца и впрямь считали, что надлежит учеников учить рисовать «по Рафаэлю», учить рисовать, «как Рафаэль»). Но благоговейное повторение превратило словечко это в чушь, усугубленную другой — и даже двойной — опять-таки присоединенной к ней чужими, бесчисленными и самыми авторитетными (по всеобщему мнению) голосами. Когда графика Пикассо была показана в Парижской Национальной Библиотеке, предисловие к выставочному каталогу утверждало, что он «способен рисовать, как Рафаэль или как Энгр, но предпочитает придавать человеческому образу новую, современную структуру». Перевожу дословно; почтенное имя автора этой фразы (тогдашнего директора «Кабинета Эстампов») произнести, однако, воздержусь. Полагает ли он, что современный и новый человек так во имя «структуры» с двойным носом по улице и ходит, тоже разбирать не буду (на модных словах спотыкались люди даже и более маститые, чем он). Не хочу спорить и о том, так же ли хорошо рисовал Пикассо, как Энгр или Рафаэль. Тут ведь имелось в виду не это, имена были выбраны не случайно, сказано было, как не раз говорилось и до того, что по характеру своего рисунка он был близок, очень близок к Энгру и к Рафаэлю; из чего следует, очевидно, заключить, что и Энгр рисовал, «как Рафаэль». На самом же деле ни Энгр не рисовал, как Рафаэль, ни Пикассо не рисовал, ни как Рафаэль, ни как Энгр.

Энгр был одним из величайших мастеров рисунка всех времен и хотел изо всех сил «рисовать как Рафаэль», рисунки Рафаэля изучал всю жизнь, а рисовал, хоть и «в духе Рафаэля», не живописно, а линейно, и всю выразительность, как и всю изобразительность рисунка, вкладывал в линию; но все-таки совсем иначе, чем Рафаэль. Линия Энгра менее органична, менее телесна. Особенно это явно в контуре обнаженных тел или рук, но замечается и в любом «ведении линии» (как немцы говорят) вообще. Он эту телесность ищет, любит, ласкает ее, смакует. Рафаэль вовсе не добивается ее, ничего о ней, вероятно, и не знает; но в рисунках его она тут как тут (а

слегка по-иному и в рисунках Сарто, Понтормо; опять по-иному, скользче и вьедливей, у Леонардо; всего сильнее, но с надломом, у Микельанджело). Рафаэль иначе и не мыслит. Энгр мыслит; об этой линии мечтает; тешит ею свою мысль. Его рисунки ближе, однако, и намного, к рисункам Рафаэля, чем самые «энгристские» рисунки Пикассо (первых лет после первой мировой войны) к Энгру, хотя он Энгру ими подражал, едва ли при этом вспоминая еще и Рафаэля. Линия его совершенно «умственная», отвлеченна, тяготеет к схеме; ничего телесного в ней нет. Его кривые ищут циркуля или прямой; волнистые грозят изломом; выгиб тела невозможным для тела выгибом. Сознательная деформация — телу наперекор — естественнее для него. Поэтому эти рисунки (он и позже иногда так рисовал) — наименее его рисунки.

Органическое, то есть собственно живое, яростному этому жизнелюбцу в творчестве чуждо. Потому, конечно, и чуждо, что изобретение в этом творчестве преобладает над рождением или порождением. До девяносто седьмого года боролись в нем эти две стихии. Когда более благоприятная художеству побеждала, возникали лучшие создания синих и розовых годов; но и тогда побеждала она реже, чем бывала побеждена. Прорывалась иногда и позже, в графике особенно, да и вообще изобретатель этот художником быть не совсем перестал до самого конца. Но вырастать, как вырастают гении, да и просто таланты, в области искусства, изобретательство ему все же помешало; органически развиться ему не дало. Глядя на ранние картины Рембрандта, «Блудного сына» не предскажешь; но вспять от него идя, ясен будет весь пройденный путь. Так и у всех больших мастеров. У Пикассо не так. Эдисон изобрел фонограф, потом лампочку накаливания, потом... Не все ли равно, что раньше, что потом? Ведь одно не вытекает из другого; между двумя названными изобретениями нет ничего общего. Так все и осталось, хоть и не без счастливых порою вдохновений, — не тех, где соблазняла «красота», а тех, где вдохновение-рождение, хоть и чуждое, да не вовсе чуждое ему, побеждало, вон выбрасывало выдумку.

В общем, однако, не думаю, чтобы иначе можно было рассудить, — все так и шло много лет: искать и находить; изобретать, изобрести; творить, творить... Хвалу возносят все кругом такому неустанному, всемогущему, ежедневно творящему творцу. И только сам творец нет-нет и вскрикнет: кончить не могу, бросаю, не бывает конца, кончить ничего нельзя. Но и в последнюю ночь все бьется над «Падением Икара». Только нет никакого Икара. Не было даже и падения.

«Пикассо господствует над своим веком, как Микельанджело над своим». Этими словами начиналось предисловие к главному каталогу выставки 66-го года. И в превосходном своем словаре художников Петер Мюррей писал, что Пикассо, как Джотто и Микельанджело, начал в искусстве новую эру. «Никто так радикально самую природу искусства не изменил». Вот именно, так «радикально», в корне. Никто, ни Микельанджело, ни Джотто. Те искусство меняли; он его отменил. Он и есть наш Микельанджело, тот самый, которого мы заслужили.

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

раздаются три выстрела...

КОППИ

Глава первая

Полковник Гуров сидел у себя дома, туго уставившись на телефонный аппарат, и восстанавливал в уме только что состоявшийся разговор.

— Лев Иванович, успокойтесь.— Голос звучал мягко, но начальственно.— Ваши девочки у меня в гостях, чувствуют себя великолепно и даже не догадываются, что уехать без вашего согласия они не могут. Я знаю, что вы человек в высшей степени разумный и не станете звонить сейчас полковнику Орлову и генералу Турилину. Ситуация сугубо личная, касается лишь вас и меня.

— Дайте трубку Рите.

— Я звоню из автомата, а ваша очаровательная супруга и дочка находятся, как вам хорошо известно, за тысячи верст.

— Вы идиот. Я ничего не могу сделать ни для Лебедева, ни...

— Лев Иванович, вы же умница, не берите в голову чужие заботы...

— Так что вам нужно?

— Мне нужны вы, Лев Иванович Гуров. Я вам предлагаю отличную сделку. Подумайте. Вы человек талантливый. А в жизни за все приходится платить. Извините за пошлость, но бесплатных пирожных не бывает...

Он, сыщик, проработавший в розыске без малого двадцать лет, не раз побывавший в экстремальных ситуациях, сейчас не мог не только найти решения, но даже сосредоточиться. Мысли

Журнальный вариант. Авторское право принадлежит совместному советско-югославскому издательско-полиграфическому предприятию «Интербук».

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

путались. «Девчонок нашли... Как? Кто? Где они сейчас? Что будет с девочками?»

Неделю назад заместитель начальника отдела МУРа подполковник милиции Лев Иванович Гуров понял, что ввязался в борьбу с мафией. Гуров решил обезопасить свои тылы и отослал жену Риту и ее сестренку Ольгу в далекий город за Урал, где начальником уголовного розыска работал его приятель майор Серов. Гуров не верил в реальную опасность для своей семьи, но, как человек опытный, считал необходимым перестраховаться.

Он взглянул на часы — три, ночь. Вчера вечером, всего лишь каких-то пять часов назад, были арестованы подпольный миллионер Лебедев и профессиональный убийца Иван Сыч. Обоих взяли с поличным, подполковник Гуров чувствовал себя абсолютным победителем, а сейчас...

«Зачем я ввязался в это дело, да и в отпуске я... Как в песне поется, «кто ищет, тот всегда найдет». Я нашел. За жизнь своих девочек я душу дьяволу отдам, а не только погоны и партбилет», — думал Гуров.

Он прошел в кабинет, достал наручники и пистолет, не табельный «Макаров», который, согласно инструкции, хранился в сейфе в рабочем кабинете Гурова. Этот он примерю год назад выбил из руки бандита и вместо того, чтобы занести в протокол изъятия, положил в карман.

Кто? Откуда мафия получила информацию? От Серова? Из-за Урала? Исключено. Она поступила из Москвы, конкретно, от него... Он начал восстанавливать свою жизнь по часам, даже минутам. Когда, с кем встречался, о чем разговаривал.

И нашел.

Информацию дал его непосредственный начальник полковник Орлов.

...Петр Николаевич Орлов стоял за своим столом, переключив бумагу, генерал Потапов стоял у окна, он, Гуров, по многолетней привычке, рассказывал по кабинету. В служебном разговоре возникла пауза, неожиданно Орлов спросил:

— Как здоровье Серова?

— Кого? — не включившись, переспросил Гуров.

— Того простоватого хитрящего русского мужичка, с которым ты разматывал убийство там, в глубинке, за Уралом. — Орлов взглянул озорно и подмигнул.

— Откуда мне?... — Гуров пожал плечами и почему-то взглянул на Потапова.

— Будешь говорить с супругой, передай привет. — Орлов довольно хохотнул, тут же сделал серьезное лицо и заговорил о делах.

Генерал Потапов к разговору явно прислушивался, Гуров на это внимания не обратил, а беззлобно ругнулся в адрес друга-начальника. Мол, обязательно тому требуется подчеркнуть, что какой ты, Лева, ни гениальный, а меня, старого сыскаря, тебе не обехать. Полковник был мужик умный, но к славе своего меньшого, как он порой называл Гурова, ревновал...

— Потапов! — сказал Гуров и хлопнул ладонью по столу. — Сука! Предатель! Мразь!

О нечистоплотности генерала Потапова знали все старшие офицеры Управления. Некогда он состоял в команде замминистра генерал-полковника. Вместе ели, пили, резвились, а когда шефа арестовали и судили, Потапова от должности отстранили, долго держали за кадром. Все были уверены, что его уволят, но нет, остался, слетел на три этажа и остался. Сегодня Гуров не знал, как должность Потапова называется. Однако генерал — он и есть генерал.

— Потапов! — повторил Гуров, вышел из-за стола, зашагал по кабинету.

«Они утверждают, что я им нужен. Зачем? Помочь арестованным я не могу, им это отлично известно. Никаких компромиссов, иначе поставят к стенке и заставят совершить такое... Генерал Турилин, полковник Орлов помочь не могут. Я обрадуюсь, начнет скрипеть и разворачиваться неуклюжая многоступенчатая машина, информация уйдет на сторону, и девочки умрут. Если я начну торговаться, они тоже умрут. Я должен это сделать один».

Он долго просчитывал варианты, понял, что необходим помощник. «Кто? Ребята из МУРа не годятся, не имею права толкнуть их на преступление». Взглянул на часы — шесть утра, подошел к телефону, снял трубку, набрал номер. Трубку долго не брали, наконец мужской голос ответил:

— Ну?

— Денис?

— Ну?

— Говорит Гуров. — Он сделал паузу. Сейчас по реакции он поймет, зря звонит или нет. На другом конце мужчины откашлялся и, четко выговаривая слова, сказал:

— Здравствуйте, Лев Иванович. Я весь во внимании.

— Умойся, побрейся, не завтракай и приезжай ко мне. Адрес помнишь?

— Конечно, — ответил Денис и положил трубку.

С олимпийским чемпионом Денисом Сергачевым они последний раз виделись прошлым летом...

Июльский день был прохладным, и Гуров благоденствовал, так как жару не переносил. Он сидел в своем кабинете, писал бесконечные бумаги, поэтому телефонному звонку обрадовался.

— Гуров.

— Лев Иванович, здравствуйте, — произнес мужской уверенный голос.

— Здравствуйте, — ответил Гуров. — Простите, не узнаю.

— Вы меня не знаете. Я хотел бы с вами встретиться.

— С удовольствием, — сказал Гуров. — Для оперативного работника такое желание всегда приятно. Когда и где?

— Через час вы выходите из Управления и идете в сторону Пушкинской по правой стороне. Если вас не будут сопровождать, я к вам подойду. До встречи.

— До встречи, — ответил Гуров, но неизвестный уже положил трубку.

Он с радостью школьника, которому разрешили не делать

домашнее задание, сгреб со стола бумаги, убрал в сейф, подумал и взял в руки пистолет.

Розыгрыш? У кого-нибудь из коллег юбилей и его вытаскивают с работы? Голос уверенный и спокойный. Такая встреча может оказаться и пустышкой, и золотым самородком.

В назначенное время он неторопливо шел по указанному маршруту. Светлую «Волгу», стоявшую у тротуара, Гуров отметил шагов за тридцать. Два здоровых парня пытались втиснуть в багажник непомерно большую коробку с телевизором. Гуров придержал парней взглядом, понял, что у них забот и без него достаточно, оглянулся, и в этот момент его с двух сторон взяли под руки. Ему показалось, что локти сковали металлом. Он посмотрел вдоль тротуара, увидел женщину с коляской, молодую пару, понял, что кричать — только позориться.

Водитель уже стоял рядом, сказал:

— Без глупостей, Лев Иванович, — захлопнул багажник, смяв пустую коробку, и открыл заднюю дверь.

Гуров мог поставить ноги враспор, но тогда ударят по голове и, судя по тому, как жестко держали, ударят наповал, и он сел в машину.

Его сжали с двух сторон, один из парней ехидно прошептал: — МУР. МУР. Легенда! Раритет...

«Волга», недолго попетляв по переулкам, остановилась у кафе. «Охранники» выскочили из машины, распахнули двери, картинно раскланялись. Гуров вошел, оглядел небольшой зал; за скромно накрытым столом только мужчины. Сидевший во главе встал, поднял бокал.

— Здравствуйте, Лев Иванович! Прошу!

Гуров, потирая затекшие руки, оглядел собравшихся, никого не узнал, приблизился к улыбающемуся тамаде.

— Здравствуй, Денис. Развлекаешься? — Гуров разозлился.

— Говорил, что не дело, — пробурчал один из присутствующих, мужчина не старый, но совершенно седой. — У человека без наших хохмочек всего в достатке.

Повисла пауза, Гуров почувствовал неловкость и весело сказал:

— Верно, в достатке. А вот хохмочек не хватает. — Подошел к Денису Сергачеву и, хотя не испытывал к нему теплых чувств, обнял, похлопал по спине. — Спасибо, что выдернули на свет божий. — И занял предложенное место.

— Друзья! Соперники! Пенсионеры! — Денис поднял бокал. — За нашу встречу! — И чокнулся с Гуровым.

Впервые Гуров и Сергачев встретились у трупа молодой красивой женщины. Поначалу Гуров заподозрил бывшего спортсмена в убийстве. Но вскоре разобрался, истинный преступник был арестован. За прошедшие годы они несколько раз перезванивались, дважды встречались.

Гуров оглядел присутствующих. Двенадцать человек в возрасте от тридцати до сорока. Спортсмены, а седой — тренер, понял Гуров.

— Лев Иванович. — Денис встал. — Надоело нам читать и слу-

шать, как мастера и чемпионы мафии служат. Вот! — Он оглядел друзей. — Эти парни завоевали все золото мира. Им обидно.

— Хотите создать боевую бригаду? — Гуров потер все еще болевший локоть. — На подвиги потянуло? Перережут вас, как курей.

— Не обижай, командир, — сказал один из богатырей и легко переломил столовый нож.

— Но мы-то вас с улицы сняли, и в телевизор вы поверили.

— Если мы знаем, кого, где, когда надо с улицы подобрать, — усмехнулся Гуров, — тоже суп на пиджак не прольем. Борьба с преступниками требует многолетней выучки. А вы — сильные, ловкие... дети. Я не хотел вас обидеть. Хотите работать в милиции?

— Да пошел бы ты...

— Я так и понял. Вы хотите быть Робин Гудами. Тут я вам ничем помочь не могу.

Позже Гуров с Сергачевым гуляли, каждый чувствовал себя виноватым, разговор не клеился, а прощаясь, спортсмен взял милиционера за плечи и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Если тебе нужна будет помощь, только позови...

Слова были высокопарны, но взгляд убедителен.

И сейчас Гуров тот разговор вспомнил и позвал. Ему требовался человек не милицейский, верный и отличный стрелок. Денис Сергачев, чемпион Олимпиады, мира и окрестностей, был подходящей кандидатурой.

Гуров еще возился с приготовлением завтрака, когда приехал Сергачев, пожал руку, стянул мокрый плащ, молча прошел на кухню и начал помогать. В общем, вел себя так, словно его не вытащили из постели ни свет, ни заря, а договорились о встрече давно. Съели яичницу с колбасой, и когда пили кофе, Денис сказал:

— Стартуй. Я тебя слушаю.

Гуров коротко обрисовал картину:

— Я тебя приглашаю на дело, которое может для нас обоих закончиться тюрьмой. И сидеть мы будем в разных камерах.

Сергачев помолчал, затем спросил:

— А ты бы со мной на такое дело пошел?

Теперь выдержал паузу Гуров.

— Вряд ли. Я бы тебе не поверил. А ты мне должен верить, вопросов не задавать и — либо согласиться, либо отказаться.

— Змей, — констатировал Сергачев.

— Профессионал.

— Хорошо. — Сергачев тяжело вздохнул, поднялся, расправил плечи. — Когда?

— В девять я позвоню. Если он согласится, значит, я угадал. А пока обговорим детали и два варианта. Один...

— Победа и поражение, — перебил Сергачев. — Привычный вариант.

Они проговорили до девяти, затем Гуров снял трубку, набрал номер, после первого же гудка услышал:

— Потапов.

— Доброе утро, Сергей Михайлович, Гуров беспокоит.

— Доброе, Лев Иванович. Чем обязан?
— Необходимо срочно встретиться и поговорить.
— За чем дело стало? Подъезжайте, я до обеда у себя,— ответил Потапов, голос у него был ровный, спокойный.— И чего ты такой неумный, подполковник? У тебя отпуск, отдыхай. Ну если так приспичило, жду.

«Неужели ошибся?» — подумал Гуров и сказал:

— Не надо, чтобы нас видели вместе.

— Интересно, почему?

Гуров не отвечал. «Либо я промахнулся,— решил он,— либо эта сволочь сейчас согласится».

— Ну хорошо,— произнес наконец Потапов.— Кафе? Ресторан?

— Это еще хуже.— Гуров показал Сергачеву большой палец.— Если я к вам приеду — плохо, если нас засекут на нейтральной территории — тоже плохо.

— Я не очень понимаю,— нерешительно проговорил Потапов, и голос у него изменился.— Какие предложения?

— Непогода... Сейчас за городом ни души. Алтуфьевское шоссе знаете?..

154

Генералу Потапову недавно исполнилось пятьдесят пять, но выглядел он значительно моложе. Занятия на тренажерах, каратэ, сауна, бассейн. Сергей Михайлович умудрялся, участвуя в самой безобразной попойке, пить минимально, но выглядеть со всеми наравне. А утром, надев тренировочный костюм, обязательно бегал. Генерал походил на киношного американца, этакое неувядающее супермена с неизменной улыбкой, с шуткой, прекрасно носившего форму, но не менее элегантно выглядевшего в штатском. Женщины его обожали, подчиненные побаивались и не любили, а настоящие мужики относились брезгливо, стараясь соприкоснуться с ним как можно меньше.

Он часто ездил без шофера и сегодня взял служебную машину, сел за руль и покатил на встречу с Гуровым. Потапов не боялся сыщика из МУРа, генерал вообще был не труслив, но и не глуп, поэтому пистолет с собой прихватил. Он согласился на встречу по одной-единственной причине: он знал, что Корпорация вербует подполковника, знал, какой интерес к нему проявляет Патрон, и решил осуществить вербовку лично, что укрепило бы его сильно пошатнувшееся положение. Если при Хозяине, как между собой называли генерал-полковника Чурбанова, Потапов обладал реальной властью, то после его ареста власть потерял и стал простым информатором. Такое положение его не устраивало, и генерал решил, что вербовка подполковника существенно изменит его положение в Корпорации.

Потапов выехал на Алтуфьевское шоссе, увидел, что за ним пристроились белые «Жигули», и удовлетворенно кивнул.

Гуров максимально сосредоточился на предстоящей встрече, что помогло ему не думать о девочках. После того, как решение было принято, успокоился, приобрел уверенность. Он вынул из кармана пистолет и протянул сидевшему сзади Сергачеву. Де-

нис взял пистолет, выщелкнул обойму, заглянул в канал ствола, проверил спусковой крючок и сказал:

— Дал бы дома, я бы его сделал помягче, но не горюй, сыщик, и так не промахнись.

Гуров не ответил и свернул за «Волгой» на проселочную дорогу.

— Ты поосторожней,— продолжал Денис,— я его видел в спортзале, мужик в полном порядке.

— Знаю.— Гуров вынул из «бардачка» наручники, сунул в карман плаща.

Был март, в лесу еще лежал снег, серый и умирающий, «Волгу» порой заносило. Потапов взглянул в зеркало, увидел, что следовавшие за ним «Жигули» мигнули фарами и остановились. Он вышел из машины, присмотрелся к остановившимся метрах в тридцати «Жигулям», усмехнулся и пошел навстречу Гурову.

— Привет, подполковник.— Потапов протянул руку.— Ты великий конспиратор.

— Здравствуйте.— Гуров ответил на рукопожатие и даже улыбнулся.— Каждый сыщик — конспиратор.

Он указал на тропинку и пошел в лес. Потапов замаялся, оглянулся, провел рукой по карману, проверяя, на месте ли пистолет, затем последовал за Гуровым, который, оскальзываясь, шагал сквозь березняк. Потапову ситуация начинала не нравиться, он вынул пистолет, снял с предохранителя, чуть приотстал. Гуров резко повернулся к нему.

— Мне нужна ваша помощь. Да не держитесь за пистолет.— Он похлопал по карману.— Я без оружия, а в рукопашной вы сильнее.

— Это точно.— Потапов вынул руку из кармана.— Так какая помощь?

— Сам знаешь,— переходя на «ты», ответил Гуров.

— Понятия не имею.— Потапов пожал плечами.

— Хорошо.— Гуров тоже пожал плечами.— Неделю назад я отправил свою жену и ее сестру за Урал... К другу. Ваши люди разыскали их и захватили. Ночью мне позвонили...

— Ты в своем уме? — возмутился Потапов.— Ты с кем разговариваешь?

— С членом мафии,— флегматично ответил Гуров.— Или как вы себя называете? Корпорация? И ты знаешь, что я об этом знаю. Вы меня вербуете. Зачем я вам нужен, не понимаю. Согласен на ваши условия.

Потапов оглядел Гурова с сомнением.

— Быстро согласился? — усмехнулся Гуров.— У меня была ночь. Скажу честно, генерал, самая плохая ночь в моей жизни.

Гуров вынул из кармана пачку сигарет, вытряхнул одну и дрожащими руками начал чиркать спичками. Потапов подошел и миролюбиво сказал:

— Лев Иванович, история с твоей семьей прошла мимо меня. Я бы не позволил...

— Эй, мужики! — раздался мужской голос за спиной Потапова.

Он непроизвольно обернулся. Гуров выхватил из кармана наручники и, пользуясь ими, как кистенем, ударил Потапова в солнечное сплетение. Генерал хрюкнул, согнулся, упал на колени. Гуров завел его безвольные руки вокруг дерева, защелкнул наручники на запястьях. Потапов задел виском за кору, содрал кожу, по лицу потекла кровь.

Гуров переложил пистолет Потапова к себе в карман, носовым платком вытер кровь, присел на пенек и закурил.

«Вот я и совершил преступление,— спокойно подумал он.— Хотя ничего доказать нельзя, да и заявлять подонок никогда не станет, но я-то знаю...» Потапов перестал хрипеть, глубоко вздохнул. Гуров заговорил, словно ничего не произошло:

— Значит, ты бы никогда не позволил... Маленькое отступление. Бесплатный совет. Разговаривая с противником и услышав за спиной крик и шум, не крути головой, а сделай шаг назад и в сторону. На оперативной службе это знает каждый сопляк. Теперь говори.

— Команду дал не я...

— А отбой дашь ты.

— Из леса?

— Да уж что-нибудь придумаем.

— А если не придумаем? — Потапов покосился на Гурова.— Погиб от рук неизвестных преступников... Понимаю...

— А мне говорили, что ты дурак.— Гуров вытащил из-под снега жухлую травинку, начал жевать.— Девочки должны прилететь в Москву завтра утром.

— Договорились,— сказал Потапов, понял, что получилось неубедительно, и добавил: — Тебе придется поверить мне на слово...

— С одним условием. Ты мне тоже веришь на слово.

— Договорились,— повторил Потапов и облегченно вздохнул.

— Если ты меня обманешь, тебя мгновенно убьют,— равнодушно сказал Гуров.

Потапов поднялся с колен, обнимая скованными руками сосну.

— Кончай балаган, а угрозы оставь для слаботервных.

— Жить хочешь?

— Ну мы же договорились.

— Я тебя, сука, спрашиваю, жить хочешь? Тогда прилепись к дереву и замри.

Потапов плотнее обхватил ствол, прижался лбом к шершавой коре. Гуров поднял руку. Две пули шмякнулись в дерево по обе стороны головы Потапова, едва не продыривив уши, два выстрела-хлопка слились в один. Генерал втянул голову в плечи.

— Ты все понял? — Гуров снял с Потапова наручники, отряхнул плащ, указал на влажные на коленях брюки и мокрые ботинки.— Не простудись. Тебя убьют. Ты мне поверил на слово?

— Безусловно.— Потапов находился еще в шоке, но старался держаться с достоинством.

— Стрелять он умеет. Ты его не знаешь, он тебя знает. Если ты передумаешь или я споткнусь на лестнице и сломаю ногу...

— Нет уж, ты, пожалуйста, не спотыкайся.— Потапов старательно улыбнулся.

Гуров, не слушая его, продолжал:

— Девочки должны быть в Москве завтра утром. У тебя уйма времени.— Он взглянул на часы, сунул наручники в карман и зашагал к машине.

— Верни пистолет,— сказал Потапов.

— Нетабельное оружие носить не положено,— не оборачиваясь, ответил Гуров.— Я обязан следить за законностью.

Поравнявшись с машиной Потапова, он вынул пистолет и прострелил колесо. Выстрел шарахнулся между деревьев, разорвал тишину.

Когда Гуров сел за руль, Сергачев, уже втиснувшийся в «Жигули», спросил:

— А стрелял-то зачем?

— Нервы,— ответил Гуров.— И дурак от рождения.

Глава вторая

За тысячи верст от Москвы среди молчаливых заснеженных елей стоял необыкновенной красоты терем-теремок. Недавно жил здесь князь и совсем неплохо жил, сытно ел и вволю пил. Когда князьям порекомендовали свои угодыя сократить, теремок попал под сокращение. Ходили слухи, что сделают здесь уют для людей, даже вывеску какую-то притащили, но не приколотили, где-то затеряли, а ворота вновь закрыли. По усадьбе бегали волкодавы, прогуливались вооруженные люди.

Руководитель группы боевиков Корпорации Эффенди был невысок, но фигурой крепок, смуглолиц и белозуб.

Эффенди держал под уздцы смиренно стоявшего коня и, улыбаясь, смотрел на Риту Гурову, напряженно сидевшую в седле. Эффенди старался быть как можно мягче и обаятельнее. Получалось неплохо, но тяжелая челюсть, а главное, быстрый, жесткий взгляд наводили на мысль, что воскресную церковную школу он не посещал и духовную семинарию не оканчивал.

Ольга стояла рядом, подбоченившись, насмешливо смотрела на сестру.

— Трусиха!

— Высоко,— оправдывалась Рита.

— Валет смиренный.— Эффенди огладил шелковистую холку жеребца.— А вы садьте свободно.— И повел коня по пушистому снегу.

На просторной веранде теремка двое бородатых мужчин, распахнув полушубки и прихлебывая из глиняных кружек, курили, поглядывая на девушек. Один из охранников был кавказец, второй — явный русак.

— Постарел Эффенди, слабый стал, из рук ест,— сказал русак, вытирая платком лицо.

— Эх, я бы эту маленькую,— ответил кавказец и прикрыл глаза.— Некоторые рот затыкают, а я люблю, чтобы кричала... Кричала! — Он встал, потянулся сильным телом.

— Эффенди вечером в город отъезжает. Тебе младшую, мне

старшую.— Русак протянул приятелю руку.— Живем один раз.

— А потом?

— Да ничего.— Русский пожал плечами.— Вольному — воля, спасенному — рай. Я в сторожа не нанимался.— Он хотел продолжить, но услышал, как в доме зазвонил телефон, и быстро прошел внутрь, тут же вернулся, крикнул: — Эффенди! Вас!

Эффенди помог Рите слезть с коня и зашагал к дому. Рите было тридцать четыре, Ольге четырнадцать, сестры они были сводные, но похожи исключительно. Рита смотрелась зрелой девушкой, а Ольга уже расцвела, и между ними в последний год возникло неосознанное соперничество.

Охранник-кавказец, наблюдавший за ними, зарычал и прикусил ладонь.

— Потерпи, все тебе будет,— успокоил русский.

Эффенди, переговорив по телефону, вышел на веранду.

— Собирайтесь, летим в Москву. Дамы улетают завтра первым рейсом, мы — следующим.

— Помыться на дорогу,— сказал кавказец.— Дай я девчонку сполосну...

— Хорошо,— легко согласился Эффенди и вернулся в дом, жестом приглашая следовать за собой. Охранник подмигнул приятелю, вошел в комнату, со света в полумраке мало что различая. Эффенди, прикрыв пистолет овчинным полушубком, дважды выстрелил, перешагнул через труп, вышел на веранду и равнодушно сказал: — Когда будешь закапывать труп, подумай о жизни. Я не так стар и глуп, как вы...— он сделал паузу и улыбнулся,— это думаете.

158

Накануне стараниями Гурова завершилась блестящая операция. Подпольный миллионер, один из банкиров синдиката, некто Лебедев, был взят с полумиллионом наличных в руках. Чуть позже Гуров взял штатного убийцу того же синдиката Ивана Сыча и тоже с поличным, с «горячим» пистолетом.

Еще вчера подполковник Гуров был абсолютным победителем, но между днем вчерашним и сегодняшним разверзлась пропасть. И сейчас Гуров балансировал на ее краю.

Расставшись с Денисом Сергачевым, Гуров приехал в Управление. Он сделал все, что мог, теперь надо было выжить до завтрашнего утра. Одному оставаться не хотелось, и подполковник пришел в отдел. Через несколько минут к нему в кабинет постучали, появился оперативник с ненужной бумагой, якобы на подпись, за ним просочился второй, вскоре в кабинете было не продохнуть. Вчерашние победы у Гурова отнимать никто не собирался, но все равно это были победы отдела.

Только шум-гам улеглись, только договорились, что будут вести себя достойно, как воспитанные дети, дверь распахнулась, и на пороге появился начальник отдела полковник Орлов.

Не суетливо, но быстро оперативники вышли.

— Не так давно, Петр Николаевич,— пожимая полковнику руку, сказал Гуров,— ты обвинял меня, что я на людей плюю, а ты им — отец родной.

Орлов провел ладонью по его груди, спросил:

— Где твое оружие?

Гуров кивнул на сейф.

— Открой! — приказал полковник.

Гуров отпер сейф, достал пистолет «Макарова» в кобуре. Орлов взял оружие, осмотрел, провел пальцем по стволу, проверяя свежесть смазки, понюхал, убрал в кобуру. Гуров наблюдал за другом-начальником с нескрываемым интересом:

— Кого-нибудь убили?

— Чистодел. Конечно, ты не будешь стрелять из своего оружия.— В тоне полковника звучали и горечь, и удовлетворение.

— Я не стрелял лет сто,— ответил Гуров.— Клянусь твоим здоровьем.

Услышав, что клянутся именно его здоровьем, полковник смеялся, взглянул сердито.

— Я тебя из рук кормил. Из щенка волкодава вырастил.— Он засопел.— Ты сыщик? А я сюда треть века на чашку чая заглядываю? Сядь!

Гуров опустился на потертый диван, Орлов сел за стол.

— Сегодня в десять на Алтуфьевском тебя видели за рулем белой «шестерки». В том районе стреляли.

— Обознались, Петр Николаевич. Неужто стреляли? В такую-то рань? Бандиты, им утро-вечер — все едино. Работайте, а я в отпуске.

— Где твои девочки?

— Отдыхают, завтра встречаю.

— Точно?

Гуров запнулся лишь на секунду, но полковнику было достаточно.

— Рассказывай.

Гуров понял, что его раскусили, но упрямо ответил:

— Я не понимаю тебя.

— Если ты мне не веришь, то кому веришь?

— Петр Николаевич, я тебе верю больше, чем себе, значительно больше,— медленно произнес Гуров.— И не скажу ничего.

Орлов молчал долго, думал, и Гурову казалось, что он видит, как в голове полковника медленно, сбиваясь, ворочаются колеса и винтики, словно в открытых часах. Наконец все встало на свои места, и часовой механизм заработал ритмично, как и положено.

— В то же время на том же шоссе видели машину Потапова, а сейчас от него. Из кабинета генерала вышел врач, а у генерала физиономия, будто он еще вчера умер.

— Надорвался на тренажерах,— попытался отшутиться Гуров.

— Что ты с ним сделал?

— Я решаю личные проблемы, тебя они не касаются.

— С каких пор твои проблемы меня не касаются?

Гуров понял, что заигрался, и решил разговор прекратить.

— Ладно, хватит. Ты меня знаешь, больше я ничего не скажу.

— Не хочешь меня вмешивать, делать соучастником? По-нял.— Орлов хлопнул ладонью по столу.— Ты докатился до преступления. Что прикажешь делать? Отстранять от работы? Подать рапорт генералу Турилину?

— Интересное кино! — Гуров рассмеялся.— Каждый сыщик нашей конторы знает, что генерал Потапов был связан с коррупцией. Константин Константинович, полковник Орлов, подполковник Гуров, наверняка еще есть люди, которые не сомневаются, что данный индивид не порвал свои преступные связи. Перестройка! Ты, Петр Николаевич, со своей фигой в кармане в отношении меня помалкивай. А если тебе за державу обидно, займись генералом Потаповым.

— А чего им заниматься? — Орлов вздохнул.— Он тут последние дни.

— Это мы уже проходили, последние его дни наступили еще два года назад.

— Ладно. Тема закрыта. Ты человек взрослый, живи, как считаешь нужным, однако не забывай, что я твой друг и пока не умер.

— Я помню.

— Твоего финансиста Лебедева пришлось освободить.— Орлов взглянул на Гурова и продолжал: — Все было бы очень смешно, если бы не было так грустно. Утром к нему приходят в камеру, а он сидит и спокойноенько пасьянс раскладывает. Откуда карты? Вы тут служите, отвечает, должны знать, что и откуда. А пока не мешайте, я для короля червей место подходящее найти не могу. И сообщите своему начальству, если меня немедленно не освободят, я нарисую такую «телегу» на имя Съезда, что они все оставшуюся жизнь проведут в бане, отмываясь.

Орлов засопел, словно обиженный ребенок.

— Ну, мне передали. Я угрозы в своей жизни, слава богу, и раньше слышал, приказал героя доставить и кротко сказал, мол, ответьте мне, откуда у вас пятьсот тысяч рублей и пять тысяч долларов, я извинюсь и подам машину к подъезду.

— А он? — не выдержал Гуров.

— Он вкрадчиво ответил, кто, где, когда и с какой целью вручил ему деньги и валюту. Мы пригласили кредитора, который приехать отказался ввиду крайней занятости. Следователь прокуратуры нанес ему визит, затем позвонил и объяснил мне, что занимаюсь произволом, деньги и валюта чистые, советские люди — люди свободные и могут друг другу одалживать любые суммы. Все. Так что медаль «За сообразительность», которую тебе хотели вручить, ты не получишь.

— А Иван Сыч не рассказывал, кто ему подарил пистолет, из которого в последнее время совершили шесть убийств? — поинтересовался Гуров.— И он рукояткой этого пистолета пытался проломить голову капитана Крячко. Кстати, как его здоровье?

— Станислав чувствует себя прилично. Ты вовремя поинтересовался.— Орлов взглянул на часы.— Я был уверен, что ты в восемь будешь уже в госпитале. Но ты о приятеле забыл и находился в ином месте.

— Значит, Иван Сыч сидит крепко, а у Лебедева оказалось прикрытие, — рассуждал Гуров, не обращая внимания на колкости полковника. — Оказалось... А ведь никакого прикрытия у Лебедева не было. Мы не попали на домашнюю заготовку. Иначе Лебедев еще вчера вечером заявил бы, откуда у него деньги и валюта, и не ночевал бы в изоляторе.

— Ясное дело. — Губы Орлова чуть дрожали, но голосом он владел. — Наша контора течет, как дырявое ведро. Информация ушла и вернулась в виде прикрытия. Еще и карты передали, мол, покажите этим мусорам, что даже в их внутреннем изоляторе мы вторим, что хотим.

Гуров встал, хотел взять свой пистолет, который лежал на письменном столе, но Орлов остановил:

— Ты оставил пистолет у меня в сейфе, когда уходил в отпуск. — Он взял пистолет Гурова и вышел из кабинета.

Гуров взглянул на часы. «Необходимо себя занять чем-то, иначе я не доживу до завтрашнего утра. Еще этот чертов отпуск. Съездить к Станиславу в госпиталь? Не годится, силушки на такое не хватит... Потапов вызвал в кабинет врача, генералу все дозволено. — Гуров потер ладонью грудь. — А кто меня откачивать будет? А если Потапов не решает? В Корпорации наверняка знают, что он у нас не в чести и висит на ниточке. И кто-то главный, нам неизвестный, пошлет генерала далеко-далеко. Потом этот главный направит своего человека ко мне. Мои девочки сами по себе Корпорации совершенно ни к чему. Им нужен я, подполковник Гуров. На кой черт спрашивается, нужен подполковник, когда у них генерал имеется?»

161

Профессиональный наемный убийца Иван Сыч сидел в одиночной камере и пил чай. Убийца знал, что пистолет, с которым его взял этот чертов сыщик, тонет в крови, и всю эту кровь, до последней капельки, выльют на голову Ивану Сычу. Надо признать одно убийство, только одно, и начинать с сыщиками торговаться.

«Я теперь для этой голубоглазой сволочи — пар, ничто. С другой стороны, подполковник может этот пар в форточку выпустить, а может информацию получить и по ней к большим чинам поехать. И ему, как человеку живому, желательно второе. Я беру лишь один эпизод, каюсь. Он меня на большее не мотает. За это я ему помогу. Кого сдать? Так, чтобы авторитетов на воле не обидеть, и сыщику сунуть кусок, от которого он отказаться не в силах?»

Рассуждения Ивана прервали шаги за дверью. Лязгнули замки, дверь приоткрылась и тут же захлопнулась. Он сначала ничего не понял, затем увидел на полу бумажный шарик. Иван вскочил, поднял, расправил. Текст был печатный, четкий. Иван прочитал раз, другой, все запомнил, в голове стучали последние слова: «В дороге мы тебя освободим».

Иван разорвал послание, растер ладонями, стряхнул в парашу.

Через час он уже сидел в кабинете Гурова, смотрел спокойно, уверенно, говорил тихо:

— Прикинул я с одного угла, с другого и понял, Лев Иванович, что свои меня, возможно, и убьют. Но то — возможно, а по сути мне мимо вышки не проскочить, это абсолютно точно. Так лучше в мутной воде свой шанс ловить, чем по чистой струе в крематорий доехать.

— И вы решили назвать человека, который вам вчера передал этот пистолет, — сказал Гуров.

— Ну, человека я назвать не могу, — ответил Иван. — В нашем обществе визитки не в ходу. Однако на квартиру, где мне эту чертову пушку сунули, отведу.

— Адреса вы, естественно, не знаете.

— Слушай, сыщик, у тебя виски серебрят, не говори лишнего. — Иван поморщился. — За мной одно мокрое есть. Я не говорю, что вчера ЦПШ закончил. Я вор, преступник, даже убийца. Но я хочу по-честному, что мое — мое, а чужого мне не требуется.

Говорил Сыч убедительно, искренне, Гуров не верил ни единому слову. Что торг начнется — это известно, но не так же быстро, через три-четыре допроса, не раньше. Чего он добивается? Хочет выехать за город? Рассчитывает бежать? Не мальчишка, чтобы так думать... Побег в одиночку отпадает. Его позвали с воли? А почему нет? Если мгновенно установили связь с Лебедевым, почему не могли установить связь и с Иваном? И ему пообещали свободу. Такое возможно... Человек под расстрельной статьей словоохотлив и потому очень опасен.

Гуров вызвал конвой, сухо сказал:

— Я подумаю.

— Как следует подумай, Лев Иванович. Ты поймал золотую рыбку. — Иван легко поднялся, заложил руки за спину, вышел.

Гуров остался один. «Сейчас позвонят и предложат обмен. Ты нам, мы тебе. Буду торговаться? Нет, соглашусь, но сначала девочек в Москву. Идиот, не может быть! Они разыскали и захватили девочек раньше, чем я взял убийцу. Они не могли успеть... Они хотят от меня не Ивана, им нужно что-то другое».

Гуров пошел к Орлову.

Полковник что-то писал, глянул недовольно, кивнул на кресло, затем отложил ручку и снял очки. Выслушав короткое сообщение Гурова, задумался, по привычке вытянул губы трубочкой и стал похож на обиженного пенсионера.

— Ну? — спросил он. — Соображения?

— Ты все сам понимаешь, — ответил Гуров. — Либо он собирается бежать, что маловероятно, либо Сыча попытаются отбить.

— Значит, у него есть связь...

— Это уже проходили. Мы должны в эту ловушку сунуться. Мы их ищем и не имеем права отказываться от встречи. Если днем в Москве боимся встречи с бандитами, то...

— Боимся — не боимся, — перебил Орлов. — Это сопля, секция мягких игрушек. Разработай план, в операции ты участия принимать не будешь.

— Вы не имеете права...

— Я? — Орлов привстал. — Чего я не имею?

— Извини, ты все имеешь. Однако решение твое неразумно. — Гуров перехватил инициативу, почувствовал себя увереннее. — У меня с Сычом свои отношения, я его понимаю, чувствую.

— Ладно. Иди, думай, подбирай людей. — Полковник вышел из-за стола, открыл сейф, достал пистолет. — Возьми, потом положишь на место.

Гуров надел Сычу наручники, усадил в «Волгу». Вторая машина с опергруппой двинулась следом, но, как и было предусмотрено, отстала и затерялась в потоке.

— Командуйте, — сказал Гуров. — Куда едем?

— Я Москву знаю плохо, будем танцевать от печки, — сказал Сыч. — Три вокзала.

Он помнил полученную инструкцию, машины с опергруппой не видел, но не сомневался, что она существует, и не очень-то понимал, как его собираются отбивать.

Гуров взял рацию и сказал:

— Три вокзала. — Выключил рацию, повернулся к Сычу. — Рассказывайте, куда мы поедем дальше, после Комсомольской?

— Да я, что помнил, уже написал, — ответил Иван. — Дальше мне глядеть надо, вспоминать.

Гуров снял с Ивана один браслет, застегнул на своем запястье.

Миновав вокзалы, машина свернула в один переулок, затем в другой, Иван попросил остановиться, мол, требуется оглядеть дома, вспомнить.

Гуров в рацию назвал место своего нахождения, оглядел переулок, и они вышли из машины.

Дальнейшее произошло быстро и неинтересно. Иван не успел сделать несколько шагов, как раздалось три выстрела. Две пули пробили грудь Ивана, третья вспорола колесо «Волги». Стреляли из подворотни, метров с десяти. Иван ужал, потянул Гурова за собой. Подлетела машина, оперативники выскочили, побежали.

Гурова охватила апатия, он понимал, что пути отхода преступники выверили, дворы, конечно, проходные, а там машина... Москва... Как говорится — с концами.

Он отстегнул наручники, сунул в карман и стал равнодушно ждать возвращения запыхавшихся товарищей.

В кабинете генерала Константина Константиновича Турилина вейло холодком. Хозяин, как обычно, в строгом штатском костюме, сидел во главе стола для совещаний и поигрывал острым отточенным карандашом. Справа от него в генеральском мундире сидел Потапов. Орлов и Гуров расположились напротив него.

Гуров разглядывал Потапова, который сосредоточенно изучал сцепленные пальцы, вспоминал, как генерал стоял на коленях в талом снегу, и думал, что если девочки завтра не вернуться, то он, подполковник милиции Лев Иванович Гуров, этого человека убьет. Вся история в роще со стрельбой — камуфляж, он нико-

гда не толкнет Сергачева на убийство, а убьет эту сволочь своими руками.

Турилин сказал:

— Генерала Потапова представлять нет необходимости. Сергей Михайлович приехал к нам, чтобы помочь объективно разобраться в происшедшем.

— Константин Константинович, я здесь по воле руководства, документы читал, вопросов к полковнику Орлову и подполковнику Гурову у меня нет. Конечно, стрельба в центре города, смерть столь опасного преступника, безусловно, ЧП.— Потапов говорил тихо, гладко, без пауз, чувствовалось, что речь он заготовил.— Но на оперативной работе без накладок и ЧП не прожить. Слава богу, никто из посторонних не пострадал, и Лев Иванович остался жив. Так что считаю нужным провести анализ происшедшего, учесть ошибки на будущее. У меня все.

Гуров старался не улыбаться и продолжал гладить хрустальную пепельницу. Турилин и Орлов обменялись взглядами, и генерал как-то растерянно произнес:

— Да, случается... Произвели три выстрела, две пули в грудь преступника, одна в колесо машины...

Гуров отлично понимал, что ему следует молчать, но не выдержал и сказал:

— Я стоял рядом. Полагаю, что просматриваются три версии.

Орлов наступил ему на ногу, но Гурова понесло:

— Первая: у них плохо с патронами. Вторая: я им симпатичен, и третья: подполковник Гуров — человек Корпорации. А в принципе накладок. И зачем я жив остался?

— У тебя жена и племяшка? — неожиданно спросил Турилин и не обратил внимания, как Гуров и Потапов встретились взглядом. А полковник Орлов на данный, казалось бы, незначительный факт внимание очень даже обратил.

— Ольга — сестра моей жены. Нам с супругой, как в старину говорили, бог детей не дал. Я Ольгу удочерил, — ответил Гуров.

Турилин кивнул и продолжил:

— Ты их, естественно, любишь. А я старый... — Генерал кашлянул. — Люблю тебя. И ты, как всякий эгоист, моей любовью пользуешься.

— Что тоже естественно, — снова встрял Гуров.

Турилин постучал карандашом по папке, лежавшей на столе.

— Тебя требуют прокуратура и особый отдел. — Он взглянул на Потапова. — Генерал, мы можем с «особкой» повременить? Человек ведь в отпуске...

Потапов натуженно улыбнулся.

— Перестройка перестройкой, а перестраховщики перестраховщиками. Телефонный звонок не указ, потребуйте бумагу. Пока напишут, пока пришлют, подполковник может уехать в санаторий... Хотя для одного отпуска у Льва Ивановича накопилось многовато...

— Спасибо, мир не без добрых людей. — Гуров встал. — Разрешите?

— Сдайте личное оружие и не выезжайте из Москвы, подпол-

ковник.— Константин Константинович посмотрел на Орлова, кивнул на дверь.

Орлов поднялся и, глядя на Потапова, сказал:

— Личное оружие подполковника Гурова со дня его нахождения в отпуске находится в моем сейфе.

— Хорошо, хорошо,— рассеянно ответил Турилин и жестом пригласил генерала Потапова перейти к письменному столу.

Гуров и Орлов шли по коридору, молчали, у кабинета полковник остановился.

— То, что Потапов связан сегодня с преступниками, еще доказать надо,— проговорил он.— А вот что он, сволочь, службия и зануда, неожиданно душевность проявил, это я сейчас наблюдал. К чему бы?

Орлов отпер дверь, затащил Гурова в кабинет и зашептал:

— Почему в тебя не стреляли? Не промахнулись, а просто не стреляли? Говори, сукин сын!

Глава третья

— Что дальше? — спросил Денис.

— По ситуации,— ответил Гуров.— Сейчас не наш ход. Тебе надо попасть в их команду.

— Хочешь из меня сделать разведчика?

— На нашем жаргоне это называется «ввод сотрудника в среду». Но ты не сотрудник, в этом твоя слабость и твоя сила. Они, без сомнения, знают о собрании, которое ты устроил летом, когда твои друзья меня под ручки взяли, и верить тебе не будут, но, как я понимаю, на контакт пойдут.

— Могут убить? — вырвалось у Дениса, и он поспешно добавил: — Я в общем-то не боюсь...

— И дурак, надо бояться,— перебил Гуров.— Я тебя научу, как к ним приблизиться и через кого.

Молчали долго.

— Они сами на тебя выйдут,— подводя итог размышлениям, сказал Гуров.— Я тебе не говорил, но тогда, за столом, среди твоих друзей-ветеранов был один... Он из той команды.

— Кто? — Денис приподнялся.

— Я не знаю, как его зовут. Кто завтра из твоих бывших тебе повстречается, тот и есть.

— Гуров! — Ольга выскочила из толпы и повисла у него на шее.

Чтобы унять дрожь, Гуров крепко обнял девочку, и она тонко вскрикнула. Гвоздики в его руке сломались, он поцеловал Ольгу, опустил на пол и протянул сломанные цветы жене.

Рита взяла цветы, изучающе долго смотрела в лицо мужа, коснулась губами его щеки, кивнула на чемоданы и пошла из аэропорта к машине. Ольга состроила гримасу, попыталась отнять у Гурова свой чемодан, сказала:

— Кажется, они ревнуют. Гуров, ты в порядке?

Он не ответил. Подойдя к своим «Жигулям», уложил чемоданы в багажник, открыл двери, сел молча за руль. Ольга устроилась рядом, а Рита со сломанными гвоздиками в руках — сзади.

— Раз в жизни мы отдыхали, как белые люди. Сорвал с места, все испортил, теперь разговаривать не желает,— сказала Рита.

Она чувствовала, что что-то случилось, и вывод сделала примитивный: у Гурова другая женщина. Поэтому и неожиданный отъезд, похожий на принудительную ссылку, и скорое возвращение, и мертвое лицо, и даже вот сломанные гвоздики.

Приехав домой, Рита прошлась по квартире, в спальне, прикрыв дверь, откинула покрывало, прижалась лицом к подушке. Наволочка была несвежая, но пахла только Гуровым. Она повеселела, заглянула в ванную и увидела... на щетке светлый длинный волос. Вернулась в большую комнату и, распаковывая чемоданы, начала рассказывать:

— Дружок твой... Серов, кажется, встретил в аэропорту, привез в гостиницу. Скромный номерок, вода только холодная. Приставили к нам молодого оперативника, который ужасно стеснялся, таскал нас по городу, в общем, не приведи господи...

— А потом,— перебила Ольга,— нас отвезли в избушку на курьих ножках...

— Видимо, твой коллега, наконец, сообразил, что мы от скуки и голода помираем,— пояснила Рита.— Природа!

— Не еда, а сплошная вкуснятина!

— А люди! Сразу чувствуется, что не из вашего ведомства.

— Сегодня в аэропорту Серов был вроде тебя, лицом темный и все скалился, улыбку изображал.

— Знаю, он сегодня звонил. Тот мальчик, что вас по городу сопровождал, вчера в госпитале скончался.

— Как? — Рита опустилась на стул.

— Так! — сорвался Гуров.— Я тут тоже чуть не подох!

Ольга взглянула на Гурова, затем на сестру, взяла свой чемоданчик, пошла к двери и на пороге остановилась:

— Даю вам тридцать минут. Вернуться я должна в царство любви и счастья.— Она вышла, плотно закрыв за собой дверь.

— Что случилось? — спросила Рита.

— Ничего. У мужчин свои заботы. Я только сейчас понял, как люблю вас.— В груди у Гурова защемило, и он болезненно поморщился.

— Мужские заботы! Любишь? — Рита принесла из ванной щетку для волос, шмякнула ее на стол.— Сначала решила не заметить! Кобель ты и есть кобель! — Она потянула на щетке волос.— Блондинка?

— Денис Сергачев заходил...

— Ага, расскажи морским пехотинцам!

Гуров попытался обнять жену, но Рита отстранилась. Он отправился на кухню, достал из аптечки валокордин, вылил в стакан, в другой налил водки до краев, выпил и то, и другое, закусил яблоком, налил еще водки.

Никакие слова не могли бы убедить Риту так, как вид непыющего мужа, который, не присаживаясь, глотал водку стаканами. Она подошла, протянула рюмку:

— Тогда и мне плесни. За встречу! — Рита улыбнулась, взглянула мужу в лицо, быстро выпила и отвернулась.

Гуров поцеловал жену в затылок, прошел к входной двери, запер на ключ и сказал:

— Телефон отключи. Будить только в случае пожара.— Не раздеваясь, лег, сунул ключ под подушку и закрыл глаза.

Выполняя полученный приказ, Эффенди прилетел в Москву с группой из пяти человек. Он был не согласен с начальством. Эти люди годились только для тайги и Средней Азии, и то лишь для провинции, а не крупных городов. В Москве, которую многоопытный Эффенди боялся и терпеть не мог, парни были опасными. Свои мысли доложу, решил Эффенди, а приказ есть приказ, и, забросив парней в окраинную гостиницу, долго ездил по столице, прежде чем рискнул объявиться у Лебедева.

Поздоровались сдержанно, о здоровье не спрашивали — были знакомы давно, хотя связи и не поддерживали. Что может быть общего у финансиста и бандита? Лебедев сравнительно недавно узнал, что является фигурой не самостоятельной, есть люди крупнее, которые уже несколько лет использовали его «втемную», не раскрываясь, но помогая в операциях, реализовывая через него свою власть, получали наличные деньги. Утром к Лебедеву заглянул человек, оставил чемодан и сказал:

— Прибыл Эффенди, поживет у тебя.

— Да я только что оттуда,— сказал Лебедев.— Могу находиться под наблюдением.

— Ты находишься только под нашим наблюдением. Патрон велел передать, что все средства, которыми ты обладаешь, принадлежат Корпорации. С сегодняшнего дня ты лишь казначей и полноправный акционер.— Посыльный оставил чемодан и ушел.

Лебедев испугался, что в чемодане наркотики, тут же открыл его, тщательно осмотрел, но, кроме костюма, плаща и обуви, ничего не нашел и успокоился.

«Они имеют право,— рассудил Лебедев.— Освободили меня мгновенно, Иван Сыгч, единственный человек, который мог спалить меня, мертв. А деньги? Что деньги? Фантики. Связь у них отлажена, власть практически не ограничена, лучше быть седьмым в упряжке, но на свободе, чем вожаком в одиночной камере».

Эффенди брился в ванной у зеркала, поглядывая на Лебедева, который стоял в дверях и крутил на пальце связку ключей. Эффенди протер лицо одеколоном, прошел мимо хозяина и, скинув халат, начал одеваться.

Лебедев, наблюдая за гостем, отметил, как ловко тот повязал галстук, и подумал, что недооценивает этого человека, он совсем не так прост, не зря Патрон благоволит к нему. Эффенди еще раз поправил воротничок белоснежной рубашки, одернул безукоризненно сшитый пиджак, снял с вешалки плащ и шляпу, протянул руку.

Лебедев вложил ему в ладонь ключи от квартиры, спросил:

— Деньги нужны?

— Немного,— равнодушно ответил Эффенди, взял протянутые банкноты, небрежно сунул в карман и, заметив удивленный

взгляд хозяина, спросил: — Что-нибудь не так? Носки не в тон?

— Да нет, ты отлично выглядишь, — ответил Лебедев. — Идешь на дипломатический прием?

— Не знаю. — Эффенди пожал плечами. — Мне назначили время, указали место и предупредили, чтобы я был одет как следует.

— Ты одет как следует, — повторил Лебедев, проводил гостя до двери, заперся на засов и подумал: «Да, оказывается, я мелкоовато плаваю. Вот каких Патрон имеет исполнителей: в грязном кишлаке и в «Интернационале» Эффенди — свой человек».

Денис Сергачев решил заняться самодеятельностью. Сыщик предупредил: не дергайся, тебя найдут. Прождав два дня, Денис решил, что Гуров ошибся, позвонил подполковнику.

— Я же тебе все объяснил, — сухо сказал Гуров. — Ты работаешь в журнале? Вот и занимайся своим делом, будешь нужен, я объявлюсь.

— Лев Иванович, я никогда не сходил с дистанции, — обиделся Денис. — Рад, что твои девочки дома, значит, первый раунд, самый главный, мы выиграли. Как я понимаю, ты не ушел со стадиона...

— Денис, — перебил Гуров. — Ты мне очень помог, я твой должник. Но я — это я, а ты — это ты. И не говори со мной на спортивном жаргоне, словно других слов не знаешь. Но уж коли тебе так хочется, то, используя твою терминологию, скажу: мы ничего не выиграли, нам победу просто подарили. Ты веришь противнику, который тебе подыгрывает? Ты должен меня слушаться, иначе вляпаешься в историю и меня затанешь по самые уши. Жди.

Он меня оберегает, решил Денис, и начал действовать. Три дня назад, проезжая по улице Воровского, Гуров кивнул на дом и сказал:

— Здесь живет подпольный миллионер. Я его взял с поличным, а он выскочил.

Денис улицу Воровского знал отлично, здесь, во дворе, спортзал «Спартака». Решая, с чего начать, Денис приехал сюда, остановил машину у обочины, рядом со зданием Верховного суда, и начал прогуливаться, поглядывая на указанный Гуровым дом. На Эффенди он обратил внимание случайно из-за брезентового плаща с капюшоном и сапог, которые в Москве давно не носили. Взглянув на приезжего, Денис мельком отметил, что этот дядечка издалека и уж точно не к миллионеру приехал, — подумал и забыл. Болтаться по улице без дела быстро надоело, и Денис свернул во двор, заглянул в спортзал. Никого из знакомых он, естественно, не нашел, люди все были молодые, новые, уборщица тоже новая, только ругалась по-старому. Постояв на пороге маленького зала, где ребята громыхали железом, Денис вернулся на улицу, решил было сесть в машину и вернуться в редакцию, но вдруг увидел, как из подъезда вышел элегантно одетый мужчина. Может, тот самый миллионщик, подумал Денис. Остановился, пропустил мужчину, пригляделся и оторопел. Он узнал нелепого провинциала

в брезенте и сапогах. Одежда была совсем иная, но вот загар, не мягкий, курортный, а годами въедавшийся от солнца и ветра, спутать было невозможно. Денис отвел взгляд, тихонечко присвистнул и, отпустив Эффенди шагов на двадцать, двинулся следом. Новоявленный «джентльмен» свернул в переулок и направился в сторону проспекта Калинина.

Переулок был узкий, у тротуаров жались редко стоявшие машины, было малоллюдно. Денис оперативной работы не знал, прилепился взглядом к объекту и не заметил, что его самого уже «ведут», а из замызганных «Жигулей» вылезли еще двое.

Сейчас мы посмотрим на этого Аль-Рашида, рассуждал Денис, радуясь, что приехал не зря и будет что рассказать самоуверенному сыщику. Вскоре впереди зашумел проспект, и Денис, боясь потерять незнакомца в людской толчее, прибавил шаг. Неожиданно в голове что-то взорвалось. В улетающем сознании мелькнуло, что надо бы устоять на ногах, но мысль тут же исчезла, ноги подкосились.

Ударивший кастетом мужчина и его напарник подхватили обмякшее тело и легко забросили в подъехавшую машину.

— Парни, да это Денис Сергачев,— сказал водитель.— Он-то мне и нужен, как говорится, на ловца и зверь бежит. Топайте себе, а я его починять поеду.

Олег Веселов, мастер спорта по вольной борьбе, понимал толк в травмах. Ощупав голову Дениса, Веселов пришел к выводу, что жить чемпион будет, но показать его врачам следует, и погнал машину в травмпункт ближайшей поликлиники.

Веселов служил в Корпорации второй год, человек феноменальной силы, среднего ума, дисциплинированный, выпивающий, когда можно, в нужный момент всегда трезвый, он пользовался доверием руководства. Два дня назад он получил приказ найти Дениса Сергачева и представить по инстанции. Веселов высказал опасение, что Денис идейный, рассказал о товарищеском обеде и встрече с подполковником из МУРа. Но бывшему борцу объяснили, что это не его ума дело, задача у него простая, только встретиться с Сергачевым следует «случайно». Он позволил Денису, но тот от встречи отказался, сославшись на занятость. Помня полученные указания, Веселов не настаивал, а сегодня, работая «шофером», даже не зная, чем заняты «коллеги», приняв в машину бесчувственное тело, понял, что подфартило, и решил выжать из этой ситуации максимум.

Денис пришел в себя от знакомого запаха нашатыря, взглянул на медсестру и ясным голосом сказал:

— Сколько лет, сколько зим!

Увидел Веселова, блаженно, несколько придурковато улыбнулся.

— И ты здесь? Может, все вернулось? Я засадился на матче?

— Ты засадился не на матче, и ничего не вернулось,— ответил, улыбаясь, Веселов.— Тебе за сорок, ты давно отпрыгался. Приляг!

Денис поднялся с койки, ухватился за Олега и сказал:

— Скажи девочке «спасибо» и «до свидания»,— и пошел к дверям.

В машине Денис вяло спросил:

— А где ты меня... подобрал?

— В переулке, между Воровского и проспектом Калинина,— ответил Веселов.— Ты лежишь, а добрые люди тебя обходят, боятся споткнуться. Кто же тебя так?

— У меня там машина. Надо забрать,— не отвечая на вопрос, сказал Денис и подумал: «Гуров сказал бы, что я вышел в цвет. Правда, другие слова он бы тоже употребил. Надо срочно позвонить...»

— Олечка, поедем на Воровского, я тебе покажу, где стоит моя тачка.— Денис с каждой минутой прибавлял в силе, оживал.— Затем отвезешь меня домой, пригонишь тачку. Годится?

Так все и сделали. Когда Веселов привез его домой и уехал за машиной, Денис тут же позвонил Гурову и рассказал все.

— Лев Иванович, критику пропусти, переходи сразу к наставлениям. Олег — парень свой в доску, возьмем его в команду.

Гуров помолчал, продумывая ситуацию, затем, тщательно подбирая слова, стараясь не обидеть Дениса, сказал:

— Лечись, ты должен быстро встать на ноги. Твой приятель уже из команды, только из команды противника. Верь мне на слово, постараюсь объяснить. Если он ехал на машине, увидел лежащего на тротуаре человека, то узнать тебя не мог. Ты что, когда за рулем, у каждого пьяного тормозишь?

— Я дурак?

— Просто новичок на чужом стадионе,— ответил Гуров.— Ты даже не знаешь правил игры. Выздоровливай. Он будет спрашивать обо мне, так в последний раз меня видел прошлым летом в кафе. У тебя материальные сложности, займи у него денег. Ты ни за кем не следил, пошел переулком, где живет знакомая, машину оставил — женщина замужняя, а машина твоя в ее семье известная. Все понял?

— Кажется.

— Не хочу пугать, лишь констатирую факт: если они узнают, что ты был со мной на Алтуфьевском в роще, убьют.

Положив трубку, Гуров начал бесцельно разгудивать по квартире. Ольга была в школе, жена — на работе, делать совершенно нечего. Со дня возвращения девочек прошло два дня. Гуров ждал звонка. Так история закончиться не может, в этом он не сомневался. Чем дольше думал и сопоставлял, тем вернее убеждался, что семью ему вернули не потому, что испугались угрозы; и генерал никак не мог быть центральной фигурой Корпорации. «Они изменили тактику, поэтому вернули девочек,— рассуждал Гуров.— Какую они преследуют цель, и зачем я им нужен? Как информатор? Доносчики у Корпорации есть, незачем им затевать рискованную дорогостоящую операцию ради приобретения еще одного стукача». Он не сомневался, что не сегодня-завтра раздастся телефонный звонок и подполковника милиции преступники пригласят на переговоры. Он на переговоры пойдет, так как ему нужен не Потапов, а человек, который отдает команды, принимает решения.

В ресторане международного аэропорта Шереметьево-2 за отдельно стоящим у огромного окна столиком сидели четверо мужчин. Генерал Потапов Сергей Михайлович, персональный пенсионер Лебедев Юрий Петрович и еще двое.

Роговой Константин Васильевич, которого в узком кругу звали Патрон, ростом под два метра, весом около полутора центнеров, при бороде, с голосом выпивающего дьякона. Был он задумчив и молчалив. Сидел, отодвинувшись от стола, в кресле помещался с трудом, рюмку в его руке разглядеть было невозможно, потому казалась, что пьет Патрон непосредственно из ладони.

Константин Васильевич являлся главой Корпорации, и именно его пытался найти подполковник Гуров. Сыщик и Патрон дважды уже встречались. Но в монументальной, величественной фигуре с депутатским значком на лацкане пиджака определить главу преступного клана мог лишь Господь, а Гуров, как известно, был лишь человек.

Рядом с Патроном сидел Волин Руслан Алексеевич, среди своих его звали Референт. Ему было сорок с небольшим, носил дымчатые очки, курил трубку, голос имел тихий, интеллигентный. Референт открывал рот редко, лишь по указанию Самого — Лично, был внимателен, умен.

— Ты с возрастом глупеешь. — Патрон смотрел на Лебедева ласково. — Тебе следует отдохнуть, подумать о душе. Сейчас мы тебя отпустить не можем. Инфляция, следует обезопасить себя от чужой глупости. Какую сумму ты можешь предоставить? Учитывая всех должников, деловых, левых, правых... Нас интересует не точная цифра, а порядок.

Лебедев задумался. Порядок? Значит, плюс-минус миллион его не волнует, рассуждал финансист и сказал:

— Один и пять. Миллиарда. Но сконцентрировать такие деньги в одном месте я не в силах.

Патрон взглянул на Референта, который, казалось, и не слушал, но взгляд Патрона почувствовал мгновенно, поднял голову и согласно кивнул, подтверждая, что цифра соответствует действительности.

— Хорошо. — Патрон огладил бороду. — У тебя есть неделя. Эффенди и генерал. — Он кивнул на Потапова. — Собери в один кулак максимум и отправляйся на отдых. Тебя никто не тронет, я гарантирую.

Лебедев знал, что Патрон слово свое держит всегда, и благодарно кивнул.

Патрон перевел взгляд на Потапова.

— Что с тобой прикажешь делать? Ты кругом засветился, знаешь слишком много.

— Видимо, мне придется уйти на пенсию, уволиться, — ответил нерешительно Потапов.

— Без погон тебе цена — целковый. На пенсию не проживешь, начнешь крутиться, глупости делать. — Патрон вздохнул. — Будем решать неприятности по мере их поступления. Затихни, помоги министру финансов. — Он кивнул на Лебеде-

ва.— Подумаем. Я через два дня вернусь, спасибо за компанию, вы свободны.

Потапов и Лебедев встали одновременно.

— Счастливого пути,— сказал генерал и пошел к дверям.

Лебедев задержался.

— Я тебе не советую связываться с Гуровым. Не спорю, я постарел, однако возраст — не только потери, есть и приобретения.— Он кивнул и двинулся следом за генералом.

Референт снял дымчатые очки, достал трубку и пачку фирменного табака.

— Мне нужен этот... как его? — Патрон щелкнул могучими пальцами, изображая, что фамилию Гурова забыл, но Референт молча набивал трубку.

— Ты чего замолк? — рассердился Патрон.

— Думаю,— спокойно ответил Референт.— О подполковнике Гурове поговорим позже. Сначала об этих,— кивнул в сторону дверей, за которыми скрылись Потапов и Лебедев.— В отношении старшего ты прав, его можно в скором времени отстранить и с миром, а с генералом придется решать, такую мину под себя закапывать слишком опасно. Органы на пенсию его, конечно, отпустят, но из поля зрения не выпустят.

— И что ты предлагаешь? Убить?

— Сварить петуха — дело нехитрое.— Референт раскурил трубку, выпустил облако ароматного дыма.— Как из него съедобное блюдо приготовить? Это вопрос... Ты потерпи, я подумаю. А пока в структуре своего аппарата ничего не трогай.

— Мне нужен талантливый оперативник с безукоризненной репутацией. Найди его...

— На любого можно накинуть петлю,— сказал Референт.— Однако Гуров — человек азартный, увлекающийся, при определенных условиях его можно попробовать использовать втемную.

Роговой своего Референта ценил и в большинстве случаев к его советам прислушивался, но, когда тот начинал философствовать, Патрон неизменно раздражался, порой приходил в бешенство. «Ох уж эти интеллигенты, только разреши им порассуждать, в словах потопят. Ситуация сложилась простая, как таблица умножения. Все накопленные капиталы могут превратиться в осенние листья, которые, как известно, лишь кружатся. Необходима конвертируемая валюта. Есть возможность поменять рубли на наркотики и получить валюту. Но вывезти наркотики через таможню может лишь человек с безупречной репутацией, знающий секреты оперативной работы. Такого человека нашли. А вместо конкретного совета — слова, слова, слова...»

— Я могу пойти с Гуровым на прямой контакт,— попыхивая трубкой, продолжал Референт.— Тебе это обойдется в миллион.

— Только за результат, за контакт я тебе выдам почетную грамоту.— Патрон взглянул угрюмо, но получил в ответ такую обаятельную улыбку, что вынужден был смягчить грубую шутку: — На расходы — сколько требуется.

— Гурову необходимо выдать аванс, очень серьезный аванс. Я, естественно, имею в виду не деньги.

— Продвинуть по службе? — догадался Патрон.

— Нет, но я знаю, что именно он возьмет. Значит, аванс.— Референт загнул палец.— Перспективу найти тебя, а он тебя уже ищет.— Он загнул второй палец.— Перестраховаться и заготовить традиционную петлю.

Референт взглянул на часы, перевел взгляд на двери, и они, словно повинаясь приказу, бесшумно открылись. В ресторан вошел Эффенди, подошел легкой походкой, молча поклонился, сделав небольшую паузу, сел рядом с Референтом и без предисловий сказал:

— Я выполнил ваши указания.

Патрон никогда не встречался с Эффенди, но, конечно, знал о его существовании и месте в организации. Константин Васильевич внимательно оглядел гостя и, хотя был не доволен знакомством, постарался улыбнуться и, указав на стол, произнес:

— Перекусите с дороги.

— Спасибо, я сыт.

— Хорошо выглядишь, значит, о здоровье не спрашиваю.— Референт видел, что хозяин не доволен, но считал встречу необходимой.— Мы тут без тебя рассуждали об остром дефиците профессионалов. Как у тебя?

— Плохо. И ты не прав, что распорядился привезти парней. Я никогда не даю советы; приказы, поступающие сверху, не обсуждаются. Понимаю, ваша Москва наштапована черт знает кем, но за своих людей отвечаю я...

Референт жестом прервал Эффенди:

— У тебя прекрасные принципы, не отступай от них.— Он вынул из кармана плотный конверт, положил на стол.— Документы, деньги, адрес, по которому тебя примут, как белого человека. Отдохни несколько дней, почитай прессу, сходи в театр. Если тебе нужна девушка, скажи хозяину квартиры.— Референт ткнул пальцем в конверт.— Я тебе позволю. Спасибо за пунктуальность. Ты свободен.

Эффенди встал, поклонился, забрал конверт и ушел. Патрон проводил его взглядом и недовольно спросил:

— Зачем ты это сделал?

— По многим причинам. Ты должен видеть, куда уходят наши деньги.

В ресторанном зале время от времени передавали о прибытии и отправлении международных рейсов. Объявили о регистрации билетов и оформлении багажа на рейс, которым улетал Константин Васильевич Роговой.

Референт подозвал официантку, расплатился.

— Пошли, я тебя провожу.

Патрон выбрался из кресла, подхватил кейс, который казался в его руках школьным портфельчиком, и тяжело зашагал к выходу. «Ох, помощничек,— рассуждал он на ходу.— Решил припугнуть? Вот, мол, профессиональный исполнитель приговоров, и он мой человек. Живет исполнитель под моей крышей, ест из моих рук, выполняет мои приказы».

Словно угадав мысли Патрона, Референт сказал:

— Ты, Константин Васильевич, не прав. Эффенди слышал

о тебе, я устроил встречу, чтобы лейтенант увидел генерала, это придаст Эффеңди уверенности и укрепит мой авторитет.

— Но ты же ни слова не сказал обо мне.

— Тебя можно и не представлять. Эффеңди очень сообразительный. Он служил у Адьлова...

Патрон положил тяжелую ладонь на плечо помощника.

— Этот исполнитель говорил дело. Зачем в Москве держать диких басмачей? Вооруженные, неуправляемые, могут напиться и...

— Надеюсь, не успеют.— Референт, морщась, столкнул с плеча хозяйскую руку.— Я же тебе говорил, подполковнику Гурову необходимо выдать аванс...

Денис Сергачев оклемался быстро. Уже на второй день он сел за руль и поехал на встречу с Олегом Веселовым.

На улице Герцена Денис припарковался, и Веселов втиснул свою богатырскую фигуру на заднее сиденье.

— Куда едем? Ты обещал свести с человеком, который даст заработать. Я от своих нищенских гонораров совсем дошел, скоро олимпийскими медалями торговать начну.

— Если покупателя найдешь.— Веселов довольно хохотнул.

Вскоре они остановились около серого массивного дома. Просторный, не загаженный кошками подъезд, широкая лестница, белые ступени, перила блестят, не изрезаны.

Денис хотел открывшему дверь вахтеру козырнуть, так как одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что в прошлом вахтер носил погоны с двумя просветами.

— Ты деревню из себя не изображай,— неожиданно рассердился Веселов и подтолкнул Дениса к лифту.— а то я не знаю, в какие дома ты хаживал.

— Отвык.— Денис вошел в лифт, обшитый красным деревом, и спросил: — И в каких же чинах твой приятель? Ты уж обучи меня политесу, я человек хоть и нищий, да с характером, могу всю обедню испортить.

Веселов не ответил, выйдя из лифта, подошел к одной из дверей и позвонил условным звонком.

Руслан Алексеевич Волин распахнул дверь и с обаятельной улыбкой произнес:

— Честь и слава советского спорта! Польщен, весьма польщен! Денис, я видел вас только по телевизору. Я — Волин Руслан Алексеевич. Для вас, конечно, просто Руслан.

На Веселова он внимания не обратил, а Сергачеву сердечно пожал руку, помог снять плащ. Из глубины квартиры доносились музыка, голоса, женский смех, но закрытые двери были такие массивные, что казалось, вечеринка проходила не в этой квартире, а в соседней.

— Олег, твоя пассия заждалась, пойди приложишься к ручке,— сказал Волин, открывая перед Денисом одну из дверей.

Веселов исчез, а хозяин провел гостя в небольшой кабинет, вдоль стен в неразрывном строю теснились книги, темные, благородные, с тусклым тиснением.

— Что же, Денис, давайте сразу к делу, и не потому, что

тороплюсь, а не люблю фальшивых разговоров, прелюдий. У вас материальные затруднения...

— Где-то читал, что в финансовую пропасть можно падать всю жизнь,— пошутил Денис.— Я лечу в нее второй десяток и скоро разобьюсь.

— Я не состою в обществе «Спасение в горах»,— сказал Волин.— Я не подпольный, а официальный миллионер, люблю Советскую власть, ведь противоестественно не любить власть, которая кормит, в прекрасных отношениях с МВД. Кстати, можете сообщить об этом своему другу.— Он выдержал паузу, но Денис на «друга» не среагировал, и Волин продолжил: — Я могу предложить вам работу. Мы создаем совместное предприятие, мне нужна реклама, и я хочу использовать ваше имя.

— Да кто меня помнит? — усмехнулся Денис.

— Кому надо, тот вспомнит. У меня имеется новенькая «вольво». Если за рулем окажется олимпийский чемпион, я смогу выезжать на переговоры с любой фирмой.

— Ливрея тоже имеется? — спросил Денис.— Я же сказал, что падаю, и подталкивать меня не требуется.

«Этого парня подсунил мне подполковник Гуров,— понял Волин.— Не страшно, я же ищущий к нему ход, так примем его условия, позже разберемся».

— Для зарубежных партнеров ты будешь не водитель, а мой приятель. На машину получишь доверенность, подпишем трудовое соглашение, все официально, законно. Из журнала ты можешь не увольняться, так как беспокоить я тебя буду не каждый день.

— И сколько?

— Для начала — тысяча, а дальше — как сложится,— ответил Волин.— Может, мы вообще друг другу не подойдем.

— Годится. Но я хочу получить аванс.

— У тебя здоровые инстинкты.— Волин выдвинул ящик, достал запечатанную пачку двадцатипятирублевков, положил перед Денисом.— Эти бумажки сегодня ничего не стоят, но ты их будешь иметь вдоволь, и никаких преступлений, унижений, аморальщины от тебя не потребуется.— Волин поднялся из-за стола, протянул визитную карточку.

— Договорились, возможно, сработаемся.— Денис взял визитную карточку, протянул свою.

Хозяин проводил гостя до лифта, возвращаясь в квартиру, прикидывал, как скоро его визитка попадет в руки Гурова: скорее всего завтра поутру...

То, что Референт, то есть Руслан Алексеевич Волин, так легко, даже легкомысленно, пошел на контакт с Денисом, объяснялось довольно просто. Именно Волин признал своими деньги и валюту, изъятую у Лебедева. «Раз я перед МУРОм засветился, то следует нападать, доказать, что чист перед законом Руслан Алексеевич Волин»,— решил он.

Третий день Гуров не выходил из дома, делал вид, что увлекся расстановкой стеллажей, переустройством библиотеки. Он ждал телефонного звонка. Генерал испугался, вынудил Корпо-

рацию уступить, но совершенно ясно, что это не отказ от задуманного, а тактический ход.

Гуров переставлял книги, часто поглядывая на телефон. Когда позвонили в дверь, он, посвистывая, пошел открывать. На пороге стоял незнакомый, элегантно одетый мужчина с букетом роскошных роз.

— Лев Иванович? — Гость поклонился. — Волин Руслан Алексеевич.

— Очень приятно. — Гуров радушно пригласил гостя в дом. — Вы к Рите?

— Цветы вашей очаровательной супруге, а я к вам, по личному делу.

Волин вручил Рите цветы, поцеловал ручку, сообщил, что был в Сибири и передает от подполковника Серова Бориса Петровича низкий поклон.

Услышав имя приятеля, Гуров сразу понял, откуда неожиданный гость и по какому вопросу. Совсем обнаглели, подумал было Гуров и решил гостя выставить, но Волин уже снял плащ и прошел в комнату. Тут выскочила Ольга, завязался разговор, и вскоре все сидели за столом и пили чай с вишневым вареньем.

Рита почувствовала напряженность мужа, пару раз взглянула на него вопросительно, указала взглядом на дверь, мол, выйдем, поговорим. Гуров лишь пожал плечами и продолжал поддерживать светский разговор, из которого вскоре выяснил, что гость в Сибири никогда не бывал, подполковника Серова и в глаза не видел.

Гуров поднялся из-за стола, молча кивнул гостю на дверь, Волин обаятельно улыбнулся, поклонился:

— Благодарю, чай был изумительный. — И вышел вслед за хозяином.

— Поверьте, Лев Иванович, — быстро говорил Референт, — вся история с похищением вашей семьи была проведена какими-то идиотами вне ведома руководства.

— Руководства чего? — серьезно спросил Гуров. — МВД, Совмина, ЦК?

— Ну, в данных организациях, как известно, случаются накладки и покруче, — парировал Референт и продолжал: — Только крестину могла прийти в голову мысль с позиции силы пытаться заставить вас работать на нас. Мы к вам с серьезным предложением.

Гуров слушал и ругал себя непотребными словами. Утром позвонил Денис, сообщил, что вчера поздно вечером имел интересную беседу, и предложил встретиться. А он, Гуров, как фрайер чистой воды, назначил встречу на вторую половину дня. Наверняка события вчерашние и сегодняшние — звенья одной цепи.

— Вы меня не слушаете, подполковник?

— Отчего же? Кого же вы представляете? Что означает многозначительное «мы»?

— Я лишь скромный посредник. — Референт протянул Гурову визитку. — Работая в легальном зарегистрированном объединении. В данный момент представляю одну из неформальных

-Homep. Заночни...
-Мур паомаем...

ИЗОВАННОЙ

организаций, коим несть числа, которая из дыр и прорех социализма делает деньги. Я скромный юристконсульт, и, сколько бы вы ни разрабатывали меня, вы не найдете в биографии Руслана Алексеевича Волина криминала и не выйдете через него на руководство. Я и сам не знаю его.

Гуров пытался найти информацию об этом человеке в своей памяти. Не может быть, чтобы такая фигура нигде ни разу не засветилась. Фамилия, имя, отчество гостя Гурову ничего не говорили. Внешность. Возраст. Элегантность. Манера говорить. И неожиданно выплыло — Референт. В связи с чем, с какими событиями упоминалась эта кличка, сыщик сейчас вспомнить не мог, однако вздохнул и расслабился.

— Вы все время куда-то уплываете, Лев Иванович, — улыбнулся Референт. — Или вам наш разговор не интересен?

— Разговор пока не начинался, — сказал Гуров. — Я выслушал монолог. Вы утверждаете, что некая серьезная организация имеет ко мне серьезное предложение. Так?

— Абсолютно.

— Следовательно, прежде чем к человеку обратиться, о нем собирают информацию, изучают ее, анализируют. Верно?

— Безусловно.

— Разрабатывая подполковника Гурова, вы должны были понять, что он человек опытный, неглупый... Так?

— Вы даете себе излишне скромную аттестацию. Просто опытные и неглупые нас не интересуют. Вы, Лев Иванович, человек талантливый.

— Тем более непонятно, каким образом к талантливому человеку посылают вербовщика... Будем называть вещи своими именами... Вы ведь вербуете меня. И потому вы никак не можете занимать в своей неформальной организации скромное место. И, главное, скромному юристконсульту не присваивается громкая кличка — Референт. Или я не прав?

Волин опешил.

— Референт? — Волин хмыкнул. — Признаться, я не очень понимаю...

Гуров разглядывал гостя с нескрываемым любопытством, понимая, что попал в точку, и в данной ситуации молчание значительно сильнее всяких слов.

Глава пятая

Гуров и не думал отказываться от предложения. Какой же уважающий себя оперативник откажется от контакта с преступным объединением, от возможности проникнуть внутрь его? Он взглянул на гостя и подумал, не пережал ли, может, немного придержать, а то парламентар испугается и переговоры прекратит.

Референт же думал: «Сыщик умен, и хорошо, дураки нам не нужны. Знает кличку... Ну и что? Руслан Алексеевич Волин принял на себя чужие деньги и валюту, значит, он не пешка. Надо было подумать об этом раньше, урок на будущее».

— У нас есть деньги, мышцы, оружие, естественно, только

для защиты. Мы сторонники мирного сосуществования и никогда первыми не нападаем.

Гуров поморщился, как от зубной боли.

— Самыми последовательными защитниками двадцатого века были Гитлер и Сталин. Переходите к делу.

— Нам нужен оперативник-профессионал.

— И вы решили пригласить меня? Какую Гурову определяют цену?

— А сколько вы назовете,— ответил Референт.

— Каковы будут мои обязанности?

— Начальник координационного центра. Нас замучила междоусобица, говоря «ихним» языком, «разбирательства». Мы хотим порядка и спокойствия. Вы, Лев Иванович, с вашим опытом оперативной работы, получив необходимую информацию и неограниченную власть, сумеете навести порядок в королевстве Датском.

— Я получу информацию и посажу вас всех в тюрьму.

— Это несерьезно,— возразил Референт.— Нам не хватает оперативника, а с умными людьми у нас все в порядке. Иначе бы мы не располагали миллиардным капиталом.

— Я, надеюсь, тоже не дурак, но не представляю, коим образом вы можете обезопасить себя.

Референт улыбнулся.

— Нам будет достаточно вашего слова. Да-да, Лев Иванович, вы не ослышались. Вы даете честное слово, что не используете полученную информацию нам во вред, и мы начинаем сотрудничать.

Теперь опешил Гуров, откашлялся и несколько растерянно сказал:

— Письменно?

— Я сказал — слово. Не расписку, не обязательство. Вы сейчас произнесете, что, мол, даете честное слово, и так далее. Вы охотник, вы хищник. Но в первую очередь вы человек порядочный.

Гуров понимал, что торопится, необходимо подумать, проанализировать, но не совладал с собой и выпалил:

— Невозможно. Я согласен на драку, кто кого. Но я не скрываю, моя задача — вас уничтожить.

— Значит, сотрудничество не состоится. Ничего вы нам не сделаете, информацией не располагаете. Вам известны финансисты Лебедев и Волин? Старик вообще из колоды выпал. А я займусь своей официальной деятельностью. Организация будет жить не так комфортно, как хотелось бы, но, когда нет гербовой, пишут на простой.

Гуров был обескуражен и молчал, но это уже было не молчание победителя. Референт взглянул понимающе.

— Вы поторопились с ответом, мы хотим иметь гарантии личной безопасности. Судьба посторонних людей, которые неизбежно попадут в поле вашего зрения, нас не интересует. Вы занимаетесь привычной оперативной работой, выявляете преступников, передаете их следствию, в прокуратуру... мы лишь укажем вам круг неприкасаемых.

— Я стану чистильщиком, членом вашей банды?

— Элементарная юридическая безграмотность — нашу Корпорацию по роду ее деятельности квалифицировать как банду. Послушайте! — Референт был спокоен, но изобразил гнев и раздражение, повысил голос: — Вы работаете в кровавом бардаке и не изображайте из себя институтку-девственницу, которая брезгует снять белые перчатки. У вас ничего нет! Ни техники, ни людей, ни информации! Ничего!.. Вам предлагают работу. Вашу работу! — Он вздохнул. — Я устал от вас. Подумайте. А пока предлагаю небольшую сделку. Сейчас в Москве находятся пять боевиков, убийцы, насильники. Насколько мне известно, трое из них во всесоюзном розыске, я вам их отдаю — вы мне оказываете личную услугу.

— Смотря какую.

Референт усмехнулся и осуждающе покачал головой.

— Сегодня в двадцать часов в условленном месте вы встречаетесь с генералом Потаповым, даете слово, что его жизнь находится в безопасности, мы не знаем и знать не хотим, каким образом вам удалось его удавить, мы с ним расстаемся, но не желаем иметь под своим креслом мину замедленного действия.

Гуров смотрел на незваного гостя и размышлял. Этого человека можно считать либо безумно смелым, либо безгранично наглым, но в уверенности и уме ему не откажешь. Явился в дом, открыл карты, признал свое место в преступной организации и связь с генералом МВД. Какая же сила стоит за ним и дает ему возможность вести себя таким образом!

Заманчиво получить бандитов взамен нескольких слов. Тем более что убивать Потапова никто и не собирается. Не будь наивным ребенком, сыщик, сделка есть сделка. Гуров, пересилив сомнения, сказал:

— Согласен. Где состоится встреча на вашем уровне?

— Я вам еще позвоню. — Референт взглянул на часы, встал, протянул хозяину конверт:

— Все вооружены, руководителя группы не ищите, его нет в Москве.

Таким образом Референт сдал МУРу боевиков Эффенди, а подполковник Гуров впервые в жизни принял взятку. Референт дорогостоящим выстрелом стремился поразить несколько мишеней. Во-первых, окончательно отрезать Корпорацию от Средней Азии, а люди Эффенди были именно отсюда и совершенно не годились для работы в Москве и Прибалтике. Во-вторых, взяв одно, Гуров начнет неизбежно вязнуть во взаимоотношениях. И главное, он придет на встречу с генералом Потаповым. Через несколько часов перед принципиальным сыщиком ляжет дорога, которая ведет только в одну сторону.

Вернувшись в кабинет, Гуров позвонил полковнику Орлову, продиктовал ему фамилии и назвал место пребывания бандитов. Орлов выслушал, долго молчал. Гурову казалось, что он слышит недовольное сопение начальника.

— Вступил в прямой контакт с руководством и начал брать взятки, — подвел итог своим размышлениям Орлов. — И что от тебя потребовали взамен?

— Безделицу.

— Ты прекрасно знаешь, что так не бывает. Либо этот список — полное надувательство, либо ты дурак и принимаешь за безделицу вещи крайне серьезные.

— Петр Николаевич, каждый решает свои проблемы. Ты проверяешь информацию, проводишь задержания, а я почешу в затылке и решу, пить кофе черный или со сливками. Договорились? — Гуров, не ожидая ответа, положил трубку и начал прикидывать, чем может обернуться встреча с Потаповым.

«Допустим, никакой встречи не предполагается, а его просто заманивают в ловушку. Цель? Убить? Глупо и дорого, убить меня можно значительно проще. Я им нужен живой. Скомпрометировать? Как? Подсунуть голых девок, снять на видео? Дешевка, Референт — человек умный, значит, серьезный, меня нельзя лишить свободы, так как я сразу теряю всякую ценность. Они преследуют единственную цель — втянуть меня в обмен информацией, сжечь за мной мосты и превратить в Азефа».

Вскоре зашел Денис Сергачев, рассказал о вчерашнем вечере и удивился, что Гуров очень подробно расспрашивает об Олеге Веселове и совершенно не интересуется главным действующим лицом.

— Оформляй трудовое соглашение, — подвел итог Гуров, — и начинай работать. Волин, естественно, тебя обманывает, его сказки прикрывают совершенно другие цели. Но, как говорится, кто не рискует, тот не выигрывает.

— Мне это не нравится, — ответил Денис. — Я не боюсь драки, но должен знать правила.

— Всего-навсего? — Гуров вздохнул. — У нас свои правила, у них — свои. Я тебе помочь не могу, и не ври, что не боишься. Ты элементарно трусишь, не хочешь вывозиться в грязи. Это естественно. Решай.

Денис посмотрел на Гурова, хотел матюгнуться, но Гуров его опередил:

— Кстати, я бы на твоём месте плюнул и забыл.

— Давай каждый будет решать сам, — перебил Сергачев и встал. — Ты — свое, я — свое.

— Вольному воля. — Гуров проводил Дениса, закрыв за ним дверь, рассмеялся. Ох и прост этот чемпион! Скажи «слабо», и он твой. «Втянул я парня в историю. Стыдоба. Но без него мне сейчас будет сложно».

Референт позвонил в семь, через тридцать минут заехал, открыл Гурову дверцу серебристой «тойоты».

— Когда-нибудь в этой стране будут такие машины, — сказал Референт, выезжая на Садовое кольцо, — только жаль, что мы до этого не доживем.

— А чего вы у нас мучаетесь? — спросил Гуров. — У вас деньги, хватка, мотали бы на Запад.

— Мои деньги и хватка хороши для бизнеса на подмосковной даче. А там, — Референт постучал рукой по рулю, — я буду лишь кое-как обеспеченным холуем, человеком второго сорта.

— Вам здесь не страшно?

— Случается.

Гуров запоминал дорогу, определял место, где они находятся. Вскоре машина остановилась у старого, добротной постройки дома. Гуров вышел, демонстративно посмотрел на название улицы и номер дома.

— Не утруждайтесь.— Волин запер машину, вошел в подъезд первым.— Помещение снято для одноразового использования.

Референт глал: он привез Гурова на конспиративную квартиру генерала Потапова. Она использовалась органами со сталинских времен, порой простаивала и сегодня числилась за генералом. Если бы Гуров об этом догадался, то не шагал бы так уверенно, а призадумался.

Референт отпер дверь, пригласил Гурова войти.

— Располагайтесь. Генерал прибудет с минуты на минуту. Я вернусь за вами минут через сорок. Успокойте человека, иначе он может доставить неприятности нам, да и вам. Вы лучше меня знаете: многое не доказывается, но пятно остается.

Гуров повесил плащ, огляделся.

— Надеюсь, никто не явится, чтобы обвинить меня в попытке ограбления?

— Надеюсь,— в тон ему ответил Референт.— Вы распорядились по адресу, который я вам передал? Ваши люди, надеюсь, уже выехали?

— Вы, кажется, собирались уходить?

182 Когда дверь захлопнулась, Гуров накинул цепочку и занялся осмотром помещения. Если здесь вмонтирована записывающая аппаратура, мне все равно ее не обнаружить, решил он, но продолжал приглядываться. Вещи старые, но в хорошем состоянии, новые лишь холодильник и телевизор. Здесь не живут постоянно, только наведываются, возможно, хозяева обитают на даче. Персональные пенсионеры.

Квартира имела черный ход, и будь у Гурова больше времени, он бы обнаружил его и сумел изменить ситуацию. Но минуты, отпущенные на размышления, истекли. Приоткрылась дверь, рванулась цепочка, тут же раздался звонок.

Гуров шагнул в прихожую и, увидев в узкой щели золотой генеральский погон, открыл дверь. А вот как три человека вошли через черный ход, сыщик не услышал.

Шагнув в квартиру, Потапов улыбнулся.

— Великолешно! Гость запирается от хозяина!

Гуров не ожидал, что Потапов может заявиться в форме, растерялся, но тут же взял себя в руки.

— Случается. Проходите, почувствуйте себя как дома.

— Благодарю, вы очень любезны,— рассмеялся Потапов, закрыл за собой дверь, снял плащ и предстал перед Гуровым в парадном мундире и блеске некогда полученных орденов.

Моложавый, подтянутый генерал был красив и импозантен. Держался он совершенно свободно, раскованно. Гуров ожидал встретить человека собранного, настороженного и вдруг почувствовал, что теряет инициативу, ему показалось, что разыгрывается спектакль, не объявленный в программе.

— Я рад, искренне рад.— Генерал, звякнув орденами, про-

шел в комнату, достал из серванта бутылку марочного коньяка и рюмки, наполнил их.— Значит, в нашем полку прибыло. Вам, Лев Иванович, следовало вступить в него пораньше, когда мы были хозяевами. Но лучше поздно, чем никогда.

Гуров молчал, пытаясь разгадать новый сценарий и продумать отведенную ему роль.

— Ты уж извини меня за парад, так вышло, я прямо оттуда.— Генерал ткнул пальцем в потолок.— Ты умный, сделал выбор правильно. А в роже ты меня прихватил знатно.— Он чокнулся с Гуровым, выпил и вновь налил.— Я, честно сказать, легонечко струхнул. Конечно, убивать меня резона не было, но уж больно физиономия у тебя была неподходящая. Ладно, расслабься.

Потапов вновь выпил. Гуров взял рюмку, пригубил. Он понял, что Потапов здесь бывал, мало того, чувствовал себя как дома. Значит, Волин обманул и квартира отнюдь не одноразового пользования. Генерал прибыл сюда не для того, чтобы выслушивать заверения в своей безопасности. Референта Гуров недооценил, полковник Орлов прав, что его сейчас используют втемную.

В основном Гуров рассуждал правильно: Волин его обманул. Только спектакль изменили не в последний момент, а спланировали заранее.

Расставшись с сыщиком, Референт встретился с Потаповым именно в этой квартире, и между ними состоялся короткий разговор.

— Поздравляю, уважаемый Сергей Михайлович,— сказал Референт.— Мы вам подобрали сильного помощника, он поступает в ваше полное распоряжение.

— Никогда!— возмутился Потапов.— Было оговорено, это мое неперемное условие, что я имею связь только с Патроном, Лебедевым и вами. В моем положении три посвященных— и так слишком много.

— А подполковник Гуров?— улыбнулся Референт.— Кажется, совсем недавно вы с ним вступили в контакт. Или я не прав?

— Не я с ним, а он со мной,— резко ответил Потапов.— Гуров— враг, которого вы недооцениваете. И чем скорее вы его ликвидируете, тем дольше пробудете на свободе. Он не мой личный враг, он ищет выход на вас и Патрона. Мне хотелось бы сказать, что чертов сыщик— упертый, идейный тушица. Но, к нашему общему сожалению, он человек талантливый, потому крайне опасный.

— Талантливый? Прекрасно, генерал. А зачем вам бездарный помощник?

— Он согласился на сотрудничество? И вы ему поверили?

— Вы постоянно нас недооцениваете,— сказал Референт.— Понятия «поверили» для нас не существует, мы кладем перед человеком одноколейку, отключаем задний ход, а тормоза оставляем себе. Неужели собственный опыт вас ничему не научил?

— Что ж, если вы уверены и решили, я рад. Подчиняться он, конечно, мне не станет, да и в оперативных делах я ему действительно не указ. Я ведь только руководитель, служащий.

— Ничего, сработаетесь.— Референт заговорил деловито.— Сегодня, здесь, в двадцать часов. Он будет один, я приду чуть позже, решите ваши милицейские проблемы наедине. Наденьте мундир и все награды.

— Руслан Алексеевич,— перебил Потапов.— Ни к чему...

— Надо, Сережа, надо,— строго сказал Референт.— Патрон просил. А его просьба для нас — сам понимаешь...— Он впервые назвал генерала по имени и на «ты».— Патрон считает, что раз Гуров будет замкнут непосредственно на тебя, то необходимо с первой минуты расставить все точки над «i».

На этом и расстались. У Потапова было время подумать, и он пришел к выводу, что его старое, проверенное правило — повиноваться старшим — никогда еще не подводило, а добра от добра не ищут.

Он выполнил все, что от него требовалось, а для значительности, как и положено начальству, слегка задержался.

— Теперь к делу, подполковник. Никто никогда деньги за просто так не платит. Давай прикинем наши возможности...

Гуров увидел, как вдруг застыло лицо генерала, хотел прыгнуть в сторону, однако не двинулся с места, мозг команду дал, а тело опоздало. Локти Гурова оказались скованными. На лбу у Потапова вспыхнуло пятно. Гуров услышал за спиной хлопок выстрела, увидел, как валится вперед орденосный генерал. Раздался короткий смех, что-то влажное залепило ему лицо. Он попытался не дышать, рванулся, но захрипел, тяжело вздохнул. Гуров никогда не думал, что человек может так четко фиксировать потерю сознания. Правая ладонь ощутила ребристую рукоять пистолета. Гуров инстинктивно сжал пистолет, повернулся, и яркая вспышка ослепила его.

Референт сделал еще один снимок, уместив в объективе мертвого генерала и Гурова с оружием, повернулся к Олегу Веселову и Эффенди.

— Все, Эффенди, ты немедленно выезжаешь из Москвы, а ты, Олег, сажаешь героя,— Референт кивнул на Гурова,— в такси, водитель — наш человек, но лучше, чтобы он тебя в лицо не видел.

— За какие подвиги генерал получил столько бранзулетов? — спросил Эффенди, смял салфетку, смоченную хлороформом, и держал в вытянутой руке, не зная, куда выбросить.

Веселов был в шоке, ни о каком убийстве он предупрежден не был. Сказали, что требуется лишь схватить милиционера сзади и придержать пару минут, чтобы он не дергался. Убили генерала, и он, Олег Веселов, соучастник. Бывший спортсмен большим умом не отличался, но создавшуюся ситуацию осознал и теперь молча потел.

Референт взглянул на него мельком, брезгливо, навел на Гурова и Потапова «поляроид», сделал еще один снимок, выползшую фотографию убрал в конверт. Затем вынул из кармана носовой платок, обернул им ствол пистолета, который все еще сжимал Гуров, вынул оружие из вялой руки и уложил в загодя приготовленную коробку.

— Чемпион,— сказал он Веселову,— покойников никогда не

видел? Тебе сказано, отнеси живого в машину, отправляйся к девушкам или куда там желаешь, ты здесь никогда не был, ничего не видел. — И повернулся к Эффенди: — До завтра. Помоги этому мыслителю.

Референт положил конверт с фотографиями в карман Гурову, а Эффенди зашел в туалет, выбросил салфетку, сполоснул руки, вышел, взял бутылку с коньяком и плеснул немного жидкости Гурову на грудь, затем помог Веселову взвалить безвольное тело на плечи и проводил до такси.

Референт тем временем протер полотенцем рюмки, чашки, бутылку, на всякий случай и спинки стульев, снял телефонную трубку и набрал номер полковника Орлова. Услышав ответ, сказал:

— Добрый вечер, Петр Николаевич. — Волин обладал уникальной способностью изменять голос и сейчас говорил тонким женским голоском. — Я обещала позвонить... Выезжайте с группой, — он продиктовал адрес, — уведомите прокуратуру, спасибо за внимание.

Гуров лежал на тахте в квартире Сергачева, куда его доставили час назад, но уже не в той машине, в которую его погрузил Веселов.

Денис помог матерящемуся водителю затащить Гурова и уложил его на тахту. Сейчас Денис варил на кухне кофе и не мог понять, что же произошло. Лишь одно он знал точно: с сыщиком сотворили какую-то мерзость. Денис услышал, как скрипнули пружины, заглянул в комнату. Гуров сидел на краю тахты и, как нормальный человек, оказавшийся в ненормальной ситуации, держался за голову.

Денис протянул ему чашку крепчайшего кофе, сел в кресло. Гуров посмотрел на хозяина так, словно ничего особенного не произошло, просто человек выпил лишнего и вот сейчас очухался, проснулся и сказал совершенно неожиданное:

— А у тебя лучше, чем в вытрезвителе.

Он оттянул двумя пальцами рубашку, понохал, покачал головой.

— В вытрезвителе? — удивился Денис.

Откуда ему было знать, какие эксперименты проделывались над сыщиком, что не так давно Лебедев отравил Гурова, так же вот облил спиртным и бросил бесчувственного у вытрезвителя.

— Ты не знаешь, чего они ко мне привязались?

— Лев Иванович, кажется, вы начали первым, — не удержался Денис. — Там, на юге, кто полез в драку? Или я ошибаюсь?

— Воспитываешь. — Гуров поднялся, взял со стула пиджак, начал проверять карманы, на месте ли документы, вытащил конверт. Осмотрел его на просвет, зачем-то понюхал, вынул фотографию.

Генерал при орденах и с дыркой во лбу, рядом подполковник, без орденов, зато с пистолетом. Сыщик не знал, что существует еще один снимок, где подполковник не лежит, а на полусогнутых ногах стоит над поверженным противником. Но данной фотокарточки более чем достаточно, плюс у них имеется пистолет с моими «пальчиками», подумал он. Время давать или не давать

честное слово прошло, все правила отменены, можно бить сапогом в пах и чувствовать себя героем. «Вы хоть и жестокие, но, надо признать, умные и хитрые: собираетесь со мной работать, поэтому позаботились о моей семье — доставили не домой...»

— Еще кофе, — сказал Гуров и добавил: — Пожалуйста. — Потом позвонил Рите, предупредил, что задерживается.

«Они убили Потапова, который стал опасен, а труп повесили на меня. Волину надоело изображать интеллигента».

Гуров взял протянутую ему чашку.

— Сядь и помолчи, сейчас сориентируюсь в пространстве и времени...

Волин сказал, что им мешает междоусобица, излишняя стрельба, а сам распорядился убить. Однако междоусобица и распри могут быть правдой. Им не обойтись без услуг профессиональных уголовников-исполнителей, но их следовало держать в узде. В своем хозяйстве решили навести порядок, хотят использовать милицию, подполковника Гурова как руководителя. «Отдавая нам неуправляемых, взбунтовавшихся, хотят организовать беспрекословное подчинение. Элита и среднее звено относятся, как Референт выразился, к разряду «неприкасаемых». Чтобы я не вырвался из-под контроля, они накинули мне на шею петлю и свободный конец веревки держат в своих руках. Петля? Проверим, насколько она прочна. Петлю следует порвать, а видимость ее существования оставить. Так. Теоретическую базу я подвел, остался «пустяк» — воплотить ее в жизнь. Как?

186 На месте убийства присутствовали как минимум двое, скорее трое. Один держал. Однажды я уже испытал такую хватку. Прошлым летом, во время моего «похищения» спортсменами. Олег Веселов... Не слишком ли просто? Веселова следует проверить».

Гуров взглянул на Дениса, который, развалившись в кресле, читал «Огонек».

«Вернемся к убийству. Один стрелял. Эффенди? Скорее всего. Зачем Волину впутывать в рискованную историю лишних людей? А раз без лишних, то и фотографировал лично Руслан Алексеевич Волин. Если так, то это вторая серьезная ошибка Волина». Неожиданно Гуров зашел:

— Ошибка резидента... Ошибка Референта. Понимаешь, Денис, жизнь любого человека состоит из находок и потерь, поступков правильных и ошибок.

— Ты философ, Лев Иванович.

— Это точно, — согласился Гуров. — Ты прошлым летом, помнится, хвастался, какие в спорте замечательные ребята выросли, как они переживают, что их порой с ракетными и мафией связывают. Было?

— На Веселова намекаешь? Паршивая овца. А среди вас?..

— И среди нас, — перебил Гуров. — Ты из тех ребят найди двух-трех надежных.

— А как определить? Я теперь пуганный, а в душу не залезешь...

— А в душу и не надо, люди этого не любят. Повстречайся,

присмотрись. Сегодня люди достаток не скрывают, легкие деньги видно. Сколько бы человек ни зарабатывал, дай бог каждому побольше, но трудовые деньги — одно, ворованные — иное. Найди троих верных, смелых...

— Среди нас трусов нет, — перебил Денис.

— Хорошо, хорошо, — раздраженно сказал Гуров. — Ты не мальчик, от категоричных суждений воздержись.

Гуров начал инструктаж, старался говорить коротко, конкретно. Приглушенно зазвонил телефон. Денис снял трубку.

— Слушаю.

— Добрый вечер. Передайте трубочку Льву Ивановичу.

Денис посмотрел на Гурова, чуть помедлил и спросил:

— Простите, вы какой номер набираете?

— Скажите Гурову, что с ним хочет говорить Петр Николаевич.

— Какой-то Петр Николаевич. — Денис зажал ладонью мембрану и взглянул вопросительно.

Гуров взял трубку.

— Здравствуй, Петр Николаевич.

— Я здравствую и жду тебя немедленно, — ответил Орлов и отсоединился.

— Кто это?

— Профессионал.

Глава шестая

Как Гуров и ожидал, полковник Орлов был в кабинете один. Орлов не делал вид, что чем-то занят, сидел, слегка навалившись на стол, и, когда Гуров сел, выдохнул:

— Рассказывай.

— В квартире я был, но кто стрелял — не видел. Его должны были убить.

Орлов оглядел Гурова, прищурился.

— Хлороформ?

— Да.

— Кто тебя пригласил?

— Ты же знаешь.

— Руслан Алексеевич Волин. Он прикрыл деньги Лебедева.

— С тобой приятно работать.

— Приятно, мать твою, рыбу ловить и грибы собирать! — сорвался Орлов. — А в дерьме и крови валяться, тебя, сукиного сына, из канализации вытаскивать, отвратительно!

— Я тебя об этом не просил.

— А ты вообще-то в жизни чего-нибудь просил? — Орлов безразлично поморщился. — Ладно. Я не спрашиваю, как ты, такой талантливый, проглотил крючок, видно, наживка была соблазнительная.

— На моем месте ты вел бы себя точно так же. В подробности я тебя посвящать не имею права. Сам знаешь, я как другу тебе не вру. Ты же не пойдешь к Константину Константиновичу, не выложишь ему всю правду-матку на стол, ну а я на твой стол не выкладываю.

— Тебя вербуют, это понятно. Что конкретно требуют-то? Информации? Какой? — Орлов не спрашивал, рассуждал вслух. — Информаторы у них имеются, может, не твоего калибра... Да, запомнил, боевиков, которых они тебе отдали, мы задержали. Все в масть, оружие, наркотики. Мне надо писать рапорт. Откуда я получил сигнал?

— Анонимный звонок.

— И генерал поверит?

— Кто кому сейчас верит? — Гуров пожал плечами. — Он об убийстве, конечно, знает?

— Выезжал на место. — Орлов взглянул на часы. — В министерстве. Совещаются. Не каждый день генералов убивают.

— Так какая будет официальная версия?

— Версия официальная и не официальная одна. Самоубийство.

— В центр лба никто себе не стреляет, да и ожога нет.

— Даже видел, куда пуля попала? — Орлов смотрел внимательно. — А кто стрелял, не видел?

— Не веришь?

— Веришь — не веришь, игра детская. Ладно, каждый решает свои проблемы сам. Как мы с тобой будем жить дальше?

188

Эффенди охотно застрелил генерала Потапова не оттого, что любил убивать. Он не получал от стрельбы удовольствия — зарезать курицу мало радости, но жрать захочешь, нож в руки возьмешь, никуда не денешься. А вот что ребят арестовали — привело Эффенди в бешенство. Парни, конечно, никчемные, двое наркоманы, но жизнью их мог распоряжаться только он — и никто другой.

Эффенди уже привык к мысли, что живой он только пока на свободе. Арест повлечет неминуемый расстрел. Эффенди жил, не задумываясь о дне завтрашнем, однако годы берут свое, и мысли об уходе на пенсию, или, как пишут в газетах, на заслуженный отдых, последнее время все чаще посещали его перед сном.

Пистолет Волин забрал, но данное обстоятельство убийцу не беспокоило. Оружия, как и денег, у него было в достатке.

Сидя на подмосковной даче и попивая из самовара безукусный чай, Эффенди всерьез подумывал о выходе из дела. Из страны ему официально не выехать. Сегодня на границе с Турцией обстановка подходящая, но с чем уходить? Чемодан букашек денег? Не годится, нужны либо валюта, золото, либо наркотики. Героин? Четыреста рублей грамм... В валюте, конечно, меньше, но если у Референта отнять килограммов двадцать, то на всю жизнь хватит и чужим детям останется. Что в Корпорации готовят операцию с наркотиками, Эффенди догадывался.

Эффенди размял щепотку «травки», смешал с табаком, набил прокуренную трубочку, зажег и легонько пыхнул сладковатым дымком. Эффенди «покуривал», но разрешал себе лишь одну трубочку перед сном.

Разбросав свое массивное тело по огромной кровати, выставив

лохматую бороду, Патрон крепко спал. На ужин он съел миску салата, седло барашка, выпил бутылку коньяка, две — красного сухого вина и при своей комплекции, лежа навзничь, должен был бы трубно храпеть, но он презирал законы, в том числе и законы природы, и спал тихо, как ребенок.

Константин Васильевич Роговой хорошо помнил покойных родителей. Они произвели на свет крепенького мальчугана, назвали Константином, вырастили здорового, жизнерадостного парня, которого особо не баловали, возможности такой не представлялось. Война, затем нужда конца сороковых, а в пятьдесят первом папа со службы не вернулся. Константин уже учился в институте, исполнял роль комсорга курса и к происшедшему отнесся философски. Он ушел на завод, а когда Отец народов скончался и разобрались, что он не отец и даже не отчим, Константин вернулся в институт и комсомол. Как и многие его сверстники, он отлично понимал, что жизненное процветание определяется лишь одним фактором — местом претендента на сладкую жизнь в партии. Нет, объективно существовали и другие возможности, к примеру, можно стать талантливым ученым, художником, на крайний случай поэтом. Но тут необходимы Талант и Труд, и все с большой буквы. По «Краткому курсу» Константин имел «зачет» и «отлично», потому двинулся проторенной дорогой в партийные начальники. Внешность, обаяние, сообразительность, а главное, понятие о таких высоких материях, как честность и достоинство, у него были именно такими, какими и следовало быть, то есть что надо — в избытке, чего не надо — в полном отсутствии. За два десятилетия он дорос до главного заместителя и понял, что выше ему дороги нет, возможны лишь бесконечные передвижения по горизонтали. Такое положение его не устраивало. В то время никто не подозревал, что живет в застойный период. Бриллианты, стиральный порошок, дачу и колбасу еще можно было купить, дефицит ощущался только в деньгах, потому некоторые руководители, а возможно, и большинство из них, брали и давали взятки. Дело это считалось обычным, как ежедневная еда и сон.

Но Константин Васильевич Роговой от природы тяготел к философии, знал, что ничто не вечно. На Руси, известно, крали издавна, однако круговая порука замов ему не понравилась. Он из «круга» осторожно вышел, спустился на ступенечку, начал организовывать собственное дело. Вскоре он стал Патроном, встретил сумасшедший апрель спокойной улыбкой и оказался прав: буря пронеслась над головой. Она отрывала вершки, а землю перекопать, все выкорчевать никакой буре, даже урагану, не под силу. Надо менять систему, а этого власть имущий аппарат никогда не позволит. Перестройка, рассуждал Патрон, — это те же самые люди, только в ином строю.

Заблуждался ли Патрон, жизнь покажет, а сейчас он спокойно спал без таблеток, даже аптечки в доме не держал.

Константин Васильевич Роговой уезжать никуда не собирался, имел единственную заботу — превратить советские рубли, которые обеспечены всем достоянием страны, в паршивые, ничем, кроме золота, не обеспеченные доллары либо марки. Он не

хотел зависеть от решений пленумов, Советов, съездов, которые, выполняя требования трудового народа, в любой момент могли облечь пожелания народа в форму законов.

Наступило утро. Гуров взглянул в серое окно, по стеклу которого сыпалась снежная крупа. Зимы в этом году не было, весна то решительно наступала, то приостанавливалась, дождь чередовался со снегом, погода стояла омерзительная.

Все одно к одному, думал Гуров, тихо одеваясь, стараясь не разбудить Риту.

Она открыла глаза и спросила:

— Ты мне ничего не расскажешь?

Гуров вытащил из шкафа чемодан, начал укладывать свои вещи.

— Я тебя люблю, ты должна мне верить.

— Позавтракаешь? — Рита накинула халат и ушла на кухню.

Гуров надел джинсы, свитер, кожаную куртку, обулся в тяжелые ботинки. Прошел в кабинет, вынул из тайника пистолет с глушителем и наручники, достал все имеющиеся в доме деньги, сберкнижку, заглянул в нее. Тысяча сто пятнадцать... Сел за стол, вытащил припасенный расходный ордер и заполнил его, выписав тысячу сто.

Завтракал он неторопливо, вышел две чашки кофе. Рита молча сидела напротив и вдруг неожиданно спросила:

— Тебя могут арестовать?

— Вот так живешь, живешь, — Гуров налил себе еще кофе, — считаешь себя самым умным... Я не думал об этом.

Раздался телефонный звонок. Аппарат стоял между Гуровым и Ритой, они посмотрели на него, потом друг на друга.

— Меня ни для кого нет дома, — сказал Гуров. — Уехал в подмосковный санаторий.

— Туда ночью не уезжают. — Рита сняла трубку, помедлила и раздраженно сказала: — Слушаю. Доброе утро, Петр Николаевич, к сожалению, не могу, они отсутствуют. А это вас надо спросить, заверил, не к любовнице. Извините, но и Гуров, и вы за десять лет мне изрядно надоели. Счастливо!

— Молодец! В тебе умерла великая актриса, — сказал восхищенно Гуров.

— А кто тебе сказал, что я играю? — тихо спросила Рита. — Мне четвертый десяток, во мне умирает женщина, а она умирать не хочет. Извини. Не волнуйся за нас.

— Вот деньги, — Гуров положил на стол купюры. — Кто бы ни звонил, куда бы ни приглашал от моего имени или как-то иначе, не соглашайся, дверь всегда держи на цепочке, если что, не рассуждая, нажимай кнопку охраны. Ольге передай, что я ее люблю.

Гуров надел плащ, подхватил чемодан и ушел из дома...

Полковник Орлов вставал рано, так же, как и Гуров, завтракал на кухне, так же перед ним сидела жена и рядом стоял телефон. Вот только пил полковник не кофе, а чай с медом, и с женой решали вопрос о летнем отдыхе внуков, казалось, что еще вчера так же обсуждались летние каникулы детей.

К телефонным звонкам в любое время суток Петр Николаевич относился спокойно. Он снял трубку, прожевал и невозмутимо сказал:

— С добрым утром.

— Здравствуй, Турилин беспокоит. Я жду тебя вместе с Гуровым к восьми тридцати.

— Понял.— Орлов хотел сказать что-то еще, но, услышав частые гудки, положил трубку.— Екатерина Ивановна, за многие годы генерал впервые позвонил мне домой. К чему бы это?

— К неприятностям, не сомневайтесь, Петр Николаевич,— ответила жена.— Если бы он собирался тебя наградить, то дождался бы рабочего дня.

— Вот именно,— сказал Орлов, набирая номер Гурова.

Поговорить с другом не удалось, и в восемь тридцать полковник один вошел в кабинет генерала.

Они обменялись рукопожатиями, начальник посмотрел на дверь, и Орлов пояснил:

— Гурова нет и, как я понимаю, в ближайшее время не будет.

— А где он?

— Жена не знает, ее мнение о вас, обо мне и о своем муже я пересказывать не буду.

— Такой милый интеллигентный мальчик...

— Ему под сорок, половину из них Гуров провел в розыске и, видимо, знает, когда ему быть дома, а когда отсутствовать.

Орлов ни о чем не спрашивал генерала, он не любил бессмысленных вопросов, Турилина же сдержанность полковника раздражала.

— Вчерашний вечер у министра начался и закончился скверно,— сказал генерал.— Присутствовала прокуратура, естественно, факт убийства Потапова установлен. Прокурор мне ничего объяснить не стал, приказал к десяти утра доставить к нему в кабинет Гурова. Я собирался с этим мальчиком...— Он замолчал.

— Подполковник Гуров находится в очередном отпуске,— Орлов посмотрел на часы,— еще восемнадцать дней. Он не обязан сообщать, где отдыхает.

— И ты не знаешь?

— Нет.

— А что ты знаешь?

— Ничего,— твердо ответил Орлов и вспомнил, как вчера вечером злился на Гурова за умолчание и неискренность.

— Немедленно найдите подполковника Гурова и лично доставьте его в этот кабинет. Свободны.

— Слушаюсь, товарищ генерал.— Орлов попытался щелкнуть каблуками.

Орлов прошел в свой кабинет. «А что прикажете делать мне? Я не могу бросить Гурова, но и не имею возможности да и права помочь. Установить наблюдение за Волиным, за Сергачевым? Гуров обязательно выйдет с ним на контакт. Наблюдение придется обосновывать, инструктировать людей, и такие действия

невозможно скрыть от генерала. В любом случае Гурову необходим транспорт. Задержать его машину? Через два часа пойдут слухи, что МУР разыскивает своего подполковника. Генерал сказал «Найдите», а не «Объявите в розыск». Ну, Лева, ну, Гуров! Когда я тебя достану...»

Орлов не успел придумать вид казни, достойный Гурова, раздался телефонный звонок.

— Орлов,— сказал полковник.

— Отпускник беспокоит,— услышал Орлов ровный голос Гурова.— Я тут отъехал из столицы, Петр Николаевич, не взыщи. У меня вроде бы еще дней восемнадцать имеется.

— Тебя разыскивает прокуратура, сегодня в десять...

— Ну просто ничего не слышно,— перебил его Гуров.— Что ты там бормочешь, не разберу, связь из села хреновая. Ты не волнуйся, я вернусь — позвоню.

Гуров вышел из телефонной будки, спрятался от непогоды в машину.

«Прокуратура меня ищет, но без Угро она в зрелом подсолнухе семечку не найдет. А Петр и шагу не сделает, я могу на своей машине кататься спокойно. Кто же «стукнул» в прокуратуру? Волин и его начальник отпадают, но диверсант именно на их корабле, и в убийстве он не участвовал. Следовательно, не Эффенди и не Веселов. Волин не дурак, круг посвященных в операцию очень узок. Лебедев? Точно, больше некому. Ах ты, бархатная жопка, шелковые ушки, тебя люди спасли, а ты под них мину подводишь. Если следователь прокуратуры подполковника Гурова допросит, тот Корпорации даром не будет нужен. Значит, Лебедев? Человек, предавший раз, может предать второй, придется на него поднажать!»

Гуров начал мерзнуть, завел двигатель, включил печку.

«Первое — нацупать шефа Волина. Второе — обезопасить себя. Необходимо отнять пистолет с моими отпечатками и захватить одного из участников вчерашнего аттракциона. Но не убийцу, а соучастника, с ним будет легче».

Решив, что от теории пора переходить к действию, Гуров поехал к Денису Сергачеву.

Утро наступило и для Референта — Волина. В окна сыпалась та же снежная крупа, так же давило свинцовое небо, настроение у Волина, как и у Орлова с Гуровым, было мерзостным.

Волин анализировал ситуацию. На днях в Москву привезут героин, Лебедев расплатится, Гуров транспортирует наркотик через Брест, «вольво» для путешествия готова, и даже многоопытный Интерпол еще не знает таких тайников, а уж наша таможня о них и представления не имеет. Учитывая, что за рулем олимпийский чемпион, а пассажир — подполковник милиции, они проскочат в Польшу, как к себе домой.

Волин подумал о предстоящей встрече с Гуровым и поперхнулся горячим кофе.

— Может, зря я сыщика так здорово зажал? А как работать с ним без подстраховки? Лучше бы с ним вообще не связываться... Через Брест мог бы проехать один Сергачев. Но Патрон

желает иметь в Корпорации именно Гурова. Он прав, я уеду, а ему необходим мозговой центр.

Волин ошибался, Роговой после операции с героином не нуждался в мозговом центре. Гурова он хотел использовать для ликвидации Эффенди и возможных последующих персон нон грата. Кто они будут — покажет время.

После долгих колебаний Волин позвонил Гурову. Когда узнал, что подполковник убыл в неизвестном направлении на неопределенный срок, то обрадовался, как человек, которому врач объявил, что сегодня зуб удалять не будут. Но когда эффект неожиданности прошел, Волин протрезвел, радость исчезла. Он многого мог ожидать от Гурова, только не бегства. Это было невероятно. «Только без истерик, — говорил себе Волин. — Гуров не то что напасть, шелохнуться не может, он же не дурак и не самоубийца. Дерганый я стал, противоречивый, вечером одно думаю, с утра другое. Что за бардак творится на земле? Был бы Гуров искренним союзником, и нет проблем, быстро, мирно, всем тепло и уютно, словом, комфортно».

Раздался звонок в дверь, почтальонша принесла газеты. Так как она получала за услугу рубль, а порой и три, то старалась вручить корреспонденцию из рук в руки, а не опускать ее в ящик.

— Вам телеграмма, Руслан Алексеевич, — сказала почтальонша, пряча купюру и благодарно улыбаясь. — Распишитесь, пожалуйста.

Он чиркнул в книжечке и по лицу почтальонши понял, что о содержании телеграммы она знает и новости Волина не обрадуют. Он небрежно взглянул на бланк и, не распечатывая, сказал:

— Благодарствую, почтеннейшая. Это мой дружочек шутки отмачивает, надоел изрядно.

Захлопнув дверь, Волин быстро пробежал телеграмму, сразу не понял, перечитал медленно: «Зарядил зпт попробуй выстрелить тчк я тоже порой ошибаюсь зпт считал вас умным тчк теперь жди тчк».

Подписи не было, но Волин сразу понял: отправитель — Гуров.

«Что значит стреляй? — возмущился Волин. — Ишь смелый какой, полагаешь, что я в твоё министерство посылочку не отошлю? Не подчинишься, пистолет с сопроводителкой получат товарищи на площади Дзержинского».

Волин прошелся по комнате, потирая руки.

«Они ничего не могут мне сделать, деньги, которыми я прикрыл Лебедева, чистые. Мой разговор с Гуровым, даже если записан на пленку, юридической силы не имеет. В настоящее время я неуязвим. А вещественные улики против Гурова у меня в руках, и он, безусловно, это знает. Однако почему-то на переговоры не идет, а присылает хамскую телеграмму. Может, блефует? Он человек рациональный, с аналитическим складом ума. Видимо, у него имеются козыри, о которых я не знаю... Какие?»

Пока я не найду ответа, не расставлю все по своим местам, с места не сдвинусь, иначе пропаду».

Денис Сергачев рассматривал листок, на котором Гуров вычертил схему, на другом листке сыщик написал, что и в каком порядке бывший чемпион должен сделать. На третьем Гуров перечислил поступки, которые нельзя совершать ни при каких обстоятельствах.

— Мне заучивать или взять с собой? — спросил Сергачев. Гуров сложил листки и убрал в карман.

— Я составил план для себя, ты лишь исполнитель.

— Уверен? — Сергачев возмутился. — Слушай, Гуров, я же могу тебя просто послать...

— Не можешь. — Гуров смотрел невозмутимо. — Я знаю, на что ты способен, на что нет. Ты будешь выполнять мои указания и никуда не денешься.

Сергачев рассвирепел, набрал в легкие воздуха, но, увидев смеющееся лицо Гурова, длинно выдохнул.

— Ты самоуверенный наглец, — беззлобно, с некоторым восхищением сказал Сергачев.

— Есть немного, — согласился Гуров. — С чего начинать, знаешь, оставь запасные ключи и двигай.

— А ты? — Сергачев оглянулся. — Из дома сбежал, так сюда вчера звонили, здесь опасно.

— Если что, буду отстреливаться до последнего патрона, — очень серьезно ответил Гуров. — Удачи тебе.

Как только Денис ушел, Гуров оделся и двинулся следом.

Сергачев подъехал к дому Волина, глянул на будку телефона-автомата, но Гуров звонить не разрешил, и Денис вошел в подъезд.

Гуров оставил машину в проходном дворе неподалеку, прошел по переулку, запоминая расположение подъездов, дворов, прикидывая, где можно укрыться, как пройти на соседнюю улицу.

За полчаса Гуров обошел квартал, установил, как можно пройти, как проехать, выяснил, что в доме Волина имеется черный ход, поднялся к квартире, убедился, что дверь содержат в порядке, в замке ни пылинки, в общем, запасным ходом пользуются.

Гуров вернулся к машине, отогрелся.

К дому подкатила сверкающая «вольво» с иностранными номерами, и Гуров понял, что это та самая машина, на которой предлагают работать Сергачеву. «На наших дорогах шесть цилиндров и стелющаяся посадка совершенно ни к чему», — злобно подумал Гуров.

Вскоре из подъезда вышли Волин и Сергачев, человек, пригнавший машину, пересел на заднее сиденье. Денис занял место за рулем, Волин рядом. Мягко чмокнули дверцы, и заморское чудо бесшумно покатилося.

«Зачем Волин приближает к себе Сергачева? О наших отношениях Референт осведомлен, очень неудобно иметь шофером такого человека. Значит, я чего-то недопонимаю». Гуров выехал со двора и покати на улицу Воровского, где жил Юрий Петрович Лебедев.

Глава седьмая

— А зачем мне доказывать? — удивился Гуров. — Я же не в суде, не на официальном следствии. Я имею дело с мафией, скажу, что вы предатель, и точка. А доказывать придется вам, Юрий Петрович. А может, и не придется. Вас убьют, не дав сказать ни слова.

Гуров сидел за круглым массивным столом в квартире Лебедева и смотрел на хозяина почти с сочувствием.

Лебедев за последние дни сильно сдал, постарел, волосы не отливали больше благородным серебром, стали тускло-серыми, щеки не лоснились от дорогого крема, и, хотя хозяин сегодня брился, лицо было не чистым. А уж про глаза и говорить нечего, они поблекли и даже слезились.

Гуров заявился без приглашения, преодолел вялое сопротивление хозяина и пропустил мимо ушей слова о незаконности вторжения, о вызове милиции... о прокуратуре.

— Вы говорите чушь. — Лебедев слотнул, закашлялся, и Гуров подвинул ему чашку с остывшим чаем. — Вам не поверят...

— Кто конкретно мне не поверит? — мягко спросил Гуров. — Эффенди? Референт? Спортсмен? Или Сам... — Он сделал паузу. — Кто не поверит?

Услышав эти имена, Лебедев опустил руку в карман, вытащил валидол.

Гуров быстро выхватил из дрожащих пальцев лекарство, потряхнул таблетку и подал ему.

— Это ни к чему! Это меня совершенно не устраивает! — Гуров сдернул с Лебедева галстук, ослабил ворот рубашки, распахнул форточку. — С таким здоровьем надо делать гимнастику под радио, а не заниматься бандитизмом, уважаемый. Закройте глаза и отдохните, в пленарном заседании объявляется перекур. И прошу вас, ни о чем не думайте. Поверьте профессионалу, ничего хорошего вы в своем положении не найдете, а дурные мысли могут вас доконать. Отдыхайте, думать буду я, такая у меня работа.

Гуров видел: хозяин чувствует себя неважно, но ничего серьезного не было, он поднял вокруг него суету умышленно, демонстрируя заботу. Причиной нервного спазма у Лебедева послужил короткий рассказ Гурова, который он заготовил и изложил вслух сразу по приходе.

Группа подпольных финансистов решила временно перекалифицироваться, или, как выражаются уголовники, сменила окраску и превратилась в бандитскую шайку. А каждое дело требует специальных навыков, самый ловкий бухгалтер не сможет взломать сейф. И потому они из хитрых и опытных превратились в обыкновенных фрайеров. И самым голубым фрайером в вашей компании, — продолжал докладывать Гуров, — оказался Юрий Петрович Лебедев. Последний изобразил удивление, возмущение, даже указал вялым движением на дверь.

Гуров лишь рассмеялся и продолжал. Безумная идея завербовать его, Гурова, вызвала со стороны Лебедева протесты, на которые Верховный не обратил внимания.

Лебедева поражало, что Гуров говорил так, словно присутствовал в ресторане «Шереметьева-2» и слышал их разговор.

— Нет,— Гуров улыбнулся,— я под столом не сидел, и разговор на пленку не записан. Генерал становился для вас опасен, и вы приняли решение одним выстрелом убить Потапова и Гурова. Вы об этой операции узнали задним числом и написали прокурору письмо. Из всех руководителей вы один боитесь меня и стремитесь устранить любым способом. И вы правильно боитесь, у вас здоровые инстинкты, но ваш патрон имеет на меня виды...

Слово «патрон» Гуров произнес случайно, но по тому, как Лебедев вздрогнул, понял, что сказал нечто крайне важное. Он восстановил произнесенную фразу и пришел к выводу, что ключевым словом может быть только — Патрон. Значит, так зовут первое лицо Корпорации, случайное попадание, но цена ему велика, лишь психологический эффект. В картотеке МУРа этот человек состоять не может. Гуров продолжал говорить спокойно, делая вид, что ничего не произошло и выстрела не было.

— Так вот, Патрон имеет на меня виды, а вы за его спиной написали донос. А если подполковник Гуров заинтересует прокуратуру, то агенту Гурову грош цена, и все планы Патрона рушатся. Я этого человека пока знаю поверхностно, но вы знаете его хорошо и отлично понимаете...

— Я ничего не писал, и вы ничего не докажете! — крикнул Лебедев.

196 После этого и началась возня с валидолом. Лебедев, прикрыв глаза, посасывал таблетку. Чувствовал он себя неважно, но никакой боли не ощущал, радовался, что получил передышку, и хотел продлить ее по возможности.

— Нет, все-таки я мудрее их всех, вместе взятых, — рассуждал Лебедев, наблюдая за Гуровым из-под опущенных век. — Ну зачем нужно воевать с этим сыщиком? У него своя профессия, у меня своя. Я не честолюбив, согласен уступить ему дорогу, признать его превосходство, только бы он от меня отвязался, перестал преследовать. У Патрона мания величия, ему подавай трон и гвардейцев с позументами. Откуда же сыщик знает Патрона? В принципе я не виноват, я предупреждал... И зачем я стукнул в прокуратуру? Как он догадался? Это правильная мысль, он не знает, а лишь догадывается, предполагает... Надо его переубедить... Что же ему дать? У меня, кроме денег, ничего нет. Дорогой подарок жене?»

— Так к какому же выводу вы пришли? — спросил Гуров.

— Я хочу лишь покоя,— неожиданно для себя Лебедев сказал правду.— Я устал, и мне все надоело.

— Понимаю...

— Нет,— перебил Лебедев.— Я не молод, но и не так стар, шестьдесят два, еще можно жить и жить. И если бы не вы...

— Да я-то тут при чем? — удивился Гуров.— Если человек годами не моется, то не должен возмущаться, что от него дурно пахнет.

— А вы что, ассенизатор? Банщик? — Лебедев выпрямился

в кресле.— Вы всерьез верите в возможность очистить общество от правонарушителей?

— От преступников,— поправил Гуров.

— Я не боюсь этого слова. Я переступил... Ваше общество, законы, прозябание, на которое вы обрекли людей, мне не нравятся.

«Ему нужен покой и гарантия безопасности,— рассуждал Гуров.— Ни того, ни другого я ему обещать не могу. Но если ничего не даешь, ничего и не получаешь. А без его помощи мне не обойтись. Лебедев — единственное слабое звено в руководстве Корпорации. Вербовать можно только его, я обязан подобрать к нему ключ».

— Вы что, не слушаете?

— Виноват,— согласился Гуров.— Но могу повторить все ваши аргументы, я их слышал несколько раньше и в менее талантливом исполнении. Вернемся к сути проблемы. Вы сообщили в прокуратуру, что сотрудник органов Гуров причастен к убийству генерала Потапова.

— Нет! Я ничего...

— Ну хватит! — Гуров хлопнул ладонью по столу.— Времени в обрез, я буду говорить, вы — слушать. Найдем решение, приемлемое для обоих,— хорошо, не найдем — будем оба платить по счетам.

— Вы вербуете меня?

— Естественно. И выбора, на мой взгляд, у вас нет. В убийстве принимали участие три человека, знали о нем еще двое — организатор и финансист. Сообщить в прокуратуру могли только вы, и Патрон это поймет мгновенно. Приговор будет объявлен, а исполнение отложено.

197

Гуров сделал паузу и уточнил:

— Временно. Вам будет предложено перед уходом на пенсию сдать дела, финансы требуют отчетности. Вас убьют через месяц, через два... Но я могу и не сообщать Патрону...

— Это шантаж? — Лебедев вновь достал валидол.

— Оперативники говорят: «Применить силовое давление». Однако по сути, конечно, шантаж.

— Вы человек беспринципный. А как же с вашей хваленой моралью?

— Я принуждаю вас к предательству, вы хотите вынудить меня к признанию, что мы одного поля ягоды.

— Оба — дерьмо.

— Когда вы начинали воровать, а я работать в угро, понимали, что будем обитать не в розарии. Мы попытаемся найти решение или продолжим словоблудие?

— Я никакого решения не вижу. Вы угрожаете мне расправой,— Лебедев поперхнулся.— Может, рюмку коньяку?

— Пейте.

— А! Вы на работе,— Лебедев хмыкнул, вышел из-за стола, открыл бар.

Гуров быстро взял таблетку валидола, сунул под язык.

— Умный человек, могли бы жить, как человек.— Лебедев налил в два бокала, пригубил, взглянул на Гурова осуждаю-

ще.— Мне жить не даете и сами не живете. Какой же смысл? Как я понимаю, вы предлагаете сделку. Ты — мне, я — тебе.

Коньяк приятно согрел, да и в заключении сделок Лебедев был дока, настроение у него поднялось.

— Константин Васильевич не узнает.

— Тоже мне, секрет Полишинеля! — Гуров улынулся.— Продолжайте, Юрий Петрович. Если желаете, я продолжу. Значит, Патрон не узнает о вашем проступке. Как я мягко заменил слово «предательство»? И жизнь продолжается. Референт, то есть Руслан Алексеевич Волин, плетет против меня интриги, Эффенди ждет команды, вы занимаетесь сбором средств...

— Всех и все вы знаете,— сказал Лебедев.— Взятки не берете. Зачем же пришли?

— Знание — вещь хорошая, но не всегда достаточная,— ответил Гуров, кивнул хозяину и пригубил из рюмки.— Каждому овощу свое время, и кто вам сказал, что я взятки не беру? Я нормальный человек, во многом нуждаюсь.

— Это в чем же? — Лебедев подался вперед.— Назовите сумму!..

Гуров опустил на переднее сиденье «вольво». Машина покачалась, довольно урча от сознания собственной силы.

— Да, «вольво» лучше «Жигулей» и даже, кажется, «Волги»,— сказал Гуров.

Денис рассмеялся, некоторое время они молчали, получая удовольствие от плавного бесшумного скольжения.

198 — Ну, рассказывай.— Гуров проверил, как опускаются и поднимаются стекла, вздохнул.— Как тебе понравился новый хозяин?

— У меня отродясь хозяина не было,— ответил Сергачев.— Руслан — нормальный, современный мужик, умный...

— Эти характеристики мне известны. Ты понял, зачем конкретно ему понадобился?

— Ничего странного,— Сергачев пожал широкими плечами.— Я парень видный, хоть и в прошлом, а с именем, знаю по сотне английских и немецких слов. Оклад мне идет от фирмы.

— Не будь наивным, Денис,— сказал раздраженно Гуров.— Ты знаком с подполковником Гуровым. Ни один нормальный человек, тем более фирмач, не посадит за руль своей машины приятеля своего врага.

— Лев Иванович, а ты уверен, что Волин видит в тебе врага? Он сегодня обмолвился о тебе, мол, крутой, упрямый, с идеологическим сдвигом по фазе, но работать с тобой можно...

В гостиной Референта в низком кресле полулежал Патрон и, прикрыв тяжелые веки, слушал беседу Сергачева и Гурова, которая доносилась из стоявшего рядом на тумбочке изящного приемника.

— Не знаю, какие у него планы, но работать я с ним буду только до того момента, пока не смогу оторвать ему башку.

Референт вкатил столик с бутылками и закуской, услышал последнюю фразу и спросил:

— Надеюсь, разговор идет о моей башке?

— А ты, Лев Иванович, действительно двинутый, извини,— сказал Сергачев.— Ну чего он тебе? Ну фирмач, ну тащит. А кто сейчас не тащит? Когда твоих девочек тронули и ты на стенку полез, тут я понимаю. А сейчас, извини...

— Слушай, ты, кажется, за эту тачку готов ему действительно служить.

— А тысяча в месяц плюс представительские? — в голосе Сергачева звучала насмешка.— А в журнальчике своем я не служу, творчеством занимаюсь? А ты не служишь? Если есть возможность работать за деньги, то не стоит выпендриваться.

Референт выключил приемник и сказал:

— Я позже все это внимательно прослушаю и обдумаю...

— Этот Гуров не так уж и умен.— Патрон выпрямился, сел удобнее.— В чужой машине болтает, как у себя дома.

— А мой друг пока еще ничего лишнего не сказал. В принципе он мне нравится и не нравится.

— Ты девок себе подбирай по симпатии.— Патрон налил вина, выпил.— Он будет работать?

— Сегодня не будет. А завтра наступит только завтра.

— Хватит философствовать. В каком состоянии Лебедев?

— Пусть соберет в кулак всю наличность, обрежет лишние ниточки и уходит на покой.

— Всю наличность не собрать, слишком широко разбросано.— Патрон поднялся и стал рассказывать по комнате.— Бумажные деньги оставь людям и никогда не отбирай последнего. Собрать надо золото, камни...

Неожиданно гигант остановился и занес кулак над телевизором...

— Таможня! Чтоб она...

— Каждый работает, как умеет.— спокойно сказал Референт.— Я убежден, что мы через таможню ни золота, ни камни везти не должны. Только порошок и только один раз.

— Но требуется постоянный канал...

— Это им требуется! — крикнул Референт.

Патрон взглянул на него недоуменно:

— Не понял. Им требуется, а нам — нет?

— Нам требуется валюта и свобода! — Референт говорил резко, даже грубо.— Ты такой большой, сядь, пожалуйста.

Патрон опустил в кресло.

— Наши зарубежные партнеры желают иметь постоянный канал транспортировки через нашу западную границу. Но мы такой канал создать с тобой не можем. Ясно? Иначе этот канал приведет нас прямо в тайгу. Наши западные партнеры меряют нас на свой аршин, короче, переоценивают наши возможности. Они читают нашу прессу, где ежедневно пишется о коррупции, мафии. Они установили с нами контакт, предлагают сотрудничество. Но они не понимают простой вещи, что коррупция наша, преступность при действительной массовости разобщена, необразованна, алчна, живет сегодняшним днем. Наша публика во всем одинакова, у нас пахотной земли и тракторов больше всех в мире, а жрать нечего. Никто не считал, может, у нас и преступников больше, чем у других, но создать настоящую органи-

зацию мы не в силах. И так называемые «деловые люди» вместо того, чтобы объединиться, помогать друг другу, терпеть сегодня и обогатиться завтра, стремятся лишь сию секунду урвать кусок пожирнее. И в результате зачастую воры воруют у воров, расхитители тянут у себе подобных, убийцы убивают убийц, все наше общество — сплошное буйство, стихия.

— Ты слишком умен...

— Все! — перебил Референт. — На этом мы и закончим. Я слишком умен — это наше, родное. Американец за мой «излишек» миллион бы отвалил, а ты... пей и закончим на этом.

Молчали долго. Патрон недовольно поглядывал на помощника, пил вино, фыркал. Референт раскурил трубку и жалел, что был откровенен.

— Хорошо, я согласен, ты прав, давай все с самого начала...

— Денис, уступи руль, — сказал Гуров, — когда еще будет такая возможность?..

Сергачев припарковался, приятели поменялись местами. Гуров включил мотор, выжал сцепление, прибавил обороты, проверил, как переключаются скорости, и мягко выехал на трассу. Гурову не столько хотелось посидеть за рулем роскошной машины, сколько было необходимо проверить, ведется за ними наблюдение или нет, а для этого надо самому вести машину и иметь перед глазами зеркало заднего вида.

В субботний день Ленинский проспект не был перегружен, основной поток шел, не превышая семидесяти, проскакивали и шустрые частники, торопились, как обычно, таксисты. Гуров изучил следовавшие позади машины, выждал немного, занял левый ряд, прибавил газ, легко вырвался вперед, через несколько минут быстро перестроился направо, потащился за троллейбусом. Столь нехитрого маневра оказалось достаточно, чтобы определить, что светло-серая «Волга», в которой находились двое мужчин и женщина, сидит у них на хвосте. «Волга» преследовала «вольво» неумело, но упрямо.

Сергачев наблюдал за Гуровым, понял цель его маневров и оглянулся.

— Не крутись, я их засек, — сказал Гуров. — Любое дело требует сноровки, а фраера, как ты выражаешься, на любом стадионе фраерами и останутся.

Сергачев взглянул удивленно, так как Гуров, прежде чем сесть в машину, категорически предупреждал: мол, ни одного лишнего слова, возможно прослушивание. И даже обговорил, как себя вести, каких тем коснуться. Спортсмен не понимал, что в случае, если их разговор в машине записывается, недостаточно только не болтать лишнего. Желательно убедить слушачей, что их маневр проходит и люди в машине разговаривают свободно.

— Девочку в машину взяли, полагают, что она крашеной мордашкой прикроет ослиные уши. — Гуров подмигнул, взглянул в зеркало, убедился, что «Волга» не отстала. — Сейчас я им нарисую что-нибудь простенькое, но со вкусом.

Он включил правый поворот, у светофора свернул и тут же остановился. «Волга» встала неподалеку.

Комиссия при Верховном Совете

борьбе с организованной преступностью

- Тоже мне, секрет Полишинеля...

— Выйдем, я хочу эскимо,— сказал Гуров, выключил мотор, вышел, запер машину.

— Лев Иванович, ты же сам предупреждал,— возмущенно сказал Сергачев.— Я каждое слово обдумываю, а ты шпаришь...

Гуров озорно подмигнул и оглянулся, но на «Волгу» не посмотрел, спросил: — Из машины кто-нибудь вышел?

— Парень и девушка.

— Водитель?

— Нет, пассажиры.

— Хуже.— Гуров досадливо поморщился.— А может, и лучше. Ты сходи за газетами и возвращайся к машине.

Гуров подошел к стоявшему на углу инспектору ГАИ, сказал несколько слов и направился к «Волге». Неподалеку от машины он увидел парня и девушку — «пассажиры», которые старательно изображали, что заняты лишь друг другом и на весь белый свет им плевать. Парень обнимал девушку, пытался поцеловать, она отворачивалась, отпихивала его могучую накачанную грудь.

— Ну и здоров ты, парень! — сказал восхищенно Гуров, взяв его за бицепс.— Где качаешься?

Герой напряг мышцы, легко отбросил руку Гурова, хотел что-то сказать, не сумел, так и застыл с открытым ртом. Гуров прекрасно знал это состояние, когда, стараясь быть незамеченным, сталкиваешься взглядом с объектом наблюдения. Возникает ощущение, что ты совершенно голый, смешной и беспомощный.

— Слова забыл? — Гуров говорил непринужденно, смотрел жестко.

— Ты чего? Я вот с девушкой...

— Ты в нетрезвом состоянии за рулем вот этой «Волги».— Гуров указал на машину.— Меня на Октябрьской подрезал...

— За каким рулем?

— Мы не за рулем,— вмешалась девица.— Мы сзади.

— А, так за рулем другой,— балагурил Гуров.— Тогда извини,— повернулся к подошедшему инспектору ГАИ.— Товарищ лейтенант, оказывается, за рулем другой сидел.

— Разберемся.— Инспектор козырнул, представился, попросил водителя выйти из машины и, когда тот начал возмущаться, открыл дверцу, ловко выдернул ключи из замка зажигания.

— Нарушаете? Попрошу документы. У гражданина к вам претензии.

Гуров бесстрастно, но с иронией изложил историю о том, как на Октябрьской площади его обогнала «Волга», подрезала и создала аварийную ситуацию. Водитель предъявил документы и пытался перебить наглого лжеца:

— Товарищ инспектор, все это неправда, я ехал позади «вольво».

— Откуда вы знаете, что я на «вольво»? — быстро спросил Гуров.

— Машина приметная...

— Если вы ехали следом, то лица моего видеть не могли; когда подрезали, тогда и увидели,— перебил Гуров.

Инспектор переводил взгляд с одного спорящего на другого и водил чутким носом.

— Вот что, инспектор,— вспылил водитель «Волги». — Вы стойте здесь и не можете знать, что было на Октябрьской.

Аргумент инспектора оказался несомненнее, он заглянул в права и спросил:

— А что вы пили, Сергей Владимирович? Несет, как из пивной!

— Я? — Сергей Владимирович схватил инспектора за портупею, дыхнул в лицо. — Это Лешка, падла, в тачке надыхал!

Инспектор выждал, когда нарушитель опомнится, убрал документы в карман:

— Садитесь в машину, если у вас есть свидетели, возьмите их с собой,— и сел за руль.

— Ну, падла! — Сергей Владимирович, которому было чуть больше двадцати, повернулся к Гурову: — Мы еще встретимся!

— Сережа, тебе лучше меня никогда в жизни больше не видеть,— ответил Гуров. — Дон Жуана заведи, а то без прав останешься.

Парень хотел было ответить достойно, но лишь махнул рукой. «Наблюдатель» только сейчас сообразил, что провалил задание и что ему теперь за это влетит.

«Волга» укатила, подошел Денис и сказал:

— Лев Иванович, признаю, ты ас.

— Издеваешься? — Гуров отдал ключи от машины. — А если бы ты в расцвете сил и славы слез с олимпийского пьедестала и обыграл значкиста ГТО, мне что прикажешь, тоже тебе аплодировать? Поехали к тебе, дорогой помолчи, мне надо подумать.

Сергачев вел машину. Гуров полулежал на заднем сиденье.

«Надо поговорить с женой и Орловым. А что я им скажу? Кто такой Константин Васильевич по кличке Патрон? И где его искать? Что предпримет Референт, и как перехватить инициативу? Необходимо захватить пистолет с моими отпечатками. Где спрятали Эффенди? Будет ли послушен Лебедев?»

Чтобы ответить на вопросы и решить их, мне необходимы бригада квалифицированных оперативников, транспорт, техника и, главное, спокойствие. У меня нет ничего. Плюс дефицит времени. Значит, всех проблем мне не решить, от чего-то придется отказаться, чем-то пожертвовать... Чем?..»

Глава восьмая

Денис познакомил Гурова с двумя своими друзьями. Гуров не имел возможности проверить будущих помощников, оставалось полагаться на выбор Сергачева.

После взаимных приветствий Гуров, не вдаваясь в подробности и не называя имен, объяснил, что требуется захватить одного очень сильного человека и отвезти на дачу.

Они выслушали Гурова молча, согласно кивнули.

— Лады,— сказал высокий, Прохор, чувствовалось, что он за старшего.

— Так мы что теперь, вроде агентов милиции? — спросил крепыш, которого звали Кирилл.

— Вы теперь вроде людей, которые пытаются спасти своего товарища, — ответил Гуров.

— И помочь ему устроиться в камере.

Гуров спокойно взглянул на Кирилла:

— Да, мимо камеры ему, видимо, в любом случае не пройти.

— Чего торговаться, сказали — сделаем.

Когда Гуров сел в «Жигули», сзади раздался короткий автомобильный сигнал. Гуров оглянулся и увидел полковника Орлова, сидевшего за рулем штатской «Волги».

— Ну что? — начал, не здороваясь, Орлов, когда Гуров забрался к нему в машину. — Может, кончим балаган, начнем работать?

— Да нечего мне сказать. У меня лишь догадки и предположения.

— Лжешь. Вот сейчас ты лжешь.

— Ну хорошо. Я расскажу, а ты укажи, в чем я лгу. Меня на квартиру пригласил Руслан Волин. Данный факт не доказывается. Покойника Потапова допросить невозможно. Стрелял предположительно Эффенди, который в розыске и за ним предостаточно. Меня схватил скорее всего Олег Веселов. Во-первых, это не факт, лишь мое чутье. во-вторых, Веселов в участии не признается никогда, а доказывать нам нечем. Срежиссировал и фотографировал эту сцену почти наверняка тоже Волин — Референт. Он перед нами открылся, когда взял на себя деньги и валюту Лебедева, держится нагло, уверен в безнаказанности. Допустим, я напишу подробный рапорт, тыпустишь его в дело, меня допросят в прокуратуре. Допустим, но что получит МУР? И что возьмет в руки полковник Орлов? С чего он начнет и на что может рассчитывать?

Орлов все эти вопросы уже себе задавал, ответа не нашел, но в одном был убежден: его друг и подчиненный что-то не договаривает, необходимо как-то заставить Гурова рассказать обо всем и во всех подробностях, так как в одиночку ему не справиться. Вся эта история может закончиться плачевно: либо подполковника арестует прокуратура, либо убьют преступники.

— Дожили, — сказал он, — никто никому не верит. Кто эти двое, что вышли от Сергачева и укатили на бежевой «шестерке»? Ты собираешь отряд волонтеров?

— Петр Николаевич, ты на службе, я в отпуске. За свои подвиги отвечу, и ни ты, ни генерал...

— Чушь, — перебил Орлов. — Мы все равно за тебя отвечаем...

— За проступки подчиненного один ответ, за соучастие иной, сам знаешь. Пока ничего противозаконного я не совершил. Прокуратура все еще разыскивает меня?

— А ты как думаешь? Я выяснил, они получили анонимку, что Гуров... причастен... и так далее.

— Скажи следователю, что по имеющимся оперативным дан-

ным убийство совершено рецидивистом Силиным по кличке Эффенди. Вы его ищете, это будет правда в полном объеме.

— Кто написал в прокуратуру? — спросил Орлов.

— Лебедев.

— Ты говорил с ним?

— Говорил. Он не знает, где находится Эффенди.

— А кто главный в группировке?

Гуров пожал плечами, после долгой паузы ответил:

— Все только предположительно... Кличка Патрон... Зовут Константин Васильевич. Думаю, что он руководитель среднего масштаба, твоего примерно возраста. Если, пытаясь его нащупать, ты установишь наблюдение за Волиным, они потеряют ко мне всякий интерес и отошлют компромат на меня в прокуратуру или КГБ. Затем я буду долго отмываться, а скорее всего сидеть, а ты потеряешь все ходы к руководителю мафии. Если у меня появится что-то конкретное, ты узнаешь об этом сразу же... Не трогай меня, Петр, дай еще несколько дней.

Со времени последней встречи Лебедева с Гуровым прошло двое суток.

Когда Гуров в конце разговора сказал, что от взятки не откажется, Лебедев, словно малый ребенок, схватил протянутую конфету и закричал: «Назовите сумму!» Сыщик улыбнулся и ответил:

— Мне нужен Леонид Ильич Силин по кличке Эффенди.

— Я понятия не имею, где он находится.

— А я знаю и подскажу, как его найти. Вы встретитесь с Эффенди, решите свои вопросы и спокойно расстанетесь. Эффенди — убийца, находится во всесоюзном розыске, когда он будет арестован, на вас не упадет даже тень подозрения. С выполнением моего задания не торопитесь, я даю вам два-три дня.

— Задание, — пробормотал Лебедев. — Я уже получаю и выполняю задания милиции.

— Если Патрон узнает о вашем увлечении эпистолярным жанром, то застрелит вас именно Эффенди.

И вот уже двое суток Лебедев ночью дремлет, днем проснуться не может, ходит, разговаривает, порой забывает, зачем человеку позвонил, какие между ними дела. И если это жизнь, то что такое смерть?

Сегодня, впервые за многие годы, Юрий Петрович не побрился, даже не почистил зубы. Надев халат, он отправился на кухню. Когда раздался звонок, Лебедев даже не вздрогнул, он уже ничего не боялся, ему было все безразлично. Не заглянув в глазок, не спросив, кто, Юрий Петрович распахнул дверь.

В квартиру вошел Руслан Волин.

— Привет, старина! — Волин хлопнул Юрия Петровича по вялому плечу. — Ты никак приболел? Не ко времени, дел много.

Референт, болтая без умолку, присматривался к хозяину.

— Ты зачем явился? — Лебедев запахнул халат, подпоясался. — Мы ведь договорились...

— Вот это да! Я дал человеку займы колоссальные деньги,

валюту и не могу зайти на чашку кофе? Да нет у твоего дома никого, у МУРа своих забот... Генералов убивают!

У Референта было хорошее настроение, рано утром нашли наконец Олега Веселова, который два дня назад неожиданно пропал. Референт порядком испугался: а что если Гуров понял, кто держал его во время убийства Потапова? Сыщик мог сообщить в МУР, а тем ничего не стоило спортсмена арестовать... Оказалось все проще: Веселов, которого, естественно, не ознакомили со сценарием убийства, был буквально деморализован. Малый спрятался у какой-то девки и пил без просыпу. Сегодня его наконец отыскали и увезли в баню, теперь приводят в порядок: спортсмен мог понадобиться, и скоро.

Руслан Алексеевич, молодой и уверенный, в элегантном костюме, расхаживал по квартире Лебедева и нравоучительно выговаривал:

— Возьми себя в руки, работай. Ты брякнул Патрону, что Корпорация располагает полуторамиллиардным бюджетом... и твои слова подтвердил. Но ведь эти деньги хотя и существуют, не замыкаются только на нас. Кроме того, как минимум половина находится в деле, до четверти нам не дотянуться, юг и Средняя Азия отваливаются, о Прибалтике и говорить нечего. Конечно, они нам дадут, но нужно установить связь, договориться о порядке транспортировки в одно место, и так далее...

— В Москву? — спросил Лебедев.

— Совсем плохой, — ответил Референт. — Думаю, Ростов.

— Княжинский?

— Тебе видней. Ты только предупреди, мы курьеров рассылать не будем. Времени нет. Проблему транспортировки, охраны и все прочее пусть решают на местах.

— А что я могу обещать?

— Валюту. Один к тридцати.

— И как, Руслан, ты все это представляешь практически? Если банк в Ростове, если Княжинский, то необходима группа боевиков. И руководитель. Это я, что ли? — Лебедев взял себя за атласные отвороты халата. — Я? Я могу переговорить с доверенными лицами. Часть людей вашим предложением заинтересует. Принимать, охранять, кое-кого припугнуть, возможно, и...

— Я передаю тебе Эффенди, — перебил Референт. — Всю техническую сторону дела он возьмет на себя.

— С Эффенди никаких дел и иметь не буду! — Лебедев вновь вспомнил Гурова, в памяти всплыли его глаза, голубые и почему-то всегда насмешливые.

— А кто тебя спрашивает, будешь или не будешь? Я тебе назову время и место, вы встретитесь и все обсудите. Приказ не мой, и не мне его отменять.

Как Гуров и предвидел, заслуженные мастера, уверенные и сильные мужики, в сыском деле оказались зелеными новичками. Прохор и Кирилл мотались по городу, спали три-четыре часа, жгли бензин, покрышки и нервы, встретились и переговорили с десятками людей, дежурили ночью у дома Олега Веселова, но найти его не смогли.

— Обычная работа,— сказал Гуров, когда вечером спортсмены скупо и неохотно доложили о своих мытарствах.— Отсутствие результата — тоже результат. Если бы вы нашли парня с первой попытки, да еще оказался бы он весел и беспечен, было бы значительно хуже. Раз человек причется, значит, он нам и нужен. Хотелось бы отыскать его живого.

Последняя фраза у Гурова выскочила произвольно, он забыл, что разговаривает не с оперативниками, а с людьми обыкновенными, которые смерть считают событием исключительным, для здорового человека практически невозможным.

— Как живого? — спросил Кирилл.

— Как ты и я.— Гуров уже понял, что сказал лишнее, разозлился, но решил ничего не сглаживать.— Веселова либо уже убили, либо убьют в ближайшее время.

— А вы, подполковник милиции, сидите, кофеек попиваете,— сказал Прохор набычившись.

— Будете работать или устали? А может, надоело?

— Извини, Лев Иванович, извини,— ответил Прохор.

— Тогда слушайте.— Гуров немного помолчал.— Выражаясь вашим языком, изменим направление удара.

Ветераны слушали внимательно, не перебивая, коротко попрощались, и Гуров снова остался один.

«Сегодня Референт выслать на меня материал не может, выгоды нет, но если я сумею его прихватить, то и терять ему станет нечего. Значит, Волина следует обезоружить. Найти и изолировать Олега Веселова. Любым способом изъять — захватить, украсть — пистолет, из которого убили Потапова, и мои фотографии. Снимали поляроидом, следовательно, негативов не существует. Это хорошо. Это защита. Теперь нападение. Помочь МУРу, точнее, Петру, арестовать Эффенди и установить личность Патрона... И все-таки, зачем подполковник Гуров понадобился Корпорации? То, что говорил Референт, ложь, причем ложь, слабо аргументированная. Какова истинная цель вербовки подполковника? Ясно, что пытаются использовать втемную, поставить одну задачу, заставить выполнить совсем другую. Да не ходи ты по проторенной дорожке,— одернул себя Гуров.— Отвлекись от собственной персоны, попытайся взглянуть со стороны. Упрости вопрос до предела. Зачем преступной Корпорации может понадобиться честный, опытный оперативный работник?»

Глава девятая

Руслан Волин утром позвонил Денису, сказал, что ждет машину к восьми и попросил к телефону Гурова.

— Ну? — взяв трубку, недовольно произнес Гуров.

— Здравствуйте, Лев Иванович. Мне кажется, нам следует встретиться и поговорить.

— Кто говорит? — спросил Гуров.

— Лев Иванович, это несерьезно...

— Кто говорит? — повторил Гуров.— У вас что, со слухом плохо или вопрос непонятен?

Референт понял, что Гуров сейчас положит трубку, и быстро сказал:

— Руслан Алексеевич Волин.

— Волин? — Гуров недовольно хмыкнул. — А... помню. Элегантный проходимец, изображающий делового серьезного человека, затем превратившегося в уголовника. Ну? О чем будем говорить?

— Не по телефону, — растерялся Референт. — Давайте встретимся.

— Давай, только я тебе не советую.

— А я тебе советую! — вспыхнул Референт. — Если ты, подполковник, будешь продолжать в том же духе, я наплюю на дело и тогда...

— Да пошел ты! — перебил Гуров. — Напугал ежа голый задницей. Встретимся! Вот я освобожусь и найду тебя.

Референт услышал гудки, положил трубку. Нет, с этим человеком работать нельзя, решил он. Надо немедленно увидеть Патрона и решать. «А что, конкретно, решать-то? От идеи работать с «гениальным» сыщиком следует отказаться. Ясно, он из породы фанатов и с песней пойдет на костер. Если наркотик благополучно приедет в Москву, мы «зарядим» «вольво» и Сергачев один прекрасно проедет через Брест. Зачем нам Гуров? Патрон свихнулся от мании величия, словно безумная старуха, желает, чтобы золотая рыбка служила у него на посылаках. Только Гуров не рыбка, а я не заклинатель змей и не желаю работать с коброй. Сыщика утопить? Пистолет и фотографии отослать в КГБ? Они подполковника мгновенно арестуют. Веселов мертв, а он был единственным человеком, который мог Гурова спасти. А может, он не знает о смерти спортсмена? Гуровские помощники его ищут, подполковник уверен, что с минуты на минуту найдут. В МУРе его вынудят сознаться... Я сошел с ума, ведь именно помощники Гурова обнаружили труп Веселова. Как же сыщик может не знать?»

Референт повязал галстук, подошел к окну, увидел подкатившую «вольво» и чертыхнулся. «Денис ведь слышал, в каком тоне со мной разговаривал Гуров. Пусть он трижды олимпиец, сегодня он мой шофер. Да, что-то я часто стал ошибаться, надо было дать Денису уехать, потом поговорить с Гуровым. Но кто мог предположить, что человек взбесился?»

Успокаивая и оправдывая себя, Референт позвонил Патрону и потребовал немедленной встречи.

— У тебя голос, как у вздорной девицы в дни менструации, — недовольно прогудел Патрон. — Ладно, в одиннадцать...

— Привет, шеф, — сказал Денис, перегнувшись через сиденье и открывая Референту заднюю дверь. — Не обращай на моего постояльца внимания. Он, как узнал о смерти Олежки Веселова, по фазе сдвинулся.

— Здравствуй, Денис, — ответил Референт, опускаясь на уютное сиденье. Он, как и все руководители, предпочитал ездить сзади.

— Гуров парень отличный, всегда спокойный, — рассуждал Сергачев, мягко выезжая на центральную трассу. — Удивляюсь,

оперативник, покойников в своей жизни повидал, а тут из-за смерти постороннего человека прямо с цепи сорвался. Я, честно сказать, Олега не любил, однако жалко. Кому он дорогу перешил? Сзади ударили, полголовы снесли. А может, не деловые, а случайные? У него все карманы выпотрошили.

— Возможно... сегодня за бутылку могут голову оторвать,— ответил Референт, открыл кейс, зашелестел бумагами.

Он сделал это умышленно, желая прервать разговор, подумав. Он тоже не знал, кто и при каких обстоятельствах убил Веселова. Референт приказал Эффенди, но тот не успел. Когда убийца приехал на дачу, где оклемывался после запоя Веселов, то увидел милицейский «газик», фуражки, «Скорую» и кучку любопытных. Эффенди не рискнул приблизиться и разузнать что-либо конкретное, уехал и доложил об увиденном. Сначала Референт всполошился, уж не арестовали ли Веселова, но буквально через два часа услышал разговор, происходивший в этой машине, и успокоился.

— К двенадцати подъезжай на Калининский, к церквушке, что на углу.

Референт подхватил кейс и вышел из машины.

— Так я тебя и туда подвезу...

— Не надо, я со своим австрийцем на его «мерседесе» поеду,— ответил Референт и вошел в подъезд.

Сергачев взял кусок замши, вылез из машины и начал протирать стекло, огляделся, но ничего интересного не увидел. Он знал, что где-то неподалеку стоит такси, за рулем которого его давний приятель, мастер спорта международного класса, а пассажиром в машине подполковник Гуров.

Утром, разговаривая с Референтом, Гуров пытался поставить его в неожиданную ситуацию, вынудить спросить совета, разрешения на поиски нового пути во взаимоотношениях с ним, подполковником МУРа. Такое разрешение нельзя получить по телефону, необходима личная встреча, на которую и подталкивал сыщик своего противника.

Гуров не рассчитывал, что Референт напрямик приведет его к Патрону, наверняка у них есть вариант для экстренной внеочередной встречи. Они встретятся не в ресторане, не под часами на углу, и никто ни к кому не подсядет в машину, хотя последнее не исключено. В общем, время покажет, а пока надо заниматься главным сыщическим делом, то есть ждать и наблюдать.

Около одиннадцати к офису подкатил «мерседес» с иностранным номером. Руслан Волин вышел, сел в машину, в которой находился мужчина. «Мерседес» покатился по центру и вскоре остановился у административного здания, в котором размещались два министерства.

Гуров прошел мимо стеклянной двери, за которой скрылись Волин и иностранец, взглянул на названия министерств.

Конечно, если бы работа была санкционирована генералом, ребата за несколько часов выудили бы из этих министерств всех подходящих Константинов Васильевичей. Возможно, позже, че-

рез несколько дней, так и произойдет. Только где в это время будет находиться подполковник Гуров?

Иностранный гость ушел, несколько удивленный оперативностью, с какой были подписаны все без исключения бумаги. Когда дверь за ним закрылась, Патрон и Референт о делах совместного предприятия забыли и до конца встречи к ним не возвращались.

Референт доложил о состоявшемся недавно разговоре и заявил, что поддерживать отношения с подполковником Гуровым в дальнейшем отказывается, считая попытку вербовки изначально ошибочной, и предлагает связь с Гуровым прервать, а решение его судьбы отложить до конца операции с наркотиками.

Референт развивал свои теории, строил планы, а Патрон поглядывал из-под лохматых бровей, согласно кивал, не слушал и думал о том, что Руслан — современный образованный красноречивый и не более, следовательно, он, Роговой Константин Васильевич, теряет чутье.

«И как в твою зрелищную башку, Русланчик, могла прийти мысль, что я могу вербовать фанатика?»

— Вы меня не слушаете, Патрон! — повысил голос Референт. В этом кабинете они всегда разговаривали на «вы».

— Отчего же, — лениво ответил Патрон. — Просто все это я давно знаю, а есть потребность выговориться, так продолжайте.

— Вы все-таки недооцениваете опасности.

— Ваше утверждение, Руслан Алексеевич, неразумно. Если бы хоть единожды я неверно оценил ситуацию, то не сидел бы в этом кабинете. Я бы сидел в прямом смысле этого слова. Милиционера вы охарактеризовали правильно, мне именно такой человек и нужен, не занимайтесь самодеятельностью, работайте с Гуровым и терпите. Не верит он в вашу сказку о цели его вербовки, придумайте другую. У вас фантазия богатая, ее и оплачиваю.

Гуров прогуливался по проспекту, наблюдал за входом в министерство и увидел Эффенди сразу, как только он появился в дверях. «Вольво» с Денисом за рулем Гуров засек раньше и перегнал свое такси за угол, чтобы находиться на одной стороне и иметь возможность двинуться следом.

Референт сел в машину, Гуров в такси. Денис поправил боковое зеркало, значит, Референт едет домой. Гуров назвал водителю адрес.

— Жду тебя часа через два, — сказал Референт Денису, выходя из машины. — Нам предстоит кататься целый вечер.

Референт, человек в принципе очень внимательный, так был погружен в свои мысли, что, проходя через вестибюль, не обратил внимания на швейцара, улыбка которого не соответствовала обычной, была ехидной, торжествующей. Референт поднялся на этаж, открыл первые двери, отпер вторые, получил толчок в спину и в квартиру не вошел, влетел.

— Я же сказал, как освобожусь, так мы и встретимся.— Гуров запер двери, прошел мимо хозяина, оглядел гостиную.— Ты ко мне явился без приглашения, так я понял, что мы без церемоний, попросту.

Гуров начал разгуливать по квартире, осматривая ее, словно музей.

— Руслан, ты не знаешь, кто первым высказал пошлую, но в принципе верную мысль, что красиво жить не запретишь?

— Когда я к вам, Лев Иванович, пришел, то поздоровался.— Шок неожиданности прошел, и Референт взял себя в руки.— И плащ я снял, и ноги вытер.

— Так ты хотел понравиться, а мне это ни к чему.— Гуров снял плащ, бросил его на руки хозяину.— Я тебя чаем поил, так что давай накрывай.

Хотя Волин был растерян, ему почему-то в этот момент казалось самым важным, чтобы гость обращался к нему на «вы».

— Лев Иванович, может, вы не помните, меня зовут Руслан Алексеевич.

— Я намекнул на кофе или чай,— сказал Гуров, проходя в кабинет и с любопытством его оглядывая.

На обитой кожей стенке красовалось старинное оружие. «Где-то в этой квартире нужный мне пистолетик. Конечно, получи я постановление на обыск...»

— Кофе по-восточному или можно растворимый?— Волин выглянул из кухни.

— Был бы коньяк хорош, а кофе можно любой,— ответил Гуров, переходя в спальную.— Интересно, сколько душ прописано в столь «скромных» апартаментах?

— Не изображайте участкового, Лев Иванович.— Волин принес кофе в гостиную, открыл бар, жестом пригласил, мол, выберите.

Гуров подошел, взял одну бутылку, затем другую, вздохнул, поставил на место, опустился в низкое кресло.

— Ну? Каковы наши дела?— Он понял, что хозяина раздражает бесцеремонность, даже хамское обращение, но мириться было еще рано, и Гуров спросил:— Так зачем я тебе понадобился? Какие важные вопросы ты хочешь со мной решить?

Гуров вел себя, словно подвыпивший амбал с хлипким интеллигентом. Мол, вот ты образованный, умный, в шляпе и очках, а я с тобой чего хочу, то и сделаю, могу очки и шляпу снять, а могу и морду набить.

— Лев Иванович, у вас на руках двадцать два, а вы все прикупаете.— Волин налил кофе, коньяк не предложил, понимая, что подполковник все равно пить не будет.— Может, хватит?

— У кого сколько очков, выяснится, когда карты раскроем. Говори, зачем звал?

— Если вы на переговоры не идете, покидайте помещение. А завтра...

— Так бы и говорил,— перебил Гуров и поднялся.— А то цирлих-манирлих, белые перчатки...

Он шагнул к двери, Референт тоже встал, чего и добивался Гуров.

— И последнее.— Он улыбнулся, опустил голову, взглянул под ноги.— Разрешите?

— Извольте,— ответил Референт, убежденный, что сейчас стропивец начнет торговаться. Додумать он не успел, Гуров пригнулся и ударил Референта с такой силой, на какую был способен. Учитывая, что вес Гурова превышал восемьдесят килограммов и удар пришелся по открытой челюсти, результат оказался соответствующим. Безвольное тело хозяина опрокинуло кресло, ударилось о ковер и затихло. Гуров посмотрел на Волина:

— А ведь красивый и вроде бы неглухой мужик... Жалость какая.

Он вздохнул, прошел в ванную, подержал ушибленную руку под холодной водой, намочил полотенце, сел в кресло и отпил кофе.

— Вот и кофе уже остыл,— сказал он укоризненно.— Где же русское гостеприимство?

Он встал, перешагнул через ноги Волина, подошел к бару, взял бутылку и два бокала.

— Давай, давай, пошевеливайся. Срочно поговорить, срочно поговорить,— передразнил Гуров,— а сам резину тянешь... У меня времени, между прочим, нет. Так что кончай придуриваться, поднимайся, поговорим серьезно.

Волин осторожно вытерся мокрым полотенцем, оцупал голову, встал на четвереньки, затем с трудом выпрямился.

— У меня сотрясение.— Он причмокнул рассеченной губой.— Вы заплатите,— и замолчал, посчитав, видимо, что в данный момент угрожать расплатой преждевременно и опасно.

— Одной зуботычиной, Руслан Алексеевич, за убийство, которое вы пытаетесь мне повесить, я, конечно, не рассчитаюсь с вами. Но вот так, не торопясь, помаленьку должок загашу,— сказал Гуров.— Я знаю, что ты советов не любишь, однако рекомендую: ты пистолет и фотографии отдай по-хорошему.

— Обязательно.— Волин согласно кивнул,— только не тебе. Убить меня ты не сможешь, отвечу твоими же словами: ты жди, Лев Иванович, каждый день жди...

— Ладно, потрачу на тебя еще несколько минут. Дураку надо все по полочкам разложить, иначе он и умрет дураком. Если меня арестуют, я расскажу правду, доказательств у меня нет, однако тебя пригласят и начнут против тебя копать. Возможно, до ареста не дойдет, но твое совместное предприятие прихлопнут, и заграничный паспорт отберут. Мои коллеги возьмутся за дело, это сейчас я один, в случае моего ареста начнет работать машина. Убил генерала Силин-Эффенди, видел убийство Олег Веселов, знают о нем Лебедев и Патрон.

— МУРОм ты детишек пугай, это раньше была мощная контора, сегодня над ней тысячи ракетиров посмеиваются.— Волин выпил и налил снова.— Кто убил вашего генерала, не знаю, если, как ты утверждаешь, Эффенди, так он в розыске пятый год. Как говорится, бог в помощь, ищите дальше. Что видел

Олег Веселов, мне неизвестно, так это и не будет известно: чемпион внезапно скончался. Кто такой Патрон, я понятия не имею. Лебедева знаю хорошо. Юрий Петрович любит деньги и другими вопросами не занимается, к убийству он никакого отношения не имеет. А что касается моего предприятия и загранпаспорта, так это даже не смешно, скорее грустно. Совместное предприятие, которое дает государству конвертируемую валюту, по навету подозреваемого в убийстве никто не закроет, а если у меня попробуют отобрать паспорт, я обращусь в прессу...

— В принципе в твоих рассуждениях есть резон. Но поверь моему опыту, отошлешь материалы на меня в КГБ или прокуратуру, нам уготована братская могила.— Гуров замолчал и пригубил коньяк.

— С этого и надо было начинать. А ты? — Волин коснулся щеки и по-детски хлопнул носом.

— А ты? — ответил Гуров.— Вы, Руслан Алексеевич, занимались коммерцией, посредничали во взятках и неожиданно, по крайней мере для меня, организовали убийство.

— Я ничего не организовывал. Меня поставили перед фактом,— упрямо твердил Референт.— Но когда мне сунули в руки козыри, я, естественно, их взял.

«Врет, но придется поверить, иначе разговора не получится»,— решил Гуров и сказал:

— Версия сомнительная, но допустимая. Однако, взяв в руки оружие, нужно не возмущаться, а ожидать нападения. Зачем вам нужен подполковник Гуров? Одну версию я уже слышал, излагайте вторую.

— Вы, конечно, знаете, что некоторые лица на Западе заинтересованы в непосредственных контактах с нашими неофициальными объединениями.

— Не политическими, а уголовными,— уточнил Гуров.

— Я политикой не занимаюсь,— ответил Волин.— Мы, финансисты, вынуждены поддерживать отношения с уголовниками.

— Говорите, я слушаю.— Гуров встал и начал прогуливаться по гостиной.— Привычка,— пояснил он,— даже генерал разрешает мне рассказывать по кабинету.

— Мы получили приглашение на встречу в Вене. Как вы относитесь к тому, чтобы представлять нашу Корпорацию?

— Чуть собачья,— сорвался Гуров,— вы мне не доверяете и правильно делаете.

— Ну почему столь категорично? Семья ваша останется здесь, пистолет, из которого вы убили человека, тоже здесь. А вы человек разумный, сделаете один разумный шаг, затем второй, а с этого пути еще никто не возвращался. Нам известно, что вы говорите на немецком, репутация ваша безупречна...

— У меня много вопросов, но я задам лишь один. Как, с вашей точки зрения, отнесется мое начальство к столь неожиданному вояжу?

— А никак. У вашего руководства достаточно забот, ваш министр стал членом Президентского совета. Кому какое дело,

если человек во время отпуска выезжает по приглашению в Вену? Я вам даю машину, за рулем ваш приятель. По-моему, все естественно и для вас должно быть интересно.— Волин смотрел вопросительно.— Вы так не считаете?

— Интересно,— искренне согласился Гуров.— А приглашения, паспорта, визы...

— Это не ваша забота, соглашайтесь, все будет готово через три дня. Вся поездка займет неделю.

— А Денис? Вы с ним говорили?

— Конечно, нет.— Волин пожал плечами.— Сергачев согласится, он ведь живой человек, ему нужны деньги. Нам требуется ваше согласие. Все.

— Мне надо подумать.— Подобное предложение, даже если оно фальшиво, отклонять нельзя, следует разобраться, все просчитать, взвесить, попытаться предугадать возможные неожиданности.

— Даю вам сутки,— сказал Волин.

«Ты прибудешь в Вену с товаром, я вылечу самолетом, тебя встречу, и мы побеседуем иначе, я тебе все припомню»,— думал Референт, направляясь в ванную комнату.

Пистолет здесь Гуров оглядел гостиную и машинально взял лежащую на пианино книгу. Эдгар По. Гуров поставил томик на ребро и слегка встряхнул, страницы распались. Если книга в хорошем состоянии, незачитанная, то она обычно раскрывается на том месте, где ее последнее время читали. Гуров взглянул на страницу и прочитал название рассказа: «Похищенное письмо».

Финансист приехал к убице на дачу, где Эффенди, чтобы не выть от скуки, подрядился поправить забор. Плотничал он не очень умело, но старательно, так как во всем любил порядок. Когда появился Лебедев, убица взглянул на него недоброжелательно: с Референтом было договорено, что, кроме единственного связника, никто не должен знать о месте, где укрылся Эффенди.

Эффенди укреплял вкопанный в землю столб, кивнул Лебедеву в сторону веранды и продолжал работать. Конечно, можно было тотчас прервать увлекательное занятие, но он еще минут тридцать вкладывал в основание столба битый кирпич, засыпал яму землей и внимательно следил за ведущей от станции тропинкой.

Окончательно успокоившись, Эффенди поднялся на веранду, снял сапоги и прошел в комнату, сел лицом к двери так, чтобы через окно видеть подход к дому.

Лебедев рассказал о полученном задании — собрать часть наличных денег в Ростове — и о просьбе Референта возглавить группу охраны.

Эффенди кивал и, обдумывая услышанное, пришел к заключению, что образованные, так называемые интеллигенты, люди попросту больные, сумасшедшие. Солидные авторитеты денег не отдадут, а если и пришлют, то со своей охраной, и ему, Эффенди, в таком деле места нет. Если же он, на старости лет умом

двинувшись, в эту историю вяжется, то попадет в руки утро в самое ближайшее время. От валютных операций, всяких съездов и разбирательств ему следует держаться за сотни километров. Приняв решение, он вслух ничего не сказал, а начал готовить чай. Порошок у них следует отобрать, пусть не весь, хватит и килограмма, если он хорошего качества. Но к порошку ни этот бухгалтер — так называл Эффенди Лебедева, — ни молодой дипломат, то есть Референт, прямого отношения не имеют. И хотя Эффенди видел Патрона только раз, да и то мельком, безошибочно определил, что именно бородастый великан здесь единственный властелин.

Настоящий хозяин никого к наркотику не подпустит, значит, и мой путь к золотому зелью лежит только через бородатого. А как взять? Силой? Не получится. Купить? Смешно. Обменять... Вот это возможно. Но что предложить взамен?

Выпив чаю и поблагодарив, Лебедев спросил:

— Так что передать?

— Завтра выведу.

В Москве Лебедев нашел свободный телефон-автомат и, позвонив Гурову, продиктовал адрес.

— Когда вы туда выезжаете? — спросил Гуров.

— Я уже вернулся, говорю с вокзала.

— Мы же договаривались, Юрий Петрович.

— Нет, — перебил Лебедев. — Не договаривались. Вы приказали сообщить адрес немедленно, а я ответил, что сообщу. А приводить опергруппу я не подписывался, я жить хочу, причем на свободе. Вы Эффенди возьмете, он из вашего застенка мгновенно телеграмму передаст... Он собирается в Ростов завтра, если я вам еще нужен, берите Эффенди в поезде.

Дачу, где проживал убийца, блокировали через три часа. Ждали его появления до полудня следующего дня. Но Эффенди покинул свое убежище через пятнадцать минут после ухода Лебедева.

Известие о том, что вскоре в Москве можно будет обменять рубли на валюту, молниеносно прокатилось среди цеховиков, нелегальных миллионеров, царьков, князей и авторитетов теневой экономики. И хотя поступил приказ выделять как можно меньше сопровождающих, потому что Москва солидность сделки гарантирует, каждый из серьезных вкладчиков посылал свое доверенное лицо.

Юрий Петрович Лебедев был в смятении, в Москву везли кейсы, чемоданы и рюкзаки с пачками купюр, предлагаемая сумма уже превышала все оговоренные пределы. Распоряжение доставлять деньги в Ростов игнорировалось. Никто не хотел рисковать, соблюдать дистанцию и находиться за тысячу верст от места сделки. Увещевания Лебедева, прямые его угрозы, что сверх установленных сумм обмен производиться не будет, воспринимались двояко. Одни предлагали колоссальные взятки, другие кланчили: мол, ты только рубли возьми, а валюту мы пождем.

Розыскники активизацию уголовников почувствовали, но ин-

формация поступала противоречивая. Из обрывочных данных можно было понять, что авторитеты из разных регионов собирают крупные суммы наличных денег. Куда деньги направляются и с какой целью? Кто конкретно осуществляет транспортировку, кто руководит?

Засада на Эффенди опоздала. Полковник Фролов не мог скрыть от генерала Турилина, откуда поступил сигнал.

Константин Константинович вызвал Орлова.

— Товарищ полковник, вы мне доложили, что подполковник Гуров уехал из Москвы и находится в неизвестном вам санатории.

«Ну все, придется держать ответ,— понял Орлов.— Если уж «товарищ полковник» и на «вы», мои дела плохи, а о Леве и говорить нечего».

— Товарищ генерал, подполковник Гуров позвонил и сообщил, что разыскиваемый убийца Силин по кличке Эффенди находится в дачном поселке. Как вам и докладывали, мы опоздали, но установлено, что Эффенди действительно проживал на даче несколько дней.

— Где Гуров? Откуда он получил информацию?

— Источник информации Гуров не назвал.

— Так...— Генерал поднялся.— Подполковник Гуров из очередного отпуска с сегодняшнего дня отозван.

— Без объявления приказа...

— Не учите меня, полковник!— Турилин взглянул на часы.— В четырнадцать пригласите подполковника на мою конспиративную квартиру. Вы свободны.

Глава десятая

Как только Гуров узнал, что группа захвата промахнулась и Эффенди ушел, он быстро собрал свой скарб.

— Денис, я уезжаю. Тебя начнут расспрашивать, но ты не знаешь, где я нахожусь. А чтобы тебе лишнего не врать, связь у нас с тобой будет односторонняя, будешь нужен — найду. Держись с Волиным спокойно, ровно, в общем, служи, никаких вопросов не задавай. Если он станет мной интересоваться, скажи, мол, поругались, я съехал, где живу, не знаешь.

— А что передать ребятам?— спросил Сергачев и пояснил:— Прохору и Кириллу. Они вроде бы тебе здорово помогли.

— Помогли,— согласился Гуров.— Передай поклон, скажи, закончит Гуров выступать, встретимся.

Был у Гурова приятель, доктор наук, образованнейший человек, знал три иностранных языка, умница, да и парень отличный, но женщина любил чрезмерно. Причем любил практически всех, с кем имел возможность познакомиться. Считал такое положение вещей для любого мужика нормальным и в верность Гурова жене не верил. А потому, уезжая в очередную долгосрочную командировку за рубеж, отдал Гурову ключ от своей квартиры.

Не поселился в ней Гуров с самого начала только потому, что хотел находиться рядом с Денисом Сергачевым. А кроме того,

считал, у настоящего сыщика для последней крайности должна сохраняться берлога.

Такой час настал, Гуров переехал в квартиру приятеля. Узнай тот, с какой целью и почему Лева Гуров воспользовался его гнездышком, возможно, заплакал бы от обиды.

Гуров занимался привычным для него делом: пылесосил, вытирал пыль, которой в нежилой квартире скопилось достаточно.

Он не винил Лебедева за опоздание. Опасения финансиста, что розыск сработает топорно и убийца поймет, кто навел, имели основания. Ребята из группы захвата с агентурой не работали, и порой, когда расписывалась операция, решалось, в каком месте принять объект под наблюдение, сколько «вести», где и когда брать, «волкодавы» слушали вполуха. Вы, мол, скажите где и укажите кого, а мы по месту действия разберемся. Если же преступник разыскивался за убийства и был вооружен, то разговор совсем был короткий. Под пули мы идем, а не вы, и не вам нас учить. И Гуров решил при очередной встрече с Юрием Петровичем никакого недовольства не высказывать.

Ехать в Вену без разрешения генерала Гуров не собирался, но здесь, в Москве, следовало разобраться самому. Лишь на один вопрос он не мог найти ответ. «И пока не найду, я на свет божий не вылезу, — решил Гуров. — Почему именно меня решил вербовать глава Корпорации? Если я на него отвечу, пойму и все остальное. Почему Патрон уперся именно в меня? Почему?»

Лебедев пытался хозяина отговорить, да и Референт от моей персоны не в восторге. Волин делает упор на репутацию и мое знание немецкого. Но в Вене найти надежного переводчика не проблема. А Денис Сергачев? Они ему не верят, знают: Денис в критической ситуации встанет рядом со мной. Что же они, не могли посадить за руль своего, верного человека? Могли, но нанимают Сергачева, словно умышленно мне помогают. Почему? Просто так в таких делах ничего не делается. А ведь Волин, безусловно, умен. И Патрон, конечно, тоже».

Гуров отправился на кухню, поставил чайник, начал искать чай или кофе. Холодильник, естественно, был пуст. Он открыл бар, здесь был полный порядок, можно слона напоить. Да еще шоколад фирменный. Рядом с шоколадом лежал конверт. Гуров взял его и прочитал: «Тебе, лично». Он вскрыл конверт, на открытке с обнаженной красавицей было написано: «Я знал, что ты придешь, Лева, жизнь одна, и ни в чем себе не отказывай».

«Все всё знают, — подумал Гуров, — один я, как мальчик, путаюсь в соплих. Итак, Руслан Волин был против моей кандидатуры, но его вынудили мной заниматься. А может, Волин всего не знает и его самого Патрон использует втемную? Известный мне Патрон имеет на подполковника Гурова свои виды? И поездка в Вену — камуфляж, прикрытие какой-то другой цели, которая известна лишь одному человеку?»

Он позвонил в отдел, ему повезло, трубку снял нужный парень.

— Боря, здравствуй, не отвечай и не называй моего имени, — быстро сказал Гуров.

— Здравствуйте, Лев Иванович, я один в кабинете,— ответил лейтенант Борис Вакуров.

— Как здоровье Станислава?

— Выписался, пока дома, рвется в бой и все о вас спрашивает.

— Боря, ты можешь взять больничный?

— Вы же знаете,— удивленно ответил оперативник,— у меня хронический радикулит.

— Извини, старею. Сейчас записывай, а завтра бери бюллетень и выполняй...

С момента получения Волиным «производственной» травмы прошло уже три дня, опухоль спала, боль прошла, но левая сторона лица была лиловой, с желтыми подпалинами, под глазами залегла чернота.

Он не выходил из дома, в офисе все шло своим чередом, финансовой стороной Корпорации занимался Лебедев, который непрерывно звонил и требовал встречи с Патроном, так как прямого выхода на него не имел. Волин сообщил по инстанции, но согласия на встречу не получил. Патрон пробурчал в ответ что-то нечленораздельное: то ли «пождет», то ли «потерпит».

Волин, привыкший к жизни деятельной, насыщенной событиями, болтался по квартире, скучал и думал, думал до полного одурения. Все складывалось вроде бы нормально, на днях Патрон должен получить наркотик, по словам Лебедева, советские рубли затопили подвалы, расплата с поставщиком Референта не касается, машина с водителем у подъезда. В стройную схему плохо вписывался только Гуров.

Референт приходил к выводу, что с подполковником работать невозможно, с ним немедленно надо кончать. И хотя Гурову подсунули легенду, он все равно знает слишком много и отдавать его в прокуратуру нельзя. Значит, следует обратиться к услугам Эффенди.

Но убийца уехал в Ростов, связи с ним нет. Дело даже не в этом, а в том, что без разрешения Патрона разделаться с Гуровым невозможно. Наркотик, а значит, валюта, в руках этого самодовольного обжоры, следовательно, и судьба Руслана Алексеевича Волина в тех же самых руках. «А что решаю я, второе лицо в Корпорации? — думал Волин.— Я лишь слуга, меня могут вышвырнуть за порог в любую минуту. Совместное предприятие, солидная фирма? Положение, хорошие деньги, в том числе и валюта. К чему мне уголовщина?» Но предприятие находится в руках чиновников, а самый главный чиновник данного ведомства — Константин Васильевич Роговой, Патрон. Практически именно он помог Референту создать это совместное предприятие. Большинство приятелей Волина, работающих в подобных фирмах, люто ему завидовали. Они тратили недели, месяцы для получения подписи, затем столько же, чтобы на подпись легла печать. Цветы, французские духи, пухлые конверты непрерывающимся потоком текут в главки, отделы, зашарпанные канцелярии. А у Руслана Волина полный ажур, все вопросы решаются мгновенно, он дарит цветы и шоко-

лад только от хорошего настроения.

«Знали бы мои коллеги,— горестно рассуждал Волин,— какую цену я действительно плачу и с какой превеликой радостью я бы с ними поменялся местами».

Что делать с Гуровым? Волин дал ему сутки на размышление, подполковник условие принял, но в назначенный час не позвонил, с квартиры Сергачева съехал, исчез и вестей не подает. И зачем такой неуправляемый снаряд понадобился Патрону?

Подполковник — сыщик, идейный боец, продолжал рассуждать Референт. Зачем Патрону такой человек? И Волин наконец понял... Он опустился в кресло, схватился за голову.

— Боже мой, какой я идиот! Меня столько времени тычут мордой в дерьмо, а я тыкаюсь и жру его да еще удивляюсь, что невкусно. Дебил! Патрон так уверен в моем крестинизме, что даже не удосужился это дерьмо как-то закамуфлировать.

Волин взял себя в руки, успокоился. «Прозревший глупец уже не глупец,— решил он.— Как выражается мой лучший друг подполковник Гуров, если правила отменили, будем драться без правил».

Юрий Петрович Лебедев спустился по ступенькам Центрального телеграфа и побрел в сторону Пушкинской площади. «Недавно я здесь проходил, меня преследовал Гуров, а я полагал, что нахожусь в очень сложном положении. Господи, если человеку отрезали палец, то он горюет, а следует радоваться, что не отрезали руку. Тогда мне было трудно, страшно, но я был себе хозяин, понимал происходящее, мог влиять на ход событий. Сейчас я ничего не понимаю, ничего не могу, да и не хочу. Пусть тюрьма, лишь бы оставили в покое, и лишь бы остаться живым. На лесоповал меня по возрасту не пошлют, буду клеить коробочки или шить рукавицы».

Сегодня впервые в жизни Юрий Петрович не пересчитал полученные деньги. Он заглянул в чемодан, спросил сколько и молча записал цифры в блокнот. Парни в кожаных куртках непрерывно жевали что-то, в основном молчали, изредка перебрасывались непонятными словами и смотрели на него, как на кладовщика, принимавшего залежалый товар. Юрий Петрович чувствовал, что для этих ребят он никто, тля, его можно в любую минуту прихлопнуть.

Юрий Петрович убийц звал. Иван Сыч, ныне покойный, Эффенди, сегодня отсутствующий, были исполнителями высшей марки. Спокойные, рассудительные, они убивали, и Юрий Петрович относился к ним без эмоций, философски: каждый делает, что умеет. Но ни один из них никогда не убивал без приказа.

Кожаные парни, с которыми Юрий Петрович постоянно общался в последние дни, никого при нем не тронули, но он чувствовал: они готовы убить в любой момент, без нужды, без приказа, без личной выгоды, убить просто так, с той же легкостью, с которой ребенок ломает надоевшую игрушку.

Юрий Петрович брел по любимой улице, еще недавно эlegant-

ный плащ болтался затертой тряпкой, воротничок свежей рубашки казался грязным, а модный галстук — засаленным.

— Ба! Какая встреча! — услышал он, оглянулся и увидел Гурова, открывавшего дверцу «Жигулей». — Присаживайтесь, Юрий Петрович.

Лебедев сел в машину, сжал Гурову локоть:

— Здравствуйте, Лев Иванович.

— Здравствуйте, Юрий Петрович, — в том же тоне ответил Гуров, посмотрел на финансиста внимательно и свои первоначальные планы изменил. — Я чертовски проголодался, подскажите, где бы мы могли пообедать?

Лебедев назвал адрес и покосился на сыщика. «Почему я никогда не замечал, что этот парень красив? Ему бы в кино сниматься, умных сыщиков играть, душевных, все понимающих. Он, мой враг, сегодня самый близкий мне человек. Рядом с ним спокойно. Очередную ловушку против Референта и Патрона получить. Ну и пусть, зато я уверен, что он не ткнет меня ножом, не ударит железом по голове. Видит, как я сейчас расклеился, а не пристаёт с вопросами».

— Ваша информация была достоверной, — сказал Гуров. — Я вам очень благодарен, Юрий Петрович. Эффенди действительно был на даче в течение нескольких дней, но, когда мы прибыли, его там уже не было. Вы не волнуйтесь, мы его обязательно найдем. Он убийца.

220 Лебедев не ответил. «Эффенди — убийца? Верно. А сколько вы расплодили потенциальных убийц и как собираетесь с ними бороться?»

Они обедали в тихом, уютном кооперативном ресторанчике, где Юрия Петровича явно не знали, но приняли гостей любезно, обслужили быстро, кормили вкусно. Когда подали кофе, а Лебедеву и рюмку коньяку, Гуров спросил:

— Не как преступник милиционеру, а как человек человеку, скажите, Юрий Петрович, зачем вам все это надо?

— Что это? — привычно огрызнулся Лебедев. Он неожиданно улыбнулся, к нему возвращалась уверенность, и подумалось вдруг, что Гуров отнюдь не умен, свой шанс упустил, следовало брать за горло еще в машине, а теперь дудки. — Зачем я рискую, не уйду на пенсию? А я без дела помру. Я жить в тишине и покое, кушать икру и поливать клумбы не приспособлен. И потом чувство власти, сознание собственной значимости. Вы верите, что возможно истребить зло? Не верите. Однако пашете, жизнью рискуете. Ради людей? Глупости и самообман. Вам хочется выглядеть красиво. Или я не прав?

— Отчего же, правы. — Гуров допил кофе. — Я люблю Льва Ивановича Гурова и хочу уважать его, потому, встретив вас в плохом состоянии, не воспользовался вашей слабостью...

— А это, извините, донкихотство и непрофессионализм, — перебил Лебедев.

— Могу вас обрадовать, в тюрьму я вас не посажу. А чтобы вы сразу не начали аплодировать, тут же огорчу. Не арестую вас

лишь потому, что не успею собрать доказательства, вас убьют значительно раньше.

— Что вы знаете? — вырвалось у Лебедева.

— Кое-что знаю. А главное — у вас на лбу это написано, а я грамотный. — Гуров жестом подозвал девушку, заказал еще кофе и коньяк. — Юрий Петрович, есть мнение, что лучше умирать от тоски с лейкой, чем резвиться в крематории.

— Кто же меня сейчас отпустит?

— Вот наконец деловой вопрос. Уйти вам «на заслуженный отдых» я помогу.

— Мою судьбу не вам решать. Вы лишь посулите, выставите непомерную цену и бросите меня за ненадобностью.

— Торгуемся, — констатировал Гуров. — Решать будет сначала прокуратура, а затем суд. Но доказательства-то добываю я. Так что думайте.

— А первое, что вы потребуете, будет Патрон?

— Я его недавно видел, — не моргнув глазом, солгал Гуров. — Маленький, шупленький, бритый... Верно?

— Верно. — Лебедев поперхнулся и устался в чашку.

— А я редко ошибаюсь, очень талантливый, — самодовольно произнес Гуров.

По реакции финансиста Гуров понял, что попал точно. Утром Боря Вакуров сообщил ему фамилии и приметы троих Константинов Васильевичей, которые занимали в двух министерствах подходящие должности. После долгих раздумий, опираясь на профиль официальной деятельности Волина, сыщик остановился на начальнике главка Роговом. И сейчас, подстраховывая себя на случай ошибки, назвал приметы диаметрально противоположные. Лебедев полыхнул такой радостью, что сомнения отпали.

— Да бог с ним, с вашим Патроном, — беспечно продолжал Гуров. — В первую очередь подумаем о вас, Юрий Петрович. Как вас сейчас вывести из-под удара? Послезавтра вы скажете Волину, что опасаетесь за свою жизнь, и попросите у него убежища...

— Волин не поселит у себя дома. Он найдет для меня дачу, чью-нибудь квартиру.

— Это не ваша забота, — неожиданно сухо сказал Гуров. — Вы изъявите желание пожить несколько дней у Референта, а затем якобы покинете столицу.

— А на самом деле?

— Что на самом деле, я вам сообщу позже. — Гуров взглянул на часы, поднялся. — Расплачивайтесь, я жду на улице.

Гуров вышел из ресторанчика, внимательно оглядел улицу, ничего интересного не увидел, хотя твердо знал, что наружное наблюдение уже установлено. Когда Гуров сегодня только начал поиски Лебедева, он предварительно позвонил Орлову и, пресекая всякие объяснения, сказал:

— Приготовь самую квалифицированную группу наружного наблюдения и жди.

Приехав в ресторан и отлучившись в туалет, Гуров снова перезвонил Орлову, продиктовал адрес и предупредил, что если

одна машина уйдет за Лебедевым, а другая увяжется за ним, то он ее остановит и набьет старшему морду.

Орлов промычал, мол, жизнь покажет, и отдал соответствующие распоряжения.

— Куда вас доставить, Юрий Петрович? — спросил Гуров, когда Лебедев уселся рядом.

— На площадь Пушкина, — ответил Лебедев. — Что еще я должен для вас сделать?

— Ничего. И так уже угостили меня обедом.

Генерал Турилин читал рапорты полковника Орлова, накладывал резолюции «Выполнить и доложить» и, не говоря ни слова, возвращал. Лишь последний рапорт генерал задержал, помедлил и спросил:

— А он не заигрывается? Могут ведь просто убить...

— Появилась возможность захватить чуть ли не полсотни боевиков.

— Выполняйте. — Генерал вернул документы. — Я согласовал с руководством, сто человек из подразделения спецназа готовы поступить в ваше распоряжение в любую минуту.

— Понял, товарищ генерал. — Орлов взял папку с документами, в дверях обернулся и сказал:

— Не волнуйтесь, Константин Константинович, все будет в полном порядке.

222 Руслан Алексеевич Волин, как и все нормальные люди, не любил неопределенности: лучше знать, что твое положение скверно, но знать точно, тогда можно бороться, принимать решения. Поняв, что Патрон двурушничает, Волин сначала растерялся, потом взбесился, а подумав, пришел к выводу, что даже из предательства можно извлечь выгоду.

За последние двое суток все снова перевернулось. От двух не связанных между собой осведомителей Референт получил сообщение, что подполковник Гуров от своего руководства скрывается, его разыскивают, пытаются неловкую ситуацию скрыть. Такое положение в корне меняло ситуацию, и тщательно продуманные Референтом действия защиты и нападения требовали кардинального пересмотра.

Гуров появился, как обычно, без предупреждения, вошел в квартиру и поздоровался с таким видом, словно был здесь вчера.

— Как вас понимать, Лев Иванович? — спросил Волин.

— Меня понять просто, а вы, умники, работать не умеете. Подполковника Гурова по подозрению в убийстве генерала Потапова разыскивают Прокуратура и МУР. Ищут меня лениво, не хотят огласки, из этого можно сделать вывод, что пришла анонимка. Ее написал кто-то из твоих помощников, и мне кажется, покойный Веселов.

— Зачем ему? — удивился Волин.

— Больше некому. Мне сейчас хотелось бы выехать в Вену. Тогда и ты свою торпеду на меня не выпустил бы, и перед начальством я бы отмылся.

Аргументы звучали убедительно.

— Если поездка в Вену получится, я выскочу. Только вот что... Смешно, но я не могу найти свой паспорт. Пришел домой, когда моих не было, все перерыл, паспорта нет. А без него ты не сможешь оформить выезд.

— Если тебя разыскивают, то не пропустят через КПП,— возразил Волин.

— Это ты брось, ты не знаешь сложностей внутриведомственных отношений. Мой генерал не может всенародно объявить, что потерял и разыскивает своего подполковника. Они даже по городу мою машину в розыск не объявили, я ведь катаюсь свободно.

— У всех сложности,— согласился Волин, внимательно посмотрев на собеседника.— Значит, стремишься выйти на международную?

— Очень стремлюсь,— признался Гуров.— С тобой я сторгуюсь, пистолет и фотографии ты мне отдашь, а с прокуратурой мне не договориться. Да.— Он подошел к Волину, взял за подбородок.— Ты меня извини, не привык я, когда за горло берут.

— Сочтемся, все еще впереди,— многозначительно ответил Референт.— Так где же ваш паспорт?

— Жена спрятала,— сказал Гуров.— Она у меня ревнивая до неприличия. Но хватит об этом, давай о делах. Вы предложили мне представлять Корпорацию в Вене. И каковы мои полномочия?

— Выслушать предложения и подумать. Вас мучает вопрос, почему выбрали именно вас? Возможные партнеры хотят иметь гарантии начей солидности. Правда, они предупредили, что мы должны прислать сотрудника криминальной полиции, лучше бы чиновника таможенной службы, но это дело ближайшего будущего.

— Гарантии вашей коррумпированности.— Гуров кивнул.— А если я им не понравлюсь? У них свои источники информации, а подполковник Гуров в МУРе человек заметный и имеет крайне дурную для вас репутацию.

— Как раз ваша репутация — наш самый сильный козырь.

— Но сейчас с ней, мягко говоря, неважно. Если среди наших сотрудников у них есть осведомитель...

— Ваше теперешнее положение тоже нам на руку,— перебил Волин,— доставайте паспорт, и я оформляю вам документы.

— Простите, я хочу детально разобраться. А какая гарантия у ваших партнеров, что полицейский из Москвы не сдаст их Интерполу?

— Они нас знают, уверены, что мы о себе побеспокоимся, значит, подумаем и о них. Нам нужно повернуть лишь одну сделку, в дальнейшем судьба неизвестных нам людей никого не волнует. Мы заканчиваем свое дело, сообщаем вам, и вы начинаете свое. Если в результате Лев Иванович Гуров станет полковником и получит орден, я лично буду только рад.

— Звучит заманчиво, если бы так и начинали, не трогали моих девочек, не устраивали провокацию с убийством и фотогра-

фиями, мы бы сразу договорились. Психолог, ты должен сообразать, кого можно хватать за горло, кого не следует.

— Да, с вашей семьей произошла накладка,— ответил Волин.— А генерал Потапов был обречен. Связать подполковника Гурова с убийством генерала — мысль здравая, я о сделанном не жалею. А ваше тщеславие мне импонирует, но в таком деле перестраховка требуется десятикратная.

Гуров, протянув Референту руку, сказал:

— Договорились. Я привожу вам паспорт, вы занимаетесь оформлением.— Он замаялся и нерешительно продолжил: — Не хотел говорить...

— Ну-ну, смелее,— улыбнулся Волин.

— Лебедев сильно напуган, собирается скрыться. Дело, конечно, ваше, но я до времени держал бы его рядом, успокоил... В общем, решайте.

Волин проверил, плотно ли захлопнулась дверь, и подумал, что только мороки с Юрием Петровичем Лебедевым сейчас и не хватает.

Зазвонил телефон, Волин снял трубку.

— Добрый день, Руслан Алексеевич,— услышал он знакомый голос Лебедева.

Когда Гуров пришел к выводу, что Референта используют втемную и действительной ситуации он не знает, то подумал, что не он один такой умный. «Волин тоже может задуматься над этим вопросом. В моей лояльности его следует убедить. А главное, необходимо, чтобы Волин пригласил Лебедева, поселил у себя».

224 Закончив «переговоры на высшем уровне», Гуров ехал в машине, вспоминал разговор, остался доволен, вроде все прошло гладко. Если Референт и задумал поломать планы своего Патрона, то сейчас от активных действий должен воздержаться, выждать.

Теперь надо решить, как поступить с Патроном. Вполне вероятно, что это начальник главка Константин Васильевич Роговой. Доказательств никаких; если все предположения изложить на бумаге, то поверит разве что один Орлов.

Конечно, Лебедева можно дожать, получить от него официальное показание. Но это лишь слова, записанные на бумаге, нетрудно и отказать.

Значит, Патрона пока отложить и заниматься вопросами более реальными. Моим единственным козырем является Юрий Петрович Лебедев, использовать его следует тонко, и надо Орлова предупредить, чтобы он финансиста ни в коем случае не трогал. А сейчас — найти Дениса Сергачева, собрать проверенных ветеранов и создать собственную бригаду прикрытия.

Глава одиннадцатая

Лебедев попросил разрешения приехать домой, но Волин уклонился и назначил встречу в ресторане.

Волин вышел на улицу, решил после долгого затворничества немного размяться, подышать воздухом, на суетящихся люди-

шек посмотреть. Он прошел уже порядочно, как вдруг почувствовал легкий толчок в плечо, повернулся и оцепенел: рядом шел Эффенди.

На убийце был модный плащ, белоснежная рубашка с галстуком. Безошибочно угадывалось, что он недавно был в парикмахерской, да не в такой, где бывают обыкновенные люди. Парикмахер сделал ему идеальный пробор, удлинил баки, оставил тонкую ниточку усов. Волин вспомнил фотографию Леонида Ильича Силина, красовавшуюся на стенде «Их разыскивает милиция», усмехнулся и сказал:

— Молодец, выглядишь на миллион долларов.

— Столько и стою.— Эффенди взял Волина за локоть, подвел к автомату.— Звякни Патрону, у меня к нему разговор.

— Не могу,— ответил Волин, пытаясь придать голосу уверенность и твердость.

— Не валяй дурака.

По тону Эффенди Волин понял, что сейчас его втолкнут в будку и зарежут. Он вошел в автомат, начал набирать номер и молил бога, чтобы Патрона не оказалось на месте. Но бог все прекрасно понимал, и Патрон ответил:

— Слушаю.

— Здравствуйте, Константин Васильевич.

Эффенди отобрал трубку, дал Волину выйти, махнул рукой, мол, проваливай, и могущественный Референт быстро затрусил прочь.

— Ну? — раздраженно хмыкнул Патрон.

— Слушай меня внимательно,— сказал убийца.— Говорит Эффенди. Мы сегодня встретимся и обсудим один вопрос. Через час позвоню, ты назначишь время и место.

И повесил трубку.

Если бы Константин Васильевич Роговой не знал, когда можно и нужно проявить норы, а когда молча терпеть, то никогда бы не стал ни начальником, ни депутатом, ни Патроном. Но в данном случае он согласился на встречу не из тактических соображений, а охотно, так как мгновенно сообразил, что Эффенди именно тот человек, который ему необходим.

Шашлычная, в которой они обедали, была самая затрапезная, даже неприхотливые едоки сюда заходить избегали, поэтому большинство столиков пустовало. В углу распивали, тут же скидывались на новую, какой-то командировочный терпеливо глотал дурно пахнувшее харчо. Творившееся в шашлычной непотребство Константин Васильевич не замечал: здешний повар готовить умел и знал, из какого мяса, кому и как подать.

— Я видел мальчиков, которые волокут в Москву деньги. Дерьмо. Фанерованная дребедень, с виду блеск, а в серьезные руки попадут, их ногтем колупнут, труха посылется. Твой бухгалтер на выдохе и уже никогда не вдохнет. Молодой умен, да ты ему не веришь, держишь от главного в стороне и правильно делаешь. Тебе нужен Эффенди. Я имею, как теперь говорят, знак качества. Если я промахнусь, то ни у следователя, ни в суде со мной никто торговаться не станет. А нет торговли, нет

продажи, значит, ты защищен. Ты должен взять Эффенди и в последний момент перерезать мною все тянущиеся к тебе веревочки, чтобы ни один милицкий или прокурорский не мог до тебя добраться. Цену я запрошу настоящую, либо в валюте, либо в порошке, и ты торговаться не станешь. Ты умный. А оплата вперед.

— Хорошо.— Патрон отодвинул блюдо с горой обглоданных костей, выпил фужер вина, огладил бороду и повторил.— Хорошо. Ты мне нужен, и я заплачу. Как ты живешь и сколько можешь ждать?

— У меня хороший дом, прочные стены, я могу жить спокойно,— ответил Эффенди, помедлил и уточнил.— Две недели.

— Столько не понадобится. Как мне тебя найти?

Эффенди вынул из кармана визитку доктора наук, профессора:

— Он хороший, честный человек, я не хотел приходить в его дом, жизнь заставила. Он охотник, мы с ним у костра сидели. Будешь звонить, если спросят, ты тоже охотник.

Гуров сидел в читальном зале библиотеки и читал рассказ Эдгара По «Пропавшее письмо». Он все никак не мог понять, почему Волин выбрал именно эту книгу или просто решил отвлечься и листал томик ради отдыха?

Идея Эдгара По Гурову была понятна, он вспоминал квартиру Волина, висевшую в кабинете коллекцию старинного оружия — насколько он разбирался, предметы относились к семнадцатому—восемнадцатому векам — и пытался представить, как в конкретной обстановке данную идею можно осуществить. Следует проверить, решил Гуров.

Занятий в тренажерном зале не было. Денис и пятеро его друзей, среди них Прохор и Кирилл, слушали Гурова, который подробно объяснял ситуацию людям, не имеющим опыта оперативной работы.

— Я знаю, в вашей среде не принято говорить красиво, пугать, предупреждать об опасности. Моя просьба носит личный характер. В данный момент я не офицер милиции, не представитель МУРа, а лишь человек, попавший в сложную ситуацию. Кто хочет помочь — спасибо, кто откажется — никаких претензий. Ни в коем случае не иметь при себе оружия,— продолжал Гуров.— Я имею в виду пистолет, нож, но металлический прут, гантелину...

— А нам и не требуется, обойдемся,— перебил Прохор, который, судя по всему, был за старшего.

— Не сомневаюсь, но предупредить обязан,— ответил Гуров.— И в идеальном варианте желательно обойтись без увечий.

— Ну это, командир, как ляжет,— встрял наголо бритый ветеран.— Я в ваших премудростях не разбираюсь, но знаю точно: если бить, то единожды.

— Если вы видите в руках человека оружие, можно единожды.

— А коли у него в кармане, ждать, пока достанет?

— Пошли вы к чертовой матери, дайте сказать, потом лезьте со своими дурацкими вопросами! — вспыхнул Гуров. — Предупреждаю, я вас втягиваю в темную историю с непредсказуемым финалом. И если вы в случае столкновения не будете осмотрительны, посадите за решетку и себя, и меня. Я вам повторяю, что я частное лицо, и если что не так, если наломаем дров...

— Черепов и костей, — поправил кто-то.

— То нами займутся чиновники, которые давно забыли, что такое эмоция, и учитывают лишь факты, неукоснительно следуя велению закона.

— Кончай, Лев Иванович, каждому вранью есть финиш, — сказал Прохор. — И кончай объяснять нам правила, скажи, где, когда, и расходимся.

— Где и когда, я сейчас не знаю, — ответил Гуров.

— Как хочешь, но два часа ты мне должен гарантировать, — сказал Гуров Сергачеву, похлопывая по лакированному боку «вольво».

— А если хозяин пожелает вернуться раньше? — спросил Денис.

— Заглох мотор.

— Это невозможно, — усмехнулся Денис, — этот мотор глотать не умеет. Если только кувалдой либо в дом воткнуться.

— Заготовь шип, найди предлог остановиться, подложи под колесо.

— Он догадается, пересядет в другую машину.

— Тогда позвони и предупреди.

— Ладно, будем надеяться на лучшее. — Сергачев сел за руль и укатил за Волиным, который его вызвал, предупредив, чтобы бак был полным.

Гуров по-прежнему был уверен, что пристолет, из которого застрелили генерала Потапова, и фотографии Референт хранит в своей квартире. Сейчас представилась возможность завладеть ими.

Гуров позвонил условным сигналом. Лебедев из-за двери тихо спросил:

— Кто?

— Юрий Петрович, свои, — ответил Гуров.

Легенду для Лебедева, объясняющую цель визита, он приготовил заранее.

— Юрий Петрович, у нас два часа, — сказал Гуров. — Нам необходимо подробно, до мельчайших деталей разработать план вашего выхода из криминальной ситуации, в которой вы сейчас увязли по уши. Я подготовил план, на его обсуждение мы отведем час, а в данный момент я вас попрошу пройти на кухню и не появляться, пока я вас не позову. Мне необходимо ознакомиться с некоторыми бумагами.

Сыщик проводил Лебедева на кухню.

— Юрий Петрович, вы в детстве не любите подглядывать? Нет? В вашем возрасте нет смысла обучаться, не советую. Договорились?

— Вы действуете, как заурядный бандит,— пробурчал Лебедев.

— Мне уйти? — грубо перебил Гуров.— Лучше подумайте, что вы мне предложите в качестве оплаты за свою жизнь и свободу. Ведь я берусь вас защитить от ваших друзей и от моих начальников.

— Мало я вам уже дал? — Лебедев болезненно поморщился.— Стукачом стал, да еще и торгуюсь.

— Не мало,— согласился Гуров.— Даже больше, чем я ожидал. Главное, вы отдали Патрона, Константина Васильевича Рогового.

— Я? Рогового? — Юрий Петрович схватился за сердце и пошатнулся.— Не было этого... Не было, Лев Иванович, побойтесь бога.

— Я ошибся,— сухо сказал Гуров.— Константин Васильевич Роговой мне приснился. Варите кофе и готовьтесь к исповеди, а я займусь бумагами нашего хозяина.

Сыщик вышел, Юрий Петрович остался со своими горестными мыслями. Обыкновенный милиционер держит его мертвой хваткой. «Откуда сыщик все знает? Что делать? Я у него в руках, но лучше прокурор, чем Эффенди или один из этих кожаных, вечно жующих, с рыбьими глазами».

Кофе успел остыть, прежде чем вернулся Гуров. Взглянув на него, Юрий Петрович понял, что сыщик потерпел неудачу и не нашел, что искал. Гуров держался в своей обычной манере, но старого волка не проведешь. Гуров промахнулся, это ясно, и, наверное, для Юрия Петровича это тоже плохо.

— Руслан может вернуться,— начал он нерешительно.

— Не может — Гуров достал блокнот, записал несколько слов и номер телефона, передал Лебедеву.— Вы сидите здесь и ждите моей команды. Если Волин вас неожиданно выгонит, позвоните, сообщите, вас подберут.

— Я не чемодан! — возмутился Лебедев.

Гуров на реплику не среагировал.

— О наркотике вы, конечно, ничего не знаете. Когда и кому вы должны передать собранные деньги? И, кстати, сколько вам привезли?

— Я не считал, но, думаю, больше ста миллионов,— ответил Лебедев.— Деньги либо уже увезли, либо увезут в ближайшие сутки.

— Чего ждут боевики, почему не уезжают?

— Надеются получить валюту.

— Хорошо, давайте решать...

Гуров говорил долго, порой повторялся, наконец Лебедев не выдержал и перебил:

— Я не дебил, давно все понял.

— Это сейчас, сидя в безопасности. Когда начнет припекать, вы не найдете ни одной толковой мыслишки,— возразил Гуров.— Терпите, потом благодарить будете.

И Юрий Петрович терпел, стараясь запомнить все гуровские варианты.

— Ваша судьба в ваших руках.— Гуров взял свою чашку, вымыл, протер стол, внимательно осмотрел пол.

— Что мне сказать Руслану по поводу вашего визита? — заинтересовался Лебедев.

— Здесь никого не было.

— Что с вами, подполковник? — возмутился Лебедев и ткнул пальцем в пол.— Швейцар, он доложит...

— Вряд ли.— Гуров пошел к дверям, остановился, посмотрел Лебедеву в глаза.— Желаю никогда в жизни меня не видеть. Вы плохо прожили свои годы, попробуйте последние прожить прилично.

Когда Юрий Петрович, расставшись с подполковником Гуровым, сидел на лавочке Тверского бульвара и приводил свои мысли и чувства в порядок, он уже находился под наблюдением оперативников.

Финансист поднялся, прошелся по улице Горького, нехитро «проверился», остановил частного и проехал на Ордынку.

Квартира, в которой он организовал частное отделение банка, была расположена в новом доме, на четвертом этаже. Именно сюда зятянутые в кожу и лайку молодцы привозили деньги своих хозяев. Ордынка — улица малолюдная, ее магазины провинциалов не привлекали, и оперативники быстро разобрались, что к чему.

Действовали молодцы с наглостью, похожей на кретинизм: подкатывали на машинах прямо к подъезду. И лишь некоторые останавливались за квартал, который потом преодолевали пешком, перекладывая из руки в руку увесистые портфели и чемоданы. Только одна пара, проявив максимум находчивости, появилась из проходного двора.

Через тридцать — сорок минут гонцы, помахивая пустой тарой, появлялись на улице и уезжали в надежном сопровождении.

Наконец денежный поток иссяк, боевики рассеялись по Москве. Места их стоянок плотно блокировали, у «банка» Лебедева осталась охрана.

Полковник Орлов ждал: интересно посмотреть, каким образом такой солидный груз вывезут из дома и куда направят.

Среди бела дня к подъезду подкатил рафик, из которого трое дюжих парней вынесли явно пустой контейнер, а через некоторое время, надрываясь, погрузили его снова в машину и укатили. Контейнер сдали на товарной станции, оформив груз как школьные учебники для армянских детей, пострадавших в результате землетрясения.

Полковник доложил генералу, получил «добро» прокурора, пригласил понятых и бухгалтеров, вскрыл контейнер и обнаружил в нем полные собрания сочинений Ленина, Сталина и Большую Советскую Энциклопедию.

Обыск квартиры, которую занимал Лебедев, ничего не дал. Деньги исчезли.

Когда в очередной раз Гуров вышел на связь, Орлов приказал: — Слушай внимательно. Через час я подъеду к кинотеатру

«Повторного фильма», ты сядешь в мою машину. Дальнейшее промедление может меня прикончить.

Когда Гуров подошел к «Волге», она медленно двинулась по улице Герцена, свернула в тупик и остановилась. Гуров сел позади, задернул плотнее шторы. Орлов посмотрел на сыщика и сказал:

— Я больше ждать не могу и сегодня дам приказ к задержанию.

— Это невозможно. Я держу руку на пульсе, валюта не появилась, задерживать рано.

— Не спрашивай, как это случилось, но мы упустили собранную Корпорацией кассу. С контейнера не сводили глаз, а когда вскрыли, он оказался набитым макулатурой.— Полковник повысил голос:— Через два дня начнется Сессия Верховного Совета, с завтрашнего дня съезжаются депутаты. Деньги, валюта, наркотик — пусть все горит голубым огнем. Мы должны бандитов захватить.

— Когда будешь брат?

— В пять утра. Ключи ко всем дверям мы изготовили, войдем спокойно. Да, совсем забыл. Я привез твой пистолет.

— У меня есть,— сказал Гуров.— И получше...

— Это когда брали Вахрушина? — Орлов улыбнулся.— «Магнум» с глушителем? А я догадался, что ты тогда пистолетик зажал.— Он попытался придать голосу официальность.— Товарищ подполковник, сейчас не те времена, сегодня такая история может для вас кончиться...

— Петр,— остановил начальника Гуров.— Пусть история кончится. И пусть я отвечу лишь за укрытие изъятых у преступника пистолета.

— Человек предполагает, а начальство располагает,— произнес Константин Васильевич Роговой и протянул через стол сидевшему напротив Волину конверт.

Референт вынул из конверта паспорт и билет на самолет.

— Когда? Куда? — опешил Волин, заглянул в паспорт и увидел фотографию Патрона.— Ничего не понимаю.

— Дай сюда! — Патрон навалился на стол и забрал свои документы.— Я сегодня улетаю в Берлин. Обязан. Изменить ничего не могу.

«Начинается,— понял Волин.— Командировка заготовлена, он улетит и оставит меня одного против МУРа, прокуратуры, главное, против рядовых солдат Корпорации, которые не умеют думать, не желают ждать, но бьют и стреляют без всякой пощады».

— Я вынужден тебе полностью довериться.— Патрон сердито заворчал.— Хотя я и не люблю этого. Товар у меня, я должен передать его тебе.

Роговой оперся кулаками на зеленое сукно стола и поднялся, навис огромной тушей.

— Смотри, Русланчик, не вздумай! — И снова опустился в кресло, чуть не раздавив его.

— Вы можете мне верить, Константин Васильевич,— тихо

ИРЕСЪИНОСТ

— Народу много...

— Сейчас начнут стрелять!

произнес Волин.— Мне кажется, я доказал свою безукоризненную честность.

— Ты знаешь, зачем человек всю жизнь прикидывается порядочным? — спросил Роговой. Не ожидая ответа, продолжил: — Чтобы единожды, в главный момент, обмануть и взойти на трон. Я тебе не советую. Ты знаешь, где сейчас Эффенди?

— В Ростове болтается.

— Эффенди здесь. И в том, что я тебе доверяю, есть и его доля. Русланчик, ты все понял правильно?

— Не угрожай, Патрон.— Волин, поняв, что без него не обойтись, почувствовал свою силу.— Я не боюсь ни тебя, ни Эффенди. Я не обману, не подведу, у меня есть свои принципы.

— Принципы — это хорошо,— миролюбиво согласился Патрон.— Значит, обмен наркотика на валюту проведешь, тебе позвонят.

— Сколько выделить кредиторам?

— Что?! — Патрон посмотрел на своего Референта с таким изумлением, что тот даже застеснялся.— Этой своре твой любимец Гуров выделит, на всех хватит.

— Вы с Гуровым связаны? — опешил Волин.

— Ну совсем большой,— поставил диагноз Патрон.— Да зачем же коту учить мышей ловить, когда он только это и умеет?

— Значит, вы его только для этого?..

— А на кой черт он еще может понадобиться?

— А машина, транспортировка порошка через Брест? Вы же меня сами убеждали..

— Система Станиславского,— самодовольно ухмыльнулся Патрон.— Может, его система и в чем другом заключается, но лично я знаю, что человек должен свято верить. Ты мучился с милиционером и верил, а это главное. Такому чистоплюю, как ты, я не мог сказать, мол, хочу собрать в кулак максимальную наличность и сдать всех юнцов властям. Признайся, ты на такое дело не пошел бы?

— Никогда.

— А так как ты ничего не знал, то ментов ни на кого и не навел. Я тебе сказал, что мне требуется лучший сыщик, объяснил задачу, ты все выполнил. А что сыщик свои цели преследовал и кое-кого захватил, так ты в стороне.

— Кое-кого,— пробормотал Волин.— Гвардия наших партнеров. Я могу успеть...

Он замолчал, так как понял: если Патрон прав и Гуров ведет на посланцев охоту, то ничего уже изменить нельзя. Разве что стореть вместе, а братские могилы хороши лишь для неизвестных солдат.

— Значит, я все это время, как последний...

— Значит.— Патрон взглянул на часы.— И успокойся. Каждый считает себя самым умным. Сейчас твой подполковник ломает голову и убежден, что самостоятельно принимает решение. Ну, бог ему в помощь. Слушай, где и как ты обменяешь наркотик на валюту.

Волин слушал, запоминал, одновременно соображая, каким образом ему в решающие часы нейтрализовать Гурова. «Если

я буду возиться с наркотиком, а сыщик в этот момент не будет сидеть в полной изоляции, я тихо сойду с ума».

Он не ожидал подобного поворота событий. Патрон беспрельно циничен, но мудр и предусмотрителен. И в то же время Руслан Алексеевич знал твердо: недооценивать Гурова, полагать, что он пляшет под чью-то дудку, крайне опасно. Возможно, Патрон и обманул подполковника, как обманул и всех остальных, но, может, сыщик не пляшет, а сам музыку заказывает. И такой вариант полностью исключать нельзя, необходимо перестраховаться.

Полковник Орлов доложил, что ему необходимы тридцать машин, девятно оперативников как минимум, три машины «Скорой помощи», а к девяти утра желательно пригласить в управление пятерых следователей прокуратуры. Орлов получил людей и технику, хотя и не все, что требовалось.

В четыре утра он стоял у подъезда управления и молча провожал коллег на задание. Затем вернулся в контору, поднялся в кабинет генерала.

Константин Константинович кивнул на самовар и тарелку с бутербродами и продолжал писать.

Сейчас оперативники, возможно, стреляли, дрались, обливались кровью. Генерал писал, а полковник, развалившись в кресле, жевал резиновый бутерброд, пил безвкусный чай.

Наконец раздался первый звонок. Полковник вскочил, генерал щелкнул тумблером.

— Контора слушает.

Глава двенадцатая

Генерал выслушал сообщение, улыбнулся:

— Поздравляю. Благодарю. Жду.

— Кто? — спросил Орлов.

— Сапрыкин. Трое — у двоих пистолеты, у одного кастет — уже в машине.

Через час в управление доставили тридцать восемь человек. Четверых на месте не оказалось. Как и почему ушли — выясняли, оставили засаду. Было предположение, что боевики из гостиницы не отлучались, но по каким-то причинам оказались в других номерах. Выстрел прозвучал лишь один раз, пальнул с испугу молодой опер. Пятерым задержанным и двум сотрудникам хотя и сделали перевязки, но ничего серьезного не было.

Предстояла работа с задержанными, поиск исчезнувших миллионов. И самое главное — Гуров. Совершенно ясно: через рядовых бандитов выйти на главарей Корпорации, на наркотики и валюту не удастся.

Референт узнал о происшедшем около десяти утра, сразу после начала рабочего дня. Патрон, как всегда, оказался прав — «мавр сделал свое дело...».

Накануне вечером Волин проводил Константина Васильевича

Рогового в Шереметьево, прошел с ним в депутатский зал, помог донести чемодан. Здесь они сердечно распрощались.

Когда он вернулся домой, то вместо Юрия Петровича обнаружил короткую записку: «Благодарю, почувствовал себя плохо, уехал лечиться». Читая, Волин удивился телеграфному стилю, но обрадовался, что постоялец съехал, — надобность в Лебедеве уже отпала. Получив информацию о ночных событиях, Референт призадумался. Неужели старый лис о готовящейся облове пронюхал? Захваченные розыском уголовники знали лишь Лебедева, и хорошо, что он испарился, лучше бы до самого крематория. Сегодня Волину предстояла самая опасная, решающая стадия операции. Взять из камеры хранения чемодан с наркотиком, передать по назначению и получить валюту.

Когда Патрон назвал вокзал, номер камеры и шифр, Волин поморщился, мол, стар, как мир. Но хозяин резонно заметил, что, как только в стране откроют частные банки, будем пользоваться персональными сейфами, а сейчас потерпим. Волин не возражал, понял: миллионы Корпорации неведомыми путями попали в руки Патрона и сейчас скорее всего уже ушли по иному адресу. «Меня это не касается, — решил он, — главное — получить валюту, а там решим, кто танцует, а кто музыку заказывает».

234
Год назад четверо здоровенных наглых парней схватили Руслана Алексеевича Волина и, угрожая паяльником, потребовали десять тысяч — на большую сумму не хватило воображения. Волин для порядка всплакнул, деньги отдал и распорядился по команде — тогда ею руководил Веселов. Через три дня главарь шайки вернул деньги, долго просил прощения. За прошедшее время Волин несколько раз прибегал к услугам незадачливых рэкетиров, отметив, что шенята быстро взрослеют, обрастают плотной шерстью и в случае необходимости могут не только лягнуть зубами, но и схватить за горло. Д'Артаньян и три мушкетера, так называл их Волин, не имели контактов в его окружении, что и послужило решающим фактором при выборе исполнителей. Они были совершенно необходимы: Волин твердо решил — все время, пока он занимается с наркотиком и валютой, сыщик Гуров должен находиться под амбарным замком.

Референт встретился с главарем, назвал место и время, дал фотографию Гурова.

— Ни в какие переговоры не вступать, не калечить, в случае крайней необходимости оглушить, держать до двадцати четырех. После захвата позвонить, — сказал Волин, вручил аванс — тысячу, гарантировал по окончании еще пять.

Получив такие деньги, главарь не обрадовался, а насторожился: существовал примерный прейскурант на услуги, и заря лишнего никто не платит. Прикинув на ладони упакованные червонцы, главарь спросил:

— Он вооружен?

Волин любил бесплатные каламбуры, ответил:

— И очень, очень опасен. А за просто так, от жалости, подают лишь на паперти.

— С ним может быть охрана?

— Исключено. Он придет один. Только не обольщайся, парень. Обещаю, все деньги ты отработаешь сполна.

— Не пугай! Видели разных! — Главарь сел в «шестерку» и укатил.

— Ну, дай тебе бог. — подумал Референт, направляясь к своей машине, которую оставил на соседней улице. — Кто мне мешал обмолвиться, что, если клиент начнет «выступать», а это, конечно, неминуемо, проломить ему башку к чертовой матери. Нет, нельзя. — одернул себя Волин, — нельзя, хотя оставлять Гурова в живых — безумие. Парни для заказного убийства не годятся, сыпанутся на чем-нибудь и пропишут меня в тюрьме за подстрекательство в убийстве. Нет, я все сделал правильно».

Через час Гуров пошел в «вольво» к Волину, вежливо поздоровался, хлопнул Дениса по плечу и сказал:

— Привет, Дэнник! Все буржуев возишь?

— А ты, Лев Иванович, все жуликов ловишь? — усмехнулся Денис. — Каждый зарабатывает, как умеет.

— Значит, дела такие. — Референт повернулся к Гурову. — Мое начальство убыло в командировку, теперь я штурман и капитан. Сегодня я познакомлю вас с одним иностранным человеком, который примет вас с Денисом в Вене. Личное знакомство всегда надежнее писем и всяких дурацких паролей.

— Безусловно, — согласился Гуров.

— На Ленинградском шоссе, за Войковской, есть кооперативное кафе «44». Восемнадцать часов. Договорились?

— Хорошо.

— Денис, останови, мы пройдемся, — сказал Волин и первым вышел из машины.

Гуров сжал плечо Сергачева, тот понимающе кивнул.

— Вам, конечно, уже все известно. — Волин взял Гурова под руку. — И как понимать?

— А вы полагали, если подполковник Гуров в отпуске, связался с Корпорацией, то МУР закрыли на ремонт или переучет? Вы с ума посходили, притащили в столицу вооруженных бандитов, да еще накануне сессии Верховного Совета!

— Накладки бывают и на более высоком уровне, — миролюбиво ответил Волин. — Но арест наших боевиков произошел не без вашего участия, я убежден. Собака не может равнодушно видеть кошку, такова жизнь, и вы абсолютно правы. Вы принесли паспорт?

— Пожадуйста. — Гуров протянул свой паспорт.

— Отлично. — Волин положил его в карман. — Вы продолжаете считать, что братские могилы хороши лишь для неизвестных солдат?

Гуров не ответил, ждал продолжения.

— Отлично, — повторил Волин. — Значит, никаких фортелей против меня выкидывать не станете. Вы придете на встречу?

— Обязательно.

— Тогда до скорого. — Волин кивнул и уехал. Ему очень хотелось спросить, куда пропал Юрий Петрович Лебедев, но он сдержался, понимая, что либо сыщик ничего не знает, либо просто не ответит.

Гуров вернулся на квартиру приятеля, переговорил с Орловым, затем с Денисом, предупредил, что ребята должны приехать к месту встречи примерно за час, объяснил, как следует себя вести в дальнейшем, и лег отдыхать. Очень хотелось поговорить с Ритой и Ольгой, но он опасался, что может потерять душевное равновесие и уверенность, которые ему сегодня, как никогда, необходимы.

Он вздремнул, затем принял душ и побрился, надел свежую рубашку, самый нарядный галстук, спрятал пистолет и документы. В карман положил лишь носовой платок и деньги.

Когда он миновал Белорусский вокзал и выкатил по мосту на Ленинградский проспект, с машиной Гурова поравнялась знакомая «вольво», коротко просигналила, легко обогнала «Жигули», мигая подфарниками, начала останавливаться. За рулем сидел незнакомый парень. Гуров понимал, что его просят остановиться, тоже мигнул сигнальной лампочкой, обозначая поворот, но не припарковался, напротив, выжал педаль газа и оторвался от незнакомца. Конечно, на трассе такой трюк «Жигулей» против «вольво» стоил три копейки, но в условиях города Гуров сумел проскочить светофор, влетел у «Сокола» в тоннель и через несколько секунд уже остановился у кафе «44». Гуров заперел машину, когда подлетел парень на «вольво», выскочил из машины, выругался:

— Вы что, ослепли? Я приказал вам...

— Простите, не имею чести, — перебил Гуров и направился к дверям кафе, окна которого были плотно зашторены.

Парень растерялся, но быстро взял себя в руки, в два прыжка догнал Гурова, схватил за рукав.

— Лев Иванович, обстоятельства изменились, вас просят...

Гуров скал парню кисть, освободил рукав.

— Я не стар, но консервативен. — Гуров осматривал парня, мысленно составляя словесный портрет. — Во-первых, поздоровайтесь, затем представьтесь.

— Здравствуйте. — Парень шмыгнул носом. — Юрик, Юрий Копылов.

— Водительские права, Юрий Копылов. — Гуров протянул руку, решая, почему Волин прислал такого юнца.

— Лев Иванович, вы же машину знаете, Руслан Алексеевич просил извиниться и привезти вас в другое место.

Гуров взглянул на права, одновременно приглядываясь к таксисту, который, подняв капот, возился с мотором. Он уже стоял здесь, когда Гуров подъехал.

Гуров вернул парню права:

— Ты езжай впереди, я за тобой.

— Велено ехать на одной. — Юрий смутился. — Я привезу вас обратно...

Юрий, при всей своей сопливости, оказался отличным водителем, машину чувствовал, вел быстро, ровно, Гуров, сидевший на заднем сиденье, оглянулся: такси следовало за «вольво», порой исчезало, вновь появлялось.

«Кажется, меня хотят упрятать. Юношу Юрика можно остановить в любой момент, но что я выиграю? Убивать меня, судя

по всему, не собираются, такие дела выполняют иначе, но и помощи мне теперь ждать неоткуда — самонадеянные спортсмены застряли у кафе, сколько дурака ни учи, он умным не станет. Следовало просить ребят у Орлова».

«Вольво» свернула с окружной и покатила по отличной дороге, замелькали посты ГАИ, навстречу проскакивали длинные лакированные лимузины с затемненными пуленепробиваемыми стеклами. По обочинам дороги стояли стройные сосны, стало ясно: на данной территории проживали не хозяева, а слуги народа.

Юрик уверенно повернул, подъехал к высокому забору, прокатил вдоль и въехал в ворота, которые тут же начали закрываться. В узкий просвет Гуров успел увидеть, как такси проскочило мимо.

— Вас ждут,— сказал Юрик.

Сыщик оглядел особнячок. Двухэтажный домишко создали истинные умельцы, и, судя по всему, не при убиенном Николае и даже не при горько оплакиваемом Иосифе, а значительно позднее. Кирпичики уложены, словно кафельная плитка в фирменной ванной комнате, не швы, а ровные линии, прочерченные профессиональной рукой, ни зазубринки, ни осколочка. Значит, недоглядели, кто-то из работяг все-таки на Руси остался.

Гуров шагнул на мраморные ступеньки, которые явно откуда-то украли, а что непременно украли, сомнений не было: мрамор был дореволюционного происхождения. Сыщик потянул за кольцо, прикушенное звериной мордой, массивная дверь распахнулась неожиданно легко. Дверь тоже украли, понял Гуров, вытер ноги и зашагал по ковру того же происхождения.

Он почувствовал: за портьерой прячутся, вздохнул, пытаясь унять противную дрожь, которая обычно появлялась в минуты опасности. «Не валяй дурака и не сопротивляйся», — скомандовал себе Гуров и прошел мимо плюшевой портьеры. В этот момент сыщика и схватили. Хотя он был к этому готов и только что отдал себе разумные команды, однако рефлекс сильнее разума. Он подсек чью-то ногу, ударил кого-то по голове, в результате сам получил удар, обмяк, на мгновение потерял сознание, затем почувствовал, как его обыскивают, и услышал удивленный голос:

— Парни, да он пустой! Шеф болтал: опасный, а мужик просто глупый.

Гурова швырнули в огромное кресло и предупредили:

— Будешь дергаться, набьем морду.

— Но-но, я этого не люблю,— Гуров хотел встать и тут же схлопотал кулаком по макушке.

— Сказал же — сиди,— прогудели за спиной и бросили через плечо «Огонек». — Просвещайся.

Во время нападения ни одного лица Гуров не видел, боевики и сейчас стояли за спиной. Он решил, что их трое, хотя, как известно, «мушкетеров» было четверо.

«Ну, а теперь быстро,— скомандовал себе Гуров,— найди решение. Тебя не собираются калечить, тем более убивать. Приказано захватить и держать. Зачем? Волин собирается вы-

полнить главную акцию. Какую? Валюта. Наркотик. Обмен. Получение. Передача. Но Волин должен быть уверен, что его парни не промахнутся. Значит, сейчас они должны позвонить, и Волин начнет действовать».

Гуров сидел лицом к дверям, видел инкрустированный столик с белым телефоном в стиле «ретро» и подумал, что в доме должно быть несколько аппаратов, будут звонить, конечно, с другого, но этот должен звякнуть. Затем следует выждать, дать Волину возможность выехать, иначе, когда Гуров вырвется, они перезвонят, предупредят. Где тогда искать Референта?»

И аппарат на столике тренькнул: из другой комнаты звонили. «Сейчас за моей спиной стоят лишь двое, — подумал Гуров, — удобно, но следует подождать».

В спортзале, где занимались каратэ, он был только два раза, на большее его не хватило. Гуров вспомнил худощавого тренера, который шутя дробил ребром ладони кирпичи, мог взбежать по стене и ударить ногой в потолок.

«Здорово, но не для меня», — решил тогда Гуров. Сыщик — это ум, воля, память, реакция, а руки и ноги на последнем месте. Однако, когда несколько лет назад участились нападения на сотрудников, он притащил в дом гантели, гирию, гимнастическую резину, начал отжиматься от пола и оброс солидной мускулатурой.

Но сейчас этого мало, против троих ему, конечно, не выстоять. Необходимо придумать какой-то трюк либо завладеть оружием. Сгодится и кочерга, металлический штырь. На стенах ничего не висит? Гуров покосился в одну сторону, затем в другую, чуть повернулся. Его мгновенно схватили за плечо, и перед носом появилась рука, сжимавшая опасную бритву. Голубое холодное лезвие опустилось ему на бедро, легко «лизнуло», брючина распалась, боли он не почувствовал, казалось, к бедру приложили не очень горячий компресс.

— Привяжем к креслу — и порядок, — произнес голос за спиной. Говоривший, дыша в самое ухо, вытер бритву о разрезанную штанину.

Телефон вновь тренькнул, видимо, разговор закончился.

Гуров поджал ноги, решил больше не ждать. «Отшвырну кресло назад, сам в дверь, и если сумею завладеть машиной...»

Хлопнула входная дверь, послышались шаги, и в гостиную солидно, словно званые гости, вошли трое — Кирилл, Прохор и бритоголовый «кубик», имени которого Гуров не знал.

— Здорово, ребята! — Прохор развел руки, словно готов был обнять весь мир.

— Стоять! — рывкнули за спиной Гурова.

— Я говорю, привет, а ты — стоять? — возмутился Прохор. — Говорят, рэкетеры силовы из спорта. А я вас не знаю.

Прохор подошел так близко, что Гуров увидел бисеринки пота на его бровях.

Сыщик отшвырнул кресло и ласточкой нырнул в сторону, над ним пролетело что-то огромное, круглое, словно гигантское пушечное ядро. В то же мгновение раздался выстрел, грохот падающих людей и предметов, крики. Гурову казалось, что он

вскочил очень быстро, тем не менее схватка уже закончилась. Прохор разглядывал пистолет, два бандита лежали без движения, один безуспешно пытался вылезти из-под обломков кресла, еще один — теперь подполковник понял, что захватчиков было четверо, — задыхаясь, болтая руками и ногами, извивался в воздухе: «кубик» держал его на вытянутых коротких мощных руках. Затем с силой ударил бандита о собственную голову, и Гуров услышал, как трещат ломающиеся ребра. Тело шлепнулось на ворованный ковер.

— Если медицина окажется бессильна, — богатырь погладил свою макушку, — ты, Лев Иванович, подтвердишь, что я не превышал допустимых пределов обороны.

— Как вы?.. Откуда? — Гуров недоуменно осмотрелся, бросил взгляд на часы, решая, каким образом происшедшее побоище оформить, придать ему законный вид. — Ладно. Я уезжаю, всех грузите в машины, везите прямо на Петровку, к полковнику Орлову.

Гуров забрал у Прохора пистолет, придерживая разрезанную, подмокшую от крови брючину, выскочил из дома.

— «Спасибо» сказал? — спросил сидевший за рулем «вольво» Сергачев.

— Давай в Москву, быстро! — Гуров взглянул на притулившегося на заднем сиденье Юрика.

— Значит, не сказал, — констатировал Сергачев. — И отчего ты такой равнодушный и спокойный?

— Я не спокойный, а тренированный, — ответил Гуров. — Твои товарищи рисковали, а ты в машине прятался.

— От рождения труслив, — парировал Денис. — Мы знали, что в доме только четверо, зачем лишние люди?

— Выедешь на трассу, останови у поста ГАИ, я скажу несколько слов. Объясни, как вы удержались за нами? Я проверял, вас на нашем «хвосте» не было.

— Все гениальное просто, — скромно ответил Сергачев. — Это для тебя я Денис, неплохой мужик, но рядовой товарищ. А для миллионов болельщиков Денис Сергачев — легенда.

— Ты легенду пропусти, давай главное.

Денис собрался было обидеться, но, заметив в глазах Гурова смешливые искорки, вздохнул:

— Мы подъехали к кафе заранее, огляделись, тут такси подкатило, водитель этак неторопливо, словно не от счетчика живет, а ему с наших налогов отстегивают, начал копать в движке. Мне это не понравилось, я подошел, предложил помочь, а он смотрит на меня, будто я только с креста слез, и спрашивает:

— Неужто?

Я, честно, не сориентировался, подзабыл свою великую славу, но отвечаю: «Обязательно!» Дальше просто. Прохор подошел. Они обнялись, чуть не прослезились. Водитель объяснил, что его наняли, и не впервой. Когда узнал, что дело и нас касается, объяснил, в какое место нанимателю он засунет полученные деньги.

— Молодцы. Твои парни — высший класс! — Гуров повернулся к Юрику. — Твоя очередь, говори — кто такой?

— Да плевать я на тебя хотел, мент паршивый!
Застенчивость мальчишки исчезла, на Гурова смотрели злые, ненавидящие глаза.

Гуров устроился поудобнее, подмигнул и сказал:

— Если бы из слов можно было бы строить, то из «паршивого мента» я бы сложил замок.

— Ты уже побывал в моем замке,— процедил парнишка,— я вас всех ненавижу.

— Сколько тебе заплатили?

— Нужны мне ваши паршивые деньги!

— Значит, за просто так, за идею? У папы что-то отобрали, решил мстить?

— Нужен мне этот холуй!

— Значит, папа тоже плохой.— Гуров согласно кивнул.— А кроме тебя, кто хороший?

— Лев Иванович.— Сергачев остановился у поста ГАИ.

Гуров выскочил из машины.

— Поддай вперед, здесь остановка запрещена,— сказал сердитый лейтенант.

— Непременно.— Гуров кивнул и вошел внутрь поста ГАИ.

Волин знал: линейная милиция за обстановкой в камере хранения наблюдает — и, чтобы не привлекать к себе внимания, прошел быстро, уверенно, остановился у нужного номера, набрал шифр, открыл дверь — камера была пуста. Он по инерции сунул руку внутрь, нащупал тонкий конверт, с невозмутимым видом положил в карман, ловко уворачиваясь от баулов, узлов, чемоданов, выбрался на привокзальную площадь.

«Неужели боров не способен поступать честно? — думал он, направляясь к машине.— Конверт тонкий, там может лежать лишь записка. Может, это последнее «прости»? И я уже никогда не увижу Патрона?»

Волин сел в машину, вскрыл конверт, вынул отпечатанный на машинке листок.

«Все остается в силе, в двадцать часов находишь у себя дома. От записки прикури любимую трубку и не думай обо мне хуже, чем я есть».

В шикарном подъезде Руслана Алексеевича Волина ожидала группа товарищей. Телевизионные камеры, корреспонденты и цветы отсутствовали. Встретившись взглядом с Гуровым, Волин вопросов задавать не стал, пригласил всех в квартиру. Публики набралось предостаточно. Полковник Орлов, следователь прокуратуры, два криминалиста, понятые, в общем, толпа.

Следователь предъявил документы, открыв папку, ознакомил хозяина с постановлением на обыск. Волин читать бумагу не стал, отвернулся и сказал:

— Раз пришли, располагайтесь. И объясните, что вы хотели бы здесь найти. Возможно, я вам помогу.

Гуров не сомневался, что Волин вернется в дом с товаром — валютой или наркотиком,— и сейчас чувствовал растерянность.

Волин понимал, что истинный организатор происходящего

Гуров, будь он трижды проклят. Да, хвала Патрону, предусмотрительному мудрецу, оставившему в камере хранения лишь записку. Хорошо бы он, Волин, смотрелся, заявившись сейчас с товаром в руках. Ладно, сейчас потерпим, решил Волин, когда все утрясется, не станет больше деликатничать, скажет Патрону: пусть прикажет Гурова убить, и чем скорее, тем лучше.

Следователь разложил на столе бумаги и начал задавать вопросы. Для начала убедился, что перед ним действительно Волин Руслан Алексеевич, который родился в такой-то день и год, в таком-то месте, прописан по настоящему адресу, занимает такую-то должность, член КПСС, ранее не судим и т. д.

— Гражданин Волин,— начал следователь,— попрошу вас сдать золото, иностранную валюту, наркотики.

— Гражданин следователь, я вам помочь не в силах. Наркотиков в доме нет, можете искать, только предупреждаю, мебель антикварная, попортите, вашей зарплате...— Волин махнул рукой.— Впрочем, с завтрашнего дня вы вообще никакой зарплате получать не будете.

— Я вас попрошу! — Следователь встал.

— Не стоит просить, не на паперти,— остановил следователя Волин.— Золотые изделия и валюта у меня имеются, могу предъявить. Все мной заработано, доказывать данный факт я не собираюсь, так как в отличие от вас человек умный и знаю свои права и ваши обязанности.

— Я же тебя просил,— прошептал Гуров,— привези следователя, а не партийца, этой комедии края не видно.

Орлов вздохнул. С прокуратурой отношения напряженные, и прокурор прислал выдвигенца, радетеля перестройки.

Следователь вновь сел, забарабанил пальцами по столу, понятия не смотрели на него насмешливо, сотрудники — равнодушно, только оперативники не обращали внимания: они плохих работников и раньше видели.

— Вы мне какую-то бумажку показывали, вроде ордера на обыск,— сказал Волин.— Я читать не стал, так как подполковника Гурова знаю лично и убежден: Лев Иванович никакого беззакония не допустит. Однако вы, представитель прокуратуры, объясните, какими обстоятельствами вызван ваш визит? И в чем конкретно подозреваете гражданина Волина?

Следователь растерялся, его заверили, что подозреваемый явится с доказательствами в руках.

Орлов тяжело поднялся, кивнул следователю на дверь в соседнюю комнату и сказал:

— Можно вас на минуточку? — Грузно ступая, он вышел из гостиной, следователь вылетел следом.

— Надеюсь, вы ничего мне не подбросили? — громко сказал Волин.

Одна из понятых, ветхая старушка, легко скользнула со стула:

— Случалось, уважаемый, ох, как случалось,— и нырнула следом за представителями власти.

Следователь, не обращая на старушку внимания, запальчиво говорил:

— Как вас понять? Вы гарантировали!

— Молодой человек, если у вас плохо с памятью, смените профессию. Я не сберкасса, я ничего не гарантирую. Волин явился без портфеля или чемодана, вы должны были сориентироваться и вести разговор лишь об имеющихся против него материалах, требовать выдачи оружия. Волин официально принял на себя и документально обосновал пятьсот тысяч рублей и пять тысяч долларов! Вы в своем уме?

Старушка, скрестив морщинистые ладони на плоском животе, слушала с явным удовольствием.

Эксперты вышли на лестничную площадку покурить, в гостиной остались сыщик, Референт да один понятой, который, судя по возрасту и равнодушию, уже столько перевидал обысков и допросов, что полностью адаптировался, сразу придвинул стул к стене, откинулся на спинку и прикрыл глаза. По опыту знал: когда потребуется, разбудят.

— За обыск ответит следователь, — сказал Референт. — Вот кто за убийство генерала Потапова ответит?

— А вам поклон от вашей бригады, их осталось трое, один, думаю, не выживет. Но особо просил кланяться юноша, сынок хозяина дачи. Юрику предъявят обвинения, папа, полагаю, вступится. Короче, тюрьму я вам гарантирую.

— Будем перестукиваться? — спросил Волин. — Пока идет совещание в верхах, — он кивнул на закрытую дверь, — я сварю кофе. Всем не обещаю, но вы чашечку получите.

— Не стоит! — Гуров поднялся и преградил Волину выход из гостиной.

Судя по всему, следователь страдал аллергией на правду, его лицо покрывали багровые пятна. Орлов же, вернувшись, сонно огляделся и на секунду задержал цепкий взгляд на Гурове. Тот состроил гримасу, мол, возможно, сейчас зацепимся. И вспомнил: когда Волин, отперев замки, прошел в квартиру, то заглянул на кухню. Гуров находился сзади и лица хозяина не видел, но заметил: Волин вздрогнул и напрягся. Гуров это мгновение отметил, решил, что в кухню стоит заглянуть, а потом забыл о своем намерении. Не в состоянии вспомнить имени и отчества следователя, он взял его по-приятельски под руку, негромко сказал:

— Пригласите понятых. Я частенько ошибаюсь, но случается всякое... — и уже другим тоном продолжил: — Хозяин, за ним понятые, пройдите, пожалуйста, на кухню.

По выражению лица Волина сыщик понял, что в данном случае не ошибся.

На кухонном столе стоял пухлый портфель. Следователю не совсем, видимо, отшибло мозги, так как он, сориентировавшись, спросил:

— Гражданин Волин, что находится в данном портфеле?

— Понятия не имею, данный портфель я в первый раз вижу, — ответил Волин.

Следователь обратился к понятым:

— Скажите, кто последним входил в квартиру?

— Вот они.— Старушка указала на экспертов.— А мы с Валюшей перед ними. Но они на кухню заглядывали, я помню...

— Перестань, Аннушка.— У ее мужа, несмотря на хилое телосложение, оказался мощный, с хрипотцой бас.— Портфеля ни у кого в руках не было. Да и такие громоздкие предметы не подбрасывают.

— Я тоже так думаю.— Следовательно обрел уверенность.— Анна Григорьевна, вы у нас самая бдительная, откройте портфельчик. Хозяин его не видел, мы тем более. Все вместе и поинтересуемся содержимым.

Аннушка подергала замок, портфель легко открылся, старушка вынула мятую газету, затем белый полиэтиленовый мешочек и осторожно положила на стол.

Некоторое время все молчали. Орлов встретился взглядом с Гуровым, стукнул по виску указательным пальцем и оттопырил большой. Следовательно заметил и усмехнулся.

— Полагаю, что столь «крохотный» портфельчик сумел бы обнаружить и следователь прокуратуры.

Орлов хотел ответить, что следователь прокуратуры, судя по его квалификации, давно бы уже, принес извинения, из квартиры убрался. Но полковник имел изрядный опыт не говорить всего, что хочется, поэтому промолчал и согласно кивнул.

Глава последняя

Кулечков в портфеле оказалось двенадцать штук, Аннушка выстроила их рядом и сказала:

— На сахар не похоже, мягонькие. Может, сахарная пудра?

— Возможно.— Следовательно не сводил взгляда с Волина.— Только мы гадать не будем. У нас есть специалисты, пусть определяют.— Он повернулся к экспертам.— Товарищи, прошу...

— Необходимо отвезти в лабораторию,— ответил эксперт.— Составить протокол изъятия и в лабораторию...

— Товарищ, не учите меня,— перебил следователь, продолжая сверлить взглядом Волина.— Вы дайте предварительное заключение. А то действительно изымем какую-нибудь пудру, позора не оберешься...

— Я повторяю, данный портфель вижу впервые и что в нем находится, не знаю,— сказал Волин.

— Преступник никогда не знает, что находится у него дома. Золото, бриллианты, мешки денег.— язвительно заметил следователь.— И что у него в кармане лежит, преступник тоже не знает.

Волин выпрямился, развернул плечи. Обычно мягкий, вялый в движениях, сейчас он подобрался, походил на строевого офицера.

Гуров его не жалел — человек сам определяет свою судьбу.— но смотрел на Референта с уважением: силенка и воля у него присутствовали.

— Эксперты и понятые останутся здесь, а мы пройдем в го-

стиную, — сказал следователь. — Надеюсь, гражданин Волин пожелает сделать заявление.

— Пожелает, и именно заявление. — Волин первым вышел из кухни, посмотрел Гурову в лицо. — Награды получит этот щелкопер, а ты, Лев Иванович, получишь срок. Только мы пройдем не в гостиную, а в кабинет.

— Не забывайтесь, здесь распоряжаюсь я! — вскричал следователь.

— Присаживайтесь, — сказал Волин, когда они вчетвером вошли в кабинет. — А вы, гражданин следователь, усаживайтесь за стол, раскладывайте свои бумажки, вы сейчас будете писать.

Следователь промолчал, сел за массивный стол и с нескрываемой завистью осмотрел роскошные предметы из бронзы и янтаря. Орлов опустился в низкое кресло, Гуров подошел к книжному шкафу.

— У вас недавно убили генерала, — сказал Волин, снимая со стены старинный мушкет с широким прикладом.

— В данный момент это не имеет значения. — Следователь взял со стола серебряный «паркер» с золотым пером, нарисовал в блокноте несколько завитушек и расписался. — Несколько позже я вас допрошу по этому вопросу.

— Почему позже? — Волин отодвинул у приклада мушкета заднюю задвижку и поднял мушкет над столом. Приклад оказался полым, и Волин пытался что-то вытряхнуть из него. Все следили за манипуляциями хозяина, но из приклада ничего не выпадало. Волин запустил в полость руку, понял, что тайник пуст, и повернулся к Гурову. Сыщик листал томик Эдгара По, не обращая внимания на происходящее.

Волин не верил собственным глазам, исчезновение пистолета с отпечатками Гурова и фотографий потрясло Референта больше, чем обнаруженный на кухне портфель.

Следователь смотрел недоуменно.

— Вот, — сказал Гуров, найдя в томике Эдгара По нужную страницу. — Основоположник детективного жанра в своем рассказе «Пропавшее письмо» утверждает, что самый надежный способ спрятать предмет — вовсе его не прятать, а положить на видном месте. Это старинное оружие висит на самом виду.

— А что вы прятали? — спросил следователь.

— Теперь это не имеет значения, — ответил Волин.

В кабинет заглянул эксперт.

— Товарищ следователь, можно вас на минуточку?

Следователь вышел, сыщик поставил томик Эдгара По на место.

— Если вы читаете книги, это не означает, что все остальные их не читают, — сказал Гуров. — Лежачего, конечно, не бьют, но вынужден добавить: Олег Веселов жив, находится в наших руках. Не хочу читать нравоучения, но если вы ставите кашкан, то не попадайтесь в него сами. Ваш трюк с записью разговоров в машине... далеко не высшего класса. И думаю, нам удастся восстановить обстоятельства убийства генерала Потапова.

Волин открыл бар, налил себе изрядную порцию.

— Ни скупку, ни перепродажу вы не докажете. Хранение наркотиков... — Он выпил. — Сколько лет?

— Я не знаю статью, — ответил Гуров. — Петр Николаевич?

— А черт его знает, не сталкивался. — Орлов поднялся. — Приедем домой, посмотрим.

Вернулся следователь; он был хмур и деловит.

— Руслан Алексеевич, я у вас возьму подписочку о невыезде из Москвы. Завтра в пятнадцать попрошу явиться в прокуратуру. У меня к вам несколько вопросов. Я не извиняюсь, никакого ущерба мы вам не нанесли, однако, — он развел руками, — розыскники — народ горячий, кавалеристы! А мы нудные законники. — Он кивнул опешившему Волину, на Гурова даже не взглянул. — Товарищ полковник, поехали, договорим в кабинете...

Отзвучали шаги, захлопнулись все двери. Волин стоял в холле со стаканом в руках. За спиной раздался тихий смех. Волин судорожно повернулся и увидел старушку Аннушку.

— В наши-то времена они не цапкались, говорили, был бы человек, а статью и доказательства мы всегда найдем. Кто же над вами так подшутил, голубчик? — Старушка трясла задремавшего мужа. — Валюша, хватит спать, идем домой чай пить.

— Я как чекистов увижу, так в сон клонит, — прогудел старик, поднимаясь.

Волин все еще не мог прийти в себя. Ясно, что в таинственном портфеле не обнаружили криминала. Но тогда что это за портфель, откуда и зачем?

— Руслан Алексеевич, тебе такое количество крахмала ни к чему, я возьму пакетик? — спросила Аннушка.

— Крахмала? — Волин допил из стакана, поперхнулся. — Забирайте весь, сделайте одолжение.

Старики взяли только один пакет, остальное Волин спустил в канализацию, протер стол, швырнул портфель в угол и начал размышлять, что же ему делать: то ли петь и плясать, то ли материться и ломать мебель.

Да, его могли арестовать, а он остался на свободе. Но где валюта?

Размышления Волина прервал телефонный звонок.

— Слышал, тебя можно поздравить? — спросил Патрон, довольно рассмеявшись. — Теперь ты понимаешь, чем умный отличается от дурака?

— Вы в Москве? — растерянно спросил Волин.

Константин Васильевич Роговой сидел на кухне собственной дачи, разговаривал по телефону и не сводил глаз с двух кроликов, которые жарились на вертелах в камине. Дача Патрона состояла из двух комнат — кухни и спальни, каждая метров по двадцать.

— Эх, Русланчик, нет чтобы поблагодарить старика, который уберет... — Патрон зажал трубку огромной ладонью и сказал: — Поверти вертела, стоят ведь, и жирком, жирком полей.

Сидевший в плетеном кресле Эфпенди легко поднялся, подошел к камину и начал возиться с кроликами.

— Да куда я не пропад, здесь, — ухмылялся Патрон, — просто у меня ты не один, другие дела имеются.

— Так вы в Москве? — вновь повторил Волин. — А где товар?
— Убыл. Ты же сам его в Шереметьево оттащил. Все в порядке, не волнуйся.

Волин вспомнил, как провожал Патрона, нес за ним чемодан и удивлялся его тяжести. Обычно, улетая на два-три дня, Роговой брал с собой лишь свежие рубашки да туалетные принадлежности.

— Что, язык проглотил? — Патрон явно наслаждался произведенным эффектом. — Я в лайнер зашел, неважно себя почувствовал и вернулся, а товар улетел. Уже получил телекс, все в норме, деньги переведены на счет. Ты давай из Москвы убирайся, здешний климат тебе вреден. Ты подручного-то своего, спортсмена, прохлопал, живехонек он, не говорит сегодня, начнет болтать завтра. Улетай в Вену, я тебе кое-что переведу, живи, поглядим, как здесь все обернется.

— Я все понял, только зачем был нужен этот цирк с крахмалом?

— Не понял? Молодой. Выполняй, что сказано. Мы еще с тобой поработаем. У властей выходов на меня нет.

— А Юрий Петрович?

— Он уехал, его не достать...

— А люди? Они потеряли сто миллионов, не успокоятся.

— Не потеряли, а заплатили, — ответил Патрон и показал Эффенди, что кроликов надо еще раз перевернуть. — У людей сегодня забот хватает. Папанов-то Гуров захватил, одни будут молчать, другие — пощывут. Люди будут заботиться в первую очередь о своей жизни, свободе, о деньгах и не вспомнят.

«Да он обыкновенный бандит, — подумал Волин, — ограбил компаньонов. — Но быстро внес коррективы. — Титан. Генный. Сто миллионов! И ведь принесли-то их с поклоном».

— Мне жить в Вене на ваши подачки?

— И тихо жить, — уточнил Патрон. — Убийц цивилизованные страны выдают. Австрия — очень цивилизованная страна. А насчет подачек ты не прав. Ты получишь хорошие деньги. И останешься моим человеком, я сам найду тебя. Удачи!

Патрон положил трубку и заторопился к камину.

— Сыщик — молодец, я не ошибся в нем, — сказал Патрон. — Всех мальчишней-кибальчишей он подмел подчистую и моего верного Санчо Пансу напугал до смерти.

— А как с ним? — спросил Эффенди.

— Мы же договорились. Или я плохо заплатил?

Эффенди получил свою долю в наркотике и претензий по оплате не имел, однако с ликвидацией Гурова возникли сложности: у убийцы в данный момент не было пистолета, а ножом он пользоваться не любил.

— Ты уходишь в Турцию? — Патрон выпил вина. — Граница там дырявая, сложностей не возникнет. — Он помолчал. — Если только стукнет кто. Но ведь, кроме нас двоих, и нет никого.

Уже давно никто не смел угрожать Эффенди, и он не выдержал. Нарушая собственную заповедь отвечать на угрозу лишь выстрелом и никогда словами, ответил:

— Ты умный, но убить тебя значительно легче, чем сыщика.

— Я умный, — согласился Патрон. — Если ты решишь выпол-

нить более легкую работу, то потом быстрее удавись, чтобы не мучиться.

Он сунул руку под подушку, вытянул шелковый шнур и бросил на колени Эффенди.

— Сними лостру, там крюк крепкий.

— Я пощупил, Патрон.— Эффенди бросил шнур на лавку.

— Я тоже пощупил, Эффенди, ты настоящий мужчина и профессионал. Сыщик выполнил свое, пусть уходит. А ты обоснуйся в цивилизованной стране, через два-три года о тебе напрочь забудут. Ты прилетишь официально, с паспортом и валютой в кармане, мы встретимся и решим, как нам жить дальше. Я не знаю точно, как там,— Патрон махнул огромной ручищей на окно,— но у нас в настоящей цене лишь такие, как мы с тобой, люди, обладающие реальной властью. Эти,— он ткнул пальцем в потолок,— тщеславны и болтливый, и, как всякую крышу, их можно поменять. Эти,— Патрон топнул слоновьей ногой по полу,— нищи и бесправны! Я! — Он ударил себя в грудь.— Фундамент! Вместо меня можно выкопать только яму. Чтобы так глубоко копать, нет смелости, нет силы, веры, денег. Ничего нет! И я бессмертен! Через несколько месяцев заработает рынок, наши деревянные рубли превратятся в пыль, народ...

Патрон презрительно скривился и произнес:

— Трудящиеся начнут голодать, деловая мелочь, ломая зубки, начнет отрывать кусочки... Правители, сытно кушая, будут продолжать свои игры, сменять друг дружку, принимать самые последние и самые важные постановления, шнырять по заграницам. Наступают веселые денечки...

Патрон встал, качнулся, направился в спальню.

— Ты располагайся, Эффенди... Надо бы немного похудеть. Ты как полагаешь?

Эффенди не ответил, а Патрон разделся и быстро заснул.

— Звонили из прокуратуры,— сказал полковник Орлов.— Твой Веселов начал давать показания. А подполковника Гурова приглашают завтра к четырнадцати.

— А мой Волин улетел в Вену,— в тон полковнику ответил Гуров.

Друзья сидели в кабинете Орлова. Недавно они «парились» на ковре у Турилина и сейчас лениво переговаривались, изрядно друг другу надоели и не знали, как без злобы расстаться.

— Твоего Лебедева зарезали на Ленинградском вокзале.

— Заткнись,— сказал Гуров.— Я обещал ему безопасность и слова не сдержал. И не бей по больному. Лучше скажи, куда подевалась тонна денег, которую свезли из всех отделений Корпорации?

История исчезновения несметных миллионов была разгадана. Гонцы доставляли Лебедеву деньги и уходили. Он тут же упаковывал их в бумажный мешок и выбрасывал в мусоропровод, где их подбирали и отсылали по назначению.

В квартире не было черного хода, окна выходили лишь на улицу, наблюдение вели только за подъездом.

— Может, ты все-таки уйдешь? — тоскливо спросил Орлов. — Ну не могу я тебя сейчас видеть. Все, мое терпение кончилось.

Гуров тихонько засвистел, пошел к дверям, взялся за ручку, не оборачиваясь, спросил:

— А завтра?

— Что завтра? — Орлов начал шарить по столу, отыскивая, чем бы запустить в Гурова.

— А завтра у тебя терпение появится? Прекрасно, тогда я тебе и сообщу, кто руководитель Корпорации.

Гуров вышел. Заглянул в свой кабинет, не присаживаясь, записал данные Рогового, запер листочек в сейф и вышел на улицу.

«Жигули» почему-то утром не завелись, из дома на Петровку его довез частник, а обратно подполковник решил пройти пешком. Он пытался настроить себя на мирный лад, не обращать внимания на заганянные лица москвичей и гостей столицы, на грязь — в последнее время улицы не только не убирали, но, казалось, умышленно старались предельно испакостить — на бульварах, тротуарах, везде валялись окурки, пустые бутылки, огрызки, фантики. Гуров старался смотреть поверх всего этого безобразия, но взгляд упирался в облезлые стены домов и бессмысленные лозунги.

Он прошел Тверской бульвар, свернул на улицу Герцена, миновал здания посольств, выделявшихся из своего окружения опрятностью, чистотой стен, пересек Садовое, и тут в толчее, которая возникла напротив высотного здания, Гурова остановил плотный седой мужчина:

— Я будто бы спрашиваю у вас дорогу, а вы мне ее указываете.

Сыщик мгновенно подобрался, быстро взглянул в лицо говорившего. Оно было испуганное, неуловимо знакомое, из далекого прошлого. Мужчина пытался улыбаться, кривил дрожащие губы.

— Конечно, с удовольствием, — ответил Гуров, кивая. — Спрашивайте коротко, идите рядом.

— Ты на мушке, сейчас начнут стрелять.

— Народу многовато, — ответил Гуров, указывая в сторону зоопарка. — Кто?

— Ты меня не помнишь, за мной должок, ты был человеком...

— Пройдите прямо, с правой стороны станция метро. — Гуров указал направление.

— Пистоль купил утром, я случайно...

— Спасибо, уходи, не торопись и сразу в метро. — Гуров улыбнулся, пересек брусчатку и вошел в толпу, которая завихрялась у ведущей к магазину лестницы.

Эффенди, уверенно подумал он. Можно позвонить и вызвать опергруппу. И что? Сейчас он не знает, что я предупрежден, увидит оперативников... Да и сам факт, что я войду в телефонный автомат за два квартала от своего дома. «Жигули» утром не завелись... Он на машине? Нет, у него, конечно, есть машина, но где-то в стороне. Эффенди определил место, и оно не здесь. На Грузинской, после перехода между зоопарками, у перехода слишком многолюдно... Ближе к моему дому, машина где-то за углом... Стрелять будет метров с десяти. Но не факт, возмож-

но, в упор, пройдя мимо. Недалеко от угла, ближе к машине.

Гуров купил эскимо, словно сторонний наблюдатель, отметил, что руки у него не дрожат. А вот с ногами хуже, идти не хотят, задервенели. Он прижал левый локоть, проверил пистолет. «Я не успею достать. Можно незаметно переложить в боковой карман, но все равно не успею. Эффенди — профессионал, он мне и дернуться не позволит».

— Купите розы! Молодой человек, взгляните, какие розы!

— Это я? — Гуров бросил эскимо в урну. — Молодой? — Он вынул из ведра колючую розу, пытаясь сосредоточиться.

Торговка была молодая, неряшливо одетая, с ярко накрашенными губами и стойким запахом недавно принятого.

— Сколько стоит? — спросил Гуров.

— Пятерка.

— Считаю, даром. — Гуров улыбнулся. — Вас послал бог.

— Кончай развешивать, отходи, покупателей отпугиваешь.

— А сколько здесь всего? — Гуров испугался, что в новый костюм не переложил деньги, опустил руку в карман. Деньги оказались на месте. — Возьму двадцать пять штук по три рубля.

Он отказался от целлофановой обертки, достал из кармана «Литературку», обернул колючий букет.

Проходя между стоявшими машинами, быстро вынул пистолет, снял с предохранителя, вставил оружие в цветы и, держа их неестественно скованной рукой, уверенно направился к зоопарку.

«Теперь задача, — думал он, сворачивая на Грузинскую, — не подпустить к себе сзади и не прозевать тормозящую рядом машину. А уж встречного угадаю». Он вспомнил фотографию Эффенди. Пустое, в лицо не узнать. Приметы? Как одет? Он выберет крайности. Претенциозный иностранец либо опустившийся пьянчуга. Скорее, первое.

Сыщик миновал переход, уступил дорогу девушке с детской коляской, повернулся. Ни одной подходящей фигуры, одиноких мужчин вообще нет.

Из-за угла выкатилась детская коляска, появился папаша. Гуров вспомнил, как давно, в прошлой жизни, использовал этот прием, и бросился к стене. Увидел Эффенди, пистолет — все очень отчетливо.

Выстрелы слились, сыщик и убийца одновременно налетели грудью на пули, шагнули друг к другу. Эффенди рухнул на коляску, подполковник Гуров упал на мостовую, уткнувшись лицом в цветы.

Константин Васильевич Роговой, начальник Главка, депутат, кандидат в делегаты очередного съезда, крепко спал. Сегодня он решил начать новую жизнь, потому на ужин ограничился жареным цыпленком, фруктами, от вина отказался, а выпил лишь бутылочку коньяка.

При своей комплекции и лежа навзничь он должен был бы храпеть. Но, как известно, Константин Васильевич презирал законы, даже физические, спал спокойно, тихо, дурных, как и веселых, снов по своему обычаю не смотрел, совесть его никогда не беспокоила, словом, спал, как малый ребенок.

ГОНИМЫЯ ДУША

ВАЛЕНТИЙ СОРОКИН

Теперь,
когда улеглись
наши страсти
вокруг имени
Николая Рубцова,
а стихи его
«обвыклись»
в литературной
и житейской
среде,
утишилось
и само
отношение людей —
почитателей
поэта — к нему.
Началось
утоление:
талант
Николая Рубцова,
как родной
пронзительный
всполох,
затрепетал и,
золотея,
ровно
засветился...

250

СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Философ думает. Поэт страдает. Пахарь латает рубаху. Сталевар не в силах понять: куда деваются моря пламенного железа? Трактор есть, а молока детишкам не хватает. Танки и корабли есть, а границы постоянно требуют зоркости. Философ размышляет, сопоставляет, накладывает эпоху на эпоху, политик изучает ситуацию, правитель принимает меры. А у поэта что? Поэт страдает, видя плохо одетого пахаря, недокормленных его детей. Страдает, видя длинную очередь если не за продуктами, то за водкой.

Поэту, наверное, тяжелее всех, никто за него не скажет:

Тихая моя родина!

Ивы, река, соловьи...

Мать моя здесь похоронена

В детские годы мои.

— *Где же погост? Вы не видели?*

Сам я найти не могу.

Тихо ответили жители:

— *Это на том берегу.*

Поэт разговаривает с самим собою. Ищет. Не находит. Опять страдает.

Николай Рубцов — ярко один. Одиночество думающего, одиночество страдающего горит, как тот дорожный свет, над его коротким заботливым творчеством, напоминающим северную церковь со всеми положенными ей селами и городами.

Но это «на том берегу», как ответили люди. Между поэтом и народом такая река непонимания!.. Мы наелись революциями. Наелись войнами. Нагоревались могилами.

Тачанка Революции остановилась. Кони в пене. Анка-пулеметчица — бездетная вдова... Лихие рубаки растворились в степных травах и стинули в скифских курганах. Что же случилось? Что же случилось?

Только ли Николай Рубцов задумался? Задумалось прежде всего его поколение. А поколение задумалось потому, что уже давно, давно задумались деды и отцы: куда скакала тачанка? Почему у Анки, храброй и красивой, детей на свете не осталось? Зачем в России так много одиноких братских могил? Братский труд — понятно. Братская песня — понятно. Но братская могила? А их у нас — сотни, тысячи. А туруханские могилы? А калмыцкие могилы? И тоже братские, братские.

Вот и — глохнет жизнь под небом оловянным. И лишь почтовый трактор хлопотливо туда-сюда мотается... А ныне в знакомом «грязном бездорожье» и трактор не нужен. Деревня вымерла. Она сперва постарела, ссутулилась, ослепла и замолкла: могил много, особенно братских!.. А древние погосты, обычные погосты, и прибрать некому. Сиротские погосты. Ничьи.

Поэт Николай Рубцов напоминает мне честного печника, кладущего печь. Каждый кирпич поднят и «пригнан» с крестьянским терпением, ладом и тайной мечтой: вот затрещит лучина, загудят своды, потеплеет в доме, испарится иней с бревен и рам, послышится в горнице речь, русская, не охрипшая от холода, голода и заварухи.

Лишь наивно оценивавший прошлое критик утверждает «независимую, подспудную» способность Николая Рубцова — не впасть в «совриторику», в скудобоку, худоробрую трибунищину и лозунговость. Талант поэта не бывает независимым от времени, истории, событий. А способность поэта, да еще такого, полесному настороженного, как Николай Рубцов, вся в шелесте, в шорохе, в гроте дня.

Чуткий, музыкальный, медленно смежающий веки, как мудрый токующий глухарь, — поэт Николай Рубцов! Да, Рубцов. Николай Рубцов среди нас, поющий — очень думающий, декламирующий — очень думающий, спорящий — очень думающий, даже когда смеялся — думал... Гитара его не долбила по нервам, не изнывала, а тревожно вводила к памяти, к лугу, к погосту, к реке, где за туманом еще помигивал парходик детства и надежды. Голос, жесты поэта чуть притормаживались, как будто чего-то немножко опасались, и потом обретали ритм, свойство общения.

Вернувшись из-за морей, отштормившая юность поэта расширенными глазами, полными слез признания, слез разлуки, как бы заново «осела», вникла, внедрилась, выплакалась в родной край, вологодские деревни, села и города. Даже холмы и взгорья Вологодчины, как живые, она взяла на руки, тяжело подержала, показала народу и принесла их в Москву.

Николай Рубцов — редкий поэт. Тончайшие, почти еще блестящие, лишь еле-еле проносящиеся в душе и в голове наития, ощущения, сомнения, завязи догадок и порывов он умело закреплял, соединял в хрупкий многозначный рисунок, наслаивал на этот рисунок робкую, почти неуловимую подтекстовую вязь, дополнял, наделял острыми приметам и под сердцем, наедине со своими страстями и муками окрыленного вдохновения, лепил образ, и музыка находила музыку, дума находила думу:

Взбегу на холм

и упаду в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!

И вдруг картины грозного раздора

Я в этот миг увижу наяву.

Пустынный свет на звездных берегах

И вереницы птиц твоих, Россия,

Затмит на миг

В крови и жемчугах

Тупой башмак скуластого Батяя...

Но это первая часть стихотворения, вводно-общая. Хотя и тут двуединое упоминание через «из дола»: «И древностью повеет вдруг из дола! И вдруг картины грозного раздора» — «вдруг» и снова «вдруг», на весьма маленькой «площадке», есть динамит поэта, магия взрыва.

А вторая часть?

Россия, Русь — куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот их у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов

в окрестностях России.

Николай Рубцов бывает предельно жестоким в стихах, но не жестокостью человека, а жестокостью бессонного мастерства, жестокостью кары призвания. Ведь призвание карает поэта священной ревнивостью непокая! Смотрите:

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на дугу
Траву жуят стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит это медленное ржанье,
И надо мной —

бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

Третья часть стихотворения. Но опять кресты, кресты! Опять «вдруг вижу», опять трава, кони жуют, эхо, домашнее почти, и выход, внезапный, огромный, вечный, с молниеподобным звуком: «бессмертных звезд Руси, спокойных звезд безбрежное мерцанье», физически «з» мерцает, звезда всходит из молитвы, из бездонья, из вечности, обнимающей Россию и нас.

К Пушкину, Лермонтову, Тютчеву, Некрасову, Блоку, Есенину пришел поэт от рубленно-пролетарского:

Забрызгана

крупно

и рубка,

и рында...

Будучи глубоким, с космическим воображением поэтом, Николай Рубцов нигде, ни в одной строке не омрачил великую тайну властной красоты мироздания грубым несогласием с нею, с тем, что пронизательный осязает, талантливый чувствует, гений пророчит: он был сам тайной, сам был красивым, сам был вечным...

Среднего роста. Худой. Небольшое, чуть удлиненное лицо. Глаза небольшие. Умные. Фиксирующие все. Высокий лоб, незаметно переходящий в лысину. Клетчатая рубашка. Неопределенного рисунка и цвета костюм. Темное пальто, легкое, осеннее. Кепка. Потрепанные ботинки, узконосые... Серо-белый шарф на шее. Голос глуховатый. Слова редкие. Больше молчит, чем

беседует. Иногда поет под гитару. Но поет редко. Гитара — фон для растяжного чтения своих стихов. Любит слушать чужие стихи. Никогда не критикует. Молчит.

Таким я его помню. Таким я пишу. Кто знает другого — пусть даст другой портрет. В доме Литературного института — общезжитие — невозможно долго сохранить хорошее или плохое настроение. Гости идут, едут. Знакомых уйма. Гениев некуда девать... Встречи ежедневные, если не за столом, так на кухне, если не на кухне, так в аудитории.

Но гении богаты и надменны. Гении известны. Николай Рубцов в «гениях» не ходил, но студенты института и слушатели Высших литературных курсов, уважающие поэзию, ценили Рубцова.

Даже через много лет я и покойный ныне прозаик Иван Акулов «подключились» к Виктору Астафьеву:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Поскрипывали переделкинские сосны. Потрескивал в ночи мороз. Седой фронтовик пел нежные строки Рубцова. Что-то трагическое заложено в них от всех нас, переживших кровавые смуты коллективизации, индустриализации, блокады и войны.

Трагично то, что рядовой смысл, вложенный Рубцовым в слова, казался нам, огрубевшим призывами и заветами «корифеев», нам, приученным работать и работать, воевать и воевать, слишком размягчающим:

*Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.*

Но не личная безвыходность, не зимняя морозная ночь вползала в окно, когда пел Виктор Астафьев, а великая боль великого, обреченного на нищету и братские могилы народа. Так это было. За «Матушка возьмет ведро, молча принесет воды...» стояли револьверная Лубянка, барачная Магнитка, стоял сражающийся Сталинград, стояла родная Россия, а пел ее седой воин.

Николая Рубцова признали не критики и не сильные мира сего, нет, его признали одноклассники, ровесники, близкие и дальние друзья, так же бедно одетые, как и он, так же безденежно «счастливые», как безденежно «счастлив» был он. А это признание — лучшее и самое надежное признание среди общих признаний столицы.

Его стихи-песни до их публикации шли, ехали, летели по России не через «телерадио», а через память, через душу людей. Не было в его стихах-песнях ни наглой бравады, ни тюремного заблатнения, ни расхристанного обвинительства, ни хулиганской прыти — держите меня! Не было. А была русская печаль. Русская доля. Русская тоска по свету в пути...

Незлобивый, немстительный, но иногда дерзковатый, он был окружен посильным вниманием друзей, сам берег дружбу, не терял чистого человека, если даже и что-то произойдет — недо-разумение, вспышка, — не терял.

Однажды я, поэт из Астрахани Николай Ваганов и Григорий Коновалов, прозаик из Саратова, допоздна засиделись в общези-тии Литинститута. У Коновалова запретили роман «Истоки», набранный в журнале «Волга», а Николай Ваганов по разным делам задержался в Москве. Засиделись мы в «гостиничной» комнате у Коновалова, куда зашел и Рубцов.

Стихи, привычки, проделки поэтов, трагические их судьбы — все имело место в разговоре. Несколько увлеченный беседой, Николай Рубцов попросил Ваганова почитать что-нибудь свое. Тот начал читать. Читал монотонно, но достойно. Стихи о Волге, о молодости. Но Николай Рубцов нервно вскочил:

— Графоман!

— Что? — растерялся я.

— Графоман!

Я дернул его за плечо. Рубцов быстро встряхнулся, смутился и тихо извинился. Так тихо и нежно, что беседа не нарушилась, не уткнулась в обиду, а потекла еще искреннее и обоюднее, к чему позже возвращался Григорий Коновалов: «Ну и ну!..»

Воспитанный на бедности и на доброте, мальчик Рубцов, безусловно, тянулся к совестливой, защитительной нашей клас-сике, и это запало в его поведение, в его нравственную натуру. Кое-кто, смакуя, рассуждает о разных «приключениях» и «вы-ходках» молодого поэта. Но, как я вижу, его «приключения» и «выходки» — излишек доброты, излишек энергии.

Вот он собрал все портреты классиков из залов общежития и со «вкусом» разместил их в своей комнате: общается с ними.

Вот он, худой и невысокий, дерется один в фойе Дома литера-торов с девятью милиционерами, катается, мелькает, как хок-кейная шайба, сшибает их и считает: «Раз! Два! Три! Четыре! Пять!..» — Досчитал до девяти — замер. Милиционеры, крас-ные от восхищения, качают его и на ладонях бережно уносят в кутузку... Чуть. Сплетни. Банальная молва о поэте.

Мелкие «спектакли» его смешны, аккуратны и симпатичны. Как-то, улетая в Челябинск, я отдал ему ключ от комнаты. Мы, слушатели Высших литературных курсов, имели на каждого отдельную комнату, чем вызывали к себе торжественные пре-тензии юных студентов. Николай Рубцов, не сомневаюсь, «специ-ально» не сдавал экзамены то по одному, то по другому предме-ту: нужна была ему столица, а как в ней подольше задержаться, где найти крышу, если ни денег, ни богатых родственников?..

Возвращаюсь. Поднимаюсь лифтом на седьмой этаж — в моей комнате песня. Первый голос, низкий, буревой, атаманский, — донской поэт Борис Куликов басит. Второй голос, повыше, поубо-ристее, — донской поэт Борис Примеров помогает. Третий голос, неуверенный, но очень дружеский, силоватый, — Николай Руб-цов поддерживает:

На переднем Стенька Разин

С молодой сидит княжной...

Хор запнулся на рефрене «Грянем, братцы, удадут!».. Княжну утопили... Посудачили. Обменялись новостями. Примеров лег отдыхать. Куликов и Рубцов удалились куда-то. Часам к одиннадцати вечера открывает дверь Рубцов: «Валь, включи свет!».. Поднимаюсь. Включаю: «Ложись, Коля!» Коля серьезно интересуется: «А кто вон тот, на диване?» Отвечаю: мол, Борис Примеров. Рубцов разобиженно вскрикивает: «Не лягу спать я рядом с этим пьяницей!»

Но раздевается. Ложится. Утром увеличиваем вчерашние «концерты», хохочем, радуемся молодости, простому солнечному дню. Ведь не был же никогда Примеров пьяницей. Не был никогда и Рубцов неуправляемо привередливым среди друзей. А что это? Это мелкая проделка поэтов. Это то, чем отличаются несерьезные поэты от серьезных чиновников.

Разумеется, поэт Николай Рубцов мог и поколечее покуролесить, уставая от безденежья, от клановости газет и журналов, от «волчьего» круга, по коему гонят у нас молодых литераторов до тех пор, пока они не восстанут или не погибнут. Погиб Дмитрий Блынский. Погиб Николай Анциферов. Погиб Иван Харабаров. Погиб Вячеслав Богданов. Им легче — похоронили. А сколько их спилось, угасло в кошмарах и нищете?

Смерть Николая Гумилева, Александра Блока, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Николая Клюева, Павла Васильева, Бориса Корнилова, Дмитрия Кедрина, Павла Шубина, Алексея Недогонова — невыносимость социального мрака, подозрительность и нетерпимость вельмож, необъективность и ревностная жестокость исполнителей гнусных сатраповских приказов и повелеваний.

Нельзя облыжно чернить прошлое, нельзя. Чернить годы подъема? Чернить годы романтики? Чернить поколения, прочные целью и здоровьем? Но что-то нас заставляет содрогаться...

Николай Рубцов рано понял трагедию народа, трагедию России, трагедию напололам разорванного времени... И «на том берегу» у него осталось многое: Кольцов, Никитин, Суриков, Дрожжин; не говоря уже о Некрасове:

*Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой,—
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!*

*Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.*

*И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.*

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

Николай Рубцов — весь в этом стихотворении: чуть лукавый, озорновато добрый и потрясенно печальный от наших русских свар, небрежения, забывчивого колоссального равнодушия. Но он не обрушивается на человека, на простых людей вину, не топчет их «батыевым башмаком», как некоторые наши лидеры и литераторы, увешанные золотыми дешевыми значками. Поэт знает, кто правил кровавыми маскарадами...

Сергей Есенин физически предчувствовал разорение России, угнетение ее народов, а Николай Рубцов воочию натолкнулся на разграбленные пашни, на отравленные родники, на кукурузную авантюру Хрущева, на колымских рабов, беззубых и опалых от цинги и недоедания на каторгах. Натолкнулся, выйдя в море и в мир, как все мы, оптимистом:

Подумаешь,
рыба!
Треске
мелюзговой

Язвил я:
— Попалась уже?

На встречные
злые
суда без улова

Кричал я:
— Эй, вы!
На барже!

Но кто выиграл? Колымчане — без улова? Мы — на кукурузной вакханалии? Кто? Гадаем...

Николай Рубцов лишился в детстве материнской ласки и отцовской опеки. За его легкими шаловливостями не замолкал крик одинокого самозащищающегося юнца, честного, строптиво-безгрешного. Задибался он куражисто, с ленцой и ворчливо, как ветхий дед.

А ненасытная боль по дому, по матери, по отцу звенела в груди, не давала остынуть чувствам, жгла обидой за сорванные в голодную детдомовскую тьму сказки и веселые праздники. Потому в расставании с близкой женщиной, возвратившей ему утраченный в детстве уют, он терзается, тяжело признается, осознавая:

И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня.

Николай Рубцов — опрятный поэт. Как все русские поэты, он

стыдливо умалчивает о том, чему нет имени в отношениях мужчины и женщины, нет названия, а есть что-то чудесное, ответственное! Нежность, искренность, природность, абсолютная доверительность, даже молитвенность — наша, русская, в нем, наша, тысячелетняя, национальная, как есть и будет у другого народа, — своя, коренная, определенная, понятная человеку:

*В медведя выстрелил лесник.
Могучий зверь к сосне приник.
Застряла дробь в лохматом теле.
Глаза медведя слез полны:
За что его убить хотели?
Медведь не чувствовал вины!
Домой отправился медведь,
Чтоб горько дома пореветь...*

Куда раненый медведь отправился: в чащобу, в овраг, в тайгу? Нет. Домой. Опять «домой», опять тоска детства, тоска бесприютства, желание материнского родного покоя. Поэты — люди, как бы «простреливающие» прожитые годы каплями крови, красными ливнями памяти, потому они — поэты.

После Высших литературных курсов я уехал в Саратов и вел поэтическую редакцию нового журнала «Волга». Естественно, стихи Николая Рубцова появились на страницах журнала. Появилась со временем и рецензия на его книгу «Звезда полей»...

Теперь многие охотно пишут о Рубцове. Многие — по праву и по убеждению. Но есть и такие, кто мог бы написать о нем тогда, когда его не печатали, когда о нем не говорили. Есть. Корить их мы не должны. За что их корить? Но забывать это нам тоже не положено.

Да, теперь и Николай Рубцов «на том берегу», и если прищуриться, увидишь: Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Федор Тютчев, Николай Некрасов, Александр Блок, в элегантных фраках, мундирах, шляпах, с тросточками... Прохаживаются по берегу. За ними — Маяковский, то в желтой кофте, то в шляпе. За ними — Есенин, то в шляпе, то в косоворотке...

А Рубцов? Рубцов, еще вихрастей, с расширенными зрачками, скачет по опустелым весям России, скачет, взрослеет, думает, принимает, сомневается, благодарит:

*Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя.*

Мы озлобились. Вкатились на «отремонтированных тачанках» на писательские пленумы и съезды. После переключки сторон — длинная и нудная их перестрелка взаимными недомогательными претензиями на истину... Мы завязли в тине, в рутине, в песке аралов и в гари черныбылей. Ссоримся. Делимся. Негодуем.

Поэт, закомплексованный только на тоске, погибнет. Поэт, закомплексованный только на «счастье», погибнет. Поэту нужна огромная страна, охватная жизнь, где всякому существу — место... Место — всякому непримитивному чувству.

В Рубцове звенела щедрая «амплитуда» колебания его душевного состояния. От тоски и непроглядной мглы она двигалась к светлому тону, склонялась к веселости, к иронии, к юмору. И «тот берег», и «этот берег», берега человеческой обыденности, поддерживали поэта.

Сочетание в слове и в чувстве, в образе и повествовании реального и сказочного, грустного и радостного, завидное умение владеть гаммой смены ощущений, сторонней улетучивающейся их туманностью — признак большого таланта. Уверен, потвори Николай Рубцов еще пять, десять лет — мы получили бы поэмы, получили бы прозу. Подтверждение тому — балладно-эпическая «походка» некоторых его стихотворений, блестяще исполненные им диалоги, свободное течение сюжетных линий.

Вологодчина, северное русское откровение породили и вырастили поэта. Он явился вовремя, без опозданий. Явился, услышав: России нужен врачующий есенинский голос, голос иного поколения, иного прозрения. Но Рубцов, как Есенин, неотторжим сутью своей от природы России, от ее нрава и песни:

*Привет, Россия — родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...*

*Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.*

Я сильным был, предупреждает поэт. Сильным он явился в этот жестокий мир. Сильный голос принес он России.

Николай Рубцов помыкался по морям и океанам, настоящим и житейским, поскитался по кораблям и заводам. Искал себе уголок, судьбу искал.

«Женщины, как мне кажется, — сожалеет рязанец Борис Шишаев, — ни на каплю не понимали Николая. Они пели ему дифирамбы, с ласковой жалостью крутились вокруг, но, когда он тянулся к ним всей душой, они пугались и отталкивали его. Во всяком случае, те, которых я видел рядом с ним. Николай злился на это непонимание и терял равновесие».

Не спорю. Но, думаю, Рубцова больше злил и печалил общий «климат» семьи. На сто свадеб восемьдесят разводов — такова кое-где статистика уже и тех лет. Семью мы разучились беречь. Детей мы разучились рожать. А без детей жена вольная, муж еще вольнее!

Получив как-то от Рубцова бандероль, я обнаружил чужие стихи. Но объяснила его записка: «Валь, напечатай пару штук, она добрая баба!» Она, «добрая», поспособствовала ему умереть...

Обычный человек чует беду и смерть, а такой, как Николай Рубцов, несколько раз «явно» «переживает», «перечувствует» их мощным галактическим воображением, и не зря гибель крупного поэта всегда «результат» его предреканий, не зря.

Трагическая кончина нескольких сверстников Рубцова была обусловлена их «предчувствиями», даже не покорными соглашениями жертв со своими «предчувствиями», как некоторые формулируют, а была она обусловлена несправедливым, исковерканным, искореженным ходом жизни, обиранием трудящегося, забвением его традиций, традиций народа, опустошением человеческого обитания.

Возможно ли беспечно расти и развиваться ребенку, юноше, парню там, где на каждой версте братская могила, где на каждой разоренной и уничтоженной хуторской улице кирпично-мраморный столбик — список убитых войной соседей; как правило, почти все мужчины — убитые.

В такой «мирной» атмосфере рос и развивался неподкупный поэт, сын измученной России.

Николай Рубцов родился 3 января 1936 года, но не в селе Никольском, как сообщает Сергей Викулов, а в поселке Емецк Архангельской области. Осиротев, попал в детдом при селе Никольском на Вологодчине. Вологодчина выкормила мальчика, подняла поэта. Вологда хоронила его. Вологда поставила ему памятник. Николай Михайлович Рубцов прожил недолго — тридцать пять лет, девятнадцатого января 1971 года его не стало.

Помню, перед отъездом в Вологду он заглянул ко мне. Туда-сюда, пора и прощаться. Обнялись. Сухой, жилистый, он настолько показался мне «невесомым», что я осторожно спросил:

- Здоровье ничего?
- Ничего, устал я. Обещают квартиру. Женюсь.
- Ты такой легкий, Коля, как лист.
- А я лист и есть...

Осень. На тротуарах стаями шевелились и двигались тополиные листья. Чуть влажные, они серебрились и, подхваченные набегающим ветром, кружились, уносились, мелькали. Гонимые души...

Сколько их, зеленых и упругих, оттрепетало в майских ливнях, отколыхалось в июльских грозах? А теперь они опали, чуть помрачнели и улетают далеко-далеко, улетают от родных корней и улиц. Кто их сосчитает? Кто их задержит?

Электричка моя, как будильник, постукивала по рельсам. Я возвращался из Москвы в Домодедово, размышляя о скитаниях русских поэтов. Нигде им не припасено покоя. Рубцов надеется получить квартиру в Вологде. Я с семьей мыкаюсь в полуподвальной — домодедовской, тратя на поездки около четырех часов...

Электричка стучит. Яркий осенний свет падает на поля и холмы. Грустные ивы склоняются над воскресшими ручейками. Пламенеет и серебрится Пахра. И стаи золотисто-серебряных листьев стучатся в окно, стучатся в окно вагона.

Вот еще совсем, совсем свежий, наверно, еще тугой, тугой

и теплый, прижался щекой к стеклу, приник, задержался, перевернулся, сверкнул и канул в бездну света, в бездну рокота, в бездну простора, в серебряный, инистый туман сумерек. Гонимая душа. И не о ней ли:

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времен...*

Зимний морозный день. Жуткий звонок из Вологды. Виктор Коротяев, задыхаясь и плача, пытается выговорить: «Коля по-огиб, Рубцов по-огиб!..»

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

ВОЛОГОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ
*Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой,
И городская панорама
Открыта вся передо мной.
Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всем таинственном величье
Своей глубокой старины.*

*Там, за рекою, свалка бревен,
Подъемный крап, гора песка,
И торопливо — час не ровен! —
Полощут женщины с мостка
Свое белье, — полны до края
Корзины этого добра,
А мимо, волны нагоняя,
Летят и воют катера.*

*Сады. Желтеющие зданья
Меж зеленеющих садов
И темный, будто из преданья,
Квартал дряхлеющих дворов,
Архитектурный чей-то опус,
Среди квартала... Дым густой...
И третий, кажется, автобус
Бежит по линии шестой.*

Где строят мост, где роют яму,
Везде при этом крик ворон,
И обрывает панораму
Невозмутимый небосклон.
Кончаясь лишь на этом склоне,
Видны повсюду тополя,
И там, светясь, в тумане тонет
Глава безмолвного кремля...

ШУМИТ КАТУНЬ

...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке сиделся я на камень
И все глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной
И кто-то древний клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...

Катунь, Катунь — свирепая река!
Поет она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы,—
Они топтали эти берега!

И Чингис-хана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И черный дым летел за перевалы,
К стоянкам светлых русских деревень...

Все поглотил столетний темный зев!
И все в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом,—
Она не может успокоить гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные айлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...

==

В жарком тумане дня
Сонный встряхнем фиорд!
— Эй, капитан! Меня
Первым прими на борт!

Плыть, плыть, плыть
Мимо родной ветлы,
Мимо зовущих нас
Милых сиротских глаз...

Рисунок ВИТАЛИЯ РУСИЧА

Если умру — по мне
Не зажигай огня!
Весть передай родне
И посети меня.

Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест...
Каждому на Руси
Памятник или крест.
Плыть, плыть, плыть...

ИДЕТ ПРОЦЕССИЯ

Идет процессия за гробом.
Долга дорога в полверсты.
На ветхом кладбище — сугробы,
И в них увязшие кресты.

И длится, длится поневоле
Тяжелых мыслей череда,
И только слышно, как над полем
Негромко стонут провода.

Трещат крещенские морозы.
Идет народ... Все глубже снег...
Все величавее березы...
Все ближе к месту человек.

Он в ласках мира, в бурях века
Достоин дожил до седин.
И вот... хоронят человека...
— Снимите шапку, граждане!

НОЧЬ НА РОДИНЕ

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений.

И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сел не слыхивали грома!
Не встрепенется ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,

И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я — бывшее не вернется!
Ну что же! Пусть хоть это остается,
Продлится пусть хотя бы этот миг,

Когда души не трогает беда
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...

ДО КОНЦА

До конца,
До тихого креста,
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой моей,
Перед жнивой,
Пасмурной и грустной,
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

ЛИСТЬЯ ОСЕННИЕ

Листья осенние
Где-то во мгле мирозданья
Видели, бедные,
Сон золотой увиданья,
Видели, сонные,
Как, натянувши поводья,
Всадник мрачнел,
Объезжая родные угодья,
Как, встрепенувшись,
Веселью он вновь предавался,—
Выстрел беспечный
В дремотных лесах раздавался!..
Ночью, как встарь,
Не слышать говорливой гармошки,—
Словно как в космосе,
Глухо в раскрытом окошке,
Глухо настолько,
Что слышно бывает, как глухо...
Это и нужно
В моем состоянии духа!

К печке остывшей
Подброшу поленьев берема,
Сладко в избе
Коротать одиночества время,
В пору полночную
В местности этой невзрачной
Сладко мне спится
На сене под крышей чердачной,
Сладко, вдыхая
Ромашковый запах ночлега,
Зябнуть порою
В предчувствии близкого снега...
Вдруг, пробудясь,
По лесам зароптали березы,
Словно сквозь дрему
Расслышали чьи-то угрозы,
Словно почувяли
Гибель живые созданья...
Вот он и кончился,
Сон золотой увяданья.

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...

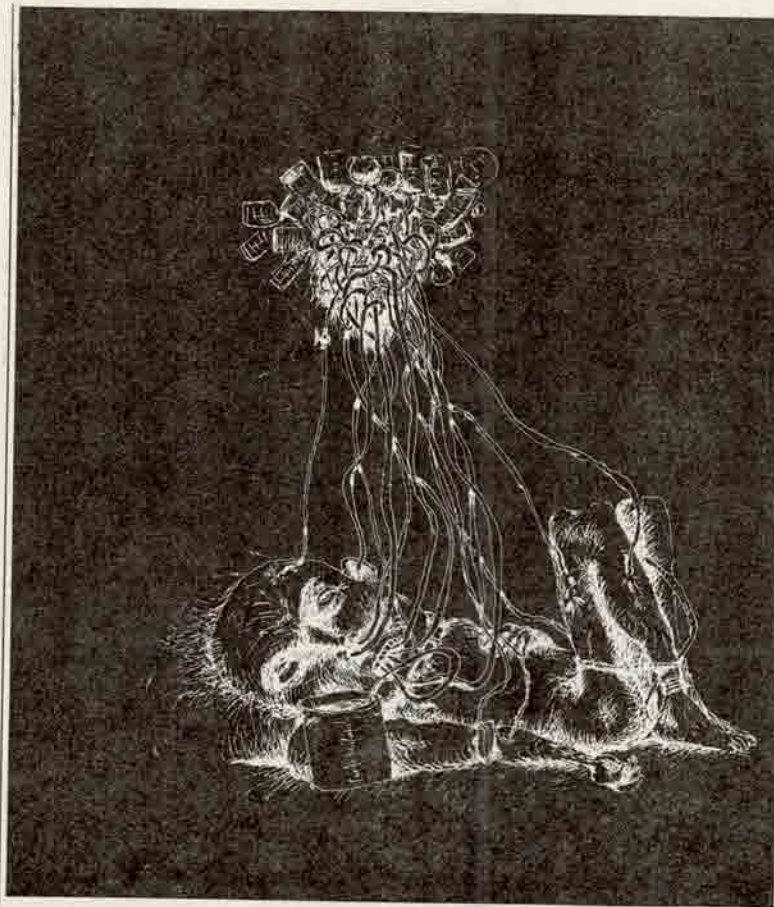
Нет, меня не порадует — что ты! —
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда,

Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои, —
Я пришел к тебе в дни непогоды,
Так изволь хоть водой напой!

Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...

Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!

«Тем же МОРЕМ..»

«Современные записки» № 13, 1922 г.

Тем же морем, от тех же, ставших неприятными, берегов России отплывали мы семнадцать лет назад; и также последним впечатлением были революция, реакция и тюрьма. Что изменилось? Ничто и многое!

В личной жизни просто — завершился круг. Не было отечества — не стало отечества. На это затрачена молодость. На смену наивным верованиям пришла мудрость житейская. Она учит... пожалуй... пожалуй, она ничему не учит. Она даже не отрицает полезности и приятности наивных верований, придающих жизни известный аромат, она добродушно узаконивает все *Salvi mortali*, которые мы так охотно и порою самоотверженно выкидываем «во имя» и «для блага», она готова предупредительно одобрить наши самые сумасбродные проекты спасения себя самого и всего рода человеческого. Она и пылких, и ленивых, и скептиков, и оптимистов делает одинаково созерцателями. И возможно, что мудростью называется легкая, неболезненная, но и не молодая усталость от жизни.

В жизни внешней, в жизни России и Европы, — опять же случилось ничто и многое. Много смертей — об этом так тяжело говорить; но... годом раньше, годом позже... стоит ли на этом останавливаться? Убивает ли старость, болезнь, голод, палач, — различия так мелки, земля так равно ко всем гостеприимна. А в самой жизни — перетасовка классов, состояний, обмен золота на бумажки, сумерки богов и заря новых идолов, великая катастрофа... кто-то наступил ногой на муравейник, а лес

«ЕДИНСТВЕННОЕ, В ЧЕМ ВИНОВАТЫ...»

Поразительный, щемяще печальный литературный документ — очерк Михаила Осоргина, как печальна и неправдоподобна была история, связанная с этим путевым очерком, и этим путешествием, и этой несправедливостью, и этой драмой русской интеллигенции...

Сколько раз слышал я эту историю в Париже — от Татьяны Алексеевны Осоргиной, вдовы писателя, — сколько раз слышал, и каждый раз задевает за живое, каждый раз бередит. Хотя, казалось бы, и не самая кровавая история из тех кровавых времен...

Случилось же следующее. В 1921 году на Россию обрушился голод, какого, пожалуй, еще не переживала наша многострадальная страна. Причины этого голода, приводимые нашими учебниками, не подлежат сомнению: засуха, последствия войны, отсталости, непрекращающейся борьбы. Учебники не упоминают еще одной причины — провала политики продрозверстки и «большого скачка». А между тем это признавал и сам Ленин: «...опыт привел нас

стоит, лес шумит, и ни один листок не шелухнулся от всеединого вопля муравьиного. Допрашивали в России, в подлежащем учреждении, одного пожилого крестьянина: «Как вы к советской власти относитесь?» — «Ничего! Пятый десяток ей служим верой и правдой». — «Как? Да ведь пять лет назад никакой советской власти и не было!» — «Как не быть, была и ране, без этого никак невозможно». Умный, по-моему, мужичок и дурачком прикинулся. В Испании высокая валюта, в Германии плохая, а в России не валюта, а просто — типографское клише. Республика Сан-Марино признана, а республика Российская не признана. Сидит дипломат в своем кабинете и думает, что по всем этим основаниям будущность Сан-Марино выше будущности России, а Испания сильнее Германии. На глазах пораженных и взволнованных народов летит вверх тормашка монарх великой державы, делает курбет в воздухе, возвращается на землю обыкновенным маленьким человеком и женится на молоденькой. После этого еще долго сотрясается земля от смутения и смущения, чего не случалось, когда падал с крыши красильщик и разбивался насмерть. Монархия, парламент, советы, охранка, чека, *polireiamt'ы*... все это очень способствует развитию и обогащению языков, но... Превосходно сознаю, что ничего нового этим не скажу, — но ведь и нет ничего нового. Для истории все это, конечно, очень важно, если важна сама история. Для моей жизни это — возврат к прочитанной книге. А для вашей?

Такими небогатыми мыслями я провожаю отплывающий бе-

к убеждению в ошибочности этого построения» (речь на съезде политпросветов 17.X.21). Троцкий тоже чуть раньше подвел итоги гражданской войны: «Мы разорили страну, чтобы разбить белых». Так или иначе, голод был страшный, помощи ждать было неоткуда, и в июне 1921 года на сельскохозяйственном съезде в Москве специалисты-общественники выбрали делегацию для посылки в Кремль. Они предлагали правительству, положение которого было довольно тяжким, действовать совместно, чтобы спасти людей от голодной смерти. Такова была старая традиция русской передовой интеллигенции, именно так действовали русские общественники во время голода 1891 года. Однако, как вы убедитесь, времена переменялись...

Видный экономист, бывший министр продовольствия С. Прокопович и почетная Екатерина Кускова через Горького обратились с предложением о сотрудничестве, и, несмотря на сопротивление некоторых из соратников Ленина (например, наркома здравоохранения (!) Семашко), предложение было принято правительством. Во Всероссийский комитет помощи голодающим, учрежденный под знаком Красного Креста, вошло несколько советских наркомов (Литвинов, Красин, Семашко, Луначарский), но основу его составили виднейшие представители русской общественности, ученые, писатели, политические деятели, артисты: президент Академии А. Карпинский, старая революционерка Вера Фигнер, С. Ольденбург, В. Ипатьев, А. Ферсман, С. Прокопович, А. Чаянов, В. Стеклов, А. Урюмов, Н. Марр, Максим Горький, К. Станиславский, А. Южин-Сумбатов, Б. Зайцев, М. Осоргин, А. Дживелегов, В. Булгаков, А. Толст... Почетным председателем стал В. Короленко. Конечно, все знали, что согласие правительства было вынужденным: Ленин писал Семашко, что у интеллигентов надо взять только «имя, подпись, пару вагонов...».

Когда «подписи» были получены (Литвинов подписал соглашение с Амери-

рег России. Куда так быстро уносит его морское течение? Эй, родина, куда уходишь и зачем? Одна из черточек моей неисправимой сентиментальности — любовь к акварельным краскам русской равнины.

К склонам крутобедрой речки, поросшим ивняком и ольхой. К золотой ниве, через которую протоптана узкая дорожка, а колос — в рост человека. К белым, маслятам и рыжикам в мягких мхах. К стаду коров, кейфующему в воде по брюхо. К душистому мятному пару первого утреннего припека на лужке меж молодых сосен и берез. К лиле цветущей, к лиловой и белой сирени, к грешной, но ласковой лени, только России присущей, к сумеркам длительным, к тени вечерней, скользящей неслышно и плавно, и ко всему, что в этой стране неимущей, хмельной, просящей и удивительной, — просто, не пышно, но акварельно, и мягко, и славно.

Все это было, есть. Все это осталось неизменным. Все это мое — все это уносится морским течением.

В эту минуту меня совершенно не интересует, что будет со мной, насильно брошенным во вторую долгую эмиграцию. Я на корме парохода. За кормой, быстро вращаясь, тянется по воде тонкий шнур измеряющего скорость аппарата. Это — обрывок нити, вчера нас связывающей. Позже я перейду на нос парохода и буду смотреть в будущее. Сейчас я думаю только о ней, о России. Она убегает вдаль, к горизонту, куда-то туда, в Азию, к опасностям. Удивительно странное чувство в душе! Словно бы, когда она тут, на глазах, — не так страшно за нее; а отпустишь ее

канской организацией помощи; от Международной организации помощи соглашения о поставках хлеба голодающим подписал Фригтоф Нансен, когда «пару вагонов» поступили, постановлением правительства (по предложению В. И. Ленина) Комитет помощи голодающим был разогнан. Сотрудничество общест-венности с правительством длилось всего шесть недель. В письме от 26 августа Ленин писал о Комитете: «сегодня же распустишь... Прокоповича сегодня же арестовать... Остальных... сегодня же выслать из Москвы... Из всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев» (В. И. Ленин. ПСС., т. 53, с. 141). Ожидали ли русские интеллигенты, что их последняя попытка помощи и сотрудничества с властями кончится именно так? Ждали и знали. Но не могли поступить иначе. Один из них резюмировал результаты деятельности Комитета: «...Свое дело сделали. Теперь погибнет 35 процентов населения голодающих районов, а не все 50 или 70...»

Власти жестоко расправлялись с Комитетом, и участники гуманистической акции ждали худшего — расстрела. Они сознавали лживый характер всех официальных обвинений в адрес Комитета. «Обвинять нас, конечно, не в чем, — писал Михаил Осоргин, — единственное, в чем виноваты — хотели сделать то, чего правители сами сделать не могут — помочь голодающим». В произведениях Осоргина можно найти исчерпывающее объяснение происшедшего:

«Несколько дней оказалось достаточно, чтобы в голодные губернии от-правилась поезда картофеля, тонны ржи, возы овощей — из центра и Сиби-ри, как в кассу общественного Комитета потекли деньги, которые не хотели давать Комитету официально. Огромная работа была произведена разбиты-ми, но еще не вполне уничтоженными кооперативами, и общественный Коми-

мыкаться по свету — все может случиться, не углядишь. А я ей не няня, как и она мне не очень любящая мать. Очень грустно в эту минуту. По-настоящему грустно.

Все-таки перехожу на нос парохода. И стараюсь, думая только о себе и своих спутниках, изгнанных из России писателях и профессорах с семьями, настроить себя на мысли добрые. Вот открывается нам Европа, хоть и больная, потрепанная в боях и классовых распрях, но все же не распавшаяся в гангрене, как бедное тело России. Европа, в которой пока еще можно дышать и работать; главное — работать. По работе мы все стосковались; хотя бы по простой возможности высказать вслух и на бумаге свою подлинную, независимую, неприкрытую боязливым цветом слов мысль. Это много, колоссально много — иметь право и возможность написать искреннюю страницу и без страха оставить ее на ночь на письменном столе! Для нас, пять лет молчавших, это — счастье. Даже если страницы этой никто не прочтет и не увидит в печати. А разыскать и перелистать любовно свой архив, оставленный за границей при возвращении в Россию — в дни перед близкой революцией! А вновь приобщиться настоящей культуре, выросшей веками, отложившейся в книжных хранилищах, в музейной величии, в том удобстве житейского обихода, о котором мы, мешочники, выучные люди, голь российская, и думать забыли! Отдохнуть от царственной полицейской длани, давящей на темя, от тупого, идиотского глаза, заглядывающего под мозговую покрывку, желающего читать мысли, еще не умея читать по-печатному! Разве не завидуют нам,

271

тет, никакой властью не облеченный, опиравшийся лишь на нравственный авторитет образовавших его лиц, посылал всюду распоряженья, которые исполнялись с готовностью и радостно всеми силами страны... Октябрьская власть должна была убить Комитет, прежде чем он разовьет работу. В Приволье погибло пять миллионов, но политическое положение было спасено» («Времена»).

Екатерина Кускова приводит мнение «одного из ведущих руководителей ВЧК»: «Вы говорите, что Комитет не сделал ни одного нелояльного шага. Это — верно. Но он являлся центром притяжения для т. н. русского общества... Этого мы не можем допустить...»

М. Осоргин и другие члены Комитета попали во внутреннюю тюрьму Лубянки, пережили там ожидание расстрела. Под давлением заграницы высшая мера была заменена высылкой в глухие места России, а чуть позже и «бессрочной ссылкой» за границу. Мера эта обсуждалась уже и раньше как способ идеологической борьбы за единство мнения. Еще в мае 1921 года в письме председателю ГПУ Дзержинскому Ленин предлагал подготовить «высылку за границу писателей и профессоров», имеющих свои собственные мнения по вопросам экономики или других областей знания. О сотрудниках журнала Русского технического общества «Экономист» Ленин писал Дзержинскому так: «Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу... Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» (ПСС., т. 54, с. 266). Для этого, конечно, предстояло провести толковую и аккуратную работу: «Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров

насиленно изгоняемым, все, кто не может выехать из России по собственной воле? Разве не справедливо подшучивают они над нашей «первой, после высшей» мерой наказания?

И правда — смешно! Да здравствуют европейские родины мыслящего и образованного человека! Слышу звонок к обеду и спускаюсь в столовую с видом уверенным и мыслями бодрими. Берега России исчезают. В столовой старики, молодежь, дети, все это — изгоняемые неизвестно за что и почему, все это — ненужные для страны элементы с общественными наклонностями и скверной привычкой к независимой мысли.

Мне очень хочется провозгласить тост за Европу, за остатки свободного духа, за предстоящий нам отдых и ждущую нас живую работу. Говорить хочется много и зло, весело, остро и иронически, чтобы создать хорошее общее настроение и расплавить в нем свои недавние темные мысли. Я беру стакан, встаю и, увидев в окно последнюю, уходящую в синеву полосу берега России, говорю внезапно и смущенно:

— Выпьем... за счастье России, которая... нас вышвырнула...

И в ответ мне — смущенное молчание и кивок тех, кто инстинктом предугадывает свое будущее, быть может, близкое чувство неразумной, несправедливой и неизбежной тоски по родине в вынужденном изгнании. Все они уезжают так впервые. Я же знал это неотвязное и глупое чувство десять лет. И с тех пор ничто не переменилось...

Волей-неволей, непременно нужно определить свое место во вселенной.

и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ» (см. там же). Что до пытки ожиданием расстрела, то она была придумана еще раньше: «расширить применение расстрела (с заменой высылки за границу)...» (В. И. Ленин. ПСС., т. 45, с. 189). Но расстрелы были тоже произведены — по делу Таганцева, по делу «о сокрытии церковных ценностей»: как тогда выражались, «уроки элементарной политической азбуки». А прочие «шпионы» были отправлены на чужбину, в «бессрочную ссылку», еще издревле считавшуюся среди людей жестоким наказанием...

Михаил Осоргин и другие интеллигенты, «соль каторжной земли», уплывали за границу. Осоргин плыл «тем же морем», потому что ему уже пришлось однажды (после 1905 года) бежать из России против своей воли. В 1916-м он рисковал вернуться, и вот снова ссылка. Он был предупрежден, что выбора у него нет, вернее, есть выбор — смерть или ссылка...

«Тем же морем»... Нетрудно представить себе степень обиды на власть и на «не очень любящую мать-родину», которую мог испытывать изгнанник. Не удивляет и фраза о том, что история все, может быть, простит большевикам, только не это...

Удивляет другое: то, как скоро он начал снова тосковать по родине. Он знал, что ему нельзя вернуться, и все же не мог не мечтать об этом, не мог не вступаться за Россию где возможно. Он не находил общего языка с эмигрантами, приплывшими до него за рубеж и считавшими, что с их изгнанием Россия кончилась. Он иступленно трудился за границей и все же с неизбежной тоской вспоминал голодные послереволюционные годы в Москве: «Наша духовная жизнь была чрезвычайно богата — или мне это кажется сейчас, по контрасту с копотью прозябания в заграничном русском рассеянии...»

Живя в Москве, думалось: хорошо бы спрятаться в какую-нибудь папуасию, где бы совершенно не было политики и социальных экспериментов. Не малодушие, а, право, нельзя на одно поколение налагать так много испытаний. Среднему человеку их не выдержать.

Но никакой папуасии не осталось на свете, или они слишком трудно достижимы. Да нет, их просто нет. Нет на свете такого места, где бы отраженные волны войн и революций не набегали на обывательский берег. И приходится поэтому определять свою позицию в условиях, данных на случайно отведенном вам судьбой участке.

В самой России ничего определить нельзя. Там заблудилась и летает какая-то шальная пуля, выпущенная октябрьским пулеметчиком, и мешает вам думать. Нет способа так жить, чтобы пуля эта вам не грозила и вас не задевала. Вы можете быть чужды всякой политике, преисполняться полнейшим равнодушием к формам правления и властвования, отринуть всякую мысль о каком-нибудь личном или общественном влиянии, соблюдать все законы, постановления, распоряжения и правила, издаваемые бесчисленными учреждениями, — и это не страхует вас ни от обвинения в контрреволюции, ни от кары за не сделанные вами прегрешения. В любую минуту на вас может обрушиться потолок. В любую ночь корявые пальцы цепкой десницы стянут вас с постели, поставят на холодный пол и, впредь до выяснения причин их собственного к вам вторжения, таким же корявым пером начнут писать очередную анкету.

273

Он в юности много лет провел за границей, обожал Италию, и все же он тосковал на Западе безысходно:

«Я чувствовал себя дома на берегах Камы и Волги, в Москве, в поездках по нашей огромной стране, на местах работы, в ссылках, даже в тюрьмах; вне России никогда не ощущал себя «дома», как бы ни свыкался со страной, с народом, с языком. Это не патриотическая чувствительность, а природная неспособность к акклиматизации. И, кстати сказать, неохота: может быть, впрочем, и гордость».

И так до последних дней — он умер во время войны, в каких-нибудь ста метрах от немецкой зоны оккупации Франции. В эти последние дни он, рискуя жизнью, писал антифашистские корреспонденции в американские газеты, пророчил русскую победу, снова писал о «духовной связи с нашей родиной, будь она нам мать или злая мачеха, — наши семейные с ней счеы никого не касаются».

...Так вот теряла «мать-мачеха» своих обожающих сыновей, уплывавших в изгнание, так она теряла цвет своей интеллигенции. Людей этих тепло приняла Чехословакия. Их приняли Сербия, Германия, Франция, США.

— Эти страны не прогадали, — говорит мне Татьяна Алексеевна Осоргина-Бакунина, уже много лет работающая в парижской Тургеневской библиотеке. — Откройте любой научный том, любой журнал синема, театра, музыки — сколько там русских имен. Да хоть библиотеки возьмите, здесь же, в Париже... В Национальной библиотеке русским отделом заведует внучка Лосского, в Славянском институте — тоже из семьи Лосского, в знаменитой библиотеке Мантерра — дочка Млякотина...

Все это потомки тех, кто плыл тогда за рубеж...

БОРИС НОСИК

Потому ли, что вы спите, потому ли, что вам не спится, еще почему-нибудь. Потому, наконец, что корявым пальцам нужна работа, что десятки тысяч охранителей полицейского государства должны кормиться, и хорошо кормиться: грязное занятие требует материальных оправданий. Следователя, которому было поручено дело по высылке представителей интеллигенции, который всех нас допрашивал о всяком вздоре, кто-то спросил: «Какие мотивы нашей высылки?» Он откровенно и мило ответил: «А черт их знает, почему они вас высылают!» В такой чепухе жить невозможно. В такой чепухе мы жили пять лет. Те, кто остались в России — живут и посейчас.

Живя в России, мы не знали России. И никто ее не знает. И знать никто не может. Очень просто: ее нет.

России цельной нет. Раньше было хоть подобие России, собрание России. Теперь есть Москва, Петербург, ближняя провинция, голодный край, железнодорожные станции и обширные, неведомые области.

Москва живет, делает политику, пишет декреты, печатает книги, высылает изо всей остальной России хлеб и людей, в обмен скудно посылая бумажные деньги и обильно — карательные отряды. Жизнь Москвы не имеет ничего общего с жизнью остальной бывшей России. Оттого, что в Саратовской губернии вымирают начисто целые уезды, — московский ресторан торгует не меньше, музыка играет не печальнее. Оттого, что в Москве решат какой-нибудь вопрос «во всероссийском масштабе», нигде и ничто существенно не изменится. То, что докатывается до провинции, преломляется, искажается и отмирает (иногда — к счастью!) в своеобразном истолковании местных властей. Нет в России ни общей политики, ни общей хозяйственной жизни, ни тени общих устремлений, ни намека на сплоченность житейских интересов. Страна с неясными границами, с несчитанным населением, неизвестно чем живущая, неизвестно куда идущая. От прежнего осталось одно: Россия, как была, так и есть, — страна великих возможностей. Но знать ее нельзя и определить ее точнее — труд, ни для кого не посильный.

274

Можно в нее верить, можно не верить, можно ее любить или ненавидеть, — но все это — по настроению, по склонности к оптимизму или пессимизму, по старым традициям, по добродушию, по злобе, по привычке, — но не по основательным мотивам, не в результате изучения и знания. Для изучения России нет даже никаких реальных возможностей. Ее придется исследовать и открывать, как новую землю, как северный полюс. Может быть, это и хорошо. Может быть, начав с азов, мы избежим в будущем прежних ошибок и грубых заблуждений.

Но если нет России, то нет и не может быть и цельного мирозерцания у русского человека, нельзя говорить и об общественной идеологии. Нельзя нам определить и место наше во вселенной. Понятно теперь, почему так мечтается о какой-нибудь папуасии, где на досуге, вдали от политических мытарств можно начать сначала... строить на пустом месте.

Зиму 1921/22 года я провел в ссылке. Сослали нас просто и хорошо: в полночь взвалили с вещами на грузовик, доставили на вокзал, втокнули нас троих с пятерыми конвойными в неотапливаемый и неосвещенный вагон с разбитыми стеклами и, наконец, отделались от неприятных людей. Выслали нас (со мной были сосланы два известных кооператора) в голодный приволжский край. В выборе места ссылки была, пожалуй, своеобразная логика: мы сослались по делу Всеросс. Комитета Помощи голодающим.

Я был выслан совершенно больным; в жару, в припадке нервных болей, — результат длительного пребывания в знаменитой «внутренней тюрьме» чеки, в сырой, зацветшей зеленью камере с замазанными стеклами, без прогулок. По болезни я был оставлен в городе, а спутники мои пробekali по морозу восьмидневный путь на розвальнях, через леса, до одного из знаменитых медвежьих углов России. Ссылка оказалась не бесполезной: мы познакомились с нынешней провинцией.

Многим ли она отличается от прежней? Лозунгами, агитлисками, новым названием старых охранных учреждений. Россия, конечно, всколыхнулась, но, всколыхнувшись, она на время замерла в прежнем молчанье. Она думает, переваривает свои открытия и свои впечатления. Она вспахана революцией, засеяна — как всегда — сорным зерном, но всходов придется еще долго ждать; быстро всходят только плевелы.

Не то заштатный городок, не то — большое село. Судьба сделала его «столицей» одной из многочисленных наших национальных республик. Жители гонят — как гнали и раньше — смолу, деготь, пихтовое масло, гнут дуги, сколачивают телеги. Много пришлого элемента — комиссары, чекисты, красноармейцы. Есть интеллигенция: врач, учитель, кооператор.

Вечером собирается этот «культурный» обыватель в квартире одного счастливица, обладателя домашнего кинематографического аппарата и — всего одной ленты. Разные были раньше, да реквизированы для нужд народного просвещения. Осталась одна, забракованная по содержанию, но случайно не реквизированная: «Встреча двух императоров».

И вот, под покровом сумерек, идут местные интеллигенты смотреть запретную ленту. Запирают накрепко двери болтами, окна — ставнями. Гостеприимный хозяин вертит ручку. На простыне, снятой с кровати и растянутой на стене, появляются дрожащие и мигающие фигурки. Быстро семят ногами, козыряя на ходу, император навстречу императору, осматривают броненосец, приветствуют толпу, закладывают первый кирпич, появляются, исчезают в сопровождении быстро бегающей свиты, поблескивают пробелы затрепанной ленты. Что это за императоры — совершенно безразлично; важно, что это — запретный плод и единственное в городе «разумное развлечение». Каждый видел эту ленту двадцать раз; и все же она сладострастно смотрится прежде, чем приступить к преферансу со скачками и азиатским счетом и к самогонке в складчину.

Контрреволюционеры? Ну какие могут быть контрреволюционеры в этой лесной дыре отечества нашего! Все на службе,

в разных совнархозах, наркомпродах, наркомюстах. И в глухой провинции вообще нет резкой политической нетерпимости, характерной для центра. Просто — провинциальные обыватели. Играл раньше доктор с исправником в карты, играет и теперь батюшка с чекистом. По директиве же из центра партнер посадит партнера. Революция кончилась, наступил быт. Ведь в сущности — только названия переменялись!

Но есть и культурные одиночки! Если им не удастся выбраться из глуши и уехать куда-нибудь к центру поближе, тогда им ничего не остается лучше, как пить «с тараканом». Берется таракан, привязывается за заднюю ножку тонкой ниточкой, а другой конец нитки — к воткнутой в стол булавке. На расстоянии длины нитки ставится рюмка водки, точнее, разбавленного наполовину спирта, или чистого, или самогонки, или денатурата — какая разница? Можно и эфира; был одеколон, пахнувший мылом, — и его пили. Не в напиток дело.

И вот ползает таракан, человек же сидит за столом. Подполз таракан к рюмке:

— С приездом!

Рюмка выпивается, новая наливается. Уполз таракан:

— С отъездом!

Снова выпивается и снова наливается.

Разумное развлечение для одинокого.

Зимние вечера проходят. Весна, разлив реки. Строят плоты, сплавляют в Волгу. Получают приказы от центрального начальства: «Ускорить отгачку леса сплавом от Казани на Нижний!» (истинный факт! был такой приказ плыть против течения!).
276
Лето приходит. Горят леса днями, неделями, месяцами. Тушить некому. Лысеют леса на сотни квадратных верст. Все, как и раньше было! Кто живет на Волге и Каме — помнит. Электрификация — хорошая кормежка для инженеров и придворных поэтов. Пока пьем с тараканом да смотрим на запретное свиданье черт его знает каких и почему — двух императоров. В России *chemin de fer* процветает, но с железными дорогами плоховато.

И вообще, право же, ничего особенного не случилось!

Вспомнить есть что, только не хочется приводить воспоминания в систему, да и трудно пока. Потому и пишу отрывками. Невозможно начинать мемуары, не отдохнув душой и не уравновесив мысли. А до этого еще далеко.

Жил в голодном краю, в столице татарской республики. В свое время она очень пострадала, и до сей поры не может оправиться от потери в людях. Трудно, впрочем, и оправиться ей, когда до последних дней продолжается в ней псовая охота на интеллигенцию. Лишь на днях, здесь, в Берлине, видел только что приехавшего, высланного за границу профессора Казанского университета.

В свое же время — в дни чехословацкого ухода — интеллигенция казанская ушла целиком. Много профессоров и сейчас остаются в Сибири, учат, издают.

Об остатках культурной жизни в Казани (или, все равно,

в другом городе) писать трудно, правильное сказать — нельзя. Ни имени нельзя назвать, ни даже охарактеризовать жизнь определенных общественных кругов. Ко всему этому у нас, на родине, просматривается недремлющее око, ко всему охранное ухо прислушивается. И можно оказать медвежью услугу, отметив какой-нибудь этап неумершей или родившейся общественности. И вот приходится говорить о делах обывательских.

Нэпа в Казани при мне не было; вряд ли и теперь он расцвел. Нэп — явление столичное, главным образом московское. А вот голод был; есть, вероятно, и сейчас.

Зима была, зима холодная. Казань, на горе среди низин, по климату город отвратительнейший, в году в среднем 72 дня с атмосферными осадками. Сквозные ветры, мразь и грязь. Вонючий Кабан, да и Казанка-река тоже хороша. Неопрятный город. Университет есть, старый, выдавший замечательных ученых (Лобачевский!) и знаменитых студентов (Толстой!). Но канализация есть.

И вот холодной зимой бродили по улицам города пришельцы из деревень. Страшные пришельцы из мертвых деревень. И всех страшнее были дети. Их привозили на телегах, а на пункте сортировали на твердых и мягоньких. Из твердых трупиков складывали нечто вроде поленницы (два — так, два — эдак), а еще мягких старались оживить до конца. На них вшивые тряпочки и обмоточки, и торчат из-под лохмотьев синие палочки: руки, ноги. Ничего ужаснее и жалче этих синих ребят с большими глазами не видал я и не увижу никогда — а видал многое! Ведут их в баню, парят синих скелетиков. Ну а дальше?

Американцы имели в Казани несколько столовых детских. Многим они помогли пережить тяжелейшие дни, но никак не мирится русское чувство с американской системой. Они правы, конечно: всем помочь невозможно, нужен выбор. И они помогают — жизнеспособным. Свидетельствует детей врач; если ребенок жизнеспособен — его будут подкармливать (насытить его чашкой какао, белой булкой и тарелкой манной каши невозможно!). А если нежизнеспособен — зачем зря отдавать ему порцию, которая может подкормить живучего ребенка. Правильно это и логично, но непонятно нам, чуждо, — не умеем мы кормить здорового ребенка за счет синего, умирающего мальчика! Непрактичны мы в вопросах милосердия и... мне вот как-то особенно дорога и мила в русском человеке эта непрактичность. Логика в ней нет, а есть какая-то высшая правда. Но это — между прочим.

И вот ходят по улицам в зимнюю стужу синие мальчики. Заходят в столовые (к тому времени открылось уже несколько ресторанчиков), стоят у дверей — провожают глазами кусок мяса на вилке в чужой рот. А потом бочком-бочком, у стенки, да ползком-ползком, под стол — собирать крошки. Как бездомные собаки. А люди за столами ничего, едят: всем не подашь.

Не подашь всем! Я как-то считал, сколько нищих подойдет ко мне на ходу, на пролете одного квартала на бойкой (Большой Проломной) улице Казани. Подошло пятнадцать. Всем не подашь!

И мало подают, хоть недорого советские бумажки. В одном только случае дают охотнее. Стоит полуголый человек у стены дома, стучит зубами, уж и просить словами не может. Потом, мало-помалу, сползает, скользит и падает синий и спокойный, загоразивая прохожим дорогу. Тогда находится добрый человек, который кладет на спавшую с замерзшего шапку дешевую советскую кредитку. И все прохожие его примеру подражают. Мертвого жалуют больше, чем живого. И лежит он, богач неожиданной, долго, так как убрать некому и некогда. Что ни день — наблюдал я эти картины минувшей зимой.

Спрашивали: неужели и правда были случаи людоедства в голодающих местностях? Не случаи, а быт, простой быт. Я выслушал много рассказов от приезжих инструкторов-кооператоров о деревенском людоедстве. Сначала страшно, а потом начинаешь понимать: все это очень просто! Трудно начало; а раз переступив роковую черту «предрассудка» — свободно ест человек человека. Сначала едят трупы. Потом приканчивают и тех, кто все равно умрет. Едят детей, едят и бабушек. Не просто едят, а варят суп, ошпаривают и варят отдельно голову, жарят бок. Едят, главным образом, родственников, но при нужде — и посторонних. И убивают. И воруют друг у друга запасы человеческого мяса. Объективно, издали, это — неопишущий ужас; иной скажет: варварство. А на месте, это — быт, естественное и мудрое разрешение продовольственного вопроса. Нужно уметь близко жизни в глаза смотреть; тогда многое поймется и примется, от чего раньше ум холодел и мурашки по спине бегали.

278

Вы, может быть, не знаете, что мы в России пропитаны духом стремления к законченности. И вот обсуждался вопрос: нужно ли отдавать таких людоедов под суд? Обсуждали это советские юристы, впрочем, обыкновенные адвокаты, спецы, совсем не коммунисты. Решили — не судить; не решение важно, а то, что этот вопрос обсуждали. Да, мы замечательные законники!

Из области голодно-судебной вспоминаю протокол следователя, производившего расследование ряда случаев каннибальства в ныне начисто вымершей деревне. В протоколе следователь (тоже законник!) писал:

«Крестьянин такой-то съел свою жену такую-то, начав с головы. Из различных частей он делал суп, который ел, не заправляя его ни крупой, ни капустой». Этот протокол был напечатан в советской газете, и отрывок я запомнил точно.

Какая аккуратность следствия! «Ни крупой, ни капустой!» Почему не прибавлено, что после супа из жены крестьянин-людоед не выпивал чашки шоколада с бисквитом и не выкуривал гаванской сигары!

Некоторых из нас, ныне невольных эмигрантов, выгнали из России, именно памятуя о нашем, на деле проявленном желании оказать помощь голодающим. Я не буду писать здесь об отныне историческом «Всер. Ком. Пом. Гол.», т. к. о нем писалось много. Но лишней раз все же скажу, что никто из нас, членов комитета, не задавался политическими заданиями. Совесть не

позволяла нам остаться зрителями в такой страшный момент народного бедствия. Нам было противно общественное пораженчество («чем хуже — тем лучше!» — сам народ виноват!). Мы себе душу ломали, соглашаясь заседать рядом с представителями власти, которым ни на минуту не верили. Нас за это поносили, и не поплатись мы тюрьмой и ссылкой — и сейчас не оставили бы в покое «принципиальные люди». Толстокожий русский умник в своей принципиальности! Но и после всего, что случилось, нет в душе ни малейшего сожаления о том, что мы не послушались «принципиальных» пораженцев. Одно жалко: что мы не продержались дольше и не смогли спасти хотя бы тысячу, хоть сотню лишнюю людей от смерти и людоедства. А для нас конец все равно был бы тем же — тюрьмой и ссылкой; на это и шли те из нас, которые ясно понимали создавшееся положение. И история, если она беспристрастна, многое простит большевикам, а этого не простит. Недаром они и по сей час (я пишу в начале ноября; см. речь Калинина от 30 октября!) считают долгом, оправдываясь, обвинять давно забытый многими комитет в «желании использовать политический момент» и прочее. Ложь! Но не стоит об этом.

О чем сказать в заключение этих разбитых страничек? Может быть, о том, как рисуется будущее? Но это значит — говорить только за себя. За себя и говорю.

Настоящее России мне рисуется пустым местом, отправной точкой. Россия в развале, а не в созидании. Все в развале — и жизнь, и мысль. Но в развале неизбежном, даже необходимом. Жалеть об этом — смешно. Мы обязаны были знать, что это случится. Плохо мы знали народ наш, да и вообще плохо понимали, что такое психология массы.

В Киеве, в начале революции, вышла книжка Журавленко «Народ на войне». По-моему, самая замечательная книжка по меньшей мере за десятилетие. Если бы мы ее прочли внимательно, много раз до революции — мы бы поняли очень многое и очень многого устрашились. Жаль, что и сейчас она многим незнакома или непонятна. Но говорю я это не потому, что о чем-то жалею. Нет, жалеть не о чем. Случилось то, что неизбежно должно было случиться. И случилось это бесповоротно в тот момент, когда загорелась европейская война. Дальнейшее все последовательно и неизбежно, как последовательно и неизбежно многое, нам впереди предстоящее и в России, и здесь, за границей.

Мы, люди старшего поколения, России возрожденной, восстановленной и свободной не увидим. В эту уверенность я не вкладываю заряда пессимизма. Мое счастье не в том, чтобы я, чтобы мы увидели Россию возрожденной и свободной, а в том, чтобы таково было ее будущее. Моя надежда в том, чтобы и я увидел ее вступившей на этот долгий и сложный очистительный путь. Но опыт прожитого должен был научить нас, что рай не создается ни политическими переворотами, ни властными декретами, не только рай, а и плохонькая «электрификация». Если мы сейчас, как все мы любим признавать, отброше-

ны в XVI век, то каким шнелъдугом мы вернемся оттуда в десятилетие?

Таково первое положение, рожденное в сознании опытом жизни.

Есть и второе, тоже внешне окрашенное пессимизмом. Мне менее всего любезно столь модное во всех сферах поругание интеллигенции и бичевание ее за слякотность и беспочвенность. Думаю даже, что пора бы выступить и на защиту ее не только исторической, но и сегодняшней роли в истории культуры русской. Но все же народ в обетованную землю поведем не мы, не пришлые вожди. Большевики — тоже интеллигенты, и типичные, и их песенка в этом отношении тоже спета. Но подпочва духа российского так глубоко вспахана революционными бурями и народ наш так научился думать и понимать, что нам со старыми нашими букварями к нему подходу больше нет. Умень он стал, народ наш, и не охоч до фребелевских песенок! Вожди у него будут, но новые, совсем новые, из его почвы выросшие. Мы ведь этого и хотели, не правда ли? Значит, жалеть не о чем. Радоваться надо.

Что они скажут, эти новые вожди, куда поведут — еще неизвестно. Одно можно и сейчас сказать, что растопчут они самым безжалостным образом много наших «святых идеалов», много картонных домиков и бисерных кошельков нашей идеологии. И разделит нас с ними не обычный овраг «отцов и детей», а глубокая пропасть «дедушек и внуков». Ибо действительно Россия строится совсем заново, совсем новая. Большевики только в том не правы, что себя причисляют к «новым». Родившаяся жизнь сметет их без остатка.

Теперь третье. Что же делать нам? Сдаться? Уныло опустить руки? Или омолодиться по методу Штейнаха и, став мышинными жеребчиками, вторить старческими голосами весенней песни молодости?

Из столкновения миров вырастает новая культура. В молодости все увлекательно, но не все право. Если мы хотим в будущем России иметь и наши наследственные черты, мы должны идти не путем приспособления, а путем борьбы. Переоценка ценностей не означает их уничтожения; она лишь беспощадно отбрасывает хлам, ценность утративший, как бы ни был он нам дорог по воспоминаниям. Но старый, испытанный, не рассыпавшийся кирпич идет на новое здание. Значит, нужен полный пересмотр, но и защита того, чего разум наш и опыт наш не отвергнут. Если сейчас, в период страшной реакции духа, может казаться, что от прежних ценностей вообще ничего не осталось, — то иное увидим мы позже, когда дух взъискующий и неудовлетворенный вернется с последней надеждой к обломкам прошлого. И тогда выявится вечное в отринутых временах истинах. Мы — посредники двух культур.

Теперь еще одно, уже совсем интимное, совсем личное. Хочется еще дальше заглянуть в будущее.

Вернемся мы или не вернемся в Россию — не важно. Могут за нас вернуться наши дети. Извечный спор прошлого с будущим не прекратится. Важно не то, что социальный рай не осуще-

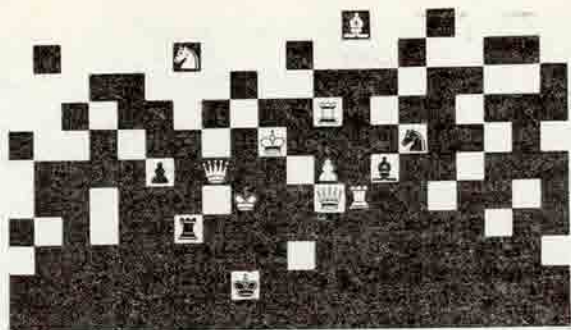
ствится на наших глазах, а то, что мы к нему ни на пядь не подвинулись. Мировая война явилась единственным прямым и недвусмысленным ответом на проповедь насифизма; кровавая деспотия — естественным завершением единодушных и искренних порывов к свободе. Палачами свободы стали сами ее проповедники. Значит, есть что-то сильнее и прямолинейнее самой возвышенной идеологии. Это что-то — зверь в человеке...

Мы, протестанты, вернемся. Но на смену нам новая революция и новая реакция выбросят новую волну протестантов. Могут измениться формы борьбы, может сама борьба стать человечнее (хотя нет для этого шансов). Повешенье сменилось расстрелом, расстрел сменится электрическим стулом. На одно только нет в мире прямого намека: на то, чтобы независимый дух где-нибудь обрел терпимую к нему родину и неприкосновенный очаг.

И пока этого нет и нигде не предвидится, пока не открыта эта Атлантида или эта папуасия, до тех пор, мы ли, другие ли, добровольно ли или в силу остракизма, — будем время от времени покидать любимые и неприятные берега, отправляясь в напрасное и нерадостное плавание... тем же морем...

АНОНС

Дорогие друзья!
По Вашим многочисленным просьбам
в 1991 году мы продолжим публикацию
романа
ДЭВИДА ЗЕЛЬЦЕРА
«ЗНАМЕНИЕ».

31 РЕШЕНИЕ ЗАДАНИЙ -й ШАХМАТНОЙ ОЛИМПИАДЫ

282

I тур

1. В. Чепижный, 1989. Мат в 2 хода. 1. Фb4! (1 балл)
2. В. Чепижный, 1989. Мат в 3 хода. 1. Фf6 c5 2. Фf7! c4 3. e8Kx, 1...cd 2. Фf8! Kр6 3. e8Фx (2 балла)

II тур

1. X. Хултберг, 1969. Мат в 3 хода. 1. Kрf7! Kd6+ 2. Kрe6, 1... Kd8+ 2. K:d8, 1...Kc5 2. Kрe8 (2 балла)
2. Т. Штудель, 1959. Мат в 3 хода. 1. Kрb6! Kf7 2. Kрc7!, 1...Cf7 2. Ld2!, 1. Kрc7? e5! (2 балла)

III тур

1. Е. Целлер, 1947. Мат в 3 хода. 1. Фb1! gh 2. Фg6!; 1. Ф:g6? — пат! (2 балла)
2. Г. Латцель, 1943. Мат в 3 хода. 1. Cg2! Lb3 2. Cc6 Kb6 3. Cb7x; 1. Cc6? Kb6! (2 балла)

IV тур

1. А. Раутанен, 1892. Мат в 3 хода. 1. Kрa3! — цугцванг!
- 1...C:b5 2. Ф:d5, 1...d4 2. Фa8, 1...Cc8 2. Фb1 (2 балла)*
2. Э. Виртанен, 1957. Мат в 3 хода. 1. Фd5! ~ 2. e7+, 1...Ke6 2. Фd6! Kc7 3. Фf6x; 1. Фd6? Ke6! — цугцванг! (2 балла)

V тур

1. И. Хук, 1950. Мат в 3 хода. 1. Ла4 — цугцванг. 1...c6 2. Kc8 c5 3. Ke7x, 1...c5 2. Cg7 c4 3. Ла5x (3 балла)
2. К. Штокман, 1952. Мат в 4 хода. 1. h7! — цугцванг. 1...d6 2. Kpg7! d5 3. h8Ф d4 4. Фa8x, 1...d5 2. Kpg8! d4 3. h8Ф de 4. Фa1x; 1. Kpg8? d6!, 1. Kpg7? d5! (3 балла)

VI тур

1. В. Шлекман, 1968. Мат в 3 хода. 1. Kрf3! ~ 2. Фa2, 1...g5! 2. Kрf2! Kpg4 3. Фf3x; 1. Kрf2? Kpg4! (2 балла)
2. В. Шлекман, 1968. Мат в 3 хода. 1. e8K+! Ф:c8 2. dc! Kрa8 3. Фb7x, 1...Kрa8 2. Фa6+ Kрb8 3. Фa7x. 1. c8C? Ф:c8 2. dc!, но 1... Фf3! 1. d8K? Ф:d8 2. cdK!, но 1...Фb4+! (3 балла)

VII тур

1. К. Юнкер, 1966. Мат в 3 хода. 1. Фd3! K:d3+ 2. Kрf1, 1... Kр:g2 2. Kf4+; 1. Kрf1? Ke4! (3 балла)
2. А. Акерблом, 1949. Мат в 3 хода. 1. Ce6! Cc2 2. Фf7 C:h7 3. Фf6x, 1...Cb3

2. Cf5 C ~ 3. Фb2x, 1...Cg4 2. Cg8 и 3. Фb2x. 1. Cg8? Cb3! 1. Cd5? Cf3! (3 балла)
VIII тур

1. Ф. Сорко, 1883. Мат в 3 хода. **1. Фc6! ~ 2. Ce7! 1... Kpg5 2. Ce7+ Kph5 3. Фe8x** (3 балла)

2. Г. Карпенгер, 1902. Мат в 4 хода. **1. Фh8! Kp:d3 2. Фb2 c3 3. Фe2+, 1...c3 2. Фh2+ Kp:d3 3. Фe2+, 1...cd 2. Фb2+ Kpd1 3. Kpe3** (4 балла)

IX тур

1. О. Немо, 1932. Мат в 3 хода. **1. Фg7! Kpd6 2. Kg4 Kpe6 3. Фd7x, 1...Kpe6 2. Kd3 Kpf5 3. Фg6x** (3 балла)

2. В. Пахман, 1963. Мат в 3 хода. **1. Лd4! ~ 2. Лd8+ Kpc7 3. Фа5x, 1...Кра8 2. Лd7 Kpb8 3. Фh8x, 1...Кра7 2. Лb4 Кра:8 3. Фа6x** (3 балла)

X тур

1. М. Шнайдер, 1935. **1. Лb4! Ke3 2. Лb5! K:b5 3. cbx;** 1. Лb5? Ce1! (3 балла)

2. В. Гальберштадт, 1938. Выигрыш. **1. c7 Лe2+ 2. Kpf6 Лe8 3. Ca4** (3. Kpf7? Лh8 4. Kpg7 Лa8 5. Cd5 Лa7!) **3...Лg8 4. Kpf7 Лh8 5. Kpg7 Лa8 6. Cc6 Лa7 7. Cd7+** (4 балла)

3. В. Гальберштадт, 1930. Выигрыш. **1. Kc6** (1. Ka6? Ca7 2. Kb4 Cb8 3. Kc6 Cd6! с ничьей) **1... Cc7 2. Kd8! Cb8!** (2... Cd6 3. Kpf5 Kpf8 4. Kpe6; 2... ch2 3. Kpf5 Kpf8 3. Ke6+ и 4. Kf4) **3. Kpf5 Kpf8 4. Kc6!** (4. Kpe6 Kpe8 5. Kc6 Cc7 с ничьей) **4...Cc7 5. Kpf6! Kpe8 6. Kpe6** — цугцванг! (5 баллов)

XI тур

1. И. Коц и К. Коккелькорн, 1861. Мат в 3 хода. **1. Kpe1 Kpd3 Фg4, 1... Kpf3 2. Фc4** (2 балла)

2. В. Гальберштадт, 1936. Выигрыш. **1. d7 Лh2+ 2. Kpg1 Лd2 3. a3!!** (3. Kpf1 Лf2+ 4. Kpe1 Лf8) **3... Kpc4 4. a4 Kpc5 5. a5 Kpc6 6. a6** и выигрывают. **1... Лd2 2. a4! Kpc4 3. a5 Kpc5 4. a6 Kpe6 5. Kpg1** и выигрывают. (3 балла)

3. В. Гальберштадт, 1931. Выигрыш. **1. Лg7 Ch6! 2. Cf3+ Kph2 3. Лg2+ (3. Лg8 Ke6!) 3...Kph3 4. Лg8 Kph4 5. Кра2!! d5 6. Kpb1 d4 7. Kpc2! d3+ 8. Kpd1 d2 9. Ce2** и выигрывают. (5 баллов)

XII тур

1. В. Бакке, 1966. Мат в 3 хода. **1. Лd5! Kp:d5 2. Kc5! Kp:c5 3. Лh5x** (3 балла)

2. Х. Алони, 1955. Ничья. **1. Ke6 d2 2. Kg7+ Kph6 3. Kpf6 d1Ф 4. Kf5+ Kph5 5. g4+ Ф:g4 6. Kg7+ Kph4 7. Kf5+ Kph5 8. Kg7+** (3 балла)

3. Л. Куббель, 1923. Ничья. **1. Ka7+ Кра4 2. Kc6! a1Ф 3. Kd4! Ф:d4 4. Лe4 Ф:e4** — пат; **3... Cd2 4. Лa6+ Ca5 5. Л:a5 Кра:a5 6. Kb3+** (4 балла)

XIII тур

1. В. Шпекман, 1965. Мат в 3 хода. **1. Cg3! ~ 2. Лf7 Kpc5 3. Лc7x, 2... Kpe6 3. Kc7x** (3 балла)

2. В. и М. Платовы, 1908. Выигрыш. **1. a8Ф+!** (1. h7? Лe1+, 1. Cg2+? Kp:a7 2. h7 Лa6+) **1... Кра:8 2. h7 Лe1+ 3. Kpd7 Лd1+ 4. Kpc7 Лc1+ 5. Cc4 Л:c4 6. Kpd7 Лd4+ 7. Kpe7 Лe4+ 8. Kpf7 Лf4+ 9. Kpg7** и выигрывают. (3 балла) При публикации ошибочно было указано задание — ничья, которая достигается различными способами. Очки за все эти ответы засчитываются.

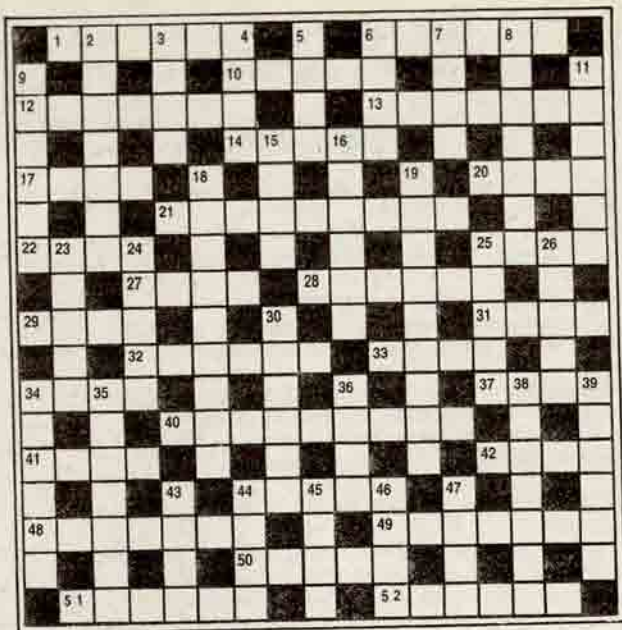
3. В. и М. Платовы, 1908. Ничья. **1. Cf3 Лc4 2. Cd5! C:d5 3. d7 Лc7 4. Kph8 Л:d7** — пат! **2... Лg4+ 3. Kpf8 C:d5 4. d7 Лg8+ 5. Kpe7 Лg7+ 6. Kpd6 Лg8 7. Kp:d5; 2... Лc1 3. Kpf8 C:d5 4. d7 Лf1+ 5. Kpe7; 2... Лc5 3. Ce6 Лa5 4. Kpf6 Лa7 5. Cc8 Kpc3 6. Kpe6 Kpd4 7. d7** (4 балла)

XIV тур

1. А. Гурвич, 1955. Выигрыш. **1. Kb5+!** (1. Kf5+? Kpc5 2. Kpd7+ Kpb4! 3. Лb8+ Кра3 4. Лa8+ Kpb2 с ничьей) **1... Kpc5! 2. Kc3! c1Ф 3. d4+! cd 4. Kpc7 ~+, Kpd4 5. Kb5+ Kpe3 6. Л:c1** (4 балла)

2. А. Гурвич, 1927. Ничья. **1. Kpg4+!** (1. Лa2? K:a2 2. Kpg4 a4 3. Kpf4 Kc3 4. Kpe3 Kb5 5. Kpd3 K:a3 6. Kpc3 Kb5+ 7. Kpb4 a3 с ничьей) **1... Kpg6 2. Л:a2 K:a2 3. Kpf4! Kpf6!** (3... Kc3 4. Kpe5! Kb5 5. Kpd5! K:a3 6. Kpc5 и 7. Kpb6) **4. Kpe4 Kpe6 5. Kpd4 Kpd6 6. Kpe4 Kpe6 7. Kpb3 Kc1+ 8. Кра4! Kpb6** — пат! (4 балла)

3. А. Гурвич, 1947. Ничья. **1. Kd2! Лd3 2. Kf1! Л:f3+ 3. Kpg2 Л:f4 4. Ke3! Лe1** (4... Лf3 5. Kg4!) **5. Kpf2 Лc1 6. Kpg2 Лe1 7. Kpf2 Лa1 8. Kpg2 Лe1** (8... Лa3? 9. Kc4+) **9. Kpf2** — позиционная ничья. (5 баллов)

ЗРУДИТ

По горизонтали:

1. Титул Луи Сен-Симона, «французского Тацита». 6. Жанр произведения, из которого М. Лермонтов взял эпитафию к поэме «Корсар», слегка изменив текст. 10. Андре Шенье в Консьержерии чай пил из кружки. Назовите материал, из которого она была сделана. 12. Русский писатель, чье Полное собрание сочинений далеко не полное. 13. Время, проводимое перелетной птицей вне родины. 14. Птица, гнездящаяся на листьях лотоса. 17. Народ, чье национальное блюдо — свинина с кнедликом и капустой. 20. Каждый из семи обитателей лесной избушки в сказке братьев Grimm «Снегурочка». 21. Эталон женской прелести в Московской Руси. 22. Плод, возможное «яблоко раздора». 25. Река в Северной Америке, морские приливы по которой распространяются вверх на 160 километров. 27. Город, где В. Соловьев начал писать знаменитый диалог «София». 28. «Английский...» — книга, упоминаемая в первой части (вторая глава) поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». 29. Бурятский хоровод. В древности его исполняли по случаю удачной охоты. 31. Мысль, понятие. Первые фазы в продвижении: вера, интуиция. 32. Думный дьяк, ведавший при Петре I тремя приказами — Иноземским, Рейтарским и Пушкарским. 33. Инструмент, чемпионом игры на котором в международных соревнованиях 1968 года стал Юрий Вострелов. 34. Русский поэт, до безумия любивший творчество Э. По. 37. Знак на книге: дельфин, обвивающий якорь (имя первоиздателя). 40. Английский батист, известный

В. Маяковскому. 41. Даллия, максинонг или умбра (суть). 42. Чувство, которое выражал «туманный, неподвижный взор» молодой девы в поэме А. Пушкина «Кавказский пленник». 43. Крестьянин в древней Руси, получивший ссуду и попавший в зависимость от землевладельца. 44. Излюбленная одежда древнегреческих философов. 45. Первооткрыватель серийной додекафонии. 46. «Березовая каша». 47. «Психологическая миниатюра» у Е. Баратынского (по И. Киреевскому). 48. Остров, где монастырская ферма во второй половине XVII века слыла самой механизированной в России.

По вертикали:

2. Тенор, певший в первых советских операх «Сын солнца» С. Василенко и «Прорыв» С. Потоцкого. 3. Другое название римского динария. 4. Автор серии офортов «Капричос». 5. Хлеб насущный и наставник духовный грузинского крестьянина во все времена. 6. Одомашненный шиповник. 7. Налог в Дании, включенный в цены товаров. 8. Настоящее название луговой ромашки. 9. Хитрая... (о ловкаче). 10. Непременный кустарник в барских усадьбах. 11. Сама прилипчивость. 12. Верный спутник тантала. 13. Умственное действие в йоге. 14. Русский дипломат, граф, устроивший у себя замечательную картинную галерею. 15. Пророк, на могиле которого, по мусульманским преданиям, долго вскипала кровь. 16. Византийский воин-крестьянин на востоке страны. 17. Советская пианистка, сказавшая о Лиане Исакадзе, что она получила «дар скрипичный от самого Бога». 18. Популярное животное у нартов и скифов. 19. Враг... — победа (извечное триединство). 20. Птица, упоминаемая в стихотворении Н. Языкова «Настоящее». 21. Среднеазиатский закрепитель песков. 22. Родина Сесара Вальехо. 23. Соль как продукт, нота и суть остроты в языкознании. 24. Связь между городами, древний русский символ свободы. 25. Огороженное место, где перчатки не бросают. 26. Алеет, играет, пылает, разгорается. 27. Гроза кустарников, «живой огонь». 28. Грузин, в чьем национальном костюме есть накидка из шкур. 29. Вещество, неравнодушное к алкоголям.

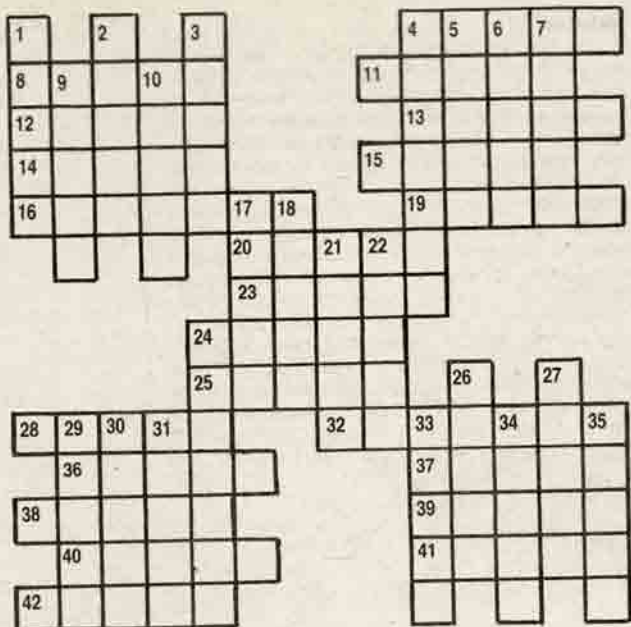
**ОТВЕТЫ
НА «ЗРУДИТ»,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7**

По горизонтали:

1. Октаэдр. 6. «Ригведа». 11. Жирар. 13. «Европеец». 14. Цирконий. 16. Монисто. 17. След. 20. Лето. 21. Джегу. 22. Снить. 23. Обжа. 26. Седи (денежная единица Ганы). 28. Леонкавалло. 29. Веряя. 31. ...мазар (кладбище). 33. Празднослов. 36. Улар. 38. Тире. 39. Ларин. 40. Шопен. 41. Ковш. 43. Ткач. 44. Экситон. 48. Черепаха. 49. Турмалин. 50. Одеон. 51. Киприда. 52. Нахлынь.

По вертикали:

2. Корреджо. 3. Арпа. 4. Джем. 5. Рицос. 6. Рационализм. 7. Ирис. 8. Веко. 9. Даннекер. 10. Бейсбол. 12. Эйфория. 15. Ргуть. 18. «Джангар» (калмыцкий эпос). 19. Ягуар. 24. Бетал (в ЮАР). 25. «Гавриилиада». 26. Секстет. 27. Декор. 30. Юниор. 31. Мункачи. 32. Задворки. 34. Линкольн. 35. Ветчина. 37. Лайка. 42. Фотон. 44. Эпюр. 45. Сход. 46. Нуна (в Буркина-Фасо). 47. Ямал.

КРОССВОРД
Составил
И. МАНЕГА,
Речица
Гомельской
области

По горизонтали:

4. Пучина, бездна. 8. Голландский порт, возникший вокруг охотничьего домика. В переводе значит «Графское огороженное место». 11. Стихотворный размер, которым написан «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели. 12. Чистая победа в дзюдо. 13. Город на острове Мэн в Великобритании. 14. Денежная единица, названная именем соратника Симона Боливара. С 1964 года чеканится в железе, плакированном медью. 15. Огнеупорный материал для кладки заводских печей. 16. Житель страны с атомной электростанцией Гравлин, самой мощной в мире. 19. Венгерский канюист, чемпион Олимпиады 1968 года. 20. Недочет в кассовой сумме из-за ошибки кассира. 23. «Женская душа, как... неисследима!» (М. Лермонтов «Преступник»). 24. Герой в романе Г. Сенкевича «Крестоносцы». 25. Самая ходовая в истории серебряная монета. Ее чеканили в Тироле с 1484 года. 28. Талисман будущих Олимпийских игр в Барселоне по имени Коби. 32. Русская пляска. 36. Самый буйный речной хищник, излюбленный в Европе объект рыбалки на спиннинг. 37. Альянс, союз. 38. Кушанье по-узбекски в песне В. Высоцкого «Патела жизнь...». 39. Название самана в испаноязычных странах. 40. Лекарственный алкалоид, впервые выделенный русским ученым Ф. Гизе в 1816 году из коры цинхоны. 41. Самая крупная ящерица. Нападает даже на диких свиней и оленей. 42. Общее название рек и озер впадины между Каспийским и Черным морями.

По вертикали:

1. Обольститель Клитемнестры, вместе с которой он убил ее мужа Агамемнона и вместе с которой сам пал от руки Ореста. 2. Сажу верхом, не ведаю на ком (загадка). 3. Одно из русских названий большой кадки (по В. Далю). 4. Имя Славоросова, одного из первых русских авиаторов, которому В. Каменский посвятил стихотворение «Танго с коровами». 5. Хмель, плющ или энтада как растение. 6. Отец Гульнар в романе Айбека «Священная кровь». 7. Морская черепаха. В ванне, сделанной из роговых щитков ее панциря, купался Нерон. 9. Приток Ориноко. 10. Кузнечный очаг с мехами и поддувалом. 17. Смешной случай, потеха. 18. Выносливость, стойкость. 21. Раньше — самоед, сейчас —... 22. Аппарат, персонал. 24. Знаменитый ученик В. Мейерхольда, бывший режиссером и художником групп «Синяя блуза». 26. «Белый медведь» китайских бамбуковых лесов, открытый в 1869 году и пойманный спустя шестьдесят восемь лет. 27. Подковка для каблука. 29. Подруга колючего зверька, еще в начале этого века забегавшего в московские дворики. 30. Персонаж в драме А. Афиногенова «Волчья тропа». 31. Ковно — Каунас, ... — Варена. 33. Тропическое дерево, чьи плоды размером с яблоко богаты витаминами и очень вкусны. 34. Город в Мали. 35. Индийский режиссер, поставивший фильм «Чиновник» по «Ревизору» Н. Гоголя.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7****По горизонтали:**

1. Новосибирск. 8. «Комсомольская». 11. Жетон. 12. Хворь. 13. Катамаран. 15. Солидол. 16. Думенко. 17. Таман. 20. Гиратор. 21. Инициал. 22. Ивняк. 23. Фабр. 24. Ояма. 26. Еркат. 28. Регтайм. 29. История. 31. Аэрон. 34. Эскалоп. 36. Аксиома. 37. Тюбетейка. 38. Чайка. 40. Сканы. 41. Архитектоника. 42. Баратынский.

По вертикали:

1. Неон. 2. Вассал. 3. Сумбава. 4. Баллада (в изначальном смысле). 5. Распад. 6. Крах. 7. Меконг. 8. Колибри. 9. Явление. 10. Прикол. 13. Контрафэгот. 14. Нумизматика. 17. Трирема. 18. Менакер. 19. Никотин. 25. Огранка. 27. Урбинка. 28. Ростан. 30. Ячень. 32. Эверест. 33. Обертон. 35. Пюпитр. 36. Акинак. 39. Араб. 40. Скай.

- Удачный дебют.
- Техника любовной игры
- Наслаждение и страх беременности
- Гармония в интимной жизни
- Профилактика бесплодия
- Как и когда рассказать про «это» детям?
- Половые извращения
- Все ли у меня нормально?

ПОЖАРИЩА

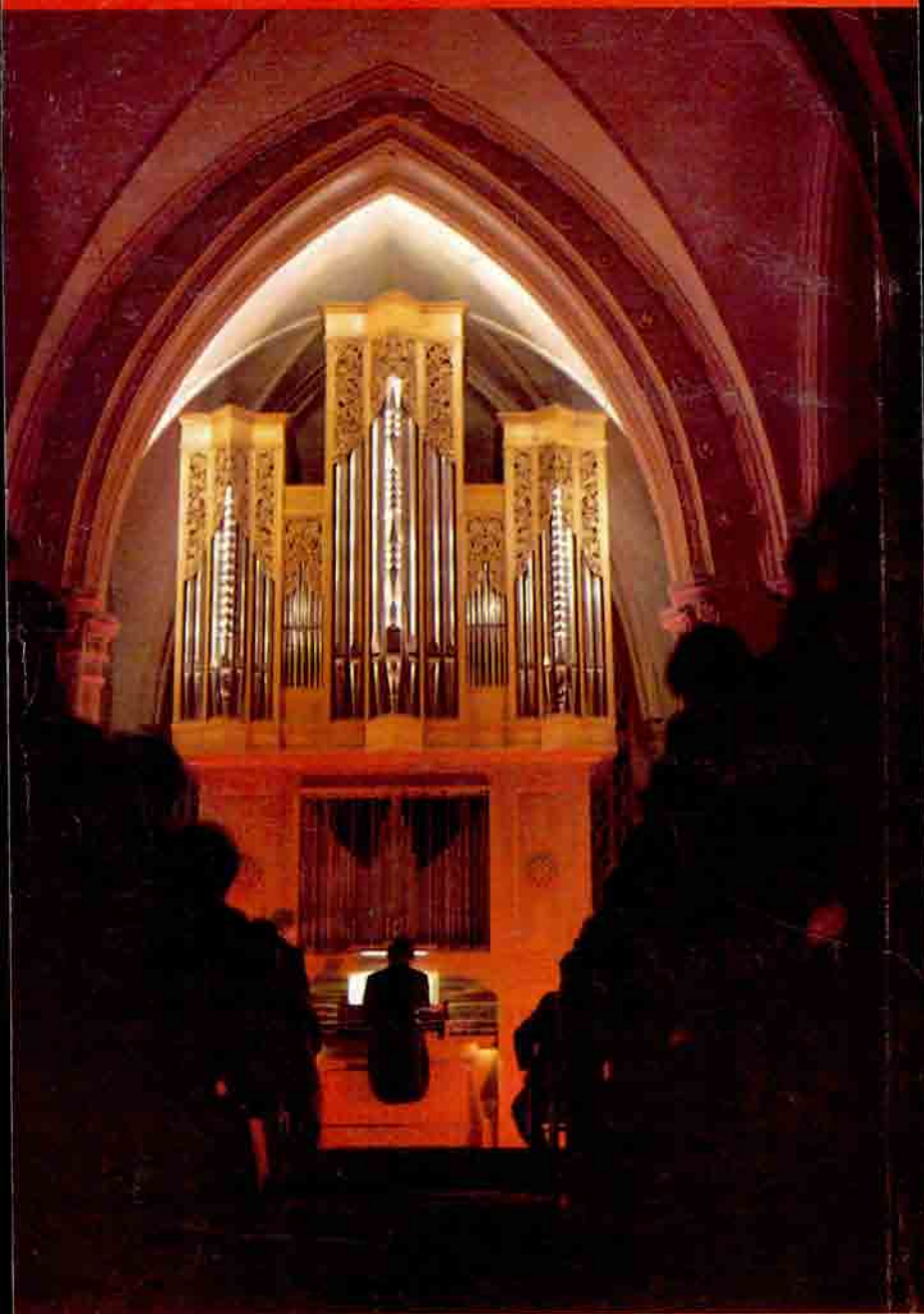
**ЦЕНТР
АНТИСПИ-
ДОВОЙ ПРО-
ПАГАНДЫ И СЕ-
КСУАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕ-
НИЯ (ЦСП) в Москве прово-
дит набор учащихся на ВСЕСО-
ЮЗНЫЕ ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ. Занятия
по шести циклам для разных возра-
стных и социальных групп. Уникальный ма-
териал для заочного обучения подготовлен ве-
дущими специалистами по вопросам сексологии,
педагогике, психологии и физиологии. Занятия плат-
ные. Стоимость обучения по циклам от 67 до 161 рубля.**

Центр готов помочь каждому!

**Подробная информация о всех циклах высылается бесплатно.
Обращаться только по почте по адресу: 129010, Москва, ЦСП.**

*Год обучения на курсах —
и ваша жизнь приобретет новые краски!*

ИНДЕКС 70820 70 коп.